

А.С. ПУШКИН

ПИСЬМА К ЖЕНЕ

Александр Сергеевич Пушкин

Письма к жене

Письма А. С. Пушкина к жене — драгоценная часть его литературно-художественного наследия, человеческие документы, соотносимые с его художественной прозой. Впервые большая их часть была опубликована (с купюрами) И. С. Тургеневым в журнале «Вестник Европы» за 1878 г. (№ 1 и 3). Часть писем (13), хранившихся в парижском архиве С. Лифаря, он выпустил фототипически (Гофман М. Л., Лифарь С. Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой: Юбилейное издание, 1837—1937. Париж, 1935).

В настоящей книге письма печатаются по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. — М; Л., 1941—1947. Т. XIV—XVI, тексты которых проверены по фотокопиям с автографов.

Инициатором настоящего издания был один из старейших членов редакционной коллегии серии Дмитрий Дмитриевич Благой (1893—1984), который работал над статьёй к этой публикации, но она осталась незавершённой.

Издание подготовила Янина Леоновна Левкович.

lenok555: Номера оригинальных сносок оставлены в fb2 для упрощения соответствия франц. и русского

текстов. Комментарии Я. Л. Левкович разнесены по соответствующим письмам и перенесены в примечания.

Содержание

1. Начало июня 1830 г. Москва	0009
2. 20 июля 1830 г. Петербург	0011
3. Около (не позднее) 29 июля 1830 г. Петербург	0014
4. 30 июля 1830 г. Петербург	0019
5. Последние числа августа 1830 г. Москва	0024
6. 9 сентября 1830 г. Болдино	0026
7. 30 сентября 1830 г. Болдино	0029
8. 11 октября 1830 г. Болдино	0034
9. Около (не позднее) 29 октября 1830 г. Болдино	0039
10. 4 ноября 1830 г. Болдино	0041
11. 18 ноября 1830 г. Болдино	0046
12. 26 ноября 1830 г. Болдино	0051
13. Около (не позднее) 1 декабря 1830 г. Платава	0057
14. 2 декабря 1830 г. Платава	0060
15. 6 декабря 1831 г. Москва	0065
16. 8 декабря 1831 г. Москва	0066
17. 10 декабря 1831 г. Москва	0070
18. Около (не позднее) 16 декабря 1831 г. Москва	0072
19. 16 декабря 1831 г. Москва	0075
20. 22 сентября 1832 г. Москва	0077
21. 25 сентября 1832 г. Москва	0080

22.	27 сентября 1832 г. Москва	0084
23.	30 сентября 1832 г. Москва	0086
24.	Около (не позднее) 3 октября 1832 г. Москва	0090
25.	20 августа 1833 г. Торжок	0093
26.	21 августа 1833 г. Павловское 1	0096
27.	26 августа 1833 г. Москва	0099
28.	27 августа 1833 г. Москва	0103
29.	2 сентября 1833 г. Нижний Новгород	0106
30.	2 сентября 1833 г. Нижний Новгород	0109
31.	8 сентября 1833 г. Казань	0113
32.	12 сентября 1833 г. Языково	0115
33.	14 сентября 1833 г. Симбирск	0118
34.	19 сентября 1833 г. Оренбург	0120
35.	2 октября 1833 г. Болдино	0123
36.	8 октября 1833 г. Болдино	0126
37.	11 октября 1833 г. Болдино	0130
38.	21 октября 1833 г. Болдино	0132
39.	30 октября 1833 г. Болдино	0136
40.	6 ноября 1833 г. Болдино	0139
41.	17 апреля 1834 г. Петербург	0142
42.	19 апреля 1834 г. Петербург	0145
43.	20 и 22 апреля 1834 г. Петербург	0148
44.	24 апреля 1834 г. Петербург	0156
45.	28 апреля 1834 г. Петербург	0157
46.	30 апреля 1834 г. Петербург	0160
47.	30 апреля 1834 г. Петербург	0162
48.	Около 5 мая 1834 г. Петербург	0165

49. 12 мая 1834 г. Петербург	0168
50. 16 мая 1834 г. Петербург	0171
51. 18 мая 1834 г. Петербург	0173
52. 26 мая 1834 г. Петербург	0176
53. 3 июня 1834 г. Петербург	0180
54. 8 июня 1834 г. Петербург	0183
55. 11 июня 1834 г. Петербург	0186
56. Около (не позднее) 19 июня 1834 г. Петербург	0191
57. 26—27 июня 1834 г. Петербург	0193
58. Около 28 июня 1834 г. Петербург	0196
59. 30 июня 1834 г. Петербург	0200
60. 11 июля 1834 г. Петербург	0203
61. Около (не позднее) 14 июля 1834 г. Петербург	0206
62. 14 июля 1834 г. Петербург	0209
63. Около (не позднее) 26 июля 1834 г. Петербург	0212
64. Около (не позднее) 30 июля 1834 г. Петербург	0215
65. 3 августа 1834 г. Петербург	0217
66. 15 и 17 сентября 1834 г. Болдино	0221
67. Около (не позднее) 25 сентября 1834 г. Болдино	0224
68. 14 сентября 1835 г. Михайловское	0227
69. 21 сентября 1835 г. Михайловское	0229
70. 25 сентября 1835 г. Тригорское	0232
71. 29 сентября 1835 г. Михайловское	0235

72. 2 октября 1835 г. Михайловское	0238
73. 4 мая 1836 г. Москва	0240
74. 6 мая 1836 г. Москва	0243
75. 10 мая 1836 г. Москва	0246
76. 11 мая 1836 г. Москва	0247
77. 14 и 16 мая 1836 г. Москва	0250
78. 18 мая 1836 г. Москва	0253
ПРИЛОЖЕНИЯ	0256
От редакции	0256
Я . Л. Левкович. Письма Пушкина к жене .	0260
Комментарии (Я . Л. Левкович)	0312
Словарь имён, упоминаемых в письмах Пушкина к жене	0315
Список сокращений	0493
Рисунки Пушкина	0501

А.С. Пушкин. Письма к жене

1. Начало июня 1830 г. Москва

(Черновое)

Me voilà dans ce Moscou¹ si triste, si ennuyeux lorsque vous n'y êtes pas. Je n'ai pas eu le courage de passer par la Nikit.<skaya>,² encore moins de venir demander des nouvelles d'Agra.<féna>.³ Vous ne saurez imaginer l'angoisse que donne votre absence, je me repens d'avoir quitté Z.<avod> — toutes mes craintes me reviennent⁴ plus vives et plus noires. Je voudrais pouvoir espérer que cette lettre ne vous trouvera plus à Z.<avod> — je compte les quarts d'heure qui me séparent de vous.

Перевод

Итак, я в Москве,¹[1] — такой печальной и скучной, когда вас там нет. У меня не хватило духу проехать по Никит.<ской>,²[2] ещё менее — пойти узнать новости у Агра.<фены>.³ [3] Вы не можете себе представить, какую тоску вызывает во мне ваше отсутствие. Я рассказываюсь в том, что покинул З.<авод> — все мои страхи возобновляются,⁴[4] ещё более силь-

ные и мрачные. Мне хотелось бы надеяться, что это письмо уже не застанет вас в 3.<аводе>. — Я отсчитываю минуты, которые отделяют меня от вас.

Комментарий

Черновой автограф: *ИРЛИ*, № 839, л. 60 об. Беловой текст неизвестен.

Впервые (неполностью): В. Е. Якушкиным (*РС*, 1884, т. 43, август, с. 318). *Акад.*, XIV, № 490.

2. 20 июля 1830 г. Петербург

J'ai l'honneur de vous présenter mon frère (qui vous trouve si jolie pour son propre compte et que je vous supplie de bien recevoir malgré cela). Mon voyage a été ennuyeux à périr. Никита Андреевич m'avait acheté un бричка qui s'est brisé à la première station — ja l'ai rajusté avec des épingles — à la seconde c'était à recommencer — ainsi de suite. Enfin j'ai trouvé à quelques verstes de Novgorod votre В.<сезоложский> dont la roue était brisée. Nous avons achevé le voyage ensemble en parlant beaucoup des tableaux du prince G.<алитзин>.² Pétersbourg me paraît déjà bien ennuyeux, et je compte abréger mon séjour le plus que je pourrai. — Demain commenceront mes visites à vos parents. Нат.<алья> Кир.<илловна> est à la campagne. Кат.<ерина> Ив.<ановна> à Парголово (village finois, où demeure la C^{sse} Polié). — En fait de très jolies femmes je n'ai encore vu que Mme et Mlle Malinovsky avec lesquelles j'ai été tout étonné de dîner hier.³

Je suis pressé. Je baise les mains à Наталья Ивановна que je n'ose encore appeler maman

et à vous aussi, mon ange, puisque vous ne me permettez pas de vous embrasser. Mes hommages à Mesdemoiselles vos sœurs. —

A. P.

20 juillet.

Адрес: М^{lle} Natalie Gontcharoff.

Перевод

Честь имею представить вам моего брата (который находит вас такой хорошенькой в своих собственных интересах и которого, несмотря на это, я умоляю вас принять благо-склонно). Моё путешествие было скучно до смерти.¹[5] Никита Андреевич купил мне бричку, сломавшуюся на первой же станции, — я кое-как починил её при помощи булавок, — на следующей станции пришлось повторить то же самое — и так далее. Наконец, за несколько вёрст до Новгорода я нагнал вашего В.<севоложского>, у которого сломалось колесо. Мы закончили путь вместе, подробно обсуждая картины князя Г.<олицына>.²[6] Петербург уже кажется мне страшно скучным, и я хочу сократить насколько возможно моё пребывание в нём. — Завтра начну делать визиты вашим родным. Нат.<алья>

Кир.<илловна> на даче, Кат.<ерина>
Ив.<ановна> в Парголово (чухонской дере-
вушке, где живёт графиня Полье). — Из очень
хорошеньких женщин я видел лишь м-м и м-
ль Малиновских, с которыми, к удивлению
своему, неожиданно вчера обедал.³[7]

Тороплюсь — целую ручки Наталье Ива-
новне, которую я не осмеливаюсь ещё назы-
вать маменькой, и вам также, мой ангел, раз
вы не позволяете мне обнять вас. Поклоны
вашим сестрицам. —

А. П.

20 июля.

Адрес: М-ль Наталии Гончаровой.

Комментарий

Автограф неизвестен.

Впервые (в русском переводе): И. С. Тургене-
вым (*ВЕ*, 1878, январь, с. 11); в подлиннике
(по копии, сделанной для И. С. Тургенева):
Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой, с. 29.
Акад., XIV, № 506.

3. Около (не позднее) 29 июля 1830 г. Петербург

Mon frère vous a-t-il remis ma lettre, et pourquoi ne m'envoyez-vous pas le reçu comme vous me l'aviez promis? je l'attends avec impatience et le moment où je l'aurai me dédomagera de l'ennui de mon séjour ici. Il faut que je vous raconte ma visite à Наталья Кириловна. J'arrive, je me fais annoncer, elle me reçoit à sa toilette comme une très jolie femme du siècle passé. C'est vous qui épousez ma petite Nièce? — Oui, Madame. — Comment donc? j'en suis très étonnée; je n'en suis pas informée,¹ Наташа ne m'en a rien écrit. (Ce n'est pas de vous qu'elle parlait, c'était de Maman.) Là-dessus je lui ai dit que le mariage ne s'était décidé que depuis très peu de temps, que les affaires dérangées d'Афанасий Николаевич, celles de Наталья Ивановна etc. etc. Elle n'en a tenu compte: Наташа sait combien je l'aime, Наташа m'a toujours écrit dans toutes les occasions de la vie, Наташа m'écrira — et maintenant, Monsieur, que nous sommes parents, j'espère que vous viendrez me

voir souvent.

Puis elle a beaucoup demandé des nouvelles de Мaman, de Николай Афанасьевич, de vous; elle m'a répété les compliments de l'Empereur à votre égard² — et nous nous sommes séparés très bons amis. — N'est-ce pas que Наталья Ивановна lui écrira?

Je n'ai pas encore vu Иван Николаевич. Il était aux manœuvres et il n'est rentré à Strelna que d'hier. Je viendrai avec lui à Pargolova,³ car tout seul je n'en ai ni l'envie, ni le courage.

Ces jours-ci j'ai fait écrire mon père à Афанасий Николаевич mais peut-être viendra-t-il lui-même à Pétersbourg. Que fait la Grand'maman de Zavode,⁴ celle de bronze, s'entend? Cette question ne vous engagera-t-elle pas à me répondre? Que faites-vous? qui voyez-vous? où vous promenez-vous? irez-vous à Rostof? m'écrirez-vous? Au reste n'allez pas vous effrayer de toutes ces questions, vous pouvez fort bien n'y pas répondre — puisque vous me prenez toujours pour un сочинитель. — J'ai été ces jours-ci voir mon Egyptienne.⁵ Elle s'est beaucoup intéressée à vous. Elle m'a fait dessiner votre profil, elle m'a témoigné le désir de faire votre connaissance, je

prends donc la liberté de vous la recommander. Прошу любить и жаловать. Sur ce, je vous salue. Mes respects, mes hommages à Maman, à vos sœurs. Au revoir.

Адрес: Ее высокоблагородию
милостивой государыне
Наталье Николаевне
Гончаровой
в Москве на Никитской
в доме Гончарова.

Перевод

Передал ли вам брат моё письмо, и почему вы не присылаете мне расписку в получении, как обещали? Я жду её с нетерпением, и минута, когда я её получу, вознаградит меня за скуку моего пребывания здесь. Надо вам рассказать о моём визите к Наталье Кирилловне. Приезжаю, обо мне докладывают, она принимает меня за своим туалетом, как очень хорошенькая женщина прошлого столетия. — Это вы женитесь на моей внучатной племяннице? — Да, сударыня. — Вот как. Меня это очень удивляет, меня не известили,¹[8] Наташа ничего мне об этом не писала. (Она имела в виду не вас, а маменьку.) На это я сказал ей,

что брак наш решён был совсем недавно, что расстроенные дела Афанасия Николаевича и Натальи Ивановны и т. д. и т. д. Она не приняла моих доводов: Наташа знает, как я её люблю, Наташа всегда писала мне во всех обстоятельствах своей жизни, Наташа напишет мне, — а теперь, когда мы породнились, надеюсь, сударь, что вы часто будете навещать меня.

Затем она долго расспрашивала о мамёнке, о Николае Афанасьевиче, о вас; повторила мне комплименты государя на ваш счёт²[9] — и мы расстались очень добрыми друзьями. — Не правда ли, Наталья Ивановна ей напишет?

Я ещё не видел Ивана Николаевича. Он был на манёврах и только вчера вернулся в Стрельну. Я поеду с ним в Парголово,³[10] так как ехать туда одному у меня нет ни желания, ни мужества.

На этих днях отец по моей просьбе написал Афанасию Николаевичу, но, может быть, он и сам приедет в Петербург. Что поделывает заводская Бабушка⁴[11] — бронзовая, разумеется? Не заставит ли вас хоть этот вопрос написать мне? Что вы поделываете? Кого ви-

дите? Где гуляете? Поедете ли в Ростов? Напишите ли мне? Впрочем, не пугайтесь всех этих вопросов, вы отлично можете не отвечать на них, — потому что вы всегда смотрите на меня как на сочинителя. — На этих днях я ездил к своей египтянке.⁵[12] Она очень заинтересовалась вами. Заставила меня нарисовать ваш профиль, выразила желание с вами познакомиться, — я беру на себя смелость поручить её вашему вниманию. (.....) За сим кланяюсь вам. Моё почтение и поклоны маменьке и вашим сестрицам. До свидания.

Комментарий

Автограф в парижской коллекции С. Лифаря.

Впервые (в русском переводе): *ВЕ*, 1878, январь, с. 11—12; по автографу: *Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой*, с. 34—35; фототипическое воспроизведение там же, между с. 34—35. *Акад.*, XIV, № 507.

Датируется на основании почтового штемпеля: «С.-Петербург, 1830, <и>юль 29».

4. 30 июля 1830 г. Петербург

Voici une lettre d'Аф.<анасий> Ник.<олаевич> que vient de m'envoyer Иван Николаевич. Vous ne vous imaginez pas combien elle m'embarrasse. Il aura la permission [auqu<el>] à laquelle il tient tant.¹ Mais quant à ce qui regarde Zavo<de> je n'ai ni le crédit qu'il me croit,² ni la volonté d'agir contre le gré de Наталья Ивановна et à l'insu de votre frère aîné. Ce qu'il y a de pis, c'est que je prévois de nouveaux délais — en vérité, c'est impatientant. Je n'ai pas encore vu Кат.<ерина> Ив.<ановна>, elle est à Pargolova chez la C^{sse} Polier qui est presque folle, qui dort jusqu'à 6 heures du soir et qui ne reçoit personne. Hier M^{de} Bagréef, la fille de Spéransky, m'a envoyé chercher pour me laver la tête de ce que je n'ai pas encore rempli les formalités — mais en vérité je n'en ai presque pas la force. Je vais peu dans le monde. On vous y attend avec impatience. Les belles dames me demandent à voir votre portrait, et ne me pardonnent pas de ne pas l'avoir. Je m'en console en passant des heures entières devant une madone blonde³ qui vous ressemble comme deux gouttes d'eau, et que

j'aurais achetée, si elle ne coûtait pas 40,000 roubles. Аф.<анасий>

Ник.<олаевич> aurait dû troquer contre elle la vilaine Grand'maman, puisque jusqu'à présent il n'a pu parvenir à la fondre. Sérieusement je crains que cela ne retarde notre mariage, à moins que Наталья Ивановна ne consente à me charger de votre trousseau. Mon ange, tâchez de grâce.

Je suis un étourdi, mon ange: en relisant la lettre d'Аф.<анасий> Ник.<олаевич>, je vois qu'il ne songe plus à engager son bien de Zavod, et qu'il veut, d'après mon avis, demander un secours momentané. C'est autre chose. En ce cas-là je vais à l'instant chez mon cousin Канкрин lui demander une audience. Je n'ai pas encore vu В.<en>^a[13]kendorf et tant mieux, je tâcherai d'arranger tout dans une seule audience.

Adieu, мой ангел. Mes hommages à toute votre famille, que j'ose regarder comme mienne.

30 juillet.

M'enverrez-vous un reçu?

Адрес: Её высокоблагородию

Наталье Николаевне

Гончаровой

в Москве на Никитской
в собств. доме.

Перевод

Вот письмо от Аф.<анасия> Ник.<олаевича>, которое мне только что переслал Иван Николаевич. Вы не можете себе представить, в какое оно ставит меня затруднительное положение. Он получит разрешение, которого так добивается.¹[14] Но что касается Заво<да>, то у меня нет ни влияния, которое он мне приписывает,²[15] ни желания действовать против воли Натальи Ивановны и без ведома вашего старшего брата. Хуже всего то, что я предвижу новые отсрочки, это поистине может вывести из терпения. Я ещё не видел Кат.<ерины> Ив.<ановны>, она в Парголово у графини Полье, которая почти сумасшедшая — спит до 6 часов вечера и никого не принимает. Вчера г-жа Багреева, дочь Сперанского, присылала за мной, чтобы намылить мне голову за то, что я не выполнил ещё формальностей, — но, право, у меня почти нет на это сил. Я мало бываю в свете. Вас ждут там с нетерпением. Прекрасные дамы просят меня показать ваш портрет и не могут простить

мне, что его у меня нет. Я утешаюсь тем, что часами простаиваю перед белокурой мадонной,³[16] похожей на вас как две капли воды; я бы купил её, если бы она не стоила 40 000 рублей. Аф.<анасию> Ник.<олаевичу> следовало бы *выменять* на неё негодную Бабушку, раз до сих пор ему не удалось её перелить. Серьёзно, я опасаюсь, что это задержит нашу свадьбу, если только Наталья Ивановна не согласится поручить мне заботы о вашем приданом. Ангел мой, постарайтесь, пожалуйста.

Я ветреник, мой ангел: перечитывая письмо Аф.<анасия> Николаевича, вижу, что он не собирается больше закладывать своё Заводское имение, а хочет, по моему совету, просить о единовременном пособии. Это другое дело. В таком случае я сейчас же отправлюсь к своему кузену Канкрину просить у него приёма. — Я ещё не видался с Бенкендорфом, и это к лучшему, постараюсь устроить всё во время одного приёма.

Прощайте, (мой ангел). Поклоны всему вашему семейству, которое я осмеливаюсь считать своим.

30 июля.

Пришлётё ли вы мне расписку?

Комментарий

Автограф в парижской коллекции С. Лифаря.

Впервые (в русском переводе): ВЕ, 1878, январь, с. 12—13; по автографу: *Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой*, с. 39—40; фототипическое воспроизведение там же, между с. 39—40. Акад., XIV, № 508.

Датируется на основании почтового штемпеля («С.-Петербург 1830 июль 30») и даты предыдущего письма.

5. Последние числа августа 1830 г. Москва

Je pars pour *Нижний*,¹ incertain de mon sort. Si M^{de} votre mère est décidée à rompre notre mariage et vous à lui obéir, je souscrirai à tous les motifs qu'elle voudra en donner, quand même ils seraient aussi raisonnables que la scène qu'elle m'a faite hier et les injures qu'il lui plaît de me prodiguer.²

Peut-être a-t-elle raison et moi ai-je eu tort de croire un moment que le bonheur était fait pour moi. En tout cas vous êtes parfaitement libre; quant à moi je vous donne ma parole d'honneur de n'appartenir qu'à vous ou de ne me marier jamais.

A. P.

Адрес: Mademoiselle Natalie
Gontcharof.

Перевод

Я уезжаю в *Нижний*,¹[17] не зная, что меня ждёт в будущем. Если ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиноваться ей, — я подпишусь под всеми

предлогами, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как сцена, устроенная ею мне вчера, и как оскорбления, которыми ей угодно меня осыпать.²[18]

Быть может, она права, а неправ был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае вы совершенно свободны; что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь.

А. П.

Адрес: М-ль Наталии Гончаровой.

Комментарий

Автограф в парижской коллекции С. Лифаря.

Впервые (в русском переводе): *ВЕ*, 1878, январь, с. 13—14; по автографу: *Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой*, с. 43; фототипическое воспроизведение там же, между с. 42 и 43. *Акад.*, XIV, № 517.

6. 9 сентября 1830 г. Болдино

Ma bien chère, ma bien aimable Наталья Николаевна — je suis à vos genoux pour vous remercier et vous demander pardon de l'inquiétude que je vous ai causée.

Votre lettre est charmante et m'a tout à fait rassuré.¹ Mon séjour ici peut se prolonger par une circonstance tout à fait imprévue: je croyais que la terre que m'a donnée mon père était un bien à part, mais elle se trouve faire partie d'un village de 500 paysans,² et il faudra procéder au partage. Je tâcherai d'arranger tout cela le plus vite possible. Je crains encore plus les quarantaines qu'on commence à établir ici. Nous avons dans nos environs la Choléra morbus (une très jolie personne).³ Et elle pourra m'arrêter une vingtaine de jours de plus. Que de raisons pour me dépêcher! Mes respectueux hommages à Наталья Ивановна, je lui baise les mains bien humblement et bien tendrement. Je vais écrire à l'instant à Афанасий Николаевич. Celui-ci, avec votre permission, est bien impatientant.⁴ Remerciez bien Mlles Catherine et Alexandrine⁵ pour leur aimable souvenir et encore une fois

pardonnez-moi et croyez je ne suis heureux que là où vous êtes.

9 sept., Boldino.

Перевод

Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна, я у ваших ног, чтобы поблагодарить вас и просить прощения за причинённое вам беспокойство.

Ваше письмо прелестно, оно вполне меня успокоило.¹[19] Моё пребывание здесь может затянуться вследствие одного совершенно непредвиденного обстоятельства. Я думал, что земля, которую отец дал мне, составляет отдельное имение, но, оказывается, это — часть деревни из 500 душ,²[20] и нужно будет произвести раздел. Я постараюсь это устроить возможно скорее. Ещё более опасаясь я карантинных, которые начинают здесь устанавливать. У нас в окрестностях — Choiega morbus^a[21] (очень миленькая особа).³[22] И она может задержать меня ещё дней на двадцать! Вот сколько для меня причин торопиться! Почтительный поклон Наталье Ивановне, очень покорно и очень нежно целую ей ручки. Сейчас же напишу Афанасию Нико-

лаевичу. Он, с вашего позволения, может вывести из терпения.⁴[23] Очень поблагодарите м-ль Катрин и Александрин⁵[24] за их любезную память; ещё раз простите меня и верьте, что я счастлив, только будучи с вами вместе.

9 сент. Болдино.

Комментарий

Автограф в парижской коллекции С. Лифаря.

Впервые (в русском переводе): *ВЕ*, 1878, январь, с. 14; по автографу: *Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой*, с. 46; фототипическое воспроизведение там же, — между с. 42 и 43. *Акад.*, XIV, № 520.

7. 30 сентября 1830 г. Болдино

Me voici sur le point de me mettre en voiture. Quoique mes affaires ne soient pas terminées et je suis déjà tout découragé. Vous êtes bien bonne de ne promettre qu'un délai de six jours à Богородецк.¹ On vient de me dire qu'il y a cinq quarantaines établies depuis ici jusqu'à Moscou, et que dans chacune il me faudra passer 14 jours, comptez un peu et puis imaginez quelle chienne d'humeur je dois avoir. Pour surcroît de bonheur la pluie a commencé et comme de raison pour ne plus finir qu'au commencement du traînage. Si quelque chose peut me consoler, c'est la sagesse avec laquelle les routes sont pratiquées d'ici à Moscou: figurez-vous un parapet de chaque côté, point de fossé, point d'issue pour l'eau; ce qui fait que la route est une boîte à boue. En revanche les piétons vont très commodément sur des trottoirs bien secs et se moquent des voitures embourbées. Que maudite soit l'heure où je me décidais à vous quitter pour arriver dans ce beau pays de boue, de peste et d'incendie — car nous ne voyons que

ça.

Que faites vous en attendant? comment vont les affaires et que dit le Grand-Papa? Savez-vous ce qu'il m'a écrit? la Grand'maman ne vaut, dit-il, que 7000 r. et cela ne vaut pas la peine de la déranger dans sa retraite.² Ça valait bien la peine de faire tant d'embarras! Ne vous moquez pas de moi, car j'enrage. Notre mariage semble toujours fuir devant moi, et cette peste avec ses quarantaines n'est-elle pas la plus mauvaise plaisanterie que le sort ait pu imaginer. Мой ангел, votre affection est la seule chose de ce monde qui m'empêche de me pendre à la porte cochère de mon triste château (où par parânthèse mon ayeul avait fait pendre un français, un Outchitel, un Abbé Nicole dont il était mécontent),³ conservez-la moi, cette affection, et croyez que tout mon bonheur est là. Me permettez-vous de vous embrasser? ça ne tire pas à conséquence à 500 verstes de distance et à travers cinq quarantaines. Ces quarantaines ne me sortent pas de la tête. Adieu donc, mon ange. Mes tendres hommages à Наталья Ивановна; je salue de tout mon cœur vos sœurs et Mr Serge. Avez-vous des nouvelles des autres?

30 sept.

Адрес: Её высокоблагородию
милостивой государыне
Наталье Николаевне
Гончаровой
в Москве
На Никитской в собств. доме.

Перевод

Я уже почти готов сесть в экипаж, хотя дела мои ещё не закончены и я совершенно пал духом. Вы очень добры, предсказывая мне задержку в Богородецке лишь на 6 дней.¹[25] Мне только что сказали, что отсюда до Москвы устроено пять карантинных и в каждом из них мне придётся провести две недели, — подсчитайте-ка, а затем представьте себе, в каком я должен быть собачьем настроении. В довершение благополучия полил дождь и, разумеется, теперь не прекратится до санного пути. Если что и может меня утешить, то это мудрость, с которой проложены дороги отсюда до Москвы: представьте себе, насыпи с обеих сторон, — ни канавы, ни стока для воды, отчего дорога становится ящиком с грязью, — зато пешеходы идут со всеми удобствами по

совершенно сухим дорожкам и смеются над увязшими экипажами. Будь проклят час, когда я решился расстаться с вами, чтобы ехать в эту чудную страну грязи, чумы и пожаров, — потому что другого мы здесь не видим.

А вы что сейчас подделываете? Как идут дела и что говорит дедушка? Знаете ли, что он мне написал? За Бабушку, по его словам, дают лишь 7000 рублей, и нечего из-за этого тревожить её уединение.²[26] Стоило подымать столько шума! Не смейтесь надо мной, я в бешенстве. Наша свадьба точно бежит от меня; и эта чума с её карантинами — не отвратительнейшая ли это насмешка, какую только могла придумать судьба? (Мой ангел), ваша любовь — единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка (где, замечу в скобках, мой дед повесил француза-учителя, аббата Николая, которым был недоволен).³[27] Не лишайте меня этой любви и верьте, что в ней всё моё счастье. Позволяете ли вы обнять вас? Это не имеет никакого значения на расстоянии 500 вёрст и сквозь 5 карантин. Карантины эти не выходят у меня из головы. Прощайте же,

мой ангел. — Сердечный поклон Наталье Ивановне; от души приветствую ваших сестриц и Сергея. Имеете ли вы известия об остальных?

30 сент.

Комментарий

Автограф в парижской коллекции С. Лифаря.

Почтовый штемпель: «Арзамазъ 1830 окт. 1».

Впервые (в русском переводе): *ВЕ*, 1878, январь, с. 14—15; по автографу: *Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой*, с. 49—50; фототипическое воспроизведение там же, между с. 48 и 49. *Акад.*, XIV, № 525.

8. 11 октября 1830 г. Болдино

L'entrée à Moscou est interdite¹ et me voilà confiné à Boldino. Au nom du ciel, chère Наталья Николаевна, écrivez-moi malgré que vous ne le vouliez pas. Dites-moi où êtes-vous? avez-vous quitté Moscou? y a-t-il un chemin de travers qui puisse me mener à vos pieds? Je suis tout découragé et ne sais vraiment que faire. Il est clair que cette année (maudite année) notre mariage n'aura pas lieu. Mais n'est-ce pas que vous avez quitté Moscou? S'exposer de gaieté de cœur au beau milieu de la peste serait impardonnable. Je sais bien qu'on exagère toujours le tableau de ses ravages et le nombre des victimes; une jeune femme de Constantinople me disait jadis qu'il n'y avait que la canaille qui mourait de la peste² — tout cela est bel et bon; mais il faut encore que les gens comme il faut prennent leurs précautions, car c'est là ce qui les sauve et non leur élégance et leur bon ton. Vous êtes donc à la campagne, bien à couvert de la Choléra, n'est-ce pas? Envoyez-moi donc votre adresse et le bulletin de votre santé. Quant à nous, nous sommes cernés par les quarantaines,

mais l'épidémie n'a pas encore pénétré. Boldino a l'air d'une île entourée de rochers. Point de voisins, point de livres. Un temps affreux. Je passe mon temps à griffonner et à enrager.³ Je ne sais que fait le pauvre Monde, et comment va mon ami Polignac.⁴ Ecrivez-moi de ses nouvelles, car ici je ne lis point de journaux. Je deviens si imbécile que c'est une bénédiction. Что дедушка с его медной бабушкой? Оба живы и здоровы, не правда ли? Передо мной теперь географическая карта; я смотрю, как бы дать крюку и приехать к вам через Кяхту или через Архангельск? Дело в том, что для друга семь вёрст не крюк; а ехать прямо на Москву значит семь вёрст киселя есть (да ещё какого? Московского!). Voilà bien de mauvaises plaisanteries. Je ris jaune, comme disent les poissardes. Adieu. Mettez-moi aux pieds de M^{de} votre mère; mes bien tendres hommages à toute la famille. Adieu, mon bel ange. Je baise le bout de vos ailes, comme disait Voltaire à des gens qui ne vous valaient pas.

11 octobre.

Адрес: Её высокоблагородию
милостивой государыне

Наталье Николаевне

Гончаровой.

В Москве, на Никитской

в собственном доме.

Перевод

Въезд в Москву запрещён,¹[28] и вот я заперт в Болдине. Во имя неба, дорогая Наталья Николаевна, напишите мне, несмотря на то, что вам этого не хочется. Скажите мне, где вы? Уехали ли вы из Москвы? нет ли окольного пути, который привёл бы меня к вашим ногам? Я совершенно пал духом и право не знаю, что предпринять. Ясно, что в этом году (будь он проклят) нашей свадьбе не бывать. Но не правда ли, вы уехали из Москвы? Добровольно подвергать себя опасности заразы было бы непростительно. Я знаю, что всегда преувеличивают картину опустошений и число жертв; одна молодая женщина из Константинополя говорила мне когда-то, что от чумы умирает только простонародье²[29] — всё это прекрасно, но всё же порядочные люди тоже должны принимать меры предосторожности, так как именно это спасает их, а не их изящество и хороший тон. Итак, вы в де-

ревне, в безопасности от холеры, не правда ли? Пришлите же мне ваш адрес и сведения о вашем здоровье. Что до нас, то мы оцеплены карантинами, но зараза к нам ещё не проникла. Болдино имеет вид острова, окружённого скалами. Ни соседей, ни книг. Погода ужасная. Я провожу время в том, что мараю бумагу и злюсь.³[30] Не знаю, что делается на белом свете и как поживает мой друг Полиньяк.⁴[31] Напишите мне о нём, потому что здесь я газет не читаю. Я так глупею, что это просто прелесть. (.....) Вот поистине плохие шутки. Я смеюсь «и желтею», как говорят рыночные торговки (т. е. «кисло усмехаюсь»). Прощайте, повергните меня к стопам вашей матушки; сердечные поклоны всему семейству. Прощайте, прелестный ангел. Целую кончики ваших крыльев, как говаривал Вольтер людям, которые вас не стоили.

11 октября.

Комментарий

Автограф в парижской коллекции С. Лифаря.

Почтовый штемпель: «Арзамазь 1830 окт. 16».

Впервые (в русском переводе): *ВЕ*, 1878, январь, с. 15—16; по автографу: *Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой*, с. 54—55; фототипическое воспроизведение там же, между с. 54 и 55. *Акад.*, XIV, № 526.

9. Около (не позднее) 29 октября 1830 г. Болдино

Милостивая государыня, Наталья Николаевна, я по-французски браниться не умею, так позвольте мне говорить вам по-русски, а вы, мой ангел, отвечайте мне хоть по-чухонски, да только отвечайте. Письмо Ваше от 1-го окт.<ября> получил я 26-го.[32] Оно огорчило меня по многим причинам: во-первых, потому, что оно шло ровно 25 дней. 2) что вы первого октября были ещё в Москве давно уже зачумлённой. 3) что вы не получили моих писем. 4) что письмо ваше короче было визитной карточки; 5) что вы на меня, видно, сердитесь, между тем как я пренебрежительное животное уж без того. Где вы? что вы? я писал в Москву, мне не отвечают. Брат мне не пишет, полагая, что его письма, по обыкновению, для меня неинтересны. В чумное время дело другое; рад письму проколотому; знаешь, что по крайней мере жив — и то хорошо. Если вы в Калуге,[33] я приеду к Вам через Пензу; если вы в Москве, т. е. в Москов-

ской деревне, то приеду к Вам через Вятку, Архангельск и Петербург. Ей-богу не шучу — но напишите мне, где вы, а письмо адресуйте в Лук.<ояновский> уезд, в село Абрамово, для пересылки в Болдине. Скорей дойдёт. Простите. Цалую ручки у матушки; кланяюсь в пояс сестрицам.

Адрес: Её высокоблагородию
милостивой государыне
Наталье Николаевне
Гончаровой
в Москву
На Никитской в собств. доме.

Комментарий

Около (не позднее) 29 октября 1830 г. Болдино.

Автограф: *ИРЛИ*, № 527.

Впервые: *ВЕ*, 1878, январь, с. 16. *Акад.*, XIV, № 529.

Датируется на основании почтового штемпеля: «Арзамазъ 1830 окт. 30».

10. 4 ноября 1830 г. Болдино

Le 9 vous étiez encore à Moscou! mon père me l'écrit; il m'écrit encore que mon mariage est rompu.¹ En est-ce assez pour me pendre? je vous dirai encore qu'il y a 14 quarantaines depuis Лукьянов jusqu'à Moscou. Est-ce bon? Maintenant je m'en vais vous raconter une anecdote. Un de mes amis faisait la cour à une jolie femme. Un jour qu'il vient chez elle, il trouve sur sa table un album qu'il ne connaissait pas — il veut le voir — Madame se jette dessus et le lui arrache; nous sommes quelquefois aussi curieux que vous autres, belles dames. Mon ami employé toute son éloquence, toutes les ressources de son esprit, pour se faire rendre l'album. Madame tient bon; il est obligé d'y renoncer. Quelque temps après cette pauvre petite femme meurt. Mon ami assiste à son enterrement et vient consoler le pauvre mari. Ils fouillent ensemble dans les tiroirs de la défunte. Mon ami aperçoit le mystérieux album. Il s'en saisit, il l'ouvre, il était tout blanc à l'exception d'un seul feuillet où étaient écrits ces 4 mauvais vers du Кавказский пленник:

*Не долго женскую любовь
Печалит хладная разлука,
Пройдёт любовь, настанет скука*

etc... Maintenant parlons d'autre chose. Quand je dis parlons d'autres choses, je veux dire, revenons à nos moutons.² Comment n'avez-vous pas honte d'être restées à la Nikitska — en temps de peste? C'est bon pour votre voisin Адриан qui doit faire de bonnes affaires.³ Mais Наталья Ивановна, mais vous! — en vérité je ne vous conçois pas. Je ne sais comment parvenir jusqu'à vous. Je crois que Вятка est encore libre. En ce cas j'irai par là. Ecrivez-moi cependant à Абрамово для доставления в Болдино. Vos lettres me parviendront toujours.

Adieu, que Dieu vous conserve. Mettez-moi aux pieds de M^{de} votre Mère.

4 Nov.

Mes hommages à toute la famille.

Адрес: Её высокоблагородию

милостивой государыне

Наталье Николаевне

Гончаровой

в Москве

На Никитской в собств. доме.

Перевод

9-го вы ещё были в Москве! Об этом пишет мне отец; он пишет мне также, что моя свадьба расстроилась.¹[34] Не достаточно ли этого, чтобы повеситься? Добавлю ещё, что от Лукьянова до Москвы 14 карантинных. Приятно? Теперь расскажу вам одну историю. Один из моих друзей ухаживал за хорошенькой женщиной. Однажды, придя к ней, он видит на столе незнакомый ему альбом — хочет посмотреть его — дама бросается к альбому и вырывает его. Но мы иногда бываем так же любопытны, как и вы, прекрасные дамы. Друг мой пускает в ход всё своё красноречие, всю изобретательность своего ума, чтобы заставить её отдать альбом. Дама твёрдо стоит на своём; он принуждён уступить. Немного времени спустя бедняжка умирает. Друг присутствует на похоронах и приходит утешать несчастного мужа. Они вместе роются в ящиках покойной. Друг мой видит таинственный альбом — хватает его, раскрывает; альбом оказывается весь чистый за исключением одного листа, на котором написаны следующие 4 плохих стиха из «Кавказского пленника»:

(.....)

и т. д. ... Теперь поговорим о другом. Этим я хочу сказать: вернёмся к делу.²[35] Как вам не стыдно было оставаться на Никитской во время эпидемии? Так мог поступать ваш сосед Адриан, который обделывает выгодные дела.³[36] Но Наталья Ивановна, но вы! — право, я вас не понимаю. Не знаю, как добраться до вас. Мне кажется, что Вятка ещё свободна. В таком случае поеду на Вятку. Между тем пишите мне в (.....) — ваши письма всегда дойдут до меня.

Прощайте, да хранит вас бог. Повергните меня к стопам вашей матушки.

4 ноя.<бря.>

Поклон всему семейству.

Комментарий

Автограф в парижской коллекции С. Лифаря.

Почтовый штемпель: «Арзамазь 1830 ноя. 6 <?>».

Впервые (в русском переводе): *ВЕ*, 1878, январь, с. 16—17; по автографу: *Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой*, с. 60—61; фототипическое воспроизведение там же, между с. 60 и 61.

11. 18 ноября 1830 г. Болдино

Boldino, 18 Nov.

Encore à Boldino, toujours à Boldino. Ayant appris que vous n'aviez pas quitté Moscou, j'ai pris la poste et je suis parti.¹ Arrivé sur la grand'route, je vis que vous aviez raison; que les 14 quarantaines n'étaient que des avant-postes — qu'il n'y avait de vraies quarantaines que trois.² J'arrivais bravement à la première (à Sévasleika, gouv.<ernement> de Vlodimir), l'inspecteur demande ma feuille de route, en m'apprenant que je n'aurai que 6 jours d'arrêts à subir. Puis il jette les yeux sur la feuille. Вы не по казённой надобности изволите ехать? — Нет, по собственной самонужнейшей. — Так извольте ехать назад на другой тракт. Здесь не пропускают. — Давно ли? — Да уж около 3 недель. — И эти свиньи губернаторы не дают этого знать? — Мы не виноваты-с. — Не виноваты! а мне разве от этого легче? нечего делать — еду назад в Лукоянов; требую свидетельства, что еду не из зачумлённого места. Предводитель здешний не знает, может ли после поездки моей дать мне это свидетельство — я пишу

губернатору, а сам в ожидании его ответа, свидетельства и новой подорожной сию в Болдине да кисну. Voilà comment j'ai fait 400 verstes sans avoir bougé de ma tanière.

Ce n'est pas tout: de retour ici j'espérais du moins avoir de vos lettres. Ne voilà-t-il pas qu'un ivrogne de maître de poste à Mourome s'avise de mêler les paquets, de manière qu'Арзамас reçoit la poste de Казань, Нижний celle de Лукоянов et que votre lettre (s'il y en a une) s<e>^a[37] promène maintenant je ne sais où et me viendra quand il plaira à Dieu. Je suis tout découragé et puisque nous voilà en carême — (dites à Maman que ce carême-ci, je ne l'oublierai de longtemps) je ne veux plus me dépêcher; je laisserai aller les choses, et je resterai les bras croisés. Mon père m'écrit toujours que mon mariage est rompu. Ces jours-ci il m'apprendra peut-être que vous êtes mariée... Il y a là de quoi perdre la tête. Béni soit le P.<rince> Chalikof qui enfin m'a appris que la Choléra a diminué.³ Voilà depuis trois mois la seule bonne nouvelle que soit parvenue jusqu'à moi. — Adieu, мой ангел, portez-vous bien, ne vous mariez pas à Mr Davidof, et pardonnez-moi ma mauvaise humeur. Mettez-moi aux pieds de

Маман, bien des choses à tout le monde. Adieu.

Адрес: Ее высокоблагородию

м. г. Натальи Николаевне

Гончаровой

в Москве

На Никитской в собств. доме.

Перевод

Болдино, 18 ноя. <бря.>

В Болдине, всё ещё в Болдине! Узнав, что вы не уехали из Москвы, я нанял почтовых лошадей и отправился в путь.¹[38] Выехав на большую дорогу, я увидел, что вы правы: 14 карантинов являются только аванпостами — а настоящих карантинов всего три.²[39] — Я храбро явился в первый (в Сиваслейке Владимирской губ.); смотритель требует подорожную и заявляет, что меня задержат лишь на 6 дней. Потом заглядывает в подорожную. (.....) Вот каким образом проездил я 400 вёрст, не двинувшись из своей берлоги.

Это ещё не всё: вернувшись сюда, я надеялся, по крайней мере, найти письмо от вас. Но надо же было пьянице-почтмейстеру в Муроме перепутать пакеты, и вот Арзамас получает почту Казани, Нижний — Лукоянова, а ва-

ше письмо (если только есть письмо) гуляет теперь не знаю где и придёт ко мне, когда богу будет угодно. Я совершенно пал духом, и так как наступил пост (скажите маменьке, что этого поста я долго не забуду), я не стану больше торопиться; пусть всё идёт своим чередом, я буду сидеть сложа руки. Отец продолжает писать мне, что свадьба моя расстроилась. На днях он мне, может быть, сообщит, что вы вышли замуж... Есть от чего потерять голову. Спасибо кн. Шаликову, который наконец известил меня, что холера затихает.³[40] Вот первое хорошее известие, дошедшее до меня за три последних месяца. Прощайте, (мой ангел), будьте здоровы, не выходите замуж за г-на Давыдова и извините моё скверное настроение. Повергните меня к стопам маменьки, всего хорошего всем. Прощайте.

Комментарий

Автограф в парижской коллекции С. Лифаря.

Почтовый штемпель: «Арзамазъ 1830 ноя. 29».

Впервые (в русском переводе): *ВЕ*, 1878, январь, с. 17—18; по автографу: *Письма Пушкина*

к Н. Н. Гончаровой, с. 64—65; фототипическое воспроизведение там же, между с. 64 и 65. *Акад.*, XIV, № 537.

12. 26 ноября 1830 г. Болдино

D'après votre lettre du 19 Nov.<embre> je vois bien qu'il faut que je m'explique. Je devais quitter Boldino le 1-r octobre. La veille j'allais à une trentaine de verstes de chez moi chez la P^{sse} Galitzin¹ pour savoir au juste le nombre des quarantaines, le chemin le plus court etc. Comme sa campagne se trouve sur le grand chemin, la P^{sse} s'était chargée de savoir tout cela au juste.

Le lendemain 1-r octobre en revenant chez moi, je reçois la nouvelle que la Choléra a pénétré jusqu'à Moscou, que l'Empereur y est² et *que les habitants l'ont tous abandonnée*. Cette dernière nouvelle me rassure un peu. Ayant appris cependant que l'on délivrait des certificats pour un passage libre ou, au moins, pour un temps moindre de quarantaine, j'écrivis à cet effet à НИЖНИЙ. On me répond que le certificat me serait délivré à ЛУКОЯНОВ (comme quoi Boldino n'est pas infecté). En même temps on m'apprend que *l'entrée et la sortie de Moscou sont interdites*.³ Cette dernière nouvelle et surtout l'incertitude de votre séjour (je ne recevais de lettre de personne à commencer par M^r mon frère, qui se soucie de

moi comme de l'an 40) m'arrêtent à Boldino. Arrivé à Moscou, je craignais ou plutôt j'espérais *de ne pas vous y trouver*, et quand même on m'aurait laissé pénétrer, *j'étais sûr qu'on ne m'en laisserait pas sortir*. En attendant le bruit que Moscou était désert se confirmait et me rassurait.

Tout à coup je reçois de vous un petit billet ou vous m'apprenez que vous n'y avez pas songé... Je prends la poste; j'arrive à Лукоянов où l'on me refuse un passe-port sous prétexte que j'étais choisi pour inspecter les quarantaines de mon district.⁴ Je me décide à continuer ma route après avoir envoyé une plainte à Нижний. Arrivé sur le territoire de Vladimir, je trouve que la grand'route est interceptée et que personne n'en savait rien, tellement les choses sont ici en ordre. Je reviens à Boldino, ou je resterai jusqu'à^a[41] ce que je n'aie reçu le passeport et le certificat, c'est-à-dire jusqu'à ce qu'il plaira à Dieu.

Vous voyez donc (si toutefois vous daignez me croire) que mon séjour ici est forcé, que je ne demeure pas chez la P^{ss}e Galitzin, quoique je lui aie rendu une visite; que mon frère cherche à s'excuser quand il dit m'avoir écrit dès le

commencement de la Choléra, et que vous avez tort de vous moquer de moi.

Sur ce — je vous salue.

26 nov.

Абрамово n'est pas la campagne de la P^{se} Galitzin comme vous le croyez — mais une station à 12 verstes de Boldino, Лукоянов en est à 50.

Comme il paraît que vous n'êtes pas disposée à me croire sur parole je vous envoyé deux documents de ma détention [forcée <?>.]⁵

Je ne vous ai pas dit la moitié de toutes les contrariétés que j'ai eu à [essy] essayer. Mais ce n'est pas en vain que je suis venu me fourrer ici. Si je n'avais pas été de mauvaise humeur en venant à la campagne, je serais retourné à Moscou dès la seconde station, ou j'ai appris que la Choléra ravageait Нижний. Mais alors je ne me souciais pas de rebrousser chemin et je ne demandais pas mieux que la peste.

Перевод

Из вашего письма от 19 ноября вижу, что мне надо объясниться. Я должен был выехать из Болдина 1-го октября. Накануне я отправился вёрст за 30 отсюда к кн. Голицыной,¹

[42] чтобы точнее узнать количество карантинных, кратчайшую дорогу и пр. Так как имение княгини расположено на большой дороге, она взялась разузнать всё доподлинно.

На следующий день, 1-го октября, возвратившись домой, получаю известие, что холера добралась до Москвы, что государь там,²

[43] *а все жители покинули её*. Это последнее известие меня несколько успокаивает. Узнав между тем, что выдают свидетельства на свободный проезд

или, по крайней мере, на сокращённый срок карантина, пишу на этот предмет в Нижний. Мне отвечают, что свидетельство будет мне выдано в Лукоянове (поскольку Болдино не заражено), в то же время меня извещают, что *въезд и выезд из Москвы запрещены*.³[44] Эта последняя новость, особенно же неизвестность вашего местопребывания (я не получал писем ни от кого, даже от брата, который думает обо мне, как о прошлогоднем снеге) задерживают меня в Болдине. Я боялся или, вернее, надеялся по прибытии в Москву *вас там не застать* и был уверен, что если даже меня туда и впустят, то *уж наверное не выпустят*.

Между тем слух, что Москва опустела, подтверждался и успокаивал меня.

Вдруг я получаю от вас маленькую записку, в которой вы сообщаете, что и не думали об отъезде. — Беру почтовых лошадей; приезжаю в Лукоянов, где мне отказывают в выдаче свидетельства на проезд под предлогом, что меня выбрали для надзора за карантинными моего округа.⁴[45]Послав жалобу в Нижний, решаю продолжать путь. Переехав во Владимирскую губернию, узнаю, что проезд по большой дороге запрещён — и никто об этом не уведомлен, такой здесь во всём порядок. Я вернулся в Болдино, где останусь до получения паспорта и свидетельства, другими словами, до тех пор, пока будет угодно богу.

Итак, вы видите (если только вы соблаговолите мне поверить), что моё пребывание здесь вынужденное, что я не живу у княгини Голицыной, хотя и посетил её однажды; что брат мой старается оправдать себя, уверяя, что писал мне с самого начала холеры, и что вы несправедливо смеётесь надо мной.

За сим кланяюсь вам.

26 ноя.<бря.>

Абрамово вовсе не деревня княгини Голицыной, как вы полагаете, а станция в 12-ти верстах от Болдина, Лукоянов от него в 50-ти верстах.

Так как вы, по-видимому, не расположены верить мне на слово, посылаю вам два документа о своём вынужденном заточении.⁵[46]

Я не перечислил вам и половины всех неприятностей, которые мне пришлось вытерпеть. Но я недаром забрался сюда. Не будь я в дурном расположении духа, когда ехал в деревню, я бы вернулся в Москву со второй же станции, где узнал, что холера опустошает Нижний. Но в то время мне и в голову не приходило поворачивать вспять, и я не желал ничего лучшего, как заразы.

Комментарий

Автограф в парижской коллекции С. Лифаря.

Впервые (в русском переводе): ВЕ, 1878, январь, с. 18—20; по автографу: *Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой*, с. 68—69; фототипическое воспроизведение там же, между с. 68—69. *Акад.*, XIV, № 539.

13. Около (не позднее) 1 декабря 1830 г. Платава

Voici encore un document— veuillez tourner la feuille.¹

<На второй странице:>

Je suis arrêté à la quarantaine de Платава.² On ne m'y laisse pas entrer, parce que je suis en *перекладной*, ayant brisé ma voiture. Je vous supplie de faire savoir mon triste cas au Prince Дмитрий Galitzin — et de le prier d'employer son influence pour me faire entrer à Moscou. Je vous salue de tout mon cœur, ainsi que Maman et toute la famille. Ces jours-ci je vous ai écrit une lettre un peu dure — mais c'est que je n'avais pas la tête à moi³ — pardonnez-la moi, car je m'en repens. Me voilà à 75 verstes de chez vous et Dieu sait si je vous verrai dans 75 jours.

P. S. Ou bien envoyez-moi une voiture ou une calèche à la quarantaine à Платава en mon nom.

Адрес: <Её>^a[47] высокоблагородию

м. г. Натальи Николаевне

Гончаровой

[В собственные руки.] Самонужнейшее

в Москву

На Никитской в собств. доме.

Перевод

Вот ещё один документ — извольте перевернуть страницу.¹[48]

Я задержан в карантине в Платаве:²[49] меня не пропускают, потому что я еду на *перекладной*; ибо карета моя сломалась. Умоляю вас сообщить о моём печальном положении князю Дмитрию Голицыну — и просить его употребить всё своё влияние для разрешения мне въезда в Москву. От всего сердца приветствую вас, также маменьку и всё ваше семейство. На днях я написал вам немного резкое письмо, — но это потому, что я потерял голову.³[50] Простите мне его, ибо я раскаиваюсь. Я в 75 верстах от вас, и бог знает, увижу ли я вас через 75 дней.

P. S. Или же пришлите мне карету, или коляску в Платавский карантин на моё имя.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 530.

Впервые (в русском переводе): *ВЕ*, 1878, январь, с. 20; в подлиннике (по автографу, полученному от дочери Пушкина графини Н. А.

Меренберг): В. Б. Бертенсоном (Новое время,
1899, 16 мая, № 8338).

14. 2 декабря 1830 г. Платава

Il est inutile de m'envoyer la calèche, j'avais été faussement averti. Me voilà en quarantaine avec la perspective de rester prisonnier pendant 14 jours — après quoi j'espère être à vos pieds.

Ecrivez-moi, je vous supplie, à la quarantaine de Platava. Je crains que je ne vous aie fâchée. Vous me pardonneriez si vous saviez tous les désagréments que j'ai eu à cause de cette peste. Au moment où j'allais partir, au commencement d'octobre, on me nomme inspecteur de district — charge que j'aurais acceptée absolument, si en même temps je n'eus appris que la Choléra était à Moscou. J'ai eu toutes les peines du monde en me débarrasser. Puis vient la nouvelle de ce que Moscou est cerné, que l'entrée en est défendue. Puis mes malheureuses tentatives d'évasion,¹ puis la nouvelle que vous n'aviez pas quitté Moscou — enfin votre dernière lettre qui m'a mis au désespoir. Comment avez-vous eu le courage de l'écrire? Comment avez-vous pu croire que je restais confiné à Нижний à cause de cette sacrée Princesse Galitzine? connaissez-vous cette Pr.<incesse> G.<alitzine>? A elle seule elle est

grosse comme toute votre famille, y compris moi. En vérité je suis prêt à être dur de nouveau. Mais enfin me voilà en quarantaine et pour le moment je ne désire rien de plus. Вот до чего мы дожили — что рады, когда нас на две недели посадят под арест в грязной избе к ткачу, на хлеб да на воду! —

Нижний n'est plus cerné — les quarantaines ont été anéanties à Vlodimir la veille de mon départ. Cela ne m'a pas empêché d'être retenu près de Sévasleika, vu que le gouverneur avait négligé d'envoyer savoir à l'inspecteur que la quarantaine n'existait plus. Si vous pouviez vous imaginer seulement le quart des désordres que ces quarantaines ont entraîné,² vo<us> ^a ne concevriez pas comment on peut s'en débarrasser. Adieu. Mes respectueux hommages à Maman. Je salue de tout mon cœur M^{les} vos sœurs et Mr Serge.

2 [oct] déc.

Platava

Адрес: Её высокоблагородию

м. г. Наталии Николаевне

Гончаровой

в Москве

На Никитской в собств. доме.

Перевод

Бесполезно высылать за мной коляску, меня плохо осведомили. Я в карантине с перспективой оставаться в плену две недели — после чего надеюсь быть у ваших ног.

Напишите мне, умоляю вас, в Платавский карантин. Я боюсь, что рассердил вас. Вы бы простили меня, если бы знали все неприятности, которые мне пришлось испытать из-за этой эпидемии. В ту минуту, когда я хотел выехать, в начале октября, меня назначают окружным надзирателем — должность, которую я обязательно принял бы, если бы не узнал в то же время, что холера в Москве. Мне стоило великих трудов избавиться от этого назначения. Затем приходит известие, что Москва оцеплена и въезд в неё запрещён. Затем следуют мои несчастные попытки вырваться,¹[51] затем — известие, что вы не уезжали из Москвы — наконец ваше последнее письмо, повергшее меня в отчаяние. Как у вас хватило духу написать его? Как могли вы подумать, что я застрял в Нижнем из-за этой проклятой княгини Голицыной? Знаете ли

вы эту кн. Г.<олицыну>? Она одна толста так, как всё ваше семейство вместе взятое, включая и меня. Право же, я готов снова наговорить резкостей. Но вот я наконец в карантине и в эту минуту ничего лучшего не желаю. (.....)

Нижний больше не оцеплен — во Владимире карантинны были сняты накануне моего отъезда. Это не помешало тому, что меня задержали в Сиваслейке, так как губернатор не позаботился дать знать смотрителю о снятии карантина. Если бы вы могли себе представить хотя бы четвертую часть беспорядков, которые произвели эти карантинны,²[52] — вы не могли бы понять, как можно через них прорваться. Прощайте. Мой почтительный поклон маменьке. Приветствую от всего сердца ваших сестёр и Сергея.

2 дек.

Платава.

Комментарий

Автограф в парижской коллекции С. Лифаря.

Впервые (в русском переводе): ВЕ, 1878, январь, с. 20—21; по автографу: *Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой*, с. 74—75; фототипическое

воспроизведение там же, между с. 74 и 75; две фразы из французского оригинала введены по выписке П. В. Анненкова Б. Л. Модзалевским в его издание писем Пушкина (см.: *Письма*, т. 2, с. 120). *Акад.*, XIV, № 544.

15. 6 декабря 1831 г. Москва

Сей час приехал к *Нащокину* на *Пречистенском Валу* в дом *г-жи Ильинской*. [53] Завтра буду тебе писать. Сегодня мочи нет устал. Цалую тебя, жёнка, мой ангел.

6 дек.

Адрес: *М. г. Натальи Николаевне Пушкиной*.

В С. Петербург. В Галерной в доме *Брискорн*.

Комментарий

Автограф разрезан надвое — одна часть (начало, до слов «Завтра буду тебе писать» включительно): *ИРЛИ*, № 571; вторая часть (окончание): *ИРЛИ*, № 1449.

Впервые: окончание — *И. С. Тургеневым* (*ВЕ*, 1878, январь, с. 22) ; начало (с воспроизведением) — *Н. О. Лернером* (*Рус. Библиофил*, 1913, № 2, с. 18); полностью — *М. А. Цявловским* (*Письма Пушкина и к Пушкину*, не вошедшие в изданную *Российской академией «Переписку Пушкина»*. М., 1925, с. 17). *Акад.*, XIV, № 709.

16. 8 декабря 1831 г. Москва

Здравствуй, жёнка, мой ангел. Не сердись, что третьего дня написал я тебе только три строки; мочи не было, так устал. Вот тебе мой Itinéraire.^a[54] Собирался я выехать в зимнем дилижансе, но мне объявили, что по причине оттепели должен я отправиться в летнем; взяли с меня лишних 30 рублей и посадили в четвероместную карету вместе с двумя товарищами. А я ещё и человека с собою не взял в надежде путешествовать одному. Один из моих спутников был рижский купец, добрый немец, которого каждое утро душили мокроты и который на станции ровно час отхарковался в углу. Другой мемельский жид, путешествующий на счёт первого. Вообрази, какая весёлая компания. Немец три раз в день и два раза в ночь окурратно был пьян. Жид забавлял его во всю дорогу приятным разговором, например по-немецки рассказывал ему Swan Wijigin; (ganz charmant!).⁶[55]¹[56] Я старался их не слушать и притворялся спящим. Вслед за нами ехали в дилижансах трое купцов, княгиня Голицына (Ланская), приятель

мой Жемчужников, фр.<ейлина> Кочтова и проч. Всё это останавливалось вместе; ни на минуту не было покоя; в Валдае принуждены мы были пересесть в зимние экипажи, и на силу дотащились до Москвы. Нащокина не нашёл я на старой его квартире;²[57] на силу отыскал его у *Пречистенских ворот в доме Ильинской* (не забудь адреса). Он всё тот же: очень мил и умён; был в выигрыше, но теперь проигрался, в долгах и хлопотах. Твою комиссию исполнил: поцаловал за тебя и потом объявил, что Нащокин дурак, дурак Нащокин.³[58] Дом его⁴[59] (помнишь?) отделяется; что за подсвечники, что за сервиз! он заказал фортепяно, на котором играть можно будет пауку, и судно, на котором испразнится разве шпанская муха. Видел я Вяземских, Мещерских, Дмитриева, Тургенева, Чадаева, Горчакова, Д.<ениса> Давыдова. Все тебе кланяются; очень спрашивают о тебе, о твоих успехах; я поясняю сплетни, а сплетен много. Дам московских ещё не видал; на балах и в собрание, вероятно, не явлюсь. Дело с Нащокиным и Догановским,⁵[60] вероятно, скоро кончу, о твоих бриллиантах жду изве-

ствия от тебя.⁶[61] Здесь говорят, что я ужасный ростовщик;⁷[62] меня смешивают с моим кошельком. Кстати: я кошелёк обратил в мошну, и буду ежегодно праздновать родины и крестины, сверх положенных имянин. Москва полна ещё пребыванием Двора, в восхищении от царя, и ещё не отдохнула от балов;⁸[63] Цыхлер сделал в один месяц 80 тысяч чистого барыша. А. Корсокова выходит за к.<нязя> Вяземского. Вот тебе все наши новости. Надеюсь увидеть тебя недели через две; тоска без тебя; к тому же с тех пор, как я тебя оставил, мне всё что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поедешь во дворец, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени комендантской лестницы.⁹[64] Душа моя, жёнка моя, ангел мой! сделай мне такую милость: ходи 2 часа в сутки по комнате, и побереги себя. Вели брату смотреть за собою и воли не давать. Брюлов пишет ли твой портрет? была ли у тебя Хитрова или Фикельмон? Если поедешь на бал, ради бога, кроме кадрили не пляши ничего; напиши, не притесняют ли тебя люди, и можешь ли ты с ними сладить. За сим цалую тебя сердечно. У меня гости.

8 дек.

Адрес: М. г. Наталье Николаевне
Пушкиной.

В С. Петербург.

В Галерной в доме Брискорн.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1450.

Впервые: *ВЕ*, 1878, январь, с. 23—24. *Акад.*,
XIV, № 710.

Почтовый штемпель: «Москва 9 дека.».

17. 10 декабря 1831 г. Москва

Я всё боюсь, чтоб ты не прислала билетов [65] на старую квартиру Нащокина и тем не замедлила моих хлопот. Вот уж неделю, как я с тобою расстался, срок отпуску моему близок; а я затеваю ещё дело, но оно меня не задержит. Что скажу тебе о Москве? Москва ещё пляшет, но я на балах ещё не был. Вчера обедал в Англ.<ийском> клубе; [66] поутру был на аукционе Власова; [67] вечер провёл дома, где нашёл студента дурака, твоего обожателя. [68] Он поднёс мне роман *Теодор и Розалия*, в котором он описывает нашу историю. Умора. Всё это однакож не слишком забавно, и меня тянет в П.<етер> Б.<ург>. — Не люблю я твоей Москвы. У тебя, т. е. в вашем Никитском доме, [69] я ещё не был. Не хочу, чтоб холопья ваши знали о моём приезде; да не хочу от них узнать и о приезде Нат.<альи> Ив.<ановны>, иначе должен буду к ней явиться и иметь с нею необходимую сцену; она всё жалуется по Москве на моё корыстолюбие, да полно, я слушаться её не намерен. Цалую тебя и прошу ходить взад и вперёд по гостиной, во дворец

не ездить и на балах не плясать. Христос с тобой.

10 дек.

Адрес: *Наталье Николаевне Пушкиной.*

В С. Петербург в Галерной в доме Брискорн.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1451.

Почтовые штемпеля: «Москва 11 дека.» и «Получ. дек.».

Впервые: *ВЕ*, 1878, январь, с. 24. *Акад.*, XIV, № 711.

18. Около (не позднее) 16 декабря 1831 г. Москва

Оба письма твои получил я вдруг и оба меня огорчили и осердили. Василий врёт, что он истратил на меня 200 рублей. Алёшке я денег давать не велел, за его дурное поведение. За стол я заплачу по моему приезду; никто тебя не просил платить мои долги. Скажи от меня людям, [т. е. Василию и Алёшке], что я ими очень недоволен. Я не велел им тебя беспокоить, а они, как я вижу, обрадовались моему отсутствию. Как смели пустить к тебе Фомина, когда ты принять его не хотела? да и ты хороша. Ты пляшешь по их дудке; платишь деньги, кто только попросит; эдак хозяйство не пойдёт. Вперёд, как приступят к тебе, скажи, что тебе до меня дела нет; а чтоб твои приказания были святы. С Алёшкой разделаюсь по моём приезде. Василия[70] вероятно принуждён буду выпроводить с его возлюбленной[71] — *enfin de faire maison nette*;^a [72] всё это очень досадно. Не сердись, что я сержусь.

Дела мои затруднительны.[73] Нащокин запутал дела свои более, нежели мы полагали. У него три или четыре прожекта, из коих ни на единый он ещё не решился. К деду твоему явиться я не намерен. А делу его постараюсь помешать.[74] Тебя, мой ангел, люблю так, что выразить не могу; с тех пор как здесь, я только и думаю, как бы удрать в П.<е-тер> Б.<ург> — к тебе, жёнка моя.

Распечатываю письмо моё, мой милый друг, чтоб отвечать на твоё. Пожалуйста не стягивайся, не сиди поджавши ноги, и не дружись с графинями, с которыми нельзя кланяться в публике.[75] Я не шучу, а говорю тебе серьёзно и с беспокойством. Письмо Б.<енкендорфа> ты хорошо сделала, что отослала. Дело не о чине, а всё-таки нужное. Жду его.[76] На днях опишу тебе мою жизнь у Нащокина, бал у Солдан, вечер у Вяземского — и только. Стихов твоих не читаю.[77] Чорт ли в <них>; и свои надоели. Пиши мне лучше о себе — о своём здоровьи. На хоры не ездите — это место не для тебя.

Адрес: Наталье Николаевне Пушкиной.

В С. Петербург

Галерной, дом Брискорн.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1452.

Почтовый штемпель: «Москва 16 дека.».

Впервые: *ВЕ*, 1878, январь, с. 24—25. *Акад.*,

XIV, № 715.

19. 16 декабря 1831 г. Москва

Милый мой друг, ты очень мила, ты пишешь мне часто, одна беда: письма твои меня не радуют. Что такое *vertige*?^a[78] обмороки или тошнота? виделась ли ты с бабкой? пустили ли тебе кровь? Всё это ужас меня беспокоит. Чем больше думаю, тем яснее вижу, что я глупо сделал, что уехал от тебя. Без меня ты что-нибудь с собой да напроказишь. Того и гляди выкинешь. Зачем ты не ходишь? а дала мне честное слово, что будешь ходить по 2 часа в сутки. Хорошо ли это? Бог знает, кончу ли здесь мои дела, но к празднику к тебе приеду. [79] Голкондских алмазов дожидаться не намерен,[80] и в новый год выведу тебя в бусах. Здесь мне скучно; Нащ.<окин> занят делами, а дом его такая бестолочь и ералаш, что голова кругом идёт. С утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно заимодавцы. Всем вольный вход; всем до него нужда; всякой кричит, курит трубку, обедает, поёт, пляшет; угла нет свободного — что делать?[81] Между тем денег у него нет, кредита

нет — время идёт, а дело моё не распутывается. Всё это поневоле меня бесит. К тому же я опять застудил себе руку, и письмо моё вероятно будет пахнуть бобковой мазью,[82] как твои визитные билеты. Жизнь моя однообразная, выезжаю редко. Зван был всюду, но был у одной Солдан, да у Вяземской, у которой увидел я твоего Давыдова — не женатого (утешься). Вчера Нащ.<окин> задал нам цыганский вечер; я так от этого отвык, что от крику гостей и пенья цыганок до сих пор голова болит. Тоска, мой ангел — до свидания.

16 дек.

Адрес: Наталье Николаевне
Пушкиной.

В С. Петербург

в Галерной в доме Брискорн.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1453.

Почтовый штемпель: «Москва 19 дека.».

Впервые: *ВЕ*, 1878, январь, с. 25—26. *Акад.*,
XIV, № 716.

20. 22 сентября 1832 г. Москва

Четверг. Не сердись, жёнка; дай слово сказать. Я приехал в Москву, вчера в среду. [83] Велосифер, по-русски Поспешный дилижанс, несмотря на плеоназм, поспешал как черепаха, а иногда даже как рак. В сутки случилось мне сделать три станции. Лошади расковывались и неслыханная вещь! их подковывали на дороге. 10 лет езжу я по большим дорогам, отроду не видывал ничего подобного. Насилу дотащился в Москву, <-----> дождём и встревоженную приездом двора. Теперь послушай, с кем я путешествовал, с кем провёл я 5 дней и 5 ночей. То-то будет мне гонка! с пятью немецкими актрисами, в жёлтых кацавейках и в чёрных вуалях. Каково? Ей богу, душа моя, не я с ними кокетничал, они со мною амурились в надежде на лишний билет. Но я отговаривался незнанием немецкого языка, и как маленькой Иосиф[84] вышел чист от искушения. Приехав в Москву, поспекал отыскивать Нащокина, нашёл его

по-прежнему озабоченным домашними обстоятельствами, но уже спокойнее в сношениях со своею Сарою.[85] Он кокую, и видит, что это состояние приятное и независимое. Он ездил со мною в баню,[86] обедал у меня. Завёз меня к кн.<ягине> Вяз.<емской>, княгиня завезла меня во Фр.<анцузский> театр,[87] где я чуть было не заснул от скуки и усталости. Приехал к Оберу[88] и заснул в 10 часов вечера. Вот тебе весь мой день; писать не было мне ни времени, ни возможности физической. Государь здесь со 20-го числа, и сегодня едет к Вам, так что с Бенкендорфом не успею увидеться, хоть было бы и нужно.[89] Великая княгиня была очень больна, вчера было ей легче, но двор ещё беспокоен и государь не принял ни одного праздника. Видел Чадаева в театре, он звал меня с собою повсюду, но я дремал. Дела мои, кажется, скоро могут кончиться,[90] а я, мой ангел, не мешкая ни минуты поскачу в П.<етер> Б.<ург>. Не можешь вообразить, какая тоска без тебя. Я же всё беспокоюсь, на кого покинул я тебя! на Петра, сонного пьяницу, который спит, не проспит, ибо он и пьяница и дурак; на Ирину Кузь-

миничну, которая с тобою воует; на Ненилу Ануфриевну, которая тебя грабит. А Маша-то? что её золотуха и что Спасский? Ах, жёнка душа! что с тобою будет? Прощай, пиши.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной.

В С. Петербурге на Фурштатской в доме Алымова.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1461.

Почтовые штемпеля: «Москва 1832 сентябр. 22» и «Получено 1832 сен. 25 вечер».

Впервые: *ВЕ*, 1878, январь, с. 26—27. *Акад.*, XV, № 769.

Датируется на основании почтового штемпеля и пометы Пушкина: «Четверг».

21. 25 сентября 1832 г. Москва

Какая ты умнинькая, какая ты миленькая! Какое длинное письмо! как оно дельно! благодарствуй, жёнка. Продолжай, как начала, и я век за тебя буду бога молить. Заключай с поваром какие хочешь условия,[91] только бы не был я принуждён, отобедав дома, ужинать в клобе.[92] Каретник мой плут; взял с меня за починку 500 руб., а в один месяц карета моя хоть брось. Это мне наука: не иметь дела с полуталантами. Фрибелиус или Иохим [93] взяли бы с меня 100 р. [лу] лишних, но зато не надули бы меня. Ради бога, Машу не пачкай ни сливками, ни мазью. Я твоей Уткиной плохо верю. Кстати: смотри, не брюхата ли ты, а в таком случае береги себя на первых порах. Верьхом не ездь, а кокетничай как-нибудь иначе. Здесь о тебе все отзываются очень благосклонно. Твой Давыдов, говорят, женится на дурнушке. Вчера рассказали мне анекдот, который тебе сообщаю. В 1831 году, февр.<аля> 18 была свадьба на Никитской в

приходе вознесения. Во время церемонии двое молодых людей разговаривали между собою. Один из них нежно утешал другого, несчастного любовника венчаемой девицы. А несчастный любовник, с вздыханием и слезами, надеялся со временем забыть безумную страсть etc. etc. etc. Княжны Вяз.<емские> слышали весь разговор и думают, что несчастный любовник был Давыдов. А я так думаю, Петушков или Буянов или паче Сорохтин. Ты как? не правда ли, интересный анекдот?[94] Твоё намерение съездить к Плетнёву похвально, но соберёшься ли ты? съезди, жёнка, спасибо скажу. Что люди наши? каково с ними ладишь? Вчера был я у Вяземской, у ней отправлялся обоз и я было с ним отправил к тебе письмо, но письмо забыли, а я его тебе препровождаю, чтоб не пропала ни строка пера моего для тебя и для потомства. Нащокин мил до чрезвычайности. У него проявились два новые лица в числе челядинцев. Актёр, игравший вторых любовников, ныне разбитый параличем и совершенно одуревший, и монах, перекрест из жидов, обвешенный веригами, представляющий нам в лицах жидов-

скую синагогу и рассказывающий нам соблазнительные анекдоты о московских монашниках. Нащокин говорит ему: ходи ко мне всякой день обедать и ужинать, волочись за мою девичьей, но только не сводничай Окулову.[95] Каков отшельник? он смешит меня до упаду, но не понимаю, как можно жить, окружённым такою сволочью. Букли я отослал к Малиновским, они велели звать меня на вечер, но вероятно не поеду. Дела мои принимают вид хороший. Завтра начну хлопотать, и если через неделю не кончу, то оставлю всё на попечение Нащокину, а сам отправлюсь к тебе — мой ангел, милая моя жёнка. Покамест прощай, Христос с тобою и с Машей. Видишь ли ты Катерину Ивановну? сердечно ей кланяюсь, и цалую ручку ей и тебе, мой ангел.

Воскресение.

Важное открытие: Иполит говорит по-французски.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной.

В С. Петербург на Форштатской в доме Алымова.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1462.

Почтовые штемпеля: «Москва 1832 сентябр. 26» и «Получено 1832 сен. 29 вечер». Приложенное Пушкиным письмо от 24 сентября, о котором он упоминает в данном письме, не сохранилось.

Впервые: *ВЕ*, 1878, январь, с. 27—28. *Акад.*, XV, № 770.

Датируется на основании почтовых штемпелей и пометы Пушкина «Воскресение».

22. 27 сентября 1832 г.
Москва

Вчера только успел отправить письмо на почту, получил от тебя целых три. Спасибо, жена. Спасибо и за то, что ложишься рано спать. Нехорошо только, что ты пускаешься в разные кокетства; принимать Пушкина¹[96] тебе не следовало, во первых, потому что при мне он у нас ни разу не был, а во вторых, хотя я в тебе и уверен, но не должно свету подавать повод к сплетням. Вследствии сего деру тебя за ухо и цалую нежно, как будто ни в чём не бывало. Здесь я живу смирно и порядочно; хлопочу по делам,²[97] слушаю Нащокина и читаю Mémoires de Diderot.^a[98]³[99] Был вечер у Вяземской и видел у ней le beau Vézobrazof,⁶[100] который так же нежно обошёлся со мною, как Александров у Бобринской.⁴[101] Помнишь? Это весьма тронуло моё сердце. Прощай. Кто-то ко мне входит.

Фальшивая тревога: Иполит принёс мне кофей. Сегодня еду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора; но я ни до каких

Давыдовых, кроме Дениса, не охотник — а в Московском университете я оглашенный.⁵
[102] Моё появление произведёт шум и соблазн, а это приятно щекотит моё самолюбие.

Опять тревога — Муханов прислал мне разносчика с пастилою. Прощай. Христос с тобою и с Машею.

Вторник.

Цалую ручку у К.<атерины> Ив.<ановны>. Не забудь же.

Адрес: Наталии Николаевне Пушкиной.

В [Москве] С. Петербурге в доме Алымова на Фурштатской.

Комментарий

Автограф: ИРЛИ, № 1463.

Почтовые штемпеля: «Москва 1832 сен. 27» и «Получено 1832 сен. 30 вечер».

Впервые: ВЕ, 1878, январь, с. 28—29. *Акад.*, XV, № 771.

Датируется на основании почтовых штемпелей и пометы Пушкина: «Вторник».

23. 30 сентября 1832 г. Москва

Вот видишь, что я прав: нечего было тебе принимать Пушкина. Просидела бы ты у Идалии и не сердилась на меня. Теперь спасибо за твоё милое, милое письмо. Я ждал от тебя грозы, ибо по моему расчёту прежде воскресения ты письма от меня не получила; а ты так тиха, так снисходительна, так забавна, что чудо. Что это значит? Уж не кокую ли я? Смотри! Кто тебе говорит, что я у Баратынского не бываю? Я и сегодня провожу у него вечер, и вчера был у него. Мы всякой день видимся. А до жён нам и дела нет. Грех тебе меня подозревать в неверности к тебе и в разборчивости к жёнам друзей моих. Я только завидую тем из них, у коих супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадоны[103] etc. etc. Знаешь русскую песню —

*Не дай бог хорошей жены,
Хорошу жену часто в пир зовут.*

А бедному-то мужу во чужом пиру похмелье, да и в своём тошнит. Сей час от меня [ли-

тератор] — Альманашик. Насилу отговорился от него. Он стал просить стихов для Альманаха, а я статьи для газеты. Так и разошлись. На днях был я приглашён Уваровым в университет. Там встретился с Каченовским (с которым, надобно тебе сказать, бранивались мы, как торговки на вшивом рынке). А тут разговорились <с ним> так дружески, так сладко, что у всех предстоящих потекли слёзы умиления.[104] Передай это Вяземскому. Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы учишься.[105] Это непременно нужно во всяком благоустроенном семействе: докажу после. На днях был я на бале (у кн.<ягини> Вяз.<емской>; следственно, я прав). Тут была графиня Салагуб, гр.<афиня> Пушкина (Владимир), Aurore, её сестра, и Natalie Урусова. Я вёл себя прекрасно; любезничал с гр.<афиной> Салогуб[106] (с тёткой, entendons-nous^a [107]) и уехал ужинать к Яру,[108] как скоро бал разыгрался. Дела мои идут своим чередом.[109] С Нащекиным вижусь всякой день. У него в домике[110] был пир: подали на стол мышонка в сметане под хреном в виде поросёнка. Жаль, не было гостей. По своей духов-

ной домик этот отказывает он тебе. Мне пришёл в голову роман,[111] и я вероятно за него примусь; но покамест, голова моя кругом идёт при мысли о газете.[112] Как-то слажу с нею? Дай бог здоровье Отрыжкову; авось вывезет. Цалую Машу и благословляю, и тебя тоже, душа моя, мой ангел. Христос с Вами.

Адрес: Наталии Николаевне Пушкиной.

В С. Петербург в доме Алымова, на Фурштатской.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1464.

Почтовые штемпеля: «Москва 1832 сен. 30» и «Получено 1832 окт. 4 вечер».

Впервые: *ВЕ*, 1878, январь, с. 29—30. *Акад.*, XV, № 772.

Датируется на основании московского почтового штемпеля и слов Пушкина «на днях был я приглашён Уваровым в Университет». В Московском университете Пушкин был 27 сентября, поэтому 28-го и 29-го это посещение определялось бы как «вчера» или «позавчера», а 30-го он уже мог написать «на днях». Письма 20 и 22, которые датирует сам Пушкин, отправлены на почту 30 сентября. В на-

стоящем письме описываются события предшествующих дней, поэтому скорее всего оно было написано утром и, следовательно, в тот же день отправлено на почту.

24. Около (не позднее) 3 октября 1832 г. Москва

По пунктам отвечаю на твои обвинения. 1) Русской человек в дороге не переодевается и, доехав до места свинья свиньёю, идёт в баню, которая наша вторая мать. Ты разве не крещёная, что всего этого не знаешь? 2) В Москве письма принимаются до 12 часов — а я въехал в Тверскую заставу ровно в 11, следовательно и [не у<спел>] отложил писать к тебе до другого дня. Видишь ли, что я прав, а что ты кругом виновата? виновата 1) потому что всякой вздор забираешь себе в голову, 2) потому что пакет Бенкендорфа (вероятно важный) [113] отсылаешь с досады на меня бог ведает куда, 3) кокетничаешь со всем дипломатическим корпусом, да ещё жалуешься на своё положение, будто бы подобное Нащокинскому! [114] жёнка, жёнка!.. но оставим это. Ты, мне кажешься, воюешь без меня дома, сменяешь людей, ломаешь кареты, сверяешь счёты, доишь кормилицу. Ай да хват баба! что хорошо, то хорошо. Здесь я не так-то деятелен. Насилу

успел написать две доверенности,[115] а денег не дождусь. Оставлю неоконченное дело на попечение Нащокину. Брат Дмитрий Николаевич здесь. Он в Калуге никакого не нашёл акта, утверждающего болезненное состояние отца, и приехал хлопотать о том сюда. С Натальей Ивановной они сошлись и помирились. Она не хочет входить в управление имения, и во всём полагается на Дмитрия Никол.<евича>. Отец поговаривает о духовной; на днях будет он освидетельствован гражданским губернатором.[116] К тебе пришлют для подписания доверенность. Катерина Ивановна научит тебя, как со всем этим поступить. Вяземские едут после 14-го. А я на днях.[117] Следственно нечего тебе и писать. Мне без тебя так скучно, так скучно, что не знаю, куда головы преклонить. Хочешь комеражей?[118] Горскина вчера вышла за к.<нязя> Щербатова, за младенца. Красавиц Безобразов кружит здешние головки, причёсанные а la Ninon^a [119]’[120] домашними парикмахерами. Кн.<язь> Урусов[121] влюблён в Машу Вяземскую (не говори отцу, он станет беспокоиться). Другой Урусов,[122] говорят, женится на

Бороздиной-соловейке. Москва ожидает царя к зиме, но кажется напрасно. Прощай, мой ангел, цалую тебя и Машу. Прощай, душа моя — Христос с тобою.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной в С. Петербурге на Фурштатской в доме Алымова.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1465.

Почтовые штемпеля: «Москва 1832 октября 3» и «Получено 1832 окт. 6 вечер».

Впервые: *ВЕ*, 1878, январь, с. 30—31. *Акад.*, XV, № 773.

25. 20 августа 1833 г. Торжок

Торжок. Воскресение.

Милая жёнка, вот тебе подробная моя Одисея.[123] Ты помнишь, что от тебя уехал я в самую бурю. Приключения мои начались у Троицкого мосту. Нева так была высока, что мост стоял дыбом; веровка была протянута и полиция не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Чёрную речку. Однако переправился через Неву выше, и выехал из Петербурга. Погода была ужасная.[124] Деревья по Царскосельскому проспекту так и валялись, я насчитал их с пятьдесят. В лужицах была буря. Болота волновались белыми волнами. По счастью, ветер и дождь гнали меня в спину, и я преспокойно высидел всё это время. Что-то было с Вами, Петербургскими жителями? Не было ли у вас нового наводнения? что, если и это я прогулял?[125] досадно было бы. На другой день погода прояснилась. Мы с Соболевским шли пешком 15 вёрст, убивая по дороге змей, которые обрадовались сдуру солнцу и выползали на песок. Вчера прибыли мы благополучно в Торжок, где Соболевский

свиристествовал за нечистоту белья. Сегодня [126] проснулись в 8 часов, завтракали слав-но, а теперь отправляюсь в сторону, в Ярополец — а Соболевского оставляю наедине с швейцарским сыром. Вот, мой ангел, подроб-ный отчёт о моём путешествии. Ямщики за-кладывают коляску шестернёй, страшая меня грязными, просёлочными дорогами. Коли не утону в луже, подобно Анрепу, [127] буду пи-сать тебе из Ярополица. От тебя буду надеять-ся письма в Синбирске. Пиши мне о своей грудице и о прочем. Машу не балуй, а сама береги своё здоровье, не кокетничай 26-го. [128] Да бишь! не с кем. Однако всё-таки не кокетничай. Кланяюсь и цалую ручку с Ермо-ловской нежностью [129] Катерине Ивановне. Тебя цалую крепко и всех вас, благословляю тебя, Машку и Сашку.

Кланяйся Вяземскому, когда увидишь, ска-жи ему, что мне буря помешала с ним про-ститься и поговорить об Альманаке, о кото-ром буду хлопотать дорогою. [130]

Адрес: Наталии Николаевне Пушкиной.

В Санктпетербург на Чёрной Речке [131] на даче Миллера.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1477.

Почтовые штемпеля: «Торжок 21 августа 1833 год» и «Получено 1833 авг. 24 вечер».

Впервые: *ВЕ*, 1878, январь, с. 31—32. *Акад.*, XV, № 837.

Датируется на основании почтового штемпеля и пометы Пушкина: «Воскресение».

26. 21 августа 1833 г. Павловское¹[132]

Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу: из Павловска; между Берновом и Малинников, о которых, вероятно, я тебе много рассказывал. Вчера, своротя на просёлочную дорогу²[133] к Яропольцу, узнаю, с удовольствием, что проеду мимо Вульфовых поместий, и решил их посетить. В 8 часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мне, как родному. Здесь я нашёл большую перемену. Назад тому 5 лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переведены, а барышни разъехались; из старых моих приятельниц нашёл я одну белую кобылу, на которой и съездил в Малинники; но и та уж подо мною не пляшет, не бесится, а в Малинниках вместо всех Анет, Евпраксий, Саш, Маш³[134] etc. живёт управитель Парасковии Александровны, Рейхман, который поподчивал меня шнапсом. Вельяшева, мною некогда воспетая, живёт здесь в

соседстве. Но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу. Здесь объедаюсь я вареньем и проиграл три рубля в двадцать четыре роббера в вист.⁴[135] Ты видишь, что во всех отношениях я здесь безопасен. Много спрашивают меня о тебе; так же ли ты хороша, как сказывают — и какая ты: *брюнетка* или *блондинка*, *худинькая* или *плотнинькая*? Завтра чем свет отправляюсь в Ярополиц, где пробуду несколько часов и отправлюсь в Москву, где, кажется, должен буду остаться дня три. Забыл я тебе сказать, что в Ярополице (виноват: в Торжке) толстая М^{lle} Rojarsky, та самая, которая варит славный квас и жарит славные котлеты,⁵[136] провожая меня до ворот своего трактира, отвечала мне на мои нежности: стыдно вам замечать чужие красоты, у вас у самого такая красавица, что я встретья её (?) ахнула. А надобно тебе знать, что М^{lle} Rojarsky ни дать ни взять М^{de} George, только немного постаре.⁶[137] Ты видишь, моя жёнка, что слава твоя распространилась по всем уездам. Довольна ли ты? будьте здоровы все; помнит ли меня Маша, и нет ли у ней новых затей? Прощай, моя плотнинькая

брюнетка (что ли?). Я веду себя хорошо, и тебе не за что на меня дуться. Письмо это застанет тебя после твоих имянин. Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что^а[138] с твоим лицом ничего сравнить нельзя н^а све^б[139]те,⁷[140] — а душу твою люблю я ещё более твоего лица. Прощай, мой ангел, цалую тебя крепко.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной в Петербурге, на Чёрной речке на даче Миллера.

Комментарий

Автограф: ИРЛИ № 1478.

Почтовые штампы: «Москва 1833 августа 26» и «Получено 1833 авг. 29 вечер».

Впервые: ВЕ, 1878, январь, с. 32—33. *Акад.*, XV, № 838.

Датируется на основании слов Пушкина: «Вчера, своротя на просёлочную дорогу...». «Вчера», т. е. 20 августа (см. письмо 25).

27. 26 августа 1833 г. Москва

26

авг. Москва.

Поздравляю тебя со днём твоего ангела, мой ангел, цалую тебя заочно в очи — и [начинаю даль<нейшее> <?>] пишу тебе продолжение моих походов — из антресолей вашего Никитского дома,¹[141] куда прибыл я вчера благополучно из Ярополица.²[142] В Ярополиц приехал я в среду поздно.³[143] Наталья Ивановна встретила меня как нельзя лучше. Я нашёл её здоровою, хотя подле неё лежала палка, без которой далеко ходить не может. Четверг я провёл у неё. Много говорили о тебе, о Машке и о Кат.<ерине> Ив.<ановне>. Мать, кажется, тебя к ней ревнует; но хотя она по своей привычке и жаловалась на прошедшее, однако с меньшей уже горечью. Ей очень хотелось бы, чтоб ты будущее лето провела у неё. Она живёт очень уединённо и тихо в своём разорённом дворце и разводит огороды над прахом твоего прадедушки Дорошенки, к которому ходил я на поклонение.⁴[144] Сем.<ён> Фёд.<орович>,⁵[145] с которым мы большие приятели, водил меня на его

гробницу и показывал мне прочие достопамятности Ярополица. Я нашёл в доме старую библиотеку, и Нат.<алья> Ив.<ановна> позволила мне выбрать нужные книги. Я отобрал их десятка три, которые к нам и придут с варением и наливками. Таким образом набег мой на Ярополец был вовсе не напрасен.⁶[146]

Теперь, жёнка, послушай, что делается с Дм.<итрием> Ник.<олаевичем>. Он как владетельный принц влюбился в гр.<афиню> Н.<адежду> Черн.<ышеву> *по портрету*, услыша, что она девка плотная, черная и румяная. Два раза ездил он в Ярополец в надежде её увидеть, и в самом деле ему удалось застать её в церкви. Вот он и полез на стены. Пишет [он] из Заводов, что он без памяти от *la charmante et divine comtesse*,^a[147] что он ночи не спит, *et gue son charmant image etc.*⁶[148] и непременно требует от Нат.<альи> Ив.<ановны>, чтоб она просватала за него *la charmante et divine comtesse*;^b[149] Нат.<алья> Ив.<ановна> поехала к Крутливой и выполнила комиссию. Позвали *la divine et charmante*,^r[150] которая отказала наотрез. Нат.<алья> Ив.<ановна> беспокоится о том,

какое действие произведёт эта весть. Я полагаю, что он не застрелится. Как ты думаешь? А надобно тебе знать, что он дело затеял ещё зимою и очень подозревал *la divine et charmante comtesse*^а[151] в склонности к Муравьёву (святому).⁷[152] Для сего он со всевозможною дипломатическою тонкостию пришёл однажды спросить его, как Скотинин у своего племянника: *Митрофан, хочешь ли ты жениться?*⁸[153] Видишь какой плут! и нам ничего не сказал. Муравьёв отвечал ему, что скорей он будет монахом, а брат и обрадовался, и ну просить у графини *son cœur et sa main*,^е[154] уверяя её письменно *qu'il n'est plus dans son assiette ordinaire*.^ж[155] Я помирал со смеху, читая его письмо, и жалею, что не выпросил его для тебя.

Из Яроп.<ольца> выехал я ночью и приехал в Москву вчера в полдень. Отец меня не принял. Говорят, он довольно тих.⁹[156] Нащокин сказывал мне, что деньги Юрьева к тебе посланы. Теперь я покоен. Соболевский *incognito*³[157] прячется от заимодавцев, как настоящий *gentleman*,^н[158] и скупает свои векселя. Дорогой вёл он себя порядочно и до-

волью верно исполнил условия, мною ему поднесённые, а именно: 1) платить прогоны пополам, не обсчитывая товарища, 2) не<----->ни явным, ни тайным образом, разве во сне и то ночью, а не после обеда. В Москве пробуду я несколько времени, то есть два или три дня.¹⁰[159] Коляска требует подправок. Дороги просёлочные были скверные; меня насилу тащили шестернёй. В Казане буду я около [первого] третьего.¹¹[160] Оттоле еду в Симбирск. Прощай, береги себя. Цалую всех вас. Кланяйся Кат.<ерине> Ивановне.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1479.

Впервые: *ВЕ*, 1878, январь, с. 33—34. *Акад.*, XV, № 839.

28. 27 августа 1833 г. Москва

Вчера были твои именины, сегодня твоё Рождение. Поздравляю тебя и себя, мой ангел. Вчера пил я твоё здоровье у Киреевского [161] с Шевырёвым и Соболевским; сегодня буду пить у Суденки. Еду после завтра — прежде не будет готова моя коляска. Вчера, приехав поздно домой, нашёл я у себя на столе карточку Булгакова, отца красавиц, [162] и приглашение на вечер. Жена его была также именинница. Я не поехал за неимением бального платья, и за небритие усов, которые отрощаю в дорогу. Ты видишь, что в Москву мудрено попасть и не поплясать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бедна Москва. Даже извозчиков мало на её скучных улицах. На Тверском бульваре [гуляют] попадаются две-три салопницы, да какой-нибудь студент в очках и в фурашке, да кн. Шаликов. Был я у Погодина, который, говорят, женат на красавице. [163] Я её не видал и не могу всеподданнейше о ней тебе донести. Нащокина не видал целый день. Чадаев потолстел, похорошел и поздоровел. Здесь Раевский Николай.

Ни он, ни брат его не умирали — а умер какой-то бригадир Раевский. Скажи Вяземскому, что умер тёзка его князь Пётр Долгорукой — получив какое-то наследство и не успев его промотать в Англ.<ийском> клубе, [164] о чём здешнее общество весьма жалеет. В клубе я не был — чуть ли я не исключён, ибо позабыл возобновить свой билет. Надобно будет заплатить 300 рублей штрафа, а я весь Английский клуб готов продать за 200. Здесь Орлов, Бобринский и другие мои старые знакомые. Но мне надоели мои старые знакомые — никого не увижу. Важная новость: французские вывески, уничтоженные Разтопчиным в год, когда ты родилась, появились опять на Кузнецком мосту.[165] По своему обыкновению бродил я по книжным лавкам и ничего путного не нашёл. Книги, взятые мною в дорогу, перебились и перетёрлись в сундуке. От этого я так сердит сегодня, что не советую Машке капризничать и воевать с нянею: прибью.[166] Цалую тебя. Кланяюсь тётке — благословляю Машку с Сашкой.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1480.

Оттиск почтового штемпеля, имевшегося на несохранившемся конверте: «Москва 1833 август 31».

Впервые: *ВЕ*, 1878, январь, с. 34—35. *Акад.*, XV, № 840.

29. 2 сентября 1833 г. Нижний Новгород

2 сентября Нижний-Новг.

Перед отъездом из Москвы я не успел тебе писать. Нацокин провожал меня шампанским, жжёной и молитвами.[167] Каретник насилу выдал мне коляску; нет мне счастья с каретниками.[168] Дорога хороша, но под Москвою нет лошадей, я повсюду ждал несколько часов и насилу дотащился до Нижнего сегодня, т. е. в пятые сутки.[169] Успел только съездить в баню, а об городе скажу только тебе *les rues sont larges et bien pavées, les maisons sont bien bâties.*^a[170] Еду на ярманку, которая свои последние штуки показывает,[171] а завтра отправляюсь в Казань.

Мой ангел, кажется я глупо сделал, что оставил тебя и начал опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число.[172] Тебя терпят за долги, Параша, повар, извозчик, аптекарь, M^{de} Sichler etc., у тебя нехватает денег, Смирдин перед тобой извиняется,[173] ты беспокоишься — сердисься на меня — и поде-

лом. А это ещё хорошая сторона картины — что, если у тебя опять нарывы, что, если Машка больна? А другие, непредвиденные случаи... Пугачёв[174] не стоит этого. Того и гляди, я на него плюну — и явлюсь к тебе. Однако буду в Синбирске, и там ожидаю найти писем от тебя. Ангел мой, если ты будешь умна, т. е. здорова и спокойна, то я тебе из деревни привезу товару на сто рублей, как говорится. Что у нас за погода! дни жаркие, с утра маленькие морозы — роскошь! так ли у Вас? Гуляешь ли ты по Чёрной речке[175] или ещё взаперти? Во всяком случае береги себя. Скажи тётке, что хоть я и ревную её к тебе, но прошу Христом и богом тебя не покидать и глядеть за тобою. Прощайте, дети, до Казани. Целую всех вас равно крепко — тебя в особенности.

Адрес: Её высокоблагородию
Натальи Николаевне Пушкиной.

В С. Петербурге на Чёрной Речке на даче Миллера.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1481.

Почтовые штемпеля: «Ниж. Новгород 2

сен. 1833» и «Получено 1833 сен. 7 вечер».

Впервые: *ВЕ*, 1878, январь, с. 35—36. *Акад.*, XV, № 841.

30. 2 сентября 1833 г. Нижний Новгород

2 сент.

Мой ангел, я писал тебе сегодня, выпрыгнув из коляски и одурев с дороги. Ничего тебе не сказал и ни о чём всеподданнейше не донёс. Вот тебе отчёт с самого Натальина дня.¹ [176] Утром поехал я к Булгакову извиняться и благодарить,²[177] а между тем и выпросить лист для зрителей, которые очень мало меня уважают, несмотря на то, что я пишу прекрасные стишки. У него застал я его дочерей, и Всеволожского le сосу,^a[178]³[179] который скачет из Казани к Вам в П.<етер> Б.<ург>. Они звали меня на вечер к Пашковым на дачу, я не поехал, жалея своих усов, которые только лишь ощетинились. Обедал у Суденки, моего приятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь и он женат, и он сделал двух ребят, и он перестал играть — но у него 125.000 дохода, а у нас, мой ангел, это впереди. Жена его тихая, скромная не-красавица. Мы отобедали втроем и я, без церемонии,

предложил здоровье моей имянинницы, и выпили мы все не морщась по бокалу шампанского. Вечер у Нащокина, да какой вечер! шампанское, лафит, зажжённый пунш с ананасами — и всё за твоё здоровье, красота моя. На другой день в книжной лавке встретил я Н.<иколая> Раевского. *Sacré chien*, сказал он мне с нежностью, *pourquoi n'êtes-vous pas venu me voir?* — *Animal*, отвечал я ему с чувством, *qu'avez-vous fait de mon manuscrit petit-Russien?*⁶[180]⁴[181] После сего поехали мы вместе как ни в чём не бывало, он держа меня за ворот всенародно, чтоб я не выскочил из коляски. Отобедали вместе глаз на глаз (виноват: втроём с бутылкой мадеры). Потом, для разнообразия жизни, провёл опять вечер у Нащокина; на другой день он задал мне прощальный обед со стерлядями и с жжённой, усадили меня в коляску, и я выехал на большую дорогу.

Ух, жёнка, страшно! теперь следует важное признание. Сказать ли тебе словечко, утерпит ли твоё сердечко? Я нарочно тянул письмо рассказами о московских моих обед<ах>,^в[182] чтоб как можно позже дойти

до сего рокового места; ну, так уж и быть, узнай, что на второй станции, где не давали мне лошадей, встретил я некоторую городничиху, едущую с тёткой из Москвы к мужу и обижаемую на всех станциях. Она приняла меня [за зрителя] весьма дурно и нараспев начала меня услаживать и уговаривать: как вам не стыдно? на что это похоже? две тройки стоят на конюшне, а вы мне ни одной со вчерашнего дня не даёте. — Право? сказал я и пошёл взять эти тройки для себя. Городничиха, видя, что я не зритель, очень смутилась, начала извиняться и так меня тронула, что я уступил ей одну тройку, на которую имела она всевозможные права, а сам нанял себе другую, т. е. третью, и уехал. Ты подумаешь: ну, это ещё не беда. Постой, жёнка, ещё не всё. Городничиха и тётка так были восхищены моим рыцарским поступком, что решились от меня не отставать и путешествовать под моим покровительством, на что я великодушно и согласился. Таким образом и доехали мы почти до самого Нижнего — они отстали за 3 или 4 станции — и я теперь свободен и одинок. Ты спросишь: хороша ли городничиха?

ха? Вот то-то что не хороша, ангел мой Таша, о том-то я и горюю. — Уф! кончил. Отпусти и помилуй.

Сегодня был я у губернатора ген.<ерала> Бутурлина.⁵[183] Он и жена его приняли меня очень мило и ласково; он уговорил меня обедать завтра у него. Ярманка кончилась — я ходил по опустелым лавкам. Они сделали на меня впечатление бального разъезда, когда карета Гончаровых уж уехала. Ты видишь, что несмотря на городничиху и её тётку — я всё ещё люблю Гончарову Наташу, которую заочно целую куда ни попало. Addio mia bella, idol mio, mio bel tesoro, quando mai ti rivedro...⁷ [184]

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1482.

Письмо не имеет почтового штемпеля, по видимому, оно было приложено к предыдущему письму, которое Пушкин писал в середине дня, и отправлено вместе с ним.

Впервые: *ВЕ*, 1878, январь, с. 36—37. *Акад.*, XV, № 842.

31. 8 сентября 1833 г. Казань

8 сент. Казань.

Мой ангел, здравствуй. Я в Казани с 5, [185] и до сих пор не имел время тебе написать слова. Сей час еду в Синбирск, [186] где надеюсь найти от тебя письмо. Здесь я возился со стариками, современниками моего героя; объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону. [187] Погода стоит прекрасная, чтоб не сглазить только. Надеюсь до дождей объехать всё, что предполагал видеть, и в конце сент.<ября> быть в деревне. Здоровы ли ты? здоровы ли все вы? Дорогой я видел годовую девочку, которая бегает на карачках, как котёнок, и у которой уже два зубка. Скажи это Машке. Здесь Баратынский. [188] Вот он ко мне входит. До Симбирска. Я буду говорить тебе о Казани подробно — теперь некогда. Целую тебя.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной.

В Петербурге на Чёрной речке на даче Ми-

лера.

Комментарий

Автограф: ПД, № 1483.

Почтовые штемпеля: «Казань 1833 сен. 11» и «Получено 1833 сен. 21 вечер». Почтовая помета карандашом после адреса: «Д.<ом> Оливе».

Впервые: *ВЕ*, 1878, январь, с. 37. *Акад.*, XV, № 843.

32. 12 сентября 1833 г. Языково

Село Языково, 65 вёрст от Симбирска. 12 сент.

Пишу тебе из деревни поэта Языкова,[189] к которому заехал и не нашёл дома. Третьего дня прибыл я в Симбирск[190] и от Загряжского[191] принял от тебя письмо. Оно обрадовало меня, мой ангел — но я всё-таки тебя побраню. У тебя нарывы, а ты пишешь мне четыре страницы кругом. Как тебе не совестно! Не могла ты мне сказать в четырёх строчках о себе и о детях. Ну, так и быть. Дай бог теперь быть тебе здоровой. Я рад, что Сергей Ник.<олаевич> будет с тобою, он очень мил и тебе не надоест. Об Ив.<ане> Ник.<олаевиче> говорить нечего. Надеюсь, что свадьба его расстроится. По всему видно, что всё семейство воспользовалось расстроенным его состоянием, чтоб заманить его в сети. Вероятно, и начальство, если дело дойдёт до начальства, примет это в соображение. Должно будет поплатиться деньгами. Если девица не

брюхата, то беда ещё не велика. А с отцом и с дядей-башмачником дуэля, кажется, не будет. Если дом удобен, то нечего делать, бери его — но уж по крайней мере, усиди в нём.[192] Меня очень беспокоят твои обстоятельства, денег у тебя слишком мало. Того и гляди сделаешь новые долги, не расплатясь со старыми. Я путешествую, кажется, с пользой, но ещё не на месте и ничего не написал. И сплю и вижу приехать в Болдино и там запереться.

Из Казани написал я тебе несколько строчек — некогда было. Я таскался по окрестностям, по полям, по кабакам и попал на вечер к одной blue stockings,^a[193] сорокалетней, несносной бабе с вощёнными зубами и с ногтями в грязи.[194] Она развернула тетрадь и прочла мне стихов с двести, как ни в чём не бывало. Баратынский написал ей стихи и с удивительным бесстыдством расхвалил её красоту и гений.[195] Я так и ждал, что принуждён буду ей написать в альбом — но бог помиловал, однако она взяла мой адрес и страшает меня перепискою и приездом в П.<етер> Б.<ург>, с чем тебя и поздравляю. Муж её умный и учёный немец, в неё влюб-

лён и в изумлении от её гения; однако он одолжил меня очень — и я рад, что с ним познакомился. Сегодня еду в Симбирск, отобедаю у губернатора и к вечеру отправлюсь в Оренбург, последняя цель моего путешествия.

Здесь я нашёл старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного и которого готов я полюбить, как люблю Плетнёва или Нащокина. Я провёл с <ним>⁶[196] вечер и оставил его для тебя, а теперь оставляю тебя для него. Прости, ангел жёнка. Целую тебя и всех вас — благословляю детей от сердца. Береги себя. Я рад, что ты не брюхата. Кланяюсь Кат.<ерине> Ив.<ановне> и брату С.<ергею>.

Пиши мне в Болдино.[197]

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1484.

Впервые: *ВЕ*, 1878, январь, с. 38—39. *Акад.*, XV, № 845.

33. 14 сентября 1833 г. Симбирск

14 Симбирск. Опять я в Симбирске. Третьего дня, выехав ночью, отправился я к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне её.[198] Чорт его побери, дорого бы дал я, чтоб его затравить. На третьей станции стали закладывать мне лошадей — гляжу, нет ямщиков — один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решился я возвратиться и ехать другой дорогой; по этой на станциях везде по 6 лошадей, а почта ходит четыре раза в неделю. Повезли меня обратно — я заснул — просыпаюсь утром — что же? не отъехал я и пяти вёрст. Гора — лошади не взвезут — около меня человек 20 мужиков. Чорт знает как бог помог — наконец въехали мы, и я воротился в Симбирск. Дорого бы дал я, чтоб быть борзой собакой; уж этого зайца я бы отыскал. Теперь еду опять другим трактом.[199] Авось без приключений.

Я всё надеялся, что получу здесь в утеше-

ние хоть известие о тебе — ан нет. Что ты, моя жёнка? какова ты и дети. Цалую и благословляю вас. Пиши мне часто и о всяком вздохе до тебя касающемся. Кланяюсь тётке.

Адрес: Её превосходительству
милостивой государыне
Екатерине Ивановне
Загряжской

В С. Петербург в Зимнем дворце.

Для дост.<авления> Н. Н. Пушкиной.

Комментарий

Автограф: ИРЛИ, № 1485.

Почтовые штемпеля: «Симбирск 1833 сен. 14» и «Получено 1833 сен. 21 вечер».

Впервые: ВЕ, 1878, январь, с. 39. Акад., XV, № 846.

34. 19 сентября 1833 г. Оренбург

19 сент. Оренбург.

Я здесь со вчерашнего дня.[200] Насилу доехал, дорога прескучная, погода холодная, завтра еду к Яицким казакам,[201] пробуду у них дни три — и отправляюсь в деревню через Саратов и Пензу.

Что, жёнка? скучно тебе? мне тоска без тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав. Да нельзя, мой ангел. Взялся за гуж, не говори, что не дюж — то есть: уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой. А уж чувствую, что дурь на меня находит — я и в коляске сочиняю,[202] что ж будет в постеле? Одно меня сокрушает: человек мой. Вообрази себе тон московского канцеляриста, глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рябчики, пьёт мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом.[203] Бесит меня, да и только. Свет-то мой Иполит![204]кстати о Хамовом племе-

ни: как ты ладишь своим домом? боюсь, людей у тебя мало; не наймёшь ли ты кого? На женщин надеюсь, но с мужчинами как тебе ладить? Всё это меня беспокоит — я мнителен, как отец мой. Не говорю уж о детях. Дай бог им здоровья — и тебе, жёнка. Прощай, жёнка. Не жди от меня уж писем, до самой деревни. Цалую тебя и вас благословляю.

Как я хорошо веду себя! как ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, с калмычками не кокетничаю[205] — и на днях отказался от башкирки, несмотря на любопытство, очень простительное путешественнику. Знаешь ли ты, что есть пословица:

На чужой сторонке и старушка божий дар.
То-то, жёнка. Бери с меня пример.

Адрес: [Её высокородию
м. г. Наталье Николаевне Пушкиной]
Её превосходительству
милостивой государыне
Катерине Ивановне Загряжской.

*В С. Петербург в Зимнем дворце пр.<ошу>^а
[206] дост.<авить> Н. Н. Пушкиной.*

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1486.

Почтовый штемпель: «Оренбург. 1833 год
сентяб. 19».

Впервые: *ВЕ*, 1878, январь, с. 39—40. *Акад.*,
XV, № 847.

35. 2 октября 1833 г. Болдино

2 окт.

Милый друг мой, я в Болдине со вчерашнего дня[207] — думал здесь найти от тебя письма, и не нашёл ни одного. Что с вами? здорова ли ты? здоровы ли дети? сердце замирает, как подумаешь. Подъезжая к Болдину, у меня были самые мрачные предчувствия, так что не нашёл о тебе никакого известия, я почти обрадовался — так боялся я недоброй вести. Нет, мой друг: плохо путешествовать женатому; то ли дело холостому! ни о чём не думаешь, ни о какой смерти не печалишься. Последнее письмо моё должна ты была получить из Оренбурга. Оттуда поехал я в Уральск — тамошний атаман и казаки приняли меня славно,[208] дали мне два обеда, подписали за моё здоровье, на перерыв давали мне все известия, в которых имел нужду — и накормили меня свежей икрой, при мне изготовленной. При выезде моём [23 сентября] вечером пошёл дождь, первый по моём выезде. Надобно тебе знать, что нынешний <год>^a [209] была всеобщая засуха, и что бог угодил

на одного меня, уготовя мне везде прекраснейшую дорогу. На возвратный же путь послал он мне этот дождь, и через полчаса сделал дорогу непроходимой. Того мало: выпал снег, и я обновил зимний путь, проехав вёрст 50 на санях. Проезжая мимо Языкова, я к нему заехал (отобедать), застал всех трёх братьев, [210] отобедал с ними очень весело, ночевал и отправился сюда. Въехав в границы Болдинские, встретил я попов, и так же озлился на них, как на симбирского зайца.[211] Недаром все эти встречи. Смотри, жёнка. Того и гляди избалуешься без меня, забудешь меня — искокетничаешься. Одна надежда на бога да на тётку. Авось сохранят тебя от искушений рассеянности. Честь имею донести тебе, что с моей стороны я перед тобою чист, как новорождённый младенец. Дорогою волочился я за одними 70 и 80-летними старухами — а на молоденьких <-----> шестидесятилетних и не глядел. В деревне Берде,[212] где Пугачёв стоял 6 месяцев, имел я *une bonne fortune*⁶ [213] — нашёл 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год.[214] Я от неё не отставал, виноват: и

про тебя не подумал. Теперь надеюсь многое привести в порядок, многое написать и по^том к тебе с добычею. В воскресенье приходит почта в Абрамово, наде^юсь^в[215] письма — сегодня понедельник, неделю буду его ждать. Прости — оставляю тебя для Пут.^ач^ёва>. Христос с Вами, дети мои. Целую тебя, жёнка — будь умна и здорова.

Адрес: Её превосходительству
милостивой государыне
Катерине Ивановне
Загряжской.

В С. Петербург в Зимнем Дворце.

Пр.^ошу> дост.^авить> Н. Н. Пушкиной.

Комментарий

Автограф: ИРЛИ, № 1487.

Впервые: ВЕ, 1878, январь, с. 40—41. Акад., XV, № 849.

36. 8 октября 1833 г. Болдино

Мой ангел, сейчас получаю от тебя вдруг два письма, первые после Симбирского. Как они дошли до меня, не понимаю: ты пишешь в Нижегородскую губ.<ернию>, в село Абрамово, оттуда etc. А об уезде ни словечка. Не забудь прибавлять в *Арзамасском уезде*; а то чего доброго, в Нижегородской губ.<ернии> может быть и не одно село Абрамово; так, как не одно село Болдино.[216] Две вещи меня беспокоят: то, что я оставил тебя без денег, а может быть и брюхатою. Воображаю твои хлопоты и твою досаду; слава богу, что ты здорова, что Машка и Сашка живы, и что ты, хоть и дорого, но дом наняла.[217] Не страшай меня, жёнка, не говори, что ты пококетничалась; я приеду к тебе, ничего не успев написать — и без денег сядем на мель. Ты лучше оставь уж меня в покое, а я буду работать и спешить. Вот уж неделю как я в Болдине, привожу в порядок мои записки о Пуг.<ачёве>, а стихи пока ещё спят. Коли царь позволит мне Записки, то у нас будет тысяч 30 чистых денег.[218] Заплотим половину

долгов, и заживём припеваючи. Очень благодарю за новости и за сплетни. Коли увидишь Жуковского, поцалуй его за меня и поздравь с возвращением и звездою; какво его здоровье?[219] напиши. Карамзиным и Мещерским мой сердечный покой. Софьи Николаевне объясни, что если я не был к ним в Дерпт, [220] то это единственно по недостатку прогнанных, которых не хватило на лишних 500 вёрст. А не писал им, полагая всё приехать. Жаль, что ты Смирновой не видала; она должна быть уморительна смешна после своей поездки в Германию; Безобразов умно делает, что женится на к.<няжне> Хилковой. Давно бы так. Лучше завести своё хозяйство, нежели волочиться весь свой век за чужими жёнами и выдавать за свои чужие стихи. Не кокетничай с Соболевским и не сердись на Нащекина; слава богу, что он прислал 1500 р. — а о 180 не жалея; плюнь, да и только. Что такое 50 р., присланные тебе моим отцем? уж не проценты ли 550, которых он мне должен? Чего доброго? Здесь мне очень советуют взять на себя наследство Василья Львовича;[221] и мне хочется, но для этого нужны, во-первых, деньги,

а во-вторых, свободное время; а у меня ни того, ни другого. Какова Краевская? недаром Отрежков за ней волочился. Не думал я попасть в её мемории и таким образом достигнуть бессмертия. Кланяйся ей от меня, если её увидишь. Да кланяйся и всем моим прелестям: Хитровой первой. Как она перенесла моё отсутствие? надеюсь, с твёрдостью, достойной дочери князя Кутузова. Так Фикельмон приехали? радуюсь за тебя; как-то, мой ангел, удадутся тебе балы? В самом деле не забрюхатела ли ты? что ты за недотыка? Прощай, душа. Я что-то сегодня не очень здоров. Животик болит, как у Александрова. Целую и благословляю всех вас. Кланяюсь и от сердца благодарю тётку Катерину Ивановну за её милые хлопоты. Прощай.

8 окт.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной.

В С. Петербурге у Пантелеймона близ Цепного моста в доме

Оливье.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1488.

Почтовые штемпеля: «Лукоянов 1833 10 ок-
тяб.» и «Получено 1833 окт. 19 вечер».

Впервые (с редакционными пропусками):
ВЕ, 1878, январь, с. 41—42. *Акад.*, XV, № 851.

37. 11 октября 1833 г. Болдино

Мой ангел, одно слово: съезди к Плетнёву и попроси его, чтоб он к моему приезду велел переписать из Собрания законов[222] (год. 1774 и 1775 и 1773) все указы, относящиеся к Пугачёву. Не забудь.

Что твои обстоятельства? что твоё брюхо? Не жди меня в нынешний месяц, жди меня в конце ноября. Не мешай мне, не стращай меня, будь здорова, смотри за детьми, не кокетничай с ц.<арём>,[223] ни с женихом княжны Любы.[224] Я пишу, я в хлопотах, никого не вижу — и привезу тебе пропасть всякой всячины.[225] Надеюсь, что Смирдин окуратен. На днях пришлю ему стихов. Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают мои занятия: как Пушкин стихи пишет — перед ним стоит штоф *славнейшей* настойки — он хлоп стакан, другой, третий — и уж начнёт писать! — Это слава. Что касается до тебя, то слава о твоей красоте достигла до нашей попадьи, которая уверяет,

что ты всем взяла, не только лицом, да и фигурой. Чего тебе больше. Прости, цалую Вас и благословляю. Тётке цалую ручку. Говорит ли Маша? ходит ли? что зубки? Саше подсвистываю. Прощай.

11 окт.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной.

В С. Петербурге у Цепного моста против Пантелеймона в доме

Оливье.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1489.

Почтовая помета: «11 октября 1833 года Абрамова станция» и почтовый штемпель: «Получено 1833 окт. 19 вечер».

Впервые: *ВЕ*, 1878, январь, с. 42. *Акад.*, XV, № 852.

38. 21 октября 1833 г. Болдино

Получил сегодня письмо твоё от 4-го окт.<ября> и сердечно тебя благодарю. В прошлое воскресенье не получил от тебя письма и < имел глупость на тебя надуться; а вчера такое горе взяло, что [давно] и не запомню, чтоб на меня находила такая хандра. Радуюсь, что ты не брюхата, и что ничто не помешает тебе отличиться на нынешних балах. Видно, Огорев охотник до Пушкиных, дай бог ему ни дна ни покрывки! кокетничать я тебе не мешаю, но требую от тебя холодности, благопристойности, важности — не говорю уже о беспорочности поведения, которое относится не к *тону*, а к чему-то уже важнейшему. Охота тебе, жёнка, соперничать с гр.<афиней> Сал.<логуб>.[226] Ты красавица, ты бойбаба, а она шкурка. Что тебе перебивать у ней поклонников? Всё равно кабы гр.<аф> Шереметев стал оттягивать у меня Кистенёвских моих мужиков. Кто же ещё за тобой ухаживает кроме Огорева? пришли мне список по аз-

бучному порядку. Да напиши мне также, где ты бываешь, и что Карамзины, Мещерская и Вяземские. Княгине В.<яземской> скажи, что напрасно она беспокоится о портрете Вигеля, и что *с этой стороны*[227] честное моё поведение выше всякого подозрения; но что из уважения к её просьбе, я поставлю его портрет *сзади* всех других. Кстати: она обещала мне свой портрет и до сих пор слова не сдержала; попеняй ей от меня. Жуковского и Вельгорского вероятно ты уже видела. Что Ж.<уковский>? мне пишут, что он поздоровел и помолодел.[228] Правда ли? Что ж ты хотела женить его на К.<атерине> Н.<иколаевне>? и что К.<атерина> Н.<иколаевна>, будет к нам или нет? Вообрази, что прошлое воскресенье вместо письма от тебя получил я письмо от Соболевского, которому нужны деньги для *rôtés de foie gras*,^a[229] и который для того затевает Альманак.[230] Ты понимаешь, как письмо его и просьбы о стихах (что я говорю *просьбы*, приказания, подряды на заказ) рассердили меня. А всё ты виновата. Что-то моя беззубая Пускина? Уж эти мне зубы! — а как ков Сашка рыжий? Да в кого-то он рыж? не

ожидал я этого от него. О себе тебе скажу, что я работаю лениво, [я] через пень колоду валю. Все эти дни голова болела, хандра грызла меня; нынче легче. Начал многое, но ни к чему нет охоты; бог <знает>, что со мною делается. Старам стала и умом плохам.[231] Приеду оживиться твоею молодостию, мой ангел. Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу к тебе с пустыми руками явиться, взялся за гуж, не скажу, что не дюж. А ты не брани меня. Благодарю мою бесценную Катерину Ивановну, которая не даёт тебе воли в ложе. Целую ей ручки и прошу, ради бога, не оставлять тебя на произвол твоих обожателей. Машку, Сашку рыжего и тебя целую и крещу. Господь с Вами. Прощай, спать хочу. 21 октября. Болдино.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной, в С. Петербурге у Цепного моста против Пантелеймона в доме г. Оливье.

Комментарий

Автограф: ИРЛИ, № 1490.

Почтовая помета: «25 октября, 1833 года, Абрамова станция» и почтовый штемпель: «Получено 1833 ноя. 2 вечер».

Впервые: *ВЕ*, 1878, январь, с. 43—44. *Акад.*,
XV, № 853.

39. 30 октября 1833 г. Болдино

Вчера получил я, мой друг, два от тебя письма. Спасибо; но я хочу немножко тебя пожурить. Ты, кажется, не путём искокетничалась. Смотри: не даром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона. В нём толку мало. Ты радуешься, что за тобою, как за сучкой, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхивая тебе <----->; есть чему радоваться! Не только тебе, но и Парасковьи Петровне легко за собою приучить бегать холостых шаромыжников; стоит разгласить, что-де я большая охотница. Вот вся тайна кокетства. *Было бы корыто, а свиньи будут.* К чему тебе принимать мужчин, которые за тобою ухаживают? не знаешь, на кого нападёшь. Прочти басню А. Измайлова о Фоме и Кузьме.[232] Фома накормил Кузьму икрой и селёдкой. [Фо<ма>] Кузьма стал просить пить, а Фома не дал. Кузьма и прибил Фому как каналью. Из этого поэт выводит следующее нравоучение: Красавицы! не кормите селёдкой,

если не хотите пить давать; не то можете на-
скочить на Кузьму. Видишь ли? Прошу, чтоб
у меня не было этих академических завтра-
ков.[233]Теперь, мой ангел, цалую тебя как ни
в чём не бывало; и благодарю за то, что ты по-
дробно и откровенно описываешь мне свою
беспутную жизнь. Гуляй, жёнка; только не за-
гуливайся, и меня не забывай. Мочи нет, хо-
чется мне увидеть тебя причёсанную à la
Ninon;[234] ты должна быть чудо как мила.
Как ты прежде об этой старой к--- не подума-
ла [?] и не переняла у ней её причёску? опи-
ши мне своё появление на балах, которые,
как ты пишешь, вероятно уже открылись —
да, ангел мой, пожалуйста, не кокетничай. Я
не ревнив, да и знаю, что ты во всё тяжкое не
пустишься; но ты знаешь, как я не люблю всё,
что пахнет московской барышнею, всё, что не
comme il faut,^a[235] всё, что vulgar...^b[236]⁴[237]
Если при моём возвращении я найду, что
твой милый, простой, аристократический тон
изменился, разведусь, вот те Христос, и пойду
в солдаты с горя. Ты спрашиваешь, как я жи-
ву и похорошел ли я? Во-первых, отпустил я
себе бороду: *ус да борода — молодцу похвала;*

выду на улицу, дядюшкой зовут. 2) Просыпаюсь в 7 часов, пью кофей, и лежу до 3-х часов [ноч<и?>] Недавно расписался, и уже написал пропасть. В 3 часа сажусь верхом, в 5 в ванну и потом обедаю картофелем, да грешневой кашей. До 9 часов — читаю. Вот тебе мой день, и все на одно лице.

Проси Катерину Андреевну на меня не сердиться; ты рожала, денег у меня лишних не было, я спешил в одну сторону — никак не попал на Дерпт.[238] Кланяюсь ей, Мещерской, Соф.<ье> Н.<иколаевне>, княгине и княжнам Вяз.<емским>. Политике скажи, что за её подалуем явлюсь лично, а что-де на почте не принимают. А Катерина Ивановна? как это она тебя пустила на божью волю? Ахти, господи Сусе Христе! Машу цалую и прошу меня помнить. Что это у Саши за сыпь? Христос с Вами. Благословляю и цалую Вас.

30 окт.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1491.

Впервые (с редакционными пропусками): *ВЕ*, 1878, январь, с. 44—45. *Акад.*, XV, № 854.

40. 6 ноября 1833 г. Болдино

6 ноября, Болдино.

Друг мой жёнка, на прошедшей почте я не очень помню, что я тебе писал. Помнится, я был немножко сердит — и кажется письмо немного жёстко. Повторю тебе помягче, что кокетство ни к чему доброму не ведёт; и хоть оно имеет свои приятности, но ничто так скоро не лишает молодой женщины того, без чего нет ни семейственного благополучия, ни спокойствия в отношениях к свету: *уважения*. Радоваться своими победами тебе нечего. К---, у которой переняла ты причёску (NB: ты очень должна быть хороша в этой причёске; я об этом думал сегодня ночью), Ninon говорила: *Il est écrit sur le cœur de tout homme; à la plus facile.*^a[239]¹[240] После этого, изволь гордиться похищением мужских сердец. Подумай об этом хорошенько, и не беспокой меня напрасно. Я скоро выезжаю,[241] но несколько времени останусь в Москве по делам. Жёнка, жёнка! я езжу по большим дорогам, живу по 3 месяца в степной глуши, останавливаюсь в пакостной Москве, которую ненавижу, —

для чего? — Для тебя, жёнка; чтоб ты была спокойна и блистала себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоею красотой. Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности etc., etc. — не говоря об *sociage*,⁶[242] о коем прочёл я на днях целую диссертацию в Брантоме.[243]

Что делает брат? я не советую ему идти в статскую службу, к которой он также неспособен, как и к военной, но у него по крайней мере <----> здоровая, и на седле он всё-таки далее уедет, чем на стуле в канцелярии.[244] Мне сдаётся, что мы без европейской войны не обойдёмся. Этот Louis-Philippe[245] у меня как бельмо на глазу. Мы когда-нибудь да до него доберёмся — тогда Лев Сергеич поедет опять пожинать, как говорит у нас заседатель, лавры и мирты. Покамест советую ему бить баклуши, занятие приятное и здоровое. Здесь я было вздумал взять наследство Вас.<илия> Льв.<овича>.[246] Но опека так [ограбит] ограбила его, что <нелз>я^в[247] и подумать; разве не заступится ли Бенкендорф: попробую, приехав в П.<е-тер> Б.<ург>. При сём письмо к от-

цу. Вероятно уже он у вас. Я привезу тебе стишков много, но не разглашай этого: а то альманашники заедят меня.[248] Цалую Машку, Сашку и тебя; благословляю тебя, Сашку и Машку; цалую Машку и так далее, до семи раз. Желал бы я быть у тебя к тёткиным именинам.[249] Да бог весть.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной. В Санкт-Петербурге

У Цепного моста против Пантелеймона в доме Оливье.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1493.

Почтовая помета: «8-го ноября 1833 года Абрамова станция» и почтовый штемпель: «Получено 1833 ноя. 16 вечер».

Впервые (с редакционными пропусками грех слов): *ВЕ*, 1878, январь, с. 45—46. *Акад.*, XV, № 856.

41. 17 апреля 1834 г. Петербург

17 апреля.

Что, жёнка? какво ты едешь?[250] что-то Сашка и Машка? Христос с Вами! будьте живы и здоровы, и доезжайте скорее до Москвы. Жду от тебя письма из Нова-города; а покамест, вот тебе отчёт о моём холостом житье-бытье. Третьего дня возвратился я из Царского села в 5 часов вечера, нашёл на своём столе два билета на бал 29-го апреля[251] и приглашение явиться на другой день к Литте; [252] я догадался, что он собирается мыть мне голову за то, что я не был у обедни. В самом деле в тот же вечер узнаю от забежавшего ко мне Жуковского, что государь был недоволен отсутствием многих камер-геров и камер-юнкеров и что он велел нам это объявить. Литта во дворце толковал с большим жаром, говоря: Il y a cependant pour les Messieurs de la Cour des règles fixes, des règles fixes. На что Нарышкин ему заметил: Vous vous trompez: c'est pour les demoiselles d'honneur.^a[253]⁴[254] Я извинился

письменно.[255] Говорят, что мы будем ходить попарно, как институтки. Вообрази, что мне с моей седой бородкой придётся выступать с Безобразовым или Реймарсом — ни за какие благополучия![256] J'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde, как говорит Mr Jourdain.⁶[257]⁷[258] Поутру сидел я в моём кабинете, читая Гримма[259]и ожидая, чтоб ты, мой ангел, позвонила, как явился ко мне Соболевский с вопросом, где мы будем обедать? Тут вспомнил я, что я хотел говеть, а между тем уж оскоромился. Делать нечего; решились отобедать у Дюме;[260] и покамест стали приводить в порядок библиотеку. Тётка, приехала спросить о тебе и, узнав, что я в халате и оттого к ней не выхожу, сама вошла ко мне — я исполнил твою комиссию, поговорили о тебе, потужили, побеспокоились; и решились тебе подтвердить наши просьбы и требования — беречь себя и помнить наши наставления. Потом явился я к Дюме, где появление моё произвело общее веселие: холостой, холостой Пушкин! Стали подчивать меня шампанским и пуншем, и спрашивать, не поеду ли я к Софье Астафьевне? Всё это меня

смutilo, так что я к Дюме являться уж более не намерен и обедаю сегодня дома, заказав Степану ботвинью и beaf-steaks.^в[261] Вечер провёл я дома, сегодня проснулся в 7 часов, и стал тебе писать сие подробное донесение. — Посылаю тебе письмо матери,[262] пришедшее третьего, дня — буду ей писать, а покамест обнимаю и цалую тебя, и благословляю всех троих.

Адрес: Её благородию
м. г. Натальи Николаевне Пушкиной
в Москве на Никитской в доме Гончарова.

Комментарий

Автограф: ИРЛИ, № 1502.

Почтовые штемпеля: «С.-Петербург 1834 апр. 17» и «Получено 1834 апреля 21».

Впервые: ВЕ, 1878, март, с. 5—6. *Акад.*, XV, № 917.

42. 19 апреля 1834 г. Петербург

Душка моя, посылаю тебе два письма, которые я распечатал из любопытства и скупости (чтоб меньше платить на почту весовых денег), также и рецепт капель. Сделай милость, не забудь перечитать инструкцию Спаского[263] и поступать по оной. Теперь, жёнка, должна ты быть уже около Москвы. Чем дальше едешь, тем тебе легче; а мне!... Сёстры твои[264] тебя ждут; воображаю вашу радость; смотри, не сделайся сама девочкой, не забудь, что уж у тебя двое детей, третьего выкинула, береги себя, будь осторожна; пляши умеренно, гуляй понемножку, а пуще скорее добираться до деревни. Целую тебя крепко и благословляю всех вас. Что Машка? чай куда рада, что может в волю воевать! Теперь вот тебе отчёт о моём поведении. Я сижу дома, обедаю дома, никого не вижу, а принимаю только Соболевского. Третьего дня сыграл я славную штуку со Львом Сергеевичем. Соболевский, будто ненарочно, зовёт его ко мне

обедать. Лев Серг.<еевич> является. Я перед ним извинился как перед гастрономом, что не ожидая его, заказал себе только ботвинью да beef-steaks.^a[265] Лев Серг.<еевич> тому и рад. Садимся за стол; подают славную ботвинью; Лев Серг.<еевич> хлебает две тарелки, утирает осетрину, наконец требует вина; ему отвечают, нет вина. — Как, нет? — Алекс.<андр> Серг.<еевич> не приказал на стол подавать. И я объявляю, что с отъезда Нат.<альи> Ник.<олаевны> я на диете — и [всё] пью воду. Надобно было видеть отчаяние и сардонический смех Льва Сергеича, который уже ко мне, вероятно, обедать не явится. Во всё время Соболевский подливал себе воду то в стакан, то в рюмку, то в длинный бокал — и подчивал Льва Сергеича, который чинился и отказывался. Вот тебе пример моих невинных упражнений. С нетерпением ожидаю твоего письма из Нова-города и тотчас понесу его Кат.<ерине> Ивановне. Покамест — прощай, ангел мой. Цалую вас и благословляю. Вчера был у нас первый гром — слава богу, весна кончилась.

19 апреля.

Адрес: М. г. Наталии Николаевне
Пушкиной.

В Москве на Никитской в доме Гончарова.

Комментарий

Автограф: ИРЛИ, № 1503.

Почтовые штемпеля: «С.-Петербург 1834
апр. 19» и «Получено 1834 апр. (...)».

Впервые: ВЕ, 1878, март, с. 6—7. *Акад.*, XV,
№ 918.

43. 20 и 22 апреля 1834 г. Петербург

Пятница.

Ангел мой жёнка! сей час получил я твоё письмо из Бронниц — и сердечно тебя благодарю. С нетерпением буду ждать известия из Торжка. Надеюсь, что твоя усталость дорожная пройдёт благополучно, и что ты в Москве будешь здорова, весела и прекрасна. Письмо твоё послал я тётке, а сам к ней не отнёс, потому что репортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники[266] просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видеть. Видел я трёх царей: первый[267] велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй[268] меня не жаловал; третий [269] хоть и упёк меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвёртого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тёской;[270]с моим тёской[271] я

не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибёт. Теперь полно врать; поговорим о деле; пожалуй-ста, побереги себя, особенно сначала; не люблю я святой недели в Москве; не слушайся сестёр, не таскайся по гуляниям с утра до ночи, не пляши на бале до заутренни. Гуляй умеренно, ложись рано. Отца не пускай к детям, он может их испугать и мало ли что ещё.[272] Пуще береги себя во время рекул — в деревне не читай скверных книг дединой библиотеки,[273]не марай себе воображения, жёнка. Кокетничать позволяю, сколько душе угодно. Верьхом ездь не на бешеных лошадях (о чём всепокорно прошу Дм.<итрия> Ник.<олаевича>). Сверх того прошу не баловать ни Машку, ни Сашку и, если ты не будешь довольна своей немкой или кормилицей, прошу тотчас прогнать, не советясь и не церемонясь.

Воскресение. Христос воскрес, моя милая жёнка, грустно, мой ангел, грустно без тебя. Письмо твоё мне из головы нейдёт. Ты, мне кажется, слишком устала. Приедешь в Моск-

ву, обрадуешься сёстрам; нервы твои будут напряжены, ты подумаешь, что ты здорова совершенно, целую ночь простоишь у всеночной, и теперь лежишь в растяжку в истерике и лихорадке. Вот что меня тревожит, мой ангел. Так что голова кругом идёт и что ничто другое в ум не лезет. Дождусь ли я, чтоб ты в деревню удрала! Нынче великий князь присягал; я не был на церемонии,[274] потому что репортуюсь больным, да и в самом деле не очень здоров. Кочубей сделан канцлером; множество милостей; шесть фрейлен, между прочими твоя приятельница Натали Оболенская, а наша Машенька Вяземская всё нет. Жаль и досадно. Наследник был очень тронут; государь также. Вообще, говорят, всё это произвело сильное действие. С одной стороны я очень жалею, что не видел сцены исторической и под старость нельзя мне будет говорить об ней как свидетелю. Ещё новость: [Аракчеев] Мердер умер;[275] это ещё тайна для в.<еликого> князя, и отравит его юношескую радость. Аракчеев также умер.[276] Об этом во всей России жалею я один — не удалось мне с ним свидеться и наговориться.

Тётка подарила мне шоколадный бильярд — прелесть. Она тебя очень цалует и по тебе хандрит. Прощайте, все мои. Христос воскрес, Христос с Вами.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1504.

Впервые (с цензурным выпуском слов «с порфирородным своим тёской»): *ВЕ*, 1878, март, с. 7—8. *Акад.*, XV, № 919.

Дата определяется отмеченными Пушкиным днями недели: «пятница» и «воскресенье». Далее он поздравляет жену с праздником пасхи. В 1834 г. пасха приходилась на 22 апреля.

Это письмо Пушкина было перлюстрировано на почте, и копия его доставлена Бенкендорфу. Поэт был уверен, что его читал и царь. Своё возмущение он выразил в дневниковой записи от 10 мая: «Несколько дней тому получил я от Жуковского записочку из Ц.<арского> С.<ела> (Записка не сохранилась. — Я. Л.). Он уведомлял меня, что какое-то письмо моё ходит по городу и что государь об нём ему говорил. Я вообразил, что дело идёт о скверных стихах, исполненных от-

вратительного похабства, и которые публика благосклонно и милостиво приписывала мне. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо, писанное мною Н.<аталье> Н.<иколаевне>, и, нашед в нём отчёт о присяге великого князя, писанный, видно, слогом неофициальным, донесла обо всём полиции. Полиция, не разобрав смысла, представила письмо Г.<осударю>, который сторяча также его не понял. К счастью, письмо показано было Жуковскому, который и объяснил его. Всё успокоилось. Г.<осударю> неудобно было, что о своём камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию — но я могу быть подданным, даже рабом, — но холопом и шутком не буду и у царя небесного. Однако, какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене, и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться и давать ход интриге достойной Видока и Булгарина! что ни говори, мудрено быть самодержавным» (Акад., XII, с. 328—329). Эпизод с письмом обострил отношения между царём и

Пушкиным (см.: Щёголев П. Е. Пушкин о Николае I. — *Дн. Модз.*, с. XXIV; см. также письмо 50).

В действительности, хотя Николай I и знал содержание письма, но текст его до него не дошёл. Копия письма была спрятана от Бенкендорфа почитателем Пушкина, бывшим лицеистом П. И. Миллером. Впервые об этом рассказал в печати сын поэта-лицеиста М. Д. Деларю в 1880 г. После этого сам Миллер внёс в рассказ Деларю следующие уточнения: «Факт из жизни Пушкина, описанный г. Деларю в сентябрьской книжке „Русской старины“ 1880 года, рассказан не совсем верно.

Дело происходило в 1834 году, когда я состоял секретарём при графе Бенкендорфе. В апреле месяце этого года граф получил от тогдашнего московского почт-директора Булгакова копию с письма Пушкина к жене, отмеченную припискою: „с подлинным верно“. Подлинное же письмо было послано своим порядком к Наталье Николаевне. <...>

Прочитав копию, граф положил её в один из двух открытых ящичков, стоявших по обеим сторонам его кресел перед письменным

столом. Так как каждый ящик был перегороден на три отдела, и этих отделов выходило шесть, то граф нередко ошибался и клал полученную бумагу не в тот отдел, для которого она предназначалась. Это, разумеется, вело к тому, что он потом долго искал её и находил не прежде, как перебрав бумаги. Такая процедура ему, наконец, надоела, и он поручил мне сортировать их каждый день и вынимать залежавшиеся.

Когда я увидел копию в отделе бумаг, назначенных для доклада государю, у меня сердце дрогнуло при мысли о новой беде, грозившей нашему дорогому поэту. Я тут же переложил её под бумаги в другой отдел ящика и поехал сказать М. Д. Деларю, моему товарищу по лицу, чтобы он немедленно дал знать об этом Пушкину на всякий случай. Расчёт мой на забывчивость графа оказался верен: о копии уже не было речи, и я через несколько дней вынул её из ящика вместе с другими залежавшимися бумагами» (РА, 1902, № 10, с. 232). О П. И. Миллере и «услуге», оказанной им Пушкину, см.: Эйдельман Н. Я. О гибели Пушкина: (По новым материалам). — Новый

мир, 1972, № 3, с. 214—217.

44. 24 апреля 1834 г. Петербург

Вторник. Благодарю тебя, мой ангел, за письмо из-под Торжка. Ты умна, ты здорова — ты детей кашей кормишь — ты под Москвою. — Всё это меня очень порадовало и успокоило; а то я был сам не свой. У нас святая неделя, шумная, бурная. Вчера был у Карамзиной и побранился с Тимерязевой. Сегодня пойду к тётке, с твоим письмом. Завтра напишу тебе много. Покамест цалую тебя и всех Вас благословляю.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 602.

Впервые (с пропусками): *Анненков*, т. 1, с. 389—390. *Акад.*, XV, № 921.

Датируется на основании пометы Пушкина «Вторник» и фразы «у нас святая неделя»: в 1834 г. вторник на святой неделе приходился на 24 апреля.

45. 28 апреля 1834 г. Петербург

Ну, жёнка! насилу дождались мы от тебя письма. По моему расчёту ты должна была приехать в Москву в великий четверг¹[277] (так и вышло), и целые девять дней не было от тебя известия. Тётка перепугалась. Я был спокойнее, зная уже, что ты до Торжка дотащишься благополучно, и полагая, что хлопоты приезда и радость свидания помешают тебе в первые дни думать о письмах. Однако уж и мне становилось плохо. Слава богу! ты приехала, ты и Маша здоровы, Сашке лучше, вероятно он и совсем выздоровил. Не от кормилицы ли он болен? Вели её осмотреть, да отыми его от груди, пора. Кланяйся сёстрам. Попроси их от меня Машку не баловать, т. е. не слушаться её слёз и крику, а то мне не будет от неё покоя. Береги себя, и сделай милость, не простудись. Что делать с матерью? Коли она сама к тебе приехать не хочет, поезжай к ней² [278] на неделю, на две, хоть это лишние расходы и лишние хлопоты. Боюсь ужасно для

тебя семейственных сцен. Помяни господи царя Давида и всю кротость его!³[279] — С отцем пожалуй-ста не входи в близкие сношения и детей ему не показывай; на его, в его положении, невозможно полагаться.⁴[280] То-го и гляди откусит у Машки носик. Теперь вот тебе всепокорнейший отчёт. Святую неделю провёл я чинно дома, был всего вчерась [у] (в пятницу) у Карамзиной да у Смирновой. На качелях не являлся;⁵[281] завтра будет бал,⁶ [282] на который также не явлюсь. Этот бал кружит все головы и сделался предметом толков всего города. Будет 1800 гостей. Расчислено, что, полагая по одной минуте на карету, подъезд будет продолжаться 10 часов; но кареты будут подъезжать по 3 вдруг, следственно время втрое сократится. Вчера весь город ездил смотреть залу, кроме меня. Соболевский здесь, но занял у меня 50 р. и с тех пор ко мне не являлся. Лев Серг.<еевич> переезжает сегодня от Энг.<ельгардта> к родителям.⁷[283] Честь имею тебе заметить, что твой извозчик спрашивал не рейнвейну, а ренского (т. е. всякое белое кисленькое виноградное вино называется ренским), впрочем твоё замечание о

просвещении русского народа очень справедливо и делает тебе честь, а мне удовольствие. Dis-moi ce que tu bois, je te dirai qui tu es.^a[284]⁸
[285] Пьёшь ли ты ромашку или eau d'orange?⁶
[286] Тётка третьего дня заезжала ко мне узнать о твоём здоровьи и пококетничала со мною из <каре>ты.^b[287] Сегодня отправлюсь к ней с твоим письмом. Прощай, мой ангел; цалую тебя и всех вас благословляю. Кланяюсь сёстрам... Эх, хотелось бы отпустить une bonne plaisanterie,^r[288] да тебя боюсь. Adieu.^d
[289]

Суббота.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной. В Москве на Никитской в доме Гончарова.

Комментарий

Автограф: ПД, № 1505.

Почтовые штемпеля: «С.-Петербург 1834 апр. 28» и «Получено 1834 мая 1».

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 8—9. *Акад.*, XV, № 923.

Датируется на основании петербургского почтового штемпеля и пометы Пушкина «Суббота».

46. 30 апреля 1834 г. Петербург

Фомин понедельник.

Вчера был наконец дворянский бал. [290] С шести часов начался подъезд экипажей. Я пошёл бродить по городу и прошёл мимо дома Нарышкина. Народу толпилось множество. Полиция с ним шумела. Иллюминацию приготавливали. Не дождавшись сумерков, пошёл я в Англ.<ийский> клуб, где со мною случилось небывалое происшествие. У меня в клубе украли 350 рублей, украли не в тинтере, не в вист, а украли, как крадут на площадях. Каков наш клуб? перецеголяли мы и московский! [291] Ты думаешь, что я сердился, ни чуть. Я зол на Петербург и радуюсь каждой его гадости. Возвратясь домой, получаю твоё письмо, милый мой ангел. Слава богу, ты здорова, дети здоровы, ты пай дитя; с бала уезжаешь прежде мазурки, по приходам не таскаешься. Одно худо: не утерпела ты, чтоб не съездить на бал кн.<ягини> Галицыной. А я именно об этом и просил тебя. Я не хочу, чтоб

жена моя ездила туда, где хозяйка позволяет себе невнимание и неуважение.[292] Ты не Mlle Sontag, которую зовут на вечер, а потом на неё и не смотрят.[293] Московские дамы мне не пример. Они пускай таскаются по передним, к тем, которые на них и не смотрят! Туда им и дорога. Жёнка, жёнка! если ты и в эдакой безделице меня не слушаешь, так как мне не думать... ну, уж бог с тобой. Ты говоришь: я к ней не ездила, она сама ко мне подошла. Это-то и худо. Ты могла и должна была сделать ей визит, потому что она штатс-дама, а ты камер-пажиха; это дело службы. Но на бал к ней нечего было тебе являться. Ей богу, досада берёт — и письма не хочу продолжать.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1506.

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 10. *Акад.*, XV, № 925.

Датируется на основании пометы Пушкина «Фомин понедельник», т. е. первый понедельник после святой недели (в 1834 г. — 30 апреля).

47. 30 апреля 1834 г. Петербург

Жена моя милая, жёнка мой ангел — я сегодня уж писал тебе, да письмо моё как-то неудалось. Начал я было за здравие, да свёл за упокой. Начал нежностями, а кончил плюхой. Виноват, жёнка. Остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим.[294] Прощаю тебе бал у Галицыной и поговорю тебе о бале вчерашнем,[295] о котором весь город говорит и который, сказывают, очень удался. Ничего нельзя было видеть великолепнее. Было и не слишком тесно, и много мороженого, так что мне бы очень было хорошо. Но я был в народе, и передо мною весь город проехал в каретах (кроме поэта Кукольника, который проехал в каком-то старом фургоне, с каким-то оборванным мальчиком на запятках; что было истинное поэтическое явление). О туалетах справлюсь и дам тебе знать. Я писал тебе, что у меня в клобе украли деньги; не верь, это низкая клевета: деньги нашлись и мне принесены. Напрасно

ты думаешь, что я в лапах у Соболевского, и что он пакостит твои мебели. Я его вовсе не вижу, а подружился опять с Sophie Karantzine. Она сегодня на свадьбе, у Бакуниной.[296] Есть ещё славная свадьба: Воронцов женится — на дочери К. А. Нарышкина, которая и в свет ещё не выезжает. Теперь из богатых женихов остался один Новомленский, ибо Сорехтин, ты говоришь, умре. Кого-то выберет он? Александру ли Николаевну или Кат.<ерину> Ник.<олаевну>? как думаешь? Это письмо, вероятно, получишь ты уже в Ярополице; Натальи Ивановне я уже писал;[297] поцалуй за меня у ней ручки и скажи много нежного. Прощай, жена, цалую и благословляю тебя и Вас.

А. П.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной — в Москве на Никитской в доме Гончарова.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1507.

Почтовые штемпеля: «С.-Петербург 1834 мая 1» и «Получено 1834 Мая 5 <?>».

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 10—11. *Акад.*, XV,

№ 926.

Датируется по петербургскому почтовому штемпелю и по словам «я сегодня уж писал тебе» (см. письмо 46).

48. Около 5 мая 1834 г. Петербург

Что это, жена? вот уже 5 дней как я не имею тебе известия. Надеюсь, что хлопоты отъезда и приезда^a[298] одни помешали тебе ко мне писать и что ты и дети здоровы. Пишу к тебе в Ярополец.[299] Не знаю, куда отправить тебе деньги, в Москву ли, в Волоколамск ли, в Калугу ли? На днях на что-нибудь решусь. Что тебе сказать о себе: жизнь моя очень однообразна. Обедаю у Дюме часа в 2, чтоб не встретиться с холостою шайкою. Вечером бываю в клобе. Вчера был у кн.<ягини> Вяземской, где находилась и твоя гр.<афиня> Сал<логу>.[300] Оттуда поехал я к Одоевскому, который едет в Ревель. Тётку вижу часто, она беспокоится, что давно нет об тебе известия. Погода у нас славная, а у Вас, вероятно, ещё лучше. Пора тебе в деревню на лекарство, на ванны и на чистый воздух.

Сей час, мой ангел, получил я твоё письмо от 1-го мая. Благодарю тебя, что ты переждёшь свои временные. Это мне доказывает

твоё благоразумие, и я тебя втрое за то люблю. Радуюсь, что ты хорошеешь, хоть это du superflu.⁶[301] Сей час (в 5 ча<сов>) сидела у меня тётка, она тебя цалует. Летний сад полон. Все гуляют. Гр.<афиня> Фикельм.<он> звала меня на вечер. Явлюсь в свет в первый раз после твоего отъезда. За Салог.<уб> я не ухаживаю, вот-те Христос; и за Смирновой тоже. Смирнова ужасно брюхата, а родит через месяц. Все тебе кланяются. Завтра ещё буду писать.

Не смей купаться — с ума сошла, что ли. После завтра обедаю у Спасского — и буду на тебя жаловаться. Я не поехал к Фикельм.<он>, а остался дома, перечёл твоё письмо и ложусь спать. Брат Иван у меня. Лев Серг.<еевич> и отец меня очень сердят, а Ольга С.<ергеевна> начинает уже сердить.[302] Откажусь ото всего — и стану жить припеваючи.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1508.

Впервые (с пропусками): *ВЕ*, 1878, март, с. 13. *Акад.*, XV, № 932.

Основанием для датировки служит фраза Пушкина: «вот уже 5 дней как я не имею о те-

бе известия»; последнее письмо от жены Пушкин получил 29 апреля (см. письмо 46).

49. 12 мая 1834 г. Петербург

Какая ты дура, мой ангел! конечно я не стану беспокоиться оттого, что ты три дня пропустишь без письма, так точно как я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь с кавалер-гардом. Из этого ещё не следует, что я равнодушен и не ревнив. Я отправил тебя из П.<етер> Б.<урга> с большим беспокойством; твоё письмо из Бронницы ещё более меня взволновало. Но когда узнал я, что до Торжка ты доехала здорова, у меня гора с сердца свалилась, и я не стал сызнова хандрить. Письмо твоё очень мило; а опасения насчёт истинных причин моей дружбы к Софьи К.<арамзиной> очень приятны для моего самолюбия. Отвечаю на твои запросы: Смирнова не бывает у К.<арамзиных>, ей не встащить брюха на такую лестницу; кажется, она уже на даче; гр.<а-финя> С.<оллогуб> там также не бывает, но я видел её у кн.<ягини> В.<яземской>. Волочиться, я ни за кем не волочусь. У меня голова кругом идёт. Не рад жизни, что взял имение, но что ж делать? Не для меня, так для детей. Тётка вчера сидела у

меня, она тебя цалует. Вчера был большой парад, который, говорят, не удался.[303] Царь посадил наследника под арест. Сюда ожидают Прусского принца[304] и много других гостей. Надеюсь не быть ни на одном празднике. Одна мне и есть выгода от отсутствия твоего, что не обязан на балах дремать да жрать мороженое. Пишу тебе в Ярополец, где ты должна быть с третьегодняшнего дня. Кланяюсь сердечно Нат.<алье> Ив.<ановне>, цалую тебя и детей. Христос с Вами.

Знаешь ты, что кн.<ягиня> Мещ.<ерская> и Sophie Kar.<amzine> едут за границу?[305] Sophie уж плачет недели две, вероятно я доведу её до Кронштата.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной. В Волоколамск в село Ярополиц.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1509.

Почтовый штемпель: «С.-Петербург 1834 мая 14».

Впервые (с пропусками): *ВЕ*, 1878, март, с. 11. *Акад.*, XV, № 935.

Датируется на основании записи в дневнике Пушкина от 12 мая: «Вчера был большой

парад» (Акад., XII, с. 329).

50. 16 мая 1834 г. Петербург

Давно, мой ангел, не получал я от тебя писем. Тебе видно было некогда. Теперь, вероятно, ты в Яропольце и уже опять собираешься в дорогу.[306] Такая тоска без тебя, что того и гляди приеду к тебе. Говорил я со Спаским о Пирмонтских водах;[307] он желает, чтобы ты их принимала; и входил со мною в подробности, о которых по почте не хочу тебе писать, [потому что не хочу, чтоб письма мужа к жене ходили по полиции].[308] Пиши мне о своём здоровьи и о здоровьи детей, которых цалую и благословляю. Кланяюсь Н.<аталье> Ив.<ановне>. — Тебя цалую. На днях получишь письма по оказии. Прощай, мой милый друг.

16 мая.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной в Волоколамск в села Ярополец.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1511.

Почтовый штемпель: «С. Петербург 1834 мая 18».

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 12—13. *Акад.*, XV,

51. 18 мая 1834 г. Петербург

Мой ангел! поздравляю тебя с Машинным Рождением, [309] цалую тебя и её. Дай бог ей зубков и здоровья. Того же и Саше желаю, хоть он не именинник. Ты так давно, так давно ко мне не писала, что несмотря на то, что беспокоиться непустому я не люблю, но я беспокоюсь. Я должен был из Яропольца получить по крайней мере два письма. Здорова ли ты и дети? спокойна ли ты? Я тебе не писал, потому что был зол — не на тебя, на других. Одно из моих писем попало полиции и так далее. Смотри, жёнка: надеюсь, что ты моих писем списывать никому не дашь; если почта распечатала письмо мужа к жене, так это её дело, и тут одно неприятно: тайна семейственных сношений, проникнутая скверным и бесчестным образом; но если ты виновата, так это мне было бы больно. Никто не должен знать, что может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни. Я пишу тебе, не для печати; а тебе нечего публичку принимать в наперсники. Но знаю, что

этого быть не может; а свинство уже давно меня ни в ком не удивляет.

Вчера я был в концерте, данном для бедных в великолепной зале Нарышкина, в самом деле, великолепной.[310] Как жаль, что ты её не видала. Пели новую музыку Вельгорского на слова Жуковского.[311] Я никого не вижу, нигде не бываю; принялся за работу и пишу по утрам. Без тебя так мне скучно, что поминутно думаю к тебе поехать, хоть на неделю. Вот уж месяц живу без тебя; дотяну до августа; а ты себя береги; боюсь твоих гуляний верхом. Я ещё не знаю, как ты ездешь; вероятно, смело; да крепко ли на седле сидишь? вот запрос. Дай бог тебя мне увидеть здоровою, детей целых и живых! да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить баринoм!^a[312]^a[313] Неприятна зависимость; особенно когда лет 20 человек был независим. Это не упрёк тебе, а ропот на самого себя. Благословляю всех Вас, детушки.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной в Волоколамск в село Ярополец.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1512.

Почтовый штемпель: «С. Петербург 1834
мая 18».

Впервые (с пропусками): *ВЕ*, 1878, март, с.
12. *Акад.*, XV, № 942.

Датируется на основании почтового штем-
пеля.

52. 26 мая 1834 г. Петербург

Благодарю тебя, мой ангел, за добрую весть о зубке Машином. Теперь надеюсь, что и остальные прорежутся безопасно. Теперь за Сашкою дело. Что ты путаешь, говоря: *о себе не пишу, потому что не интересно.*[314] Лучше бы ты о себе писала, чем о S.<ollogoub>, о которой забираешь в голову всякий вздор [315] — на смех всем честным людям и полиции, которая читает наши письма.[316] Ты спрашиваешь, что я делаю. Ничего путного, мой ангел. Однако дома сижу до 4 часов и работаю. В свете не бываю; от фрака отвык; в клубе провожу вечера. Книги из Парижа приехали,[317] и моя библиотека растёт и теснится. К нам в П.<етер>Б.<ург> приехал Ventriloque,^a[318]^s[319] который смешил меня до слёз; мне право жаль, что ты его не услышишь.хлопоты по имению меня бесят; с твоего позволения, надобно будет, кажется, выдти мне в отставку и со вздохом сложить камер-юнкерский мундир, который так приятно льстил моему честолюбию и в котором, к сожалению, не успел я пощеголять. Ты мо-

лода, но ты уже мать семейства, и я уверен, что тебе не труднее будет исполнить долг доброй матери, как исполняешь ты долг честной и доброй жены. Зависимость и расстройство в хозяйстве ужасны в семействе; и никакие успехи тщеславия не могут вознаградить спокойствия и довольства. Вот тебе и мораль. Ты зовёшь меня к себе прежде августа. Рад бы в рай, да грехи не пускают. Ты разве думаешь, что свинский Петербург не гадок мне? что мне весело в нём жить между пасквилями и доносами? Ты спрашиваешь меня о Петре? идёт помаленьку; скоплю матерьялы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник, который нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок.[320]

Вчера видел я Сперанского, Карамзиных, Жуковского, Вельгорского, Вяземского — все тебе кланяются. Тётка меня всё балует — для моего рождения прислала мне корзину с дынями, с земляникой, клубникой — так что боюсь поносом встретить 36-ой год бурной моей жизни. Сегодня еду к ней с твоим письмом. Покамест прощай, мой друг. У меня желчь,

так извини мои сердитые письма. Цалую вас и благословляю.

Деньги шлю на имя Дм.<итрия> Н.<иколаевича>.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной.

В Калуге на Полотняный Завод.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1513.

Почтовые штемпеля: «С.-Петербург. 29 мая 1834» и «Калуга июня 5 1834».

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 13—14. *Акад.*, XV, № 947.

Основанием для датировки данного письма служит то, что в нём ничего не говорится о представлении Пушкина в. к. Елене Павловне, а в следующем письме к Н. Н. Пушкиной, от 3 июня поэт пишет: «В прошлое воскресенье представлялся я к вел.<икой> княгине». Воскресенье, о котором идёт речь, приходилось в 1834 г. на 27 мая (о том, что Пушкин считал это событие заслуживающим внимания, свидетельствует его запись в дневнике, где также указан день представления — 27 мая, см.: *Акад.*, XII, с. 330). Кроме того, в письме от 3 июня Пушкин пишет, что «девятый

день» не имеет известий от жены, т. е. письмо от Натальи Николаевны было получено им 26 мая, в день его рождения, и естественно, что поэт сразу на него ответил. Вероятно, и подарок от Е. И. Загряжской ко дню рождения Пушкина был прислан в самый день 26 мая, о чём поэт сразу же написал жене. Письмо могло случайно не попасть в тот же день на почту, отсюда и поздняя дата почтового штемпеля.

53. 3 июня 1834 г. Петербург

Что это, мой друг, с тобою делается? вот уж девятый день, как не имею о тебе известия. Это меня поневоле беспокоит. Положим: ты выезжала из Яропольца, всё-таки могла иметь время написать мне две строчки. Я не писал тебе потому, что свинство почты[321] так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силе. Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство à la lettre.^a[322] Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности (*inviolabilité de la famille*) невозможно:[323] каторга не в пример лучше. Это писано не для тебя;[324] а вот что пишу для тебя. Начала ли ты железные ванны? есть ли у Маши новые зубы? и каково перенесла она свои первые? У меня отгадай кто теперь остановился? Сергей Ник.<олаевич>, [325] который приехал-было в Ц.<арское> С.<ело> к брату, но с ним побранился и принуждён был бежать со всем багажем. Я очень ему рад. Шашки возобновились. Тётка уехала с Н.<атальей> Кир.<илловной>[326] — я ещё

у ней не был. Долгорукая Малиновская выкинула, но кажется здорова. Сегодня обедаю у Вяз.<емского>, у которого сын именинник; [327] Карамзина уехала также. Писал я тебе, что Мещерские отправились в Италию, и что Sophie три дня сряду разливалась, обвиняя себя в жестокосердии и раскаиваясь в том, что оставляет Кат.<ерину> Андр.<еевну> одну? Я провожал их до пироскафа.[328] В прошлое воскресенье представлялся я к вел.<икой> княгине.[329] Я поехал к её выс.<очеству> на Кам.<енный> Остров в том приятном расположении духа, в котором ты меня привыкла видеть, когда надеваю свой великолепный мундир. Но она так была мила, что я забыл и свою несчастную роль и досаду. Со мною вместе представлялся цензор Красовский. Вел.<икая> кн.<ягиня> сказала ему: Vous devez être bien fatigué d'être obligé de lire tout ce qui paraît. Oui, Votre A.<ltesse> I.<mpériale>, отвечал он ей, d'autant plus que ce que l'on écrit maintenant n'a pas le sens commun.⁶[330] А я стою подле него. Она, как умная женщина, как-то его подправила. Смирнова на сносях. Брюхо её ужасно; не знаю, как она разрешит-

ся; но она много ходит и не похожа на то, что была прошлого году. Гр.<афиню> Сал.<логуб> встретил я недавно. Она велела тебя поцаловать, и тётка её также. Я большею частью дома и в клобе. Веду себя порядочно, только то не хорошо, что расстроил себе желудок; и что желчь меня так и волнует. Да от желчи здесь не убережёшься. Новостей нет, да хоть бы и были, так не сказал бы. Цалую всех вас, Христос с Вами. Отец и мать на днях едут в деревню;[331] а я хлопочу. Лев ходит пешком в Царское Село, а Соболевс.<кий> в Ораниенбаум. Видно им делать нечего. Прощай, мой ангел. Не сердись на холодность моих писем. Пишу скрепя сердце.

3 июня.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1514.

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 14—15. *Акад.*, XV, № 948.

54. 8 июня 1834 г. Петербург

Милый мой ангел! я было написал тебе письмо на 4 страницах,[332] но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебе не послал, а пишу другое. У меня решительно сплин. Скучно жить без тебя и не сметь даже писать тебе всё, что придёт на сердце. Ты говоришь о Болдине.[333] Хорошо бы туда заехать, да мудрено. Об этом успеем ещё поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моих жалоб в худую сторону. Никогда не думал я упрекать тебя в своей зависимости. Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив; но я не должен был вступать в службу и, что ещё хуже, опутать себя денежными обязательствами.[334] Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас. Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутом ниже у господ бога.[335] Но ты во всём этом

не виновата, а виноват я из добродушия, коим я преисполнен до глупости, несмотря на опыты жизни.

Благодарю тебя за весы, роскошную вывеску моей скупости. Мне прислала их тётка без записки. Вероятно, она теперь в хлопотах и готовится Нат.<алью> Кир.<илловну> к весте о смерти кн.<язя> Кочубея, который до Вас не доехал, как имел намерения, и умер в Москве.[336] Денег тебе ещё не посылаю. Принуждён был снарядить в дорогу своих стариков.[337] Тербят меня без милосердия. Вероятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь от управления имения. Пускай они его коверкают как знают; на их век станет, а мы Сашке и Машке постараемся оставить кусок хлеба. Не так ли? Новостей нет. Фикельмон болен[338] и в ужасной хандре. Вельгорский едет в Италию к больной жене. П.<етер>Б.<ург> пуст, все на дачах. Я сижу дома до 4 часов и пишу. Обедаю у Дюме. Вечером в клобе. Вот и весь мой день. Для развлечения вздумал было я в клобе играть, но принуждён был остановиться. Игра волнует меня — а желчь не унимается. Цалую Вас и благословляю. Прощай. Жду от

тебя письма об Ярополице. Но будь осторожна... вероятно, и твои письма распечатывают: этого требует Государственная безопасность.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной в Калуге на Полотняный Завод.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1515.

Почтовые штемпеля: «С. Петербург 8 июня 1834» и «Калуга июня 14 1834».

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 15—16. *Акад.*, XV, № 950.

55. 11 июня 1834 г. Петербург

Нашла за что браниться!.. за Летний сад [339] и за Соболевского. Да ведь Летний сад мой огород. Я вставши от сна иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нём, читаю и пишу. Я в нём дома. А Соболевский? Соболевский сам по себе, а я сам по себе. Он спекуляции творит свои, а я свои. Моя спекуляция удрать к тебе в деревню. Что ты мне пишешь о Калуге? Что тебе смотреть на неё? Калуга немного гаже Москвы, которая гораздо гаже Петербурга. Что же тебе там делать? Это тебя сёстры баламутят, и верно уж моя любимая.[340] Это на неё весьма похоже. Прошу тебя, мой друг, в Калугу не ездить. Сиди дома, так будет лучше. Тётка на даче, а я у ней ещё не был. Еду сегодня с твоими письмами. Нат.<алья> Кир.<илловна> узнала о смерти Кочубея. Je ne croyais pas, сказала она, que la mort de K.<очубей> me fit tant de peine.^a[341] Она утешается тем, что умер — он, а не Маша. [342] Сегодня едут мои в деревню, и я их иду проводить, до кареты, не до Царского Села, куда Лев Серг.<еевич> ходит пешечком. Уж как

меня теребили; вспомнил я тебя, мой ангел. А делать нечего. Если не взяться за имение, то оно пропадёт же даром, Ольга Серг.<еевна> и Л.<ев> Серг.<еевич> останутся на подножном корму, а придётся взять их мне же на руки, тогда-то наплачусь и наплачусь, а им и горя мало. Меня же будут цыганить. Ох, семья, семья!

Пожалуйста, мой друг, не ездь в Калугу. С кем там тебе знаться? с губернаторшей?[343] она очень мила и умна; но я никакой не вижу причины тебе ехать к ней на поклон. С невестой Дм.<итрия> Ник.<олаевича>?[344] Вот это дело другое. Ты слади эту свадьбу, а я приеду в отцы посажённые. Напиши мне, жёнка, как поживала ты в Яроп.<ольце>, как ладила с матушкой и с прочими. Надеюсь, что Вы расстались дружески, не успев поссориться и приревновать друг к другу. У нас ожидают Прусского принца. Вчера приехал Озеров из Берлина с женою в три обхвата. Славная баба; я, смотря на неё, думал о тебе и желал тебе воротиться из Завода такую же тетехой. Полно тебе быть спичкой. Прощай, жена. У меня на душе просветлело. Я два дня сряду получил от

тебя письма и помирился от души с почтою и полицией. Чорт с ними. Что делают дети? благословляю их, а тебя цалую.

11 июня

В тот же день

Сей час от меня тётка. Она просит тебя к ней писать, а меня тебе уши выдрать. Она переезжает в Царское Село, в дом кн.<язя> Кочубея, с Нат.<альей> Кир.<илловной>, которая удивительно мила и добра; завтра еду с ней проститься. Зачем ты тётке не пишешь? какая ты безалаберная! Она просит, чтоб я тебя в Калугу пустил, да ведь ты махнёшь и без моего позволения. Ты на это молодец. Сей час простился с отцем и матерью. У него хандра и чёрные мысли. Знаешь, что я думаю? не приехать ли мне к тебе на лето? Нет, жена, дела есть, потерпим ещё полтора месяца. А тут я к тебе упаду как снег на голову; если только пустят меня. Охота тебе думать о помещении се-стёр во дворец.[345] Во-первых, вероятно, откажут; а во-вторых, коли и возьмут, то подумай, что за скверные толки пойдут по свинскому П.<етер> Б.<ургу>. Ты слишком хороша,

мой ангел, чтоб пускаться в просительницы. Погоди; овдолеешь, постареешь — тогда пожалуй будь салопницей и титулярной советницей. Мой совет тебе и сёстрам быть подале от двора; в нём толку мало. Вы же не богаты. На тётку нельзя вам всем навалиться. Боже мой! кабы Заводы были мои, так меня бы в П.<етер> Б.<ург> не заманили и московским калачем. Жил бы себе барином. Но вы, бабы, не понимаете счастья независимости и готовы закабалить себя навеки, чтобы только сказали про вас: Hier Madame une telle était décidément la plus belle et la mieux mise du bal. Прощай, Madame une telle,[346] тётка прислала мне твоё письмо, за которое я тебя очень благодарю. Будь здорова, умна, мила, не ездь на бешеных лошадях, за детьми смотри, чтоб за ними няньки их смотрели, пиши ко мне чаще; сестёр поцалуй запросто, Дм.<итрия> Ник.<олаевича> также — детей за меня благослови. Цалую тебя. Еду на пироскафе провожать Вельгорского, который, вероятно, жену свою в живых не застанет.[347] Пётр 1-ый идёт; того и гляди напечатаю 1-ый том к зиме.[348] На того[349] я перестал сердиться,

потому что, toute réflexion faite,^в[350] не он виноват в свинстве его окружающем. А живя в нужнике, поневоле привыкнешь к <----->, и вонь его тебе не будет противна, даром что gentleman.^г[351] Ух кабы мне удрать на чистый воздух.[352]

Комментарий

Автограф: *ПД*, № 1516.

Впервые (с пропусками): *ВЕ*, 1878, март, с. 16—18. *Акад.*, XV, № 951.

56. Около (не позднее) 19 июня 1834 г. Петербург

Грустно мне, жёнка. Ты больна, дети больны. Чем это всё кончится, бог весть. Здесь меня теребят и бесят без милости. И мои долги и чужие мне покоя не дают. Имение расстроено, и надобно его поправить, уменьшая расходы, а они обрадовались и на меня напали.[353] То — то, то другое. Вот тебе письмо Спасского. Если ты здорова, на что тебе ванны. Тётку видел на днях. Она едет в Царск.<ое> Село. Прощай, жёнка. Плетнёв сей час ко мне входит.

А. П.

Цалую вас всех и благословляю детей.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной в Калугу на Полотняный Завод.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1517.

Почтовый штемпель: «С. Петербург 19 июн. 1834».

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 18. *Акад.*, XV, № 955.

Датируется соответственно почтовому
штампелю.

57. 26—27 июня 1834 г. Петербург

Ваше благородие всегда понапрасну лаиться
Визволите (*Недоросль*).[354]

Помилуй, за что в самом деле ты меня бранишь? что я пропустил одну почту? но ведь почта у нас всякой день; пиши сколько хочешь и когда хочешь; не то что из Калуги, из которой письма приходят каждые десять дней. Передпоследнее письмо твоё было такое милое, что расцаловал бы тебя; а это такое безалаберное, что за ухо бы выдрал. Буду отвечать тебе по пунктам. Когда я представлялся в.<еликой> кн.<ягине>,[355] дежурная [356] была не С.<оллогуб>, а моя приципленая кузинка Чичерина, до которой я не охотник, да хоть бы и С.<оллогуб> была в карауле, так уж если влюбляться...[357] — Эх, жёнка! почта мешает, а то бы я наврал тебе с три короба. Я писал тебе, что я от фрака отвык, а ты меня ловишь во лжи как в *petite misère ouverte*,^a [358] доказывая, что я видел и того и другого, следственно в свете бываю; это ничего не до-

казывает. Главное то, что я привык опять к Дюме и к Английскому клубу; а этим нечего хвастаться. Смирнова родила благополучно, и вообрази: двоих. Какова бабёнка, и каков красноглазый кролик Смирнов? — Первого ребёнка такого сделали, что не пролез, а теперь принуждены на двое разделить.[359] Сегодня кажется девятый день — и слышно, мать и дети здоровы. Ты пишешь мне, что думаешь выдать Кат.<ерину> Ник.<олаевну> за Хлюстина, а Алекс.<андру> Ник.<олаевну> за Убри: ничему не бывать; оба влюбятся в тебя; ты мешаешь сёстрам, потому надобно быть твоим мужем, чтоб ухаживать за другими в твоём присутствии, моя красавица. Хлюстин тебе врёт, а ты ему и веришь; откуда берёт он, что я к тебе в августе не буду? разве он пьян был от ботвиньи с луком? Меня в П.<етер> Б.<урге> останавливает одно: залог имения Нижегородского,[360] я даже и Пугачёва намерен препоручить Яковлеву,[361] да и дёрнуть к тебе, мой ангел, на Полотняный Завод.

Туда бы от жизни удрал, улизну<л!>[362] Цалую тебя и детей и благословляю вас от души. Ты, я думаю, так в деревне похорошела,

что ни на что не похоже. Благодарю за анекдот о Дмитр.<ии> Ник.<олаевиче>.[363] Не влюблён ли он? Тётка в Царском Селе. На днях еду к ней. Addio, vita mia; ti amo.⁶[364]

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной, в Калуге на Полотняный Завод.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1518.

Почтовые штампы: «С. Петербург. 27 июн. 1834» и «Калуга <...> июля 1834».

Впервые (с пропусками): *ВЕ*, 1878, март, с. 18—19. *Акад.*, XV, № 960.

Основанием для датировки является петербургский почтовый штамп, а также слова Пушкина, что после родов А. О. Смирновой (она родила 18 июня) «сегодня кажется девятый день».

58. Около 28 июня 1834 г. Петербург

Мой ангел, сей час послал я к графу Литта извинение в том, что не могу быть на Петергофском празднике[365] по причине болезни. Жалею, что ты не увидишь; оно того стоит. Не знаю даже, удастся ли тебе когда-нибудь его видеть. Я крепко думаю об отставке. [366] Должно подумать о судьбе наших детей. Имение отца, как я в том удостоверился, расстроено до невозможности и только строгой экономией может ещё поправиться. Я могу иметь большие суммы, но мы много и проживаем.[367] Умри я сегодня, что с Вами будет? мало утешения в том, что меня похоронят в полосатом кафтане,[368] и ещё на тесном Петербургском кладбище, а не в церкви на просторе, как прилично порядочному человеку. [369] Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сделаться мне богатым — а там, пожалуй, и кутить можем в свою голову. П.<етер> Б.<ург> ужасно скучен. Говорят, что свет живёт на Петергофской дороге. На

Чёрной речке только Бобринская да Фикельмон. Принимают — а никто не едет. Будут большие праздники после Петергофа. Но я уж никуда не поеду. Меня здесь удерживает одно: типография.[370] Виноват, ещё другое: залог имения.[371] Но можно ли будет его заложить? Как ты права была в том, что не должно мне было принимать на себя эти хлопоты, за которые никто мне спасибо не скажет, а которые испортили мне столько уж крови, что все пиявки дома нашего[372] её мне не высосут. Кстати о доме нашем: надобно тебе сказать, что я с нашим хозяином^a[373] побранился и вот почему. На днях возвращаюсь ночью домой; двери заперты. Стучу, стучу; звоню, звоню. Насилу добудился дворника. А я ему уже несколько раз говорил прежде моего приезда не запирать — рассердясь на него, дал я ему отеческое наказание. На другой день узнаю, что Оливье на своём дворе декламировал противу меня и велел дворнику меня не слушаться и двери запирать с 10 часов, чтоб воры не украли лестницы. Я тотчас велел прибить к дверям объявление, писанное рукою Сергея Николаевича, о сдаче кварте-

ры — а к Оливье написал письмо,[374] на которое дурак до сих пор не отвечал. Война же с дворником не прекращается, и вчера ещё я с ним повозился. Мне его жаль, но делать нечего; я упрям и хочу переспорить весь дом — включая тут и пиявок. Я перед тобой кругом виноват, в отношении денежном. Были деньги ... и проиграл их. Но что делать? я так был желчен, что надобно было развлечься чем-нибудь. Всё Тот[375] виноват; но бог с ним; отпустил бы лишь меня восвояси. Письмо твоё не перед мной: кажется есть что-то, на что обязан я возразить — но до другого дня. Пока прощай. Целую тебя и детей, благословляю всех троих. Прощай, душа моя — кланяйся сёстрам и братьям. Сергей Ник.<олаевич> на днях в офицеры произведён, и хлопчет о мундире.[376]

А. П.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1519.

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 19—20. *Акад.*, XV, № 961.

Основанием для датировки являются слова Пушкина о том, что Сергей Николаевич

«хлопочет о мундире». 29 июня С. Н. Гончаров явился к Пушкину уже в мундире (см. письмо 59).

59. 30 июня 1834 г. Петербург

Твоя Шишкова ошиблась: я за её дочкой Полиной не волочился, потому что не видывал, а ездил я к Александру Семёновичу Ш.<ишкову> в Академию, и то не для свадьбы, а для жетонов,[377] <pas> autrement.^a[378] История же о княжнах[379] совершенно справедлива, и я не вижу тут ничего смешного. Благодарю тебя за милое и очень милое письмо. Конечно, друг мой, кроме тебя в жизни моей утешения нет — и жить с тобою в разлуке так же глупо, как и тяжело. Но что ж делать? После завтраго начну печатать Пут.<ачёва>, который до сих пор лежит у Сперанского.[380] Он задержит меня с месяц. В августе буду у тебя. Завтра Петергофский праздник,[381] и я проведу его на даче у Плетнёва вдвоём. Будем пить за твоё здоровье. С хозяином Оливье я решительно побранился,[382] и надобно будет иметь другую квартиру, особенно если приедут с тобою сёстры.[383] Serge ещё у меня, вчера явился ко мне в офицерском мундире,[384] и молодец. История о том, как Ив.<ан> Ник.<олаевич> побранился

с Юрьевым и как они помирились, уморительно смешна, но долго тебе рассказывать. Из деревни имею я вести неутешительные. Посланный мною новый управитель[385] нашёл всё в таком беспорядке, что отказался от управления и уехал. Думаю последовать его примеру. Он умный человек, а Болдино можно ещё коверкать лет пять.

Прости, жёнка. Благодарю тебя за то, что ты обещаешься не кокетничать: хоть это я тебе и позволил, но всё-таки лучше моим позволением тебе не пользоваться. Радуюсь, что Сашку от груди отняли, давно бы пора. А что кормилица пьянствовала, отходя ко сну, то это ещё не беда; мальчик привыкнет к вину, и будет молодец, во Льва Сергеевича. Машке скажи, чтоб она не капризничала, не то я приеду и худо ей будет. Благословляю всех вас — тебя цалую в особенности.

30 июня.

Пожалуй-ста не требуй от меня нежных, любовных писем. Мысль, что мои распечатываются и прочитываются на почте, в полиции, и так далее[386] — охлаждает меня, и я

поневоле сух и скучен. Погоди, в отставку вы-
ду, тогда переписка нужна не будет.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной.

В Калугу на Полотняный Завод.

Комментарий

Автограф: ИРЛИ, № 1521.

Почтовые штемпеля: «С.-Петербург 2 июля 1834» и «в Калуге получено» июля 8 1834».

Впервые: ВЕ, 1878, март, с. 20—21. Акад., XV, № 964.

60. 11 июля 1834 г. Петербург

Ты, жёнка моя, пребезалаберная^a[387] (насилу слово написал). То сердишься на меня за С.<оллогуб>, то за краткость моих писем, то за холодный слог, то за то, что я к тебе не еду. Подумай обо всём, и увидишь, что я перед тобой не только прав, но чуть не свят. С С.<оллогуб> я не кокетничаю, потому что и вовсе не вижу, пишу коротко и холодно по обстоятельствам тебе известным,[388] не еду к тебе по делам, ибо и печатаю П.<угачёва>, и закладываю имения,[389] и вожусь и хлопочу — а письмо твоё меня огорчило, а между тем и порадовало; если ты поплакала, не получив от меня письма, стало быть ты меня ещё любишь, жёнка. За что цалую тебе ручки и ножки.

Кабы ты видела, как я стал прилежен; как читаю корректуру — как тороплю Яковлева! [390] Только бы в августе быть у тебя. Теперь расскажу тебе о вчерашнем бале. Был я у Фикельмон. Надо тебе знать, что с твоего отъезда я кроме как в клобе нигде не бываю. Вот вчерась как я вошёл в освещённую залу, с на-

рядными дамами, то я смутился, как немецкий профессор; насилу хозяйку нашёл, насилу слово вымолвил. Потом, осмотревшись, увидел я, что народу не так-то много, и что бал это запросто, а не раут. Незнакомых дам несколько прусачек (наши лучше, не говоря уж о тебе), а одеты, как Ермолова во дни отчаянные.[391] Вот наелся я мороженого и приехал себе домой — в час. Кажется, не за что меня бранить. О тебе в свете много спрашивают и ждут очень. Я говорю, что ты уехала плясать в Калугу. Все тебя за то хвалят, и говорят: ай да баба! — а у меня сердце радуется. Тётка заезжала вчера ко мне и беседовала со мною в карете; я ей жаловался на своё житьё-бытьё; а она меня утешала. На днях я чуть было беды не сделал: с *тем*[392] чуть было не побранился — и трухнул-то я, да и грустно стало. С этим поспорюсь — другого не наживу. А долго на него сердиться не умею; хоть и он не прав. Сегодня был на даче у Плетнёва; у него дочь имянинница. Только вместо его нашёл я кривую кузину — и ничего. А он уехал в Ораниенбаум — в.<еликую> княгиню учить.[393] Досадно было, да нечего делать. Прощай, жён-

ка — спать хочу. Цалую тебя и вас — и всех
благословляю. Христос с Вами.

11 июля.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, 1524.

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 21—22. *Акад.*, XV,
№ 977.

61. Около (не позднее) 14 июля 1834 г. Петербург

Ты хочешь непременно знать, скоро ли буду я у твоих ног? изволь, моя красавица. Я закладываю имение отца, это кончено будет через неделю.[394] Я печатаю Пугачёва; это займёт целый месяц. Жёнка, жёнка, потерпи до половины августа, а тут уж я к тебе и явлюсь и обниму тебя, и детей расцалую. Ты разве думаешь, что холостая жизнь ужасно как меня радует? Я сплю и вижу, чтоб к тебе приехать, да кабы мог остаться в одной из Ваших деревень под Москвою, так бы богу свечку поставил; рад бы в рай, да грехи не пускают. Дай, сделаю деньги, не для себя, для тебя. Я деньги мало люблю — но уважаю в них единственный способ благопристойной независимости. А <о> каком соседе пишешь мне лукавые письма? кем это меня ты стращаешь? отселе вижу, что такое. Человек лет 36; отставной военный или служащий по выборам. С пузом и в картузе. Имеет 300 душ и едет их перекладывать — по случаю неурожая. А накану-

не отъезда сентиментальничает перед тобою. Не так ли? А ты, бабёнка, за неимением Того [395] и другого, избираешь в обожатели и его: дельно. Да как балы тебе не приелись, что ты и в Калугу едешь для них. Удивительно! — Надобно тебе поговорить о моём горе. На днях хандра меня взяла; подал я в отставку.[396] Но получил от Жуковского такой нагоняй, [397] а от Бенкендорфа такой сухой абшид, [398] что я вструхнул, и Христом и богом прошу, чтоб мне отставку не давали. А ты и рада, не так? Хорошо, коли проживу я лет ещё 25; а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать, и что скажет Машка, а в особенности Сашка. Утешения мало им будет в том, что их папеньку схоронили как шута,[399] и что их маменька ужас как мила была на Аничковских балах.[400] Ну, делать нечего. Бог велик; главное то, что я не хочу, чтоб могли меня подозревать в неблагодарности. Это хуже либерализма. Будь здорова. Поцалуй детей и благослови их за меня. Прощай, цалую тебя.

А. П.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной

в Калугу на Полотняные Заводы.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1525.

Почтовые штемпеля: «С. Петербург. Отделение 1-а, 1834 июл. 14» и «Калуга получ.<ено> июля (...)».

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 22—23. *Акад.*, XV, № 979.

Датируется на основании петербургского почтового штемпеля и по связи с письмами 60 и 62.

62. 14 июля 1834 г. Петербург

Все вы, дамы, на один покрой. Куда как интересно похождения дурачка Д.[401] и его семейственные ссоры. А ты так и радуешься. Я чай, так и раскокетничалась. Что-то Калуга? Вот тут поцарствуешь! — Впрочем, жёнка, я тебя за то не браню. Всё это в порядке вещей; будь молода, потому что ты молода — и царствуй, потому что ты прекрасна. Целую тебя от сердца — теперь поговорим о деле. Если ты в самом деле вздумала сестёр своих[402] сюда привезти, то у Оливье оставаться нам невозможно; места нет. Но обеих ли ты сестёр к себе берёшь? эй, жёнка! смотри... Моё мнение: семья должна быть *одна под одной* кровлей: муж, жена, дети покамест малы; родители, когда уже престарелы. А то хлопот не наберёшься, и семейственного спокойствия [не наберёшь] не будет. Впрочем об этом ещё поговорим. Яковлев обещает отпустить меня к тебе в августе[403] — я оставлю Пугачёва на его попечении. Август близок. Слава богу, дождались. Надеюсь, что ты передо мною чиста и права; и что мы свидимся, как расстались.

Мне кажется, что Сашка начинает тебе нравиться. Радуюсь: он не в пример милее Машки, с которой ты напляшешься. Смирнова опять чуть не умерла.[404] Рассердилась на доктора, и кровь кинулась в голову, слава богу, что не молоко. Она теперь принимает, но я к ней ещё не был. Сегодня фейворок, или фейерверк[405] — Сергей Н.<иколаевич> едет смотреть его; а я в городе останусь. У нас третий день как жары — и мы не знаем, что делать. Сплю и вижу, чтоб из П.<етер> Б.<урга> убраться к тебе; а ты и не веришь мне, и braniшь меня. Сегодня съезжу к Плетнёву. Поговорим о тебе. У меня большие хлопоты по части Болдина. Через год я на всё это плюну — и <за>ймусь своими делами. Лев С.<ергеевич> очень себя ду<рно> ведёт. Ни копейки денег не имеет, а в <дом>ино проигрывает — у Дюме по 14 бутылок <ша>мпанского.[406] Я ему нич<его> не говорю, потому что, слава богу, мужику 30 лет; но мне его жаль и досадно. Соболевский им руководствует, и что уж они делают, то господь ведаёт. Оба довольно пусты. Тётка в Царск.<ом> Селе. Я всё к ней собираюсь, да не соберусь. Прощай. Обнимаю тебя

крепко — детей благословляю — тебя также.
Всякой ли ты день молишься, стоя в углу?

14 июля.

*Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной
в Калуге на Полотняном заводе.*

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1526.

Почтовый штемпель: «С. Петербург. 16
июл. 1834».

Впервые: *ВЕ*, 1878, с. 23—24. *Акад.*, XV, № 980.

63. Около (не позднее) 26 июля 1834 г. Петербург

Наташа мой ангел, знаешь ли что? я беру этаж, занимаемый теперь Вяземскими. [407] Княгиня едет в чужие края, дочь её больна не на шутку; боятся чахотки. [408] Дай бог, чтоб юг ей помог. Сегодня видел во сне, что она умерла, и проснулся в ужасе. Ради бога, берегись ты. Женщина, говорит Гальяни, *est un animal naturellement faible et malade.*^a[409]³ [410] Какие же вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балах и помогаете мужьям мотать. И за то спасибо. Пожалуй-ста не сердись на меня за то, что я медлю к тебе явиться. Право, душа просит; да мощна не велит. Я работаю до низложения риз. Держу корректуру двух томов вдруг, [411] пишу примечания, закладываю деревни — Льва Сергеича выпроваживаю в Грузию. [412] Всё слажу — и сломя голову к тебе прискачу. Сей час приносили мне корректуру, и я тебя оставил для Пугачёва. В корректуре я прочёл, что Пугачёв *поручил Хлопуше грабёж заводов.*

Поручаю тебе грабёж Заводов — слышишь ли, моя Хло-Пушкина? ограбь Заводы и возвратись с добычею.[413] В свете я не бываю. Смирнова велела мне сказать, что она меня впишет в разряд иностранцев, которых велено не принимать. Она здорова, но чуть не умерла (*animal naturellement faible et malade*). Цалую Машу и заочно смеюсь её затеям. Она умная девчонка, но я от неё покамест ума не требую; а требую здоровья. Довольна ли ты немкой и кормилицей? Ты дурно сделала, что кормилицу не прогнала. Как можно держать при детях пьяницу, поверя обещанию и слезам пьяницы?[414] Молчи, я всё это улажу. До тебя мне осталось 9 листов. То есть как ещё пересмотрю 9 печатных листов и подпишу: *печатать*, так и пущусь к тебе, а покамест буду проситься в отпуск. Новостей нет никаких; кроме того, что бедного маршала Мезона чуть не задавили на манёврах.[415] Знай наших. Цалую тебя и их. Господь вас благослови.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной.

В Калугу на Полотняный Завод.

Комментарий

Автограф: ИРЛИ, № 1527.

Почтовый штемпель: «С.-Петербург. 26
июл. 1834».

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 24—25. *Акад.*, XV,
№ 985.

Датируется соответственно почтовому
штемпелю.

64. Около (не позднее) 30 июля 1834 г. Петербург

Что это значит, жена? Вот уж более недели как я не получаю от тебя писем. Где ты? что ты? В Калуге? в деревне? откликнись. Что так могло тебя занять и развлечь? какие балы? какие победы? уж не больна ли ты? Христос с тобою. Или просто хочешь меня заставить скорее к тебе приехать. Пожалуй-ста, жёнка — брось эти военные хитрости, которые не в шутку мучат меня за тысячи вёрст от тебя. Я приеду к тебе, коль скоро меня Яковлев отпустит.[416] Дела мои подвигаются. Два тома печатаются вдруг.[417] Для одной недели разницы не заставь меня всё бросить и потом охать целый год, если не два и не три. Будь умна. Я очень занят. Работаю целое утро — до 4 часов — никого к себе не пускаю. Потом обедаю у Дюме, потом играю на бильярде в клубе — возвращаюсь домой рано, надеясь найти от тебя письмо — и всякой день обманываюсь. Тоска, тоска...

С кн.<язем> Вяземским я уже условился.

Беру его квартиру.[418] К 10 августу припасу ему 2500 рублей — и велю перетаскивать пожитки; а сам поскачу к тебе. Ждать не долго.

Прощай — будьте все здоровы. Цалую твой портрет, который что-то кажется виноватым.

[419] Смотри —————

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной.

В Калугу на Полотняный Завод.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1528.

Почтовые штемпеля: «С.-Петербург. Отделение 1-а. 1834 июл. 30» и «Калуга получено августа 5 1834».

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 25. *Акад.*, XV, № 986.

Датируется соответственно петербургскому почтовому штемпелю.

65. 3 августа 1834 г. Петербург

Стыдно, жёнка. Ты на меня сердишься, не разбирая, кто виноват, я или почта, и оставляешь меня две недели без известия о себе и о детях. Я так был смущён, что не знал, что и подумать. Письмо твоё успокоило меня, но не утешило. Описание вашего путешествия в Калугу, как ни смешно, для меня во все не забавно. Что за охота таскаться в скверный уездный городишка, чтоб видеть скверных актёров, скверно играющих старую, скверную оперу? что за охота останавливаться в трахтире, ходить в гости к купеческим дочерям, смотреть с чернию губернский фейворок — когда в Петербурге ты никогда и не думаешь посмотреть на Каратыгиных и никаким фейвороком тебя в карету не заманишь. Просил я тебя по Калугам не разъезжать, да видно уж у тебя такая натура. О твоих кокетственных сношениях с соседом говорить мне нечего. Кокетничать я сам тебе позволил — но читать о том лист кругом подробного опи-

сания вовсе мне не нужно. Побранив тебя, беру нежно тебя за уши и цалую — благодаря тебя за то, что ты богу молишься на коленях посреди комнаты. Я мало богу молюсь и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих, как для меня, так и для нас. Ты ждёшь меня в начале августа. Вот нынче уже 3-е, а я ещё не подымаюсь;[420] Яковлев отпустит меня около половины месяца.[421] Но и тут я не совсем ещё буду свободен. Я взял квартиру Вяземских.[422] Надо будет мне переехать, перетащить мебель и книги, и тогда уже, благословясь, пуститься в дорогу. Дай бог приехать мне к твоим именинам, я и тем был бы счастлив.

Вяземские здесь. Бедная Полина очень слаба и бледна. Отца жалко смотреть. Так он убит. Они все едут за границу. Дай бог, чтоб климат ей помог. Marie похорошела и в бедной и загнанной Москве[423] произвела большое действие. О тебе гремит ещё молва, после минутного твоего появления.[424] Нашли, что ты похудела — я привезу тебя тетехой, по твоему обещанию: смотри ж! Не поставь меня в луны. На днях встретил я M^{de} Жорж. Она оста-

новилась со мною на улице и спрашивала о твоём здоровье, я сказал, что на днях еду к тебе pour te faire un enfant.^a[425] Она стала приседать, повторяя: Ах, Mon*si*, vous me ferez une grande plaisir.^b[426] Однако я боюсь родов, после того, что ты выкинула. Надеюсь однако, что ты отдохнула. Видел я Смирнову: она начинает оправляться, но всё ещё плоха и желта. Тётка воротилась из Царского Села и была у меня. Она очень мила; но Наталья Кириловна сильно ей надоела.[427] Н.<аталья> К.<ириловна> сердится на всех, особенно на князя Кочубея, зачем он умер и тем огорчил её Машу. На княгиню также дуется и говорит: Mon Dieu, mais nous toutes nous avons perdu nos maris et cependant nous nous sommes consolées.^b[428] Тётка говорит, что ты ей вовсе не пишешь. Не хорошо. А она всё за тебя хлопочет. Serge в лагери. Брата Ивана не вижу. Прощай, Христос с Вами. Цалую Вас, тебя в особенности. Принесли корректуру.[429]

3 авг.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1529.

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 25. *Акад.*, XV, №

66. 15 и 17 сентября 1834 г. Болдино

15 сент. Почта идёт во вторник, а сегодня только ещё суббота; итак это письмо нескоро до тебя доберётся. Я приехал третьего дня в четверг поутру[430] — вот так тихо ездят по губернским трактам — а я ещё платил почти везде двойные прогоны. Правда, что отовсюду лошади были взяты под государя, который должен из Москвы проехать на Нижний.[431] В деревне встретил меня первый снег, и теперь двор перед моим окошком белёшенек; *c'est une très aimable attention,*^a[432] однако я ещё писать не принимался, и в первый раз беру перо, чтоб с тобою побеседовать. Я рад, что добрался до Болдина; кажется, менее будет мне хлопот, чем я ожидал. Написать что-нибудь мне бы очень хотелось. Не знаю, придёт ли вдохновение.[433] Здесь нашёл я Безобразова (что же ты так удивилась? не твоего обожателя,[434] а мужа моей кузины Маргаритки).[435] Он хлопочет и хозяйничает и ве-

роятно купит пол-Болдина.[436] Ох! кабы у меня было 100 000! как бы я всё это уладил; да Пуг.<ачёв>, мой оброчный мужичок, и половины того мне не принесёт,[437] да и то мы с тобою как раз промотаем; не так ли? Ну, нечего делать: буду жив, будут и деньги..... Вот едет ко мне Безобразов — прощай.

Ух, насилу отвязался. Два часа сидел у меня. Оба мы хитрили — дай бог, чтоб я его перехитрил, на деле; а на словах, кажется, я перехитрил. Вижу отселе твою недоверчивую улыбку, ты думаешь, что я подуруша и что меня опять оплетут — увидим. Приехав в Москву, кончу дело в два дня; и приеду в П.<етер> Б.<ург> молодцом и обладателем села Болдина...

Сей час у меня были мужики, с челобитьем;[438] и с ними принуждён я был хитрить — но эти наверное меня перехитрят... Хоть я сделался ужасным политиком с тех пор, как читаю *Conquêtes de l'Angleterre par les Normands*.⁶[439]⁹[440] Это что ещё? Баба с просьбою. Прощай, иду её слушать.

— Ну, жёнка, умора. Солдатка просит, чтоб её сына записали в мои крестьяне, а его-де за-

писали в выблядки, а она-де родила его только 13 месяцев по отдаче мужа в рекруты, так какой же он выблядок? Я буду хлопотать за честь оскорблённой вдовы.

17-го.

Теперь, вероятно, ты в Яропольце и, вероятно, уж думаешь об отъезде. С нетерпением ожидаю от тебя письма. Не забудь моего адреса: в Арзамасском уезде, в село Абрамово, оттуда в село Болдино. — Мне здесь хорошо, да скучно, а когда мне скучно, меня так и тянет к тебе, как ты жмёшься ко мне, когда тебе страшно. Цалую тебя и деток и благословляю вас. Писать я ещё не принимался.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1531.

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 26—27. *Акад.*, XV, № 1000.

67. Около (не позднее) 25 сентября 1834 г. Болдино

Вот уж скоро две недели как я в деревне, а вот тебя ещё письма не получил. Скучно, мой ангел. И стихи в голову нейдут; и роман [441] не переписываю. Читаю Вальтер-Скотта [442] и Библию, а всё об вас думаю. Здоров ли Сашка? прогнала ли ты кормилицу?[443] отделалась ли от проклятой немки? Какова доехала? Много вещей, [на] о которых беспокоюсь. Видно, нынешнюю осень мне долго в Болдине не прожить. Дела мои я кой-как уладил. Погожу ещё немножко, не распишусь ли; коли нет — так с богом и в путь.[444] В Москве останусь дня три, у Нат.<альи> Ив.<ановны> сутки — и приеду к тебе. Да и в самом деле: неужто близ тебя не распишусь? Пустое. Я жду к себе Языкова,[445] да видно не дождусь.

Скажи пожалуйста-ста, брюхата ли ты? если брюхата, [бр] прошу, мой друг, быть осторожной, не прыгать, не падать, не становиться на колени перед Машей (ни даже на молитве).

Не забудь, что ты выкинула и что тебе надобно себя беречь. Ох, кабы ты уж была в Петербурге. Но по всем моим расчётам ты прежде 3-го октября не доедешь. И как тебе там быть? без денег, без Амеляна, с твоими дурами няньками и неряхами девушками (не во гнев буде сказано Пелагеи Ивановне, которую заочно цалую). У тебя, чай, голова кругом идёт. Одна надежда: тётка. Но из тётки двух тёток не сделаешь — видно, что мне надобно спешить. Прощай, Христос Вас храни. Цалую тебя крепко — будьте здоровы.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной. В С. Петербурге

На Дворцовой Набережной у Прачечного мосту в доме Баташёва.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1532.

Почтовая помета: «26-го сентября 1834 года Абра<мова> <ст>анция»; почтовый штемпель: «Получено 1834 окт. 4 полдень».

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 28. Акад., XV, № 1001.

Датируется на основании почтового штемпеля и слов Пушкина: «Вот уж скоро две неде-

ли как я в деревне». В Болдино он приехал 13 сентября (см. письмо 66).

68. 14 сентября 1835 г. Михайловское

Хороши мы с тобой. Я не дал тебе моего адреса, а ты у меня его и не спросила; вот он: в Пск.<овскую> губ.<ернию> в Остров, в село Тригорское. Сегодня 14-ое сентября. Вот уж неделя, как я тебя оставил, милый мой друг; а толку в том не вижу.[446] Писать не начинал и не знаю, когда начну. Зато беспрестанно думаю о тебе, и ничего путного не надумаю. Жаль мне, что я тебя с собою не взял. Что у нас за погода! Вот уж три дня, как я только что гуляю то пешком, то верхом.

Эдак я и осень мою прогуляю, и коли бог не пошлёт нам порядочных морозов, то возвращусь к тебе не сделав ничего. Пр.<асковьи> Ал.<ександровны> ещё здесь нет. Она или в деревне у Бегичевой, или во Пскове хлопчет. На днях ожидают её. Сегодня видел я месяц с левой стороны,[447] и очень о тебе стал беспокоиться. Что наша экспедиция? виделась ли ты с графиней К.<анкриной>, и что ответ?[448] На всякой случай если нас гонит

граф К.<анкрин>, то у нас остаётся граф Юрьев;[449] я адресую тебя к нему. Пиши мне как можно чаще; и пиши всё, что ты делаешь, чтоб я знал, с кем ты кокетничаешь, где бываешь, хорошо ли себя ведёшь, каково сплетничаешь, и счастливо ли воюешь с твоей однофамилицей.^a[450]⁵[451] Прощай, душа: цалую ручку у Марьи Александровны и прошу её быть моею заступницею у тебя. Сашку цалую в его круглый лоб.[452] Благословляю всех вас. Тёткам Ази и Коко[453] мой сердечный поклон. Скажи Плетнёву, чтоб он написал мне об наших общих делах.[454]

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной.

В С. Петербург, в доме Баташёва у Прачечного мосту

на Дворцовой набережной.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1543.

Почтовые штемпеля: «Новоржева 1835 сент. 16 дня» и «Получено 1835 сен. 21 утро».

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 29. *Акад.*, XVI, № 1091.

69. 21 сентября 1835 г. Михайловское

Жена моя, вот уже и 21-ое, а я от тебя ещё ни строчки не получил. Это меня беспокоит поневоле, хоть я знаю, что ты мой адрес, вероятно, узнала, не прежде как 17-го, в Павловске.[455] Не так ли? к тому же и почта из П.<етер>Б.<урга> идёт только раз в неделю. Однако я всё беспокоюсь и ничего не пишу, а время идёт. Ты не можешь вообразить, как живо работает воображение, когда сидим одни между четырёх стен, или ходим по лесам, когда никто не мешает нам думать, думать до того, что голова закружится. А о чём я думаю? Вот о чём: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения; он его уже вполовину промотал; Ваше имение на волоске от гибели.[456] Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты.[457] Писать книги для денег, видит бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30 000.[458] Всё держится на мне да на тётке. Но ни я, ни тётка не вечны. Что из этого будет,

бог знает. Покамест, грустно. Поцалууй-ка меня, авось горе пройдёт! Да лих, губки твои на 400 вёрст не оттянешь. Сиди да горюй — что прикажешь! Теперь выслушай мой журнал: был я у Вревских третьего дня и там ночевал. Ждали Пр.<асковью> Алекс.<андровну>, но она не бывала. Вревская очень добрая и милая бабёнка, но толста, как Мефодий, наш Псковский архиерей. И незаметно, что она уж не брюхата; всё та же, как когда ты её видела. Я взял у них Вальтер-Скотта[459] и перечитываю его. Жалею, что не взял с собою английского.[460] Кстати: пришли мне, если можно, Essays de M. Montagne ^a[461].⁷[462] — 4 синих книги, на длинных моих полках. Отыщи. Сегодня погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду. Жду Пр.<асковью> Ал.<ександровну>, которая, вероятно, будет сегодня в Тригорское. — Я много хожу, много езжу верхом, на клячах, которые очень тому рады, ибо им за то даётся овёс, к которому они не привыкли. Ем я печёный картофель, как маймист,[463] и яйца в смятку, как Людовик XVIII. Вот мой обед. Ложусь в 9 часов; встаю в 7. Теперь требую от тебя такого же подробного от-

чёта. Цалую тебя, душа моя, и всех ребят,[464] благословляю вас от сердца. Будьте здоровы. Бель-сёрам[465] поклон. Как надобно сказать: бель серы иль бель сери? Прощай.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной
в С. Петербург на Дворцовой Набережной в
доме Баташёва.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1544.

Почтовые штемпеля: «Новоржева 1835 сент. 23 дня» и «Получено 1835 сент. 28 утро».

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 29—30. *Акад.*, XVI, № 1093.

70. 25 сентября 1835 г. Тригорское

Пишу тебе из Тригорского. Что это, жёнка? Вот уж 25-ое, а я всё от тебя не имею ни строчки. Это меня сердит и беспокоит. Куда адресуешь ты свои письма? Пиши *Во Псков*, Её высокородию Пр.<асковье> Ал.<ександровне> Осиповой для доставления А. С. П., известному сочинителю — вот и всё. Так вернее дойдут до меня твои письма, без которых я совершенно одурею. Здорова ли ты, душа моя? и что мои ребятишки? Что дом наш, и как ты им управляешь? Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки; а всё потому, что не спокоен. В Михайловском нашёл я всё по-старому, кроме того, что нет уж в нём няни моей, [466] и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая, сосновая семья, [467] на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу. Но делать нечего; всё кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чи-

стым русским языком. Наприм.<ер> вчера мне встретилаь знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменялась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарелся да и подурнел.[468] Хотя могу я сказать вместе с покойной няней моей: хорош никогда не был, а молод был. Всё это не беда; одна беда: не замечай ты, мой друг, того, что я слишком замечаю. Что ты делаешь, моя красавица, в моём отсутствии? расскажи, что тебя занимает, куда ты еддишь, какие есть новые сплетни, etc. Карамзина и Мещерские, слышал я, приехали.[469] Не забудь сказать им сердечный поклон. В Тригорском стало просторнее, Евпраксея Ник.<олаевна> и Ал.<ександра> Ив.<ановна> замужем, но Пр.<асковья> Ал.<ександровна> всё та же и я очень люблю её. Веду себя скромно и порядочно. Гуляю пешком и верхом, читаю романы В.<альтер> Скотта, от которых в восхищении, да охаю о тебе. Прощай, цалую тебя крепко, благословляю тебя и ребят. Что Коко и Азя?[470] замужем или ещё нет? Скажи, чтоб без моего благословения не шли. Прощай, мой ангел.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1545.

Оттиск почтового штемпеля, бывшего на утраченном конверте: «Псков 1835 сент. 2 <...>».

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 30—31. *Акад.*, XVI, № 1095.

71. 29 сентября 1835 г. Михайловское

Душа моя, вчера получил я от тебя два письма; они очень меня огорчили. Чем больна Кат.<ерина> Ив.<ановна>? ты пишешь ужасно больна. Следственно есть опасность? с нетерпением ожидаю твой *bulletin*.^a[471] Всё это происходит от нечеловеческого образа её жизни. Видать ли, чтоб гр.<афиня> Полье вышла наконец за своего принца?[472] Канкрин шутит — а мне не до шуток.[473] Г.<осударь> обещал мне *Газету*, а там запретил; заставляет меня жить в П.<етер> Б.<урге>, а не даёт мне способов жить моими трудами.[474] Я теряю время и силы душевные, бросаю за окошки деньги трудовые, и не вижу ничего в будущем. Отец мотает имение без удовольствия, как без расчёта; твои теряют своё, от глупости и беспечности покойника Аф.<анасия> Ник.<олаевича>.[475] Что из этого будет? Господь ведает. Пожар твой произошёл, вероятно, от оплошности твоих фрейлен,[476] которым без меня житьё! слава богу, что дело

ограничилось занавесками. Ты мне переслала записку от М^d Kern;[477] дура вздумала переводить Занда, и просит, чтоб я сосводничал её со Смирдиным. Чёрт побери их обоих! Я поручил Ан.<не> Ник.<олаевн>е отвечать ей за меня, что если перевод её будет так же верен, как она сама верный список с М^d Sand, то успех её несомнителен, а что со Смирдиным дела я никакого не имею. — Что Плетнёв? думает ли он о нашем общем деле?[478] вероятно, нет. Я провожу время очень однообразно. Утром дела не делаю, а так из пустого в порожнее переливаю. Вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах да орехи грызу. А ни стихов, ни прозы писать и не думаю.[479] Скажи Сашке, что у меня здесь белые сливы, не чета тем, которые он у тебя крадёт, и что я прошу его их со мною покушать. Что Машка? какова дружба её с маленькой Музика?[480] и каковы её победы? Пиши мне также новости политические. Я здесь газет не читаю — в Англ.<ийский> Клоб не езжу и Хитрову не вижу. [481] Не знаю, что делается на белом свете. Когда будут цари? и не слышно ли чего про войну и т. под.? Благословляю Вас — будьте здо-

ровы. Цалую тебя. Как твой адрес глуп, так это объедение! В Псковскую губернию в село Михайловское. Ах ты, моя голубушка! а в какой уезд, и не сказано. Да и Михайловских сёл, чаю, не одно; а хоть и одно, так кто ж его знает. Экая ветреница! Ты видишь, что я всё ворчу: да что делать? нечему радоваться. Пиши мне про тётку — и про мать. Je remercie Vs sœurs,⁶[482] как пишет Нат.<алья> Ив.<ановна>, хоть право не за что.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной

в С. Петербург у Прачечного мосту на Неве в доме Баташёва.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1546.

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 31—32. *Акад.*, XVI, № 1096.

72. 2 октября 1835 г. Михайловское

2 окт.

Милая моя жёнка, есть у нас здесь кобылка, которая ходит и в упряжке и под верхом. Всем хороша, но чуть пугнёт её что на дороге, как она закусит поводья, да и несёт вёрст десять по кочкам да оврагам — и тут уж ничем её не проймёшь, пока не устанет сама.

Получил я, ангел кротости и красоты! письмо твоё, где изволишь ты, закусив поводья, лягаться милыми и стройными копытцами, подкованными у M^{de} Katherine. Надеюсь, что теперь ты устала и присмирела. Жду от тебя писем порядочных, где бы я слышал тебя и твой голос — а не брань, мною вовсе не заслуженную, ибо я веду себя как красная девица. Со вчерашнего дня начал я писать (чтобы не сглазить только). Погода у нас портится, кажется осень наступает не на шутку. Авось распишусь.[483] Из сердитого письма твоего заключаю, что К.<атерине> И.<ванов> не лучше; ты бы так бодро не бранилась, если б она

была не на шутку больна. Всё-таки напиши мне обо всём, и обстоятельно. Что ты про Машу ничего не пишешь? ведь я, хоть Сашка и любимец мой, а всё люблю её затеи. Я смотрю в окошко и думаю: не худо бы, если вдруг въехала на двор карета — а в карете сидела бы Нат.<алья> Ник.<олаевна>! да нет, мой друг. Сиди себе в П.<етер> Б.<урге>, а я постараюсь уж поторопиться и приехать к тебе прежде срока. Что Плетнёв?[484] что Карамзины, Мерцерские? etc. — пиши мне обо всём. Целую тебя и благословляю ребят.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной

в С. Петербург у Прачечного мосту на Неве в доме Баташёва.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1547.

Почтовый штемпель: «4 октября».

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 32. *Акад.*, XVI, № 1098.

73. 4 мая 1836 г. Москва

4 мая, Москва, у Нащокина —
противу Старого Пимена,
дом г-жи Ивановой.

Вот тебе, царица моя, подробное донесение: путешествие моё было благополучно. 1го мая переночевал я в Твери, а 2го ночью приехал сюда.[485] Я остановился у Нащокина. *Il est logé en petite maitresse.*^a[486] Жена его очень мила. Он счастлив и потолстел. Мы, разумеется, друг другу очень обрадовались и целый вчерашний день проболтали бог знает о чём. Я успел уже посетить Брюлова.[487] Я нашёл его в мастерской какого-то скульптора, у которого он живёт. Он очень мне понравился. Он хандрит, боится русского холода и прочего, жаждет Италии, а Москвой очень недоволен. У него видел я несколько начатых рисунков, и думал о тебе, моя прелесть. Неужто не будет у меня твоего портрета, им писанного! невозможно, чтоб он, увидя тебя, не захотел срисовать тебя; пожалуй-ста не прогони его, как прогнала ты Пруссака Криднера.[488] Мне очень хочется привести Брюлова в П.<етер>

Б.<ург>. А он настоящий художник, добрый малой, и готов на всё. Здесь Перовский его было заполонил; перевёз к себе, запер под ключ и заставил работать. Брюлов насилу от него удрал. Домик Нащокина доведён до совершенства — недостаёт только живых человечиков.[489] Как бы Маша им радовалась! Вот тебе здешние новости. Акулова, долгоносая певица, вчера вышла за вдовца Дьякова. Сестра её Варвара сошла с ума от любви. Она была влюблена и надеялась выдти замуж. Надежда не сбылась. Она впала в задумчивость, стала заговори^{ва}ться.[490] Свадьба сестры совершенно её помутила. Она убежала к Троице. Её насилу поймали и увезли. Мне очень жаль её. Надеются что у ней белая горячка, но вряд ли. Видел я свата нашего Толстого;[491] дочь у него также почти сумасшедшая, живёт в мечтательном мире, окружённная видениями, переводит с греческого Анакреона и лечится омеопатически. Чедаева, Орлова, Раевского и Наблюдателей[492] (которых Нащокин называет les treize ^в[493]⁷[494]) ещё не успел видеть. С Наблюдателями и книгопродавцами намерен я кокетничать и постара-

юсь как можно лучше распорядиться с Современником.[495] — Вот является Нащокин, и я для него оставляю тебя. Целую и благословляю тебя и ребят. Кланяюсь дамам твоим. Здесь говорят уже о свадьбе Marie W.<iazemsky>[496] — я секретничаю покамест. Прости — мой друг — целую тебя ещё раз.

Адрес: Её высокоблагородию
м. г. Натальи Николаевне Пушкиной
в С. Петербург у Прачечного мосту в доме
Баташёва.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1564.

Почтовые штампы: «Москва 1836 мая 5»
и «Получено 1836 май 8 утро».

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 33—34. *Акад.*,
XVI, № 1188.

74. 6 мая 1836 г. Москва

Вот уже три дня как я в Москве, и всё ещё ничего не сделал: Архива не видал,[497] с книгопродавцами не сторговался,[498] всех визитов не отдал, к Солнцевым на поклонение не бывал. Что прикажешь делать? Нащокин встаёт поздно, я с ним забалтываюсь — глядь, обедать пора, а там ужинать, а там спать — и день прошёл. Вчера был у Дмитриева, у Орлова, Толстого; сегодня собираюсь к остальным. Поэт Хомяков женится на Языковой, сестре поэта.[499] Богатый жених, богатая невеста. Какие бы тебе московские сплетни передать? что-то их много, да не вспомню. Что Москва говорит о П.<етер> Б.<ург>е, так это умора. Например: есть у Вас некто *Савельев*, кавалергард, прекрасный молодой человек, влюблён он в *Idalie* Политику и дал за неё пощёчину Гринвальду. Савельев на днях будет расстрелян.[500] Вообрази как жалка *Idalie*! И про тебя, душа моя, идут кой-какие толки, которые не вполне доходят до меня, потому что мужья всегда последние в городе узнают про жён своих, однако ж видно, что

ты кого-то[501] довела до такого отчаяния своим кокетством и жестокостию, что он зажёг себе в утешение гарем из театральных воспитанниц. Не хорошо, мой ангел: скромность есть лучшее украшение Вашего пола. Чтоб чем-нибудь полакомить Москву, которая ждёт от меня, как от приезжего, свежих вестей, я рассказываю, что Алекс.<андр> Карамзин (сын историографа) хотел застрелиться из любви pour une belle brune,^a[502] но что, по счастью, пуля вышибла только передний зуб.[503] Однако полно врать. Пошли ты за Гоголем и прочти ему следующее: видел я актёра Щепкина, который ради Христа просит его приехать в Москву прочесть Ревизора. Без него актёрам не спеться. Он говорит, комедия будет карикатурна и *грязна* (к чему Москва всегда имела поползновение). С моей стороны я то же ему советую: не надобно, чтоб Ревизор упал в Москве, где Гоголя более любят, нежели в П.<етер> Б.<ург>е.[504] При сём *накет* к Плетнёву, для *Современника*;^a[505] коли цензор Крылов не пропустит, отдать в комитет, и ради бога, напечатать во 2 №. Жду письма от тебя с нетерпением, что твоё брюхо, и

что твои деньги? Я не раскаиваюсь в моём приезде в Москву, а тоска берёт по Петербурге. На даче ли ты?[506] Как ты с хозяйном управлялась?[507] что дети? Экое горе! Вижу, что непременно нужно иметь мне 80 000 доходу. И буду их иметь. Не даром же пустился в журнальную спекуляцию — а ведь это всё равно что золотарьство, которое хотела взять на откуп мать Безобразова: очищать русскую литературу есть чистить нужники и зависеть от полиции. Того и гляди что... Чорт их побери! У меня кровь в желчь превращается. Целую тебя и детей. Благословляю их и тебя. Дамам кланяюсь.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1565.

Впервые (с пропусками): *ВЕ*, 1878, март, с. 34—35. *Акад.*, XVI, № 1190. Датируется на основании слов Пушкина «Вот уж три дня как я в Москве»; в Москву он приехал «2-го ночью», т. е. в ночь на 2 мая (см. письмо 73).

75. 10 мая 1836 г. Москва

Сей час получил от тебя письмо, и так оно меня разнежило, что спешу переслать тебе 900 р. — Ответ напишу тебе после, теперь, покамест, прощай. У меня сидит Ив.<ан> Н.<иколаевич>.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1567.

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 37. *Акад.*, XVI, № 1192.

Датируется на основании фразы Пушкина из письма от 11 мая (см. письмо 76): «Вчера был у меня Ив.<ан> Ник.<олаевич>».

76. 11 мая 1836 г. Москва

Очень, очень благодарю тебя за письмо твоё, воображаю твои хлопоты, и прошу прощения у тебя за себя и книгопродавцев. [508] Они ужасный мове-тон, как говорит Гоголь, т. е. хуже нежели мошенники. [509] Но бог нам поможет. Благодарю и Одоевского за его типографические хлопоты. [510] Скажи ему, чтоб он печатал как вздумает — порядок ничего не значит. Что записки Дуровой? [511] пропущены ли Цензурою? они мне необходимы — без них я пропал. Ты пишешь о статье *Гольцовской*. Что такое? *Кольцовской* или *Гоголевской*? — Гоголя печатать, а Кольцова рассмотреть. [512] Впрочем, это не важно. Вчера был у меня Ив.<ан> Ник.<олаевич>. Он уверяет, что дела его идут хорошо. Впрочем, Дм.<итрий> Ник.<олаевич> лучше его это знает. Жизнь моя пребеспутная. Дома не сижу — в Архиве не роюсь. Сегодня еду во второй раз к Малиновскому. [513] На днях обедал я у Орлова, у которого собрались Московские Наблюдатели, между прочим жених Хомяков. Орлов умный человек и очень добрый малый,

но до него я как-то не охотник по старым нашим отношениям;[514] Раевский (Ал.<ександр>), который прошлого разу казался мне немного приглупевшим, кажется опять оживился и поумнел. Жена его собою не красавица — говорят, очень умна. Так как теперь к моим прочим достоинствам прибавилось и то, что я журналист, то для Москвы имею я новую прелесть. Недавно сказывают мне, что приехал ко мне Чертков. От роду мы друг к другу не езжали. Но при сей верной оказии вспомнил он, что жена его мне родня, и потому привёз мне экземпляр своего *Путешествия в Сицилию*. [515] Не побранить ли мне его en bon parent?^a[516] Вчера [об<едал>] ужинал у кн.<язя> Фёд.<ора> Гагарина и возвратился в 4 часа утра — в таком добром расположении, как бы с бала. Нащекин здесь одна моя отрада. Но он спит до полудня, а вечером едет в клуб, где играет до света. Чедаева видел всего раз. Письмо моё похоже на тургеневское — и может тебе доказать разницу между Москвою и Парижем.[517] Еду хлопотать по делам Современника. Боюсь, чтоб книгопродавцы не воспользовались моим

мягкосердием и не выпросили себе уступки вопреки строгих твоих предписаний. Но постараюсь оказать благородную твёрдость. Был я у Солнцовой. Его здесь нет, он в деревне. Она зовёт отца к себе в деревню на лето. Кузинки пищат, как галочки. Был я у Перовского, который показывал мне недоконченные картины Брюлова. Брюлов, бывший у него в плену, от него убежал и с ним поссорился.[518] Перовский показывал^б[519] мне Взятие Рима Гензериком[520] (которое стоит Последн.<его> дня Помп.<еи>), приговаривая: Заметь, как прекрасно подлец этот нарисовал этого всадника, мошенник такой. Как он умел, эта свинья, выразить свою канальскую, генияльную мысль, мерзавец он, бестия. Как нарисовал он эту группу, пьяница он, мошенник. Умора. Ну прощай. Целую тебя и ребят, будьте здоровы — Христос с Вами.

11 мая.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1568.

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 35—36. *Акад.*, XVI, № 1193.

77. 14 и 16 мая 1836 г. Москва

Что это, жёнка? так хорошо было начала и так худо кончила! Ни строчки от тебя; уж не родила ли ты?[521] сегодня день рождения Гришки,[522]поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. Нет ли у него нового братца или сестрицы? погоди до моего приезда. А я уж собираюсь к тебе. В Архивах я был,[523] и принуждён буду опять в них зарыться месяцев на 6; что тогда с тобою будет? А я тебя с собою, как тебе угодно, уж возьму. Жизнь моя в Москве степенная и порядочная. Сажу дома — вижу только мужеск пол. Пешком не хожу, не прыгаю — и толстею. На днях звал меня обедать Чертков, приезжаю — а у него жена выкинула. Это нам не помешало отобедать очень скучно и очень дурно. С литературой московскою кокетничаю как умею; но Наблюдатели меня не жалуют.[524] Любит меня один Нащекин. Но тинтере[525] мой соперник, и меня приносят ему в жертву. Слушая толки здешних литераторов, дивлюсь, как они могут быть так порядочны в печати, и так глупы в разговоре. Признайся: так ли и со

мною? право боюсь. Баратынский однакож очень мил. Но мы как-то холодны друг ко другу. Зазываю Брюлова к себе в П.<етер> Б.<ург> [526] — но он болен и хандрит. Здесь хотят лепить мой бюст.[527] Но я не хочу. Тут арапское моё безобразие предано будет бессмертию во всей своей мёртвой неподвижности; я говорю: У меня дома есть красавица, которую когда-нибудь мы вылепим. Видел я невесту Хомякова.[528] Не разглядел в сумерках. Она, как говорил покойный Гнедич, *pas un bel femme, но une jolie figurlette.*^a[529]⁹[530] Прощай, на минуту: ко мне входят два буфона. Один майор-мистик;[531] другой пьяница-поэт;[532] оставляю [не] тебя для них.

14 мая.

Насилу отделался от буфонов — в том числе от Норова. Все зовут меня обедать, а я всем отказываю. Начинаю думать о выезде. Ты уж, вероятно, в своём загородном болоте.[533] Что-то дети мои и книги мои? Каково-то⁶[534] перевезли и перетащили тех и других? и как перетащила ты своё брюхо? Благословляю тебя, мой ангел. Бог с тобою и с детьми. Будьте здоровы. Кланяюсь твоим наездникам. Цалую

ручки у К.<атерины> Ив.<ановны>. Прощай.

А. П.

Я получил от тебя твоё премилое письмо — отвечать некогда — благодарю и целую тебя, мой ангел. 16 мая.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1570.

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 36—37. *Акад.*, XVI, № 1196.

78. 18 мая 1836 г. Москва

Жена, мой ангел, хоть и спасибо за твоё
милое письмо, а всё-таки я с тобою по-
бранюсь: зачем тебе было писать: Это моё по-
следнее письмо, более не получишь. Ты меня
хочешь принудить приехать к тебе прежде
26.[535] Это не дело. Бог поможет, Современ-
ник и без меня выдет. А ты без меня не ро-
дишь. Можешь ли ты из полученных денег
дать Одоевскому 500?[536] нет? Ну, пусть ме-
ня дождутся — вот и всё. Новое твоё распоря-
жение, касательно твоих доходов, касается те-
бя, делай как хочешь; хоть кажется лучше
иметь дело с Дм.<итрием> Ник.<олаевичем>,
чем с Нат.<альей> Ив.<ановной>.[537] Это я го-
ворю только dans l'intérêt de Mr Durier et M^{de}
Sichler;^a[538]⁴[539] а мне всё равно. Твои пе-
тербургские новости ужасны. То, что ты пи-
шешь о Павлове, помирило меня с ним. Я рад,
что он вызывал Апрелева.[540] — У нас убий-
ство может быть гнусным расчётом: оно из-
бавляет от дуэля и подвергается одному нака-
занию — а не смертной казни. Утопление Ста-
льпина — ужас! неужто невозможно было

ему помочь? У нас в Москве, всё, слава богу, смирно: бой Киреева с Яром произвёл великое негодование в чопорной здешней публике. Нащокин заступается за Киреева очень просто и очень умно: что за беда, что гусарский поручик напился пьян и побил трахтирщика, который стал обороняться? Разве в наше время, когда мы били немцев на Красном Кабачке,[541] и нам не доставалось, и немцы получали тычки сложа руки? По мне драка Киреева гораздо простительнее, нежели славный обед ваших кавалергардов, и благоразумие молодых людей, которым плюют в глаза, а они утираются батистовым платком,[542] смекая, что если выдет история, так их в Аничков[543] не позовут. Брюлов сей час от меня. Едет в П.<етер> Б.<ург> скрепя сердце; боится климата и неволи.[544] Я стараюсь его утешить и ободрить; а между тем у меня у самого душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист. Будучи ещё порядочным человеком,[545] я получал уж полицейские выговоры и мне говорили: *Vous avez trompé*⁶[546] и тому подобное. Что же теперь со мною будет? Мордвинов будет на меня смотреть как на

Фаддея Булгарина и Николая Полевого, как на шпиона;[547] чорт догадал меня родиться в России с душою и с талантом! Весело, нечего сказать. Прощай, будьте здоровы. Цалую тебя.

18

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной.

В С. Петербург в доме Баташёва у Прачечного моста на набережной.

Комментарий

Автограф: *ИРЛИ*, № 1571.

Почтовые штемпеля: «Москва 1836 мая 18» и «Получено 1836 май 21 утро».

Впервые: *ВЕ*, 1878, март, с. 37—38. *Акад.*, XVI, № 1197.

ПРИЛОЖЕНИЯ

От редакции

Настоящее издание предпринимается по инициативе выдающегося литературоведа-пушкиниста, одного из старейших членов Редколлегии серии «Литературные памятники», члена-корреспондента Академии наук СССР Дмитрия Дмитриевича Благого (1893—1984).

Личность и творческое наследие А. С. Пушкина всегда находились в центре исследовательских интересов Д. Д. Благого. Его исследование «Социология творчества Пушкина» (1929), две части трёхтомной монографии «Творческий путь Пушкина» (1950 и 1967), книга «Душа в заветной лире» (1977), многие десятки других книг и статей учёного охватывают практически все стороны биографии и творчества величайшего поэта России.

Интерес Дмитрия Дмитриевича к личности Натальи Николаевны Гончаровой (Пушкиной), невесты, потом жены гениального по-

эта, проявился давно и выразился в ряде его работ; наиболее полным образом — в статье «Погибельное счастье», предваряющей книгу И. М. Ободовской и М. А. Дементьева «Вокруг Пушкина».[548] Обнаружив в фонде семьи Гончаровых в Центральном государственном архиве древних актов ранее неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и двух её сестёр к брату Д. Н. Гончарову, И. М. Ободовская и М. А. Дементьев получили возможность по-новому взглянуть на отношения Пушкина с женой и её сёстрами. По-новому выявился и облик жены поэта, эпистолярное наследие которой до тех пор почти совсем не было известно. «За почти полным отсутствием этого источника, — писал Д. Д. Благой, — исследователям Пушкина — от его первых биографов и до наших дней — приходилось конструировать образ жены поэта, исходя в основном из высказываний и воспоминаний современников. А наряду с объективными суждениями, многое из того, что до нас здесь дошло, носит явно односторонний, пристрастно-недоброжелательный (особенно это относится к свидетельствам некоторых современниц, либо „ревно-

вавших“ поэта к его жене, либо завидовавших её красоте и успехам), а порой и резко враждебный характер».[549]

Неприятное и откровенно враждебное отношение к жене Пушкина особенно усилилось после трагической гибели поэта, в которой многие, не зная обстоятельств, её вызвавших, склонны были обвинять именно Наталью Николаевну. Отсутствие необходимых документальных данных, открывшихся лишь впоследствии, предопределило и традиционно-отрицательную характеристику жены поэта на страницах широко известной монографии П. Е. Щёголева «Дуэль и смерть Пушкина».[550] Анна Ахматова и Марина Цветаева также немало способствовали распространению ложного представления о Н. Н. Пушкиной как о бездумной и бездушной светской красавице, опьянённой своими успехами в свете и при дворе, ставшей чуть ли ни «сообщницей Геккернов» в погублении своего мужа.

Тем важнее и актуальнее задача восстановления подлинной исторической правды, над решением которой немало потрудился Д.

Д. Благой.[551]В последние годы и месяцы своей жизни он деятельно готовился к изданию писем Пушкина к невесте и жене в серии «Литературные памятники».

Внезапная кончина Дмитрия Дмитриевича 14 февраля 1984 г. остановила его работу над сопроводительной статьей к данному изданию, которая осталась незавершённой.

Письмам Пушкина к невесте и жене Д. Д. Благой придавал большое значение как основополагающему документу для восстановления подлинного облика Натальи Николаевны Пушкиной. В этом единственном в своём роде документе «не только больше чем где-либо проявляется всё чарующее обаяние души самого поэта, но и просвечивает как бы сквозь призму их тот „чистейшей прелести чистейший образец“, каким она предстала ему ещё до женитьбы и сохранилась в нём до последних минут жизни».[552]

Редакционная коллегия серии «Литературные памятники» Академии наук СССР, учитывая страстную заинтересованность учёного в этом издании, которого он был инициатором и вдохновителем, считает, что публикация

настоящей книги является лучшим свидетельством глубокого уважения к памяти Д. Д. Благого.

Я. Л. Левкович. Письма Пушкина к жене

1

Пушкинская переписка приходится на тот короткий в истории литературы период, когда частное письмо воспринималось современниками как явление литературы. Говоря об этом периоде, Ю. Н. Тынянов писал: «Когда падала высокая линия Ломоносова, в эпоху Карамзина, литературным фактом стали мелочи домашнего обихода, дружеская переписка, мимолётная шутка».[553] Письма ходили по рукам, копировалась, часто разбирались в ответных письмах. Это была, как писал Пушкин, «почтовая проза».

В пределах узкого круга литераторов культивировалось «дружеское письмо», которое следует рассматривать как литературный жанр, обладающий специфическими признаками и конструктивными особенностями. Стилистически ориентированное на разго-

ворность «дружеское письмо» сочетало непринуждённость тона с серьёзными суждениями по литературным, политическим и другим вопросам.

«Профессиональный» подход к письмам вызывал необходимость тщательной стилистической отделки. «Небрежность письменная» сохраняла иллюзию разговора на бумаге, но эта небрежность особенно внимательно отрабатывалась в черновиках. В период ссылки письма к «писательской братии», как и письма к «минутным друзьям минутой младости», предварялись у Пушкина черновиками. Только очень близким друзьям и родным (брату, Дельвигу) поэт писал без черновиков, так, как мысли вылились из-под пера.

Перенимая традицию «дружеского письма», Пушкин вносит в неё существенные поправки. Уже в ранних письмах обнаруживаются черты его прозы: точность выражения, лапидарность, ему глубоко чужды длинноты, расплывчатость композиции, которые характерны, например, для писем Вяземского. При всей внешней раскованности, при соблюдении всех признаков дружеской беседы пись-

ма Пушкина отличаются сюжетной организованностью. Это хорошо видно из сопоставления черновых и беловых писем. Переписывая письмо, Пушкин часто меняет его композицию, группирует факты, выстраивает их в определённой логической последовательности. Он работает над письмом, как над стихами. Отдельные абзацы имеют до 15-ти черновых вариантов.[554]

Ю. Н. Тынянов утверждал, что в «художественной прозе Пушкина не было лицейского подготовительного периода».[555] Известный совет А. А. Бестужеву: «Возьмись-ка за целый роман и пиши его со всею свободою разговора или письма» (Акад., XIII, с. 245) показывает, что Пушкин видел в письмах литературное задание, они были для него школой стиля. Эпистолярный жанр по своей природе обладал качествами, которые Пушкин стремился выработать в своей прозе, свободной, непринуждённой манерой повествования максимально приближающейся к разговорной речи. Тщательная работа над письмом в начале литературной деятельности привела к тому, что Пушкин пришёл к своей прозаической

манере сразу, минуя промежуточные стадии и искания.

После возвращения из ссылки «литературность» писем уступает другой цели: письма должны соответствовать своему жизненному назначению, поэтому они чаще пишутся по всяким практическим поводам. Письма литературные сливаются с житейскими, становятся частью дел повседневных, продолжают темы, которые обсуждаются при непосредственном общении (дела издательские, журнальные, денежные и проч.). Пушкин, наконец, сам себя «выдал в свет» — его мнения, суждения, острые слова несомненно обсуждаются в салонных беседах друзьями и недругами, но письмо уже не рассчитано на распространение, а относится только к определённому адресату; оно может быть адресовано потомкам, но не современникам. И только письма к жене продолжают традицию «дружеского письма», где события из жизни, бытовые факты, мелочи, жанровые сценки, анекдоты вставлены в оправу стиля непринуждённого домашнего разговора.

Письма к жене являются человеческим до-

кументом, ключом к биографии поэта; они же, больше чем письма к кому-либо из корреспондентов Пушкина, соотносятся с его художественной прозой. Признавая, что эпистолярный жанр влиял на формирование прозы Пушкина, следует учитывать и обратный процесс — художественное творчество, в свою очередь, влияло на эпистолярию. Манера, стиль, образность ранних писем Пушкина сопоставимы с его стихотворными посланиями и эпиграммами, в поздних письмах проявляется увлечение анекдотом, бытовыми зарисовками.

К 1830-м гг., когда началась переписка Пушкина с Н. Н. Гончаровой, «дружеское письмо» как литературный жанр теряет своё значение. Место «почтовой прозы» занимают другие жанры, у истоков которых она стояла, — повесть, роман, критическая статья. И вместе с тем «почтовая проза» ещё не становится пройденным этапом. Письмо по-прежнему сохраняет свою литературную значимость. Пушкин предостерегает жену: «Смотри, жёнка: надеюсь, что ты моих писем списывать никому не дашь» (18 мая 1834 г.), т. е.

он не исключает возможности читательского интереса (именно читательского, а не бытового) к своим письмам. Сознаёт он значение письма и как исторического документа, как черты определённой эпохи. Он пишет жене из Москвы: «Вчера был я у Вяземской, у ней отправлялся обоз, и я было с ним отправил к тебе письмо, но письмо забыли, а я его тебе препровождаю, чтоб не пропала ни строка пера моего для тебя и для потомства» (25 сентября 1832 г.). Его шутка вполне серьёзна. Возвращаясь в 1830-е гг. к замыслу «Записок», он прежде всего начинает просматривать свою переписку. П. А. Плетнёв 17 февраля 1833 г. жалуется Жуковскому: «Вы теперь вправе презирать таких лентяев, как Пушкин, который ничего не делает, как только утром перебирает в гадком сундуке своём старые к себе письма, а вечером возит жену по балам».[556] В 1832 г. пишется «программа» «Записок» и делаются заготовки к ним.[557] Письма — первый и необходимейший материал для этой работы.

Н. Н. Пушкина — самый частый корреспондент поэта. По количеству писем, ей написанных, соперничать с ней может только Вяземский, первые письма к которому лежат у самых истоков пушкинской переписки. Вяземскому больше чем за 20 лет знакомства Пушкин отослал 72 письма, жене — за 17 месяцев разлуки — 78 писем. Письма писались из Москвы, из Петербурга, Болдина, Михайловского, Нижнего Новгорода, Казани, Оренбурга, Симбирска, из сёл Павловское и Языково. Первое письмо написано 20 июля 1830 г., последнее — 18 мая 1836 г.

Внимательное прочтение писем открывает события и факты жизни Пушкина, показывает повседневное её течение, позволяет проникнуть в душевную настроенность поэта. Из них мы черпаем сведения о быте Пушкина и его семьи, буднях и праздниках, светских визитах и встречах с друзьями, отношениях с родными и властями.

Письма густо «заселены», в них постоянно мелькают имена Николая I и Бенкендорфа, друзей и недругов из литературного мира, хозяев и посетителей петербургских и москов-

ских салонов, приятелей поэта и приятельниц его жены, владельцев домов, где жили Пушкины, слуг, крепостных, случайных знакомцев. Душевное состояние поэта, его отношение к чиновному и светскому («свинскому») Петербургу, досада и раздражение своим камер-юнкерством и необходимостью выполнять придворные обязанности, материальные заботы — всё это прорывается в письмах к жене в большей степени, чем в письмах даже к таким близким друзьям, как Нащокин, Плетнёв, Жуковский.

Пушкин постоянно рассказывает Наталье Николаевне о своей литературной работе, рассказывает без подробностей, как, впрочем, и в письмах к друзьям. Мы узнаём его образ жизни, писательские привычки. Из Болдина, отправившись туда для сбора творческого урожая, он пишет: «Просыпаюсь в семь часов, пью кофей и лежу до трёх часов. Недавно расписался, и уже написал пропасть. В три часа сажусь верьхом, в пять в ванну и потом обедаю картофелем, да грешневой кашей. До девяти часов — читаю. Вот тебе мой день, и все на одно лице» (30 октября 1833 г.).

Исследователи неоднократно отмечали способность Пушкина приноравливаться к адресату, как бы воссоздавать в своих письмах его облик. «Особенность этих писем, — замечает Е. А. Ляцкий, — заключается в том, что образ поэта меняется до неузнаваемости, до слияния с чужим образом: с литератором он только литератор, с политиком он — политик, с сплетником — сплетник, с гулякой — только гуляка и ничего более».[558] И ещё: «Положительно нельзя поверить, что писаны они одним лицом: стоит вчитаться в них, всмотреться, — и мы сможем по ним писать характеристики тех, **кому** они были отправлены».[559] Позднее эту настроенность Пушкина по отношению к своим адресатам связывали с объективирующим принципом пушкинского творчества, т. е. с его реализмом. [560] Несомненно, что по письмам Пушкина его биографы пытались и пытаются, говоря словами Сиповского, «писать характеристику» жены поэта.

Долгое время на биографическую литературу гипнотически действовал тот образ Натальи Николаевны, который создал в своей

книге о дуэли и смерти Пушкина П. Е. Щёголев. Чтобы опровергнуть Щёголева, следует дать ему слово. Он писал: «Если из писем Пушкина к жене устранить сообщения фактического, бытового характера, затем многочисленные фразы, выражающие его нежную заботливость о здоровье и материальном положении жены и семьи, и по содержанию остающегося материала попытаться осветить духовную жизнь Н. Н. Пушкиной, то придётся свести эту жизнь к весьма узким границам, к области любовного чувства на низшей стадии развития, к переживаниям, вызванным проявлениями обожания её красоты со стороны её бесчисленных светских почитателей. При чтении писем Пушкина с первого до последнего ощущаешь атмосферу пошлого ухаживания. Воздухом этой атмосферы, раздражавшей поэта, дышала и жила его жена. При скудости духовной природы главное содержание внутренней жизни Натальи Николаевны давал светско-любовный романтизм. Пушкин беспрестанно упрекает и предостерегает жену от кокетничанья, а она всё время делится с ним своими успехами в деле кокетства и бес-

престанно подозревает Пушкина в изменах и ревнует его. И упрёки в кокетстве, и изъявления ревности — неизбежный и досадный элемент переписки Пушкина».[561]

Мы привели эту длинную цитату потому, что при поверхностном чтении писем Пушкина кажется, что Щёголев как будто бы прав — действительно, и светские успехи Натальи Николаевны, и её многочисленные поклонники, и естественное для молодой женщины кокетство — всё это интересует, задевает, волнует Пушкина. Волнует, но не раздражает. Пушкин гордится своей «красавицей». Он часто в разъездах и боится, чтобы его юная жена не сделала в свете ложного шага.

Идеал замужней женщины у Пушкина — Татьяна Ларина. Уездная, потом «московская» барышня (как и жена поэта), Татьяна заняла достойное место в петербургских салонах:

*Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без раздражительных затей...*

*Всё тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut...*

*.....
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
Зовётся vulgar...*

От Татьяны — уездной барышни до Татьяны — светской дамы, какой увидел её на балу Онегин, прошло три года. Как менялась Татьяна, как происходила метаморфоза, поразившая Онегина, мы не знаем — в романе мы видим её результат. В письмах Пушкина — процесс. Эталон поведения светской дамы он излагает в письме к Наталье Николаевне словами из романа, переводя стихотворные строки в прозаический регистр: «Я не ревнив, да и знаю, что ты во всё тяжкое непустишься; но ты знаешь, как я не люблю всё, что пахнет московской барышнею, всё, что не *comme il faut*, всё, что *vulgar*... Если при моём возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился, разведусь, вот те Христос, и пойду в солдаты с горя» (30 октября 1833 г.).

Пушкин наставляет жену: «... не дружись с графинями, с которыми нельзя кланяться в публике. Я не шучу, а говорю тебе серьёзно и с беспокойством. Письмо Бенкендорфа ты хорошо сделала, что отослала. Дело не о чине, а всё-таки нужное» (до 16 декабря 1831 г.). В другом письме: «Одно худо: не утерпела ты, чтоб не съездить на бал кн.<ягини> Галицыной. А я именно об этом и просил тебя. Я не хочу, чтоб жена моя ездила туда, где хозяйка позволяет себе невнимание и неуважение. <...> Ты говоришь: я к ней не ездила, она сама ко мне подошла. Это-то и худо. Ты могла и должна была сделать ей визит, потому что она штатс-дама, а ты камер-пажиха; это дело службы. Но на бал к ней нечего было тебе являться. Ей-богу, досада берёт...» (30 апреля 1834 г.).

Почему такое значение уделяет поэт общественному поведению жены, почему так опасается, как бы она не сделала ложного шага в свете? Существует одно высказывание Пушкина, сделанное ещё до женитьбы, в 1830 г., которое позволяет понять его: «Иной говорит: какое дело критику или читателю, хорош ли

я собой или дурён, старинный ли я дворянин или из разночинцев, добр ли или зол, ползаю ли я в ногах сильных или с ними даже не кланяюсь, играю ли я в карты и тому под.? Будущий мой биограф, коли бог пошлёт мне биографа, об этом будет заботиться. А критику или читателю дело только до моих книг. Суждение, кажется, поверхностное. Нападения на писателя и оправдания, коим подают они повод, суть важный шаг к гласности прений о действиях так называемых общественных лиц (*hommes publics*) к одному из главнейших условий высоко образованных обществ... Таким образом, дружина учёных и писателей всегда впереди на всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности» (*Акад.*, XI, 152—153).

Читательский интерес к личности писателя, к его «домашней жизни» Пушкин связывает с общественным значением «дружины писателей и учёных» и поэтому приметы общественного положения («старинный ли я дво-

рянин или из разночинцев»), общественного поведения («ползаю ли в ногах сильных или даже с ними не кланяюсь») писателя и черты морально-этические («добр ли я или зол») выдвигает на первый план.

После женитьбы поэта в орбиту его морально-этического и общественного кодекса попадает и жена, она становится рядом с ним в «дружине писателей и учёных». Действительно, он очень часто предостерегает жену от кокетства. Почему? Объяснение этого мы находим в его дневнике. 14 апреля 1834 г. Пушкин записывает: «Ропщут на двух дам выбранных для будущего бала в предводительницы петербургского дворянства: княгиню К. Ф. Долгорукую и графиню Шувалову. Первая — наложница кн. Потёмкина и любовница всех итальянских кастратов, а вторая кокетка польская, т. е. очень неблагопристойная; надобно признаться, что мы в благопристойности общественной не очень тверды» (*Акад.*, XII, 326). Именно как признак неблагопристойности общественной упоминается кокетство и в письмах к жене: «Ты, кажется, не путём искокетничалась. Смотри: не даром ко-

кетство не в моде и почитается признаком дурного тона» (30 октября 1833 г.). «Дурной тон» — вот чего больше всего боится Пушкин. Однако он понимает, что молодость и красота берут своё («...будь молода, потому что ты молода — и царствуй, потому что ты прекрасна») и гордится успехами жены («Кто же ещё за тобой ухаживает, кроме Огорева? пришли мне список по азбучному порядку»). Понимая и гордясь, он не перестаёт её наставлять: «...кокетничать я тебе не мешаю, но требую от тебя холодности, благопристойности, важности — не говорю уже о беспорочности поведения, которое относится не к тону, а к чему-то уже важнейшему» (21 октября 1833 г.). Отметим, что все упрёки в кокетстве, все опасения, что жена может сделать ложный шаг в свете, относятся к первым двум годам их семейной жизни. Потом эти темы из писем Пушкина почти исчезают. Поведение жены в свете уже не волнует поэта. Она стала опытнее, научилась увереннее держаться, вполне могла обходиться без «подражательных затей» и, как в пушкинской героине, «всё просто, тихо было в ней». Всё так — до катастро-

фы.

Писем Натальи Николаевны к Пушкину (кроме небольшой приписки к письму Н. И. Гончаровой) не сохранилось. Но в 1971 г. И. Ободовская и М. Дементьев нашли в архиве Гончаровых её письма к брату Дмитрию Николаевичу.[562] Эти письма рисуют жену поэта женщиной, наделённой душевной щедростью, заботливой и в то же время деловой. Она как может помогает мужу в делах по изданию «Современника», выполняет его поручения. Через все её письма проходит один лейтмотив — денежные нехватки (вспомним так часто повторяющееся в письмах к ней пушкинское «чем нам жить будет?»). В одном письме она умоляет брата прислать 500 рублей, так как она «без копейки в кармане» (поэт в это время был на Урале), в других письмах просит назначить ей «с помощью матери содержание, равное тому, которое получают сёстры». Одно из её писем (июль 1836 г.) раскрывает психологическое состояние поэта в тот период: «...мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того вижу, как он пе-

чален, подавлен, не спит по ночам и, следовательно, в подобном состоянии не может работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию: для того чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободной». Пять месяцев отделяют это письмо от анонимного пасквиля и первого вызова на дуэль, душевное состояние поэта ещё скрыто от друзей, и Софья Карамзина, не найдя во втором томе «Современника» «ни одной строчки Пушкина», называет поэта «беззаботным и ленивым».[563] Письмо жены объясняет, почему он не может отдаться творчеству. По-видимому, в ответном письме Д. Н. Гончаров советует семье поэта переехать в деревню, так как в следующем письме Наталья Николаевна пишет: «Что касается советов, что ты мне даёшь, то ещё в прошлом году у моего мужа было такое намерение, но он не мог его осуществить, так как не смог получить отпуск».[564] Здесь нет собственного отношения к совету покинуть Петербург — только констатация внешних обстоятельств, но нет и противоречия желаниям мужа. Имеются свидетельства родных поэта, что жена его решительно противилась

отъезду из Петербурга. Как обстояло дело в действительности, мы не знаем. Разъяснить истинное отношение Натальи Николаевны к отставке мужа могли бы, конечно, её письма к нему. Основная тема писем к брату — денежные заботы — определена его положением главы семьи Гончаровых. Естественно, что письма к мужу раскрыли бы совсем другие стороны её характера, суждения о свете и светских связях, отношение к тем советам и предостережениям, которыми наполнены письма Пушкина.

Иногда содержание её писем можно попытаться восстановить по вопросам, которые она задаёт поэту и которые он повторяет в своих ответах: «Ты зовёшь меня к себе прежде августа. Рад бы в рай, да грехи не пускают. <...> Ты спрашиваешь меня о Петре? идёт помаленьку; скопляю матерьялы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник, который нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок» (26 мая 1834 г.) или: «Ты говоришь о Болдине. Хорошо бы туда засесть, да мудрено. Об этом успеем

ещё поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моих жалоб в худую сторону. Никогда не думал я упрекать тебя в своей зависимости. Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив; но я не должен был вступать в службу и, что ещё хуже, опутать себя денежными обязательствами. <...> Вероятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь от управления имения» (8 июня 1834 г.); «Благодарю тебя за милое и очень милое письмо. Конечно, друг мой, кроме тебя в жизни моей утешения нет — и жить с тобою в разлуке так же глупо, как и тяжело» (30 июня 1834 г.).

Мы видим, что Пушкин отвечает на вопросы о своей работе и времяпрепровождении, о службе и хозяйственных делах; всё, что радует и тревожит поэта, радует и тревожит его жену.

Но больше всего особенности характера, интересов, душевного склада Н. Н. Пушкиной раскрывают его письма к ней во всей их совокупности. Пушкин обсуждает с женой дела материальные, журнальные, своё отношение к императору, правительству, к знакомым, к

обществу. Он считает, что беседа с казачкой Бунтовой в Бердах, где «Пугачёв простоял несколько месяцев», так же интересна жене, как и то, что Машенька Вяземская не стала фрейлиной в связи с торжествами по случаю совершеннолетия наследника. Жена, очевидно, в курсе политических мнений и взглядов Пушкина. Из Болдина он ей пишет: «Мне сдается, что мы без европейской войны не обойдемся. Этот Louis-Philippe у меня как бельмо на глазу. Мы когда-нибудь да до него доберёмся — тогда Лев Сергеич поедет опять пожинать, как говорит у нас заседатель, лавры и мирты» (6 ноября 1833 г.). Правда, судьба России и Европы здесь иронически ставится в связь с судьбой брата, неспособного к штатской службе, но таково свойство писем Пушкина: серьёзные суждения переплетаются в них с шуткой, грусть с иронией.

Мнение о Наталье Николаевне как о пустой светской красавице не выдерживает проверки письмами самого Пушкина — они высвечивают самые разнообразные грани её характера и интересов.

Письма к жене, вытянутые в хронологическую цепочку, можно рассматривать как своеобразный дневник Пушкина. Они — подробные отчёты о прошедших днях и о событиях того дня, когда пишется письмо. В 1834 г., когда Наталья Николаевна уехала из Петербурга в Полотняный завод, Пушкин вёл дневник. Записи в дневнике и куски писем часто совпадают. Так, например, 16 апреля, на другой день после её отъезда, Пушкин записывает: «Вчера проводил Наталью Николаевну до Ижоры. Возвратясь нашёл у себя на столе приглашения на дворянский бал и приказ явиться к графу Литте. Я догадался, что дело идёт о том, что я не явился в придворную церковь ни к вечерне в субботу, ни к обедне в вербное воскресенье. Так и вышло: Ж.<уковский> сказал мне, что государь был недоволен отсутствием многих камер-геров и камер-юнкеров, и сказал: если им тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средство их избавить. Литта, толкуя о том же с К. А. Нарышкиным, сказал с жаром: *Mais enfin il y a des règles les fixes pour les chambellans et le gentilshommes de la chambre.* На что Нарыш-

кин возразил: *Pardonnez moi, se n'est que pour les demoiselles d'honneur*» (Но наконец есть же определенные правила для камергеров и камер-юнкеров. <...> Извините, это только для фрейлин (игра слов: *règles* по-французски имеет два значения — правила и регулы)).

Ср. в письме от 17 апреля: «Третьего дня возвратился я из Царского Села в 5 часов вечера, нашёл на своём столе два билета на бал 29-го апреля и приглашение явиться на другой день к Литте; я догадался, что он собирается мыть мне голову за то, что я не был у обедни. В самом деле, в тот же вечер узнаю от забежавшего ко мне Жуковского, что государь был недоволен отсутствием многих камер-гергов и камер-юнкеров и что он велел нам это объявить. Литта во дворце толковал с большим жаром, говоря <...>» (далее следует почти дословное изложение диалога между Литтой и Нарышкиным).

В письмах и в дневнике одинаково отражены события общественной жизни и светские пересуды, новости о друзьях и знакомых. Здесь и присяга наследника, и «милости», оказанные по этому поводу, дворянский бал

(тот самый, билеты на который Пушкин получил 17 апреля; на бал он не пошёл, но описал подробно всё, что слышал о нём и видел сам, проходя мимо дома Нарышкина, куда подъезжали кареты), смерть Кочубея (государственного канцлера и родственника Н. К. Загряжской), смерть воспитателя наследника Мердера и смерть Аракчеева, приезд в столицу прусского принца (Фридриха-Вильгельма), отъезд царя в Царское Село, отъезд в Италию Мещерских и Софьи Карамзиной, неудавшийся парад и наказание, которому подвергся из-за этого наследник, карточные проигрыши и выигрыши, беременность и роды А. О. Смирновой и др.

Письма к жене и дневник не только повторяют, но и взаимно дополняют друг друга. Так, в дневнике Пушкин записывает: «Мердер умер, человек добрый и честный, незаменимый. Великий князь ещё того не знает. От него таят известие, чтоб не отравить ему радости (совершеннолетия и принятия присяги. — Я. Л.). Откроют ему после бала 28-го. Также умер Аракчеев, и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатления»;

вот те же известия в письме: «Мердер умер; это ещё тайна для в.<еликого> князя и отравит его юношескую радость. Аракчеев также умер. Об этом во всей России жалею я один — не удалось мне с ним свидеться и наговориться» (22 апреля 1834 г.).

Но вот Пушкин пожалован в камер-юнкеры. Хорошо известны угрожающие слова, записанные им в дневнике: «Так я же сделаюсь русским Dangeau» (Акад., XII, с. 318). Мемуары маркиза де Данжо (1638—1720), одного из приближённых Людовика XIV, Пушкин воспринимал как, документ обличительный.[565] Обличительный характер носят и записи Пушкина, относящиеся к императору, быту двора, его портреты отдельных вельмож, характеристики верхов дворянства, неспособных к подлинной государственной деятельности.

Обличительные, негодующие высказывания в адрес императора и двора находим и в письмах к жене. Теперь поэт сам включён в орбиту придворного быта, придворного ритуала, и отношение его к собственному званию камер-юнкера — это наиболее значительная

тема в обличениях «русского Данжо». Камер-юнкерский мундир для него — «шутовской кафтан»: «Умри я сегодня, что с Вами будет? мало утешения в том, что меня похоронят в полосатом кафтане, и ещё на тесном Петербургском кладбище, а не в церкви на просторе, как прилично порядочному человеку» (около 28 июня 1834 г.). И в другом письме: «Хорошо, коли проживу я лет ещё 25; а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать, и что скажет Машка, а в особенности Сашка. Утешения мало им будет в том, что их папеньку схоронили как шута, и что их маменька ужас как мила была на Аничковских балах» (около 14 июля 1834 г.).

10 мая 1834 г. Пушкин узнал, что его письмо к жене с описанием присяги великого князя было перлюстрировано и копия его была показана императору. В дневнике он записал: «Государю неуютно было, что о своём камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию. Но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего прави-

тельства. Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина» (запись 10 мая 1834 г.).

Оскорблённые чувства, раздражение прорываются и в письмах Пушкина. Он настойчиво напоминает жене о перлюстрировании писем — не только для того, чтобы она поняла, почему в его письмах меньше «нежных и любовных» слов, но чтобы унижить чиновников, занимающихся перлюстрацией, и более всего — царя, читающего чужие письма: «Я не писал тебе потому, что свинство почты так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силе» (3 июня 1834 г.); «На *того* (царя. — Я. Л.) я перестал сердиться, потому что, *toute réflexion faite* <в сущности говоря>, не он виноват в свинстве его окружающем. А живя в нужнике, поневоле привыкнешь к <---->, и вонь его тебе не будет противна, даром что *gentleman*» (11 июня 1834 г.); «Мысль, что мои (письма. — Я. Л.) распечатываются и прочитываются на почте, в полиции и так далее (т.

е. царём. — Я. Л.) — охлаждает меня, и я поневоле сух и скучен» (30 июня 1834 г.); «Жду от тебя письма об Ярополице. Но будь осторожна... вероятно и твои письма распечатывают: этого требует Государственная безопасность» (8 июня 1834 г.).

Письма и дневник поэта имеют и несомненное конструктивное сходство (конечно, если отбросить обусловленные жанром обращения к адресату). В письмах, как и в дневнике, бытовые факты и события, душевные излияния и эмоции перемежаются анекдотом, портретом, бытовой зарисовкой, эпизодами светской и придворной жизни. И в письма, и в дневник органично входят материалы, которые сам Пушкин определил как, «... записи всего, что ни попало... мыслей, замечаний литературных и политических, сатирических портретов и т. п.» (Акад., XI, 59), т. е. как своего рода выборки из писательской записной книжки. Группу таких «выборок» он напечатал в «Северных цветах» Дельвига на 1828 год.[566] В 1835 г. подобные материалы, т. е. размышления, наблюдения, портреты современников, Пушкин начал складывать в осо-

бую папку с надписью «Table-talk» («Застольные беседы»).

П. В. Анненков, издавая сочинения Пушкина, поместил «Table-talk» в раздел «Записки Пушкина». О замысле «Записок», который Пушкин лелеял всю жизнь, Анненков писал: «Мы позволяем себе думать, что недаром Пушкин сберегал в своих бумагах и записных тетрадях такой богатый автобиографический материал, такую громаду писем, заметок, документов всякого рода и проч. Пушкин не отступал до самой смерти от намерения представить картину того мира, в котором жил и вращался».[567] Уничтоженные записки Пушкина должны были, по мнению Анненкова, раскрыть «черты его домашней жизни», «историю его души» и в то же время изобразить верную картину эпохи. «Публика, — писал он, — имела бы такую картину одной из замечательнейших эпох русской жизни, которая, может быть, помогла бы уразумению нашей домашней истории начала столетия лучше многих трактатов о ней».[568] Слова Анненкова о письмах как материалах для «уразумения нашей домашней истории» сочетаются с

отзывом Пушкина о романах В. Скотта: «Главная прелесть романов W.<alter> Sc.<ott> состоит в том, что мы знакомимся с прошедшим временем <...> домашним образом». И дальше: «...ce qui nous charme dans le roman historique — c'est que ce qui est historique est absolument ce que nous voyons» (...что меня прельщает в историческом романе, это то, что всё историческое в нём совершенно подобно тому, что мы видим) (Акад., XII, 195).

Наиболее значительные материалы для «истории души» поэта и для «уразумения нашей домашней истории» содержат письма Пушкина к жене. В дневнике и в «Table-talk» преобладают анекдоты исторические, в письмах — бытовые. Встреча на почтовой станции с городничихой, которая приняла Пушкина за станционного смотрителя (письмо от 2 сентября 1833 г.), поездка в дилижансе в Москву, когда один путешественник читает другому «Ивана Выжигина» (письмо от 8 декабря 1831 г.), беседа с болдинской крестьянкой, пришедшей к Пушкину жаловаться, что её сына «записали в выблядки», хотя она родила только через тринадцать месяцев после того, как му-

жа отдали в рекруты (письмо от 15 сентября 1834 г.) и многие другие эпизоды — всё это давало возможность взглянуть на эпоху «домашним образом». Некоторые из этих эпизодов (например, путаница с городничихой) содержат остов сюжетной схемы, готовый материал для небольшой новеллы.

В письмах к жене мы находим не только возможные, но и конкретные творческие заготовки — и прежде всего для лирики. Связь между письмами Пушкина и его лирикой, их сюжетное и психологическое единство были замечены ещё П. В. Анненковым, который широко пользовался письмами в качестве комментария к стихам Пушкина. Позднее В. В. Сиповский отметил частое совпадение разнообразных мотивов и настроений в стихах и письмах поэта.[569] Ю. И. Айхенвальд конкретизировал тезис о психологическом совпадении писем и «писаний» Пушкина и наметил ещё один аспект изучения писем — раскрытие в них «процесса творчества».[570]

Наиболее яркий пример — стихотворение «... Вновь я посетил». Основная лирическая тема стихотворения и центральный образ

«зелёной семьи» сосен содержится в письме к жене от 25 сентября 1835 г. И в стихотворении, и в письме осознание перемен вокруг себя, ощущение себя переменившимся в глазах других трансформируются в воспоминания. В письме воспоминания сопровождаются грустной нотой. В стихотворении, в конце его, появляются ноты жизнеутверждающего оптимизма. Так сюжетные и текстовые совпадения писем и «писаний» Пушкина приобщают нас к психологии творчества.

4

Письма Пушкина — один из замечательных документов эпистолярного жанра, драгоценный образец словесного искусства. Они являются фундаментом пушкинской прозы и несомненно подчиняются её законам. «Краткая, простая фраза — без ритмических образований», [571] — так определил Б. М. Эйхенбаум основной стилистический закон пушкинской прозы. «Прелесть нагой простоты» — главное требование, которое предъявлял к прозе сам Пушкин. «Но простота для Пушкина — понятие больше стилевое, чем языковое, — отмечает Лежнев. — Просто — это зна-

чит у него: выражено без украшений, самым отчётливым и экономным образом».[572] Несколькими штрихами Пушкин мастерски делает портретные зарисовки: «Одно меня сокрушает: человек мой. Вообрази себе тон московского канцеляриста, глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рябчики, пьёт мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом» (19 сентября 1833 г.). Простые перечисления создают красочную бытовую картину: «Нащокин занят делами, а дом его такая бестолочь и ералаш, что голова кругом идёт. С утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно заимодавцы. Всем вольный вход; всем до него нужда; всякой кричит, курит трубку, обедает, поёт, пляшет; угла нет свободного — что делать?» (16 декабря 1831 г.).

Лежнев находит, что в описаниях Пушкин «сознательно выбирает блеклые краски, простые определения, самые обычные сочетания слов», так что «на этом приглушённом фоне, среди простых и невыписанных деталей од-

на-две подробности выделяются своей резкой характеристикой», [573] и приводит взятое из письма к жене описание наводнения в Петербурге, которое застало поэта при выезде из города: «Нева так была высока, что мост стоял дыбом; веровка была протянута, и полиция не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Чёрную речку. Однако переправился через Неву выше и выехал из Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту так и валялись, я насчитал их с пятьдесят. В лужицах была буря. Болота волновались белыми волнами. По счастью, ветер и дождь гнали меня в спину, и я преспокойно высидел всё это время» (20 августа 1833 г.). «Способность передать в малом („в лужицах была буря“) огромный размах и напряжение бури — это не только сильно и убедительно, но это современно по технике письма», [574] — заключает исследователь. Иными словами, «по технике письма» Пушкин опережает свой век.

Общий тон писем Пушкина к жене, так же как и в ранней дружеской переписке, открыт и свободен. Но дружеская переписка

только приближала поэта к прозаическим жанрам, в том числе и к художественной прозе. Письма к жене пишет Пушкин — уже мастер прозы. Больше того, им написано уже собственно эпистолярное произведение — так называемый «Роман в письмах» (1829), где бытовые письма составляют фабулу и организуют сюжет повествования. Манера и тон этих писем, лаконичность и одновременно насыщенность содержания больше всего соответствуют письмам, которые Пушкин потом станет писать Наталье Николаевне.

Ранние письма его ещё носят следы романтической орнаментальности. В письмах к жене поэт избегает украшений, т. е. не изменяет принципу «нагой простоты». При этом он пользуется сочетанием разных эмоциональных и лексических оттенков. В одном и том же письме находим грусть и сарказм, насмешку и рассудительность, негодование и шутку. Разговорный язык перебивается просторечием, церковно-славянизмами, французскими фразами.[575] Пушкин любит энергию простонародных выражений. Не боясь оскорбить светское ухо своей жены, он без-

оговорочно вводит простонародную лексику в текст: «туда бы от жизни удрал, улизнул», «ай-да хват баба», «да и дёрнуть к тебе, мой ангел, на Полотняный завод», «смотри, не брюхата ли ты». Просторечное «брюхата» Пушкин всячески отстаивал в разговорном языке. П. А. Плетнёв вспоминал: «Пушкин бесился, слыша, если кто про женщину скажет: „она тяжела“ или даже „беременна“, а не „брюхата“ — самое точное и на русском языке употребляемое».[576]

В письмах встречаем острые шутки, каламбуры: «Сей час приносили мне корректуру, и я тебя оставил для Пугачёва. В корректуре я прочёл, что Пугачёв *поручил Хлопуше грабёж заводов*. Поручаю тебе грабёж Заводов — слышишь ли, моя Хло-Пушкина? ограбь Заводы и возвратись с добычею» (около 26 июля 1834 г.; письмо пишется в Полотняный завод, где находилась в это время Наталья Николаевна).

«Что наша экспедиция? виделась ли ты с графиней К.<анкриной>, и что ответ? На всякой случай, если нас гонит граф К.<анкрин>, то у нас остаётся граф Юрьев; я адресую тебя

к нему» (14 сентября 1835 г.; Е. Ф. Канкрин — министр финансов, В. Г. Юрьев — известный ростовщик, не имеющий титула).

Пушкин играет словами, широко пользуется пословицами. В письмах к жене их особенно много: «Знаешь ли ты, что есть пословица: На чужой сторонке и старушка божий дар» (19 сентября 1833 г.); «Взялся за гуж, не говори, что не дюж — то есть: уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой» (19 сентября 1833 г.); «Вот вся тайна кокетства. *Было бы корыто, а свиньи будут*» (30 октября 1833 г.); «Пожалуйста не сердись на меня за то, что я медлю к тебе явиться. Право, душа просит; да мощна не велит» (около 26 июля 1834 г.).

Непринуждённые речевые сочетания, максимально приближенные к разговорному языку, — такова стилистическая основа писем Пушкина к жене. В них слышится речь самого поэта, поэтому нельзя согласиться с исследователем, когда он пишет: «Зная нормы бытового поведения, принятого в том кругу, которому принадлежал и Пушкин, можно полагать, что дома он обычно разговаривал

по-французски».[577] При прислуге, при детях — может быть, но не с глазу на глаз. И убеждают нас в этом прежде всего его письма.

Когда Наталья Николаевна была ещё невестой поэта, он писал ей французские письма. Эти письма, стилистически-отточенные, писались со всем соблюдением светских этикетных норм, соединённых с подлинными чувствами — поклонения, сожаления о затянувшейся разлуке, надежды на встречу. Но и сюда вламываются привычные для Пушкина жанровые и бытовые штрихи — первое свидание с Н. К. Загряжской, которая вскоре станет персонажем его «Table-talk» (письмо около 29 июля 1830 г.), разговор со зрителем при попытке прорваться сквозь карантины в Москву (письмо от 18 ноября 1830 г.). Среди французского текста встречаем русский: «Что дедушка с его медной бабушкой? Оба живы и здоровы, не правда ли? Передо мной теперь географическая карта; я смотрю, как бы дать крюку и приехать к вам через Кяхту или через Архангельск? Дело в том, что для друга семь вёрст не крюк; а ехать прямо на Москву значит семь вёрст киселя есть (да ещё какого?)»

Московского!)» (11 октября 1830 г.). Здесь переход к русскому языку может быть обусловлен пришедшей на ум словесной игрой, переосмыслением известной поговорки. Но следующее письмо, из того же Болдина, уже целиком написано по-русски. Начинается оно так: «Милостивая государыня, Наталья Николаевна, я по-французски браниться не умею, так позвольте мне говорить вам по-русски, а вы, мой ангел, отвечайте мне хоть по-чухонски, да только отвечайте» (около 29 октября 1830 г.).

Беспокойство Пушкина об оставленной в «зачумлённой» Москве невесте нарастает. Это беспокойство доходит до такой степени, что «светскость» французских писем оказывается уже неуместной и Пушкин переходит на русский язык.

Позднее сам факт сочетания французской речи с искренностью чувства кажется ему невозможным. Д. Н. Гончаров влюбился в графиню Чернышёву и написал матери французское письмо с просьбой о сватовстве. Прочитав это письмо, Пушкин «помирал со смеху». Поэт рассказывает жене: «Он (Д. Гончаров. —

Я. Л.) как владетельный принц влюбился в графиню Надежду Чернышёву *по портрету*, услыша, что она девка плотная, чернобровая и румяная. Два раза ездил он в Ярополец в надежде её увидеть, и в самом деле ему удалось застать её в церкви. Вот он и полез на стены. Пишет [он] из Заводов, что он без памяти от *la charmante et divine comtesse* <прелестной и божественной графини>, что он ночи не спит, *et que son charmant image etc.* <и что её прелестный образ...> и непременно требует от Натальи Ивановны, чтоб она просватала за него *la charmante et divine comtesse*; Наталья Ивановна поехала к Кругликовой и выполнила комиссию. Позвали *la divine et charmante*, которая отказала наотрез» (26 августа 1833 г.).

Чернышёву Пушкин подаёт в нарочито сниженном, простонародном облике «девки плотной, чернобровой и румяной». Простонародная характеристика в сочетании с французскими куртуазными штампами создаёт комический эффект, а повторяющиеся штампы служат выражением несерьёзности чувства.

В письмах самого поэта находим много

рассеянных по тексту французских фраз, непринуждённое соединение русского языка с французским. Это — речь образованного русского человека, получившего французское воспитание, но ещё больше — живая речь Пушкина.[578]

5

Письма Пушкина к жене были в доме поэта в момент его смерти. Во время так называемого «посмертного обыска» на квартире Пушкина Жуковский был вынужден просматривать бумаги поэта вместе с начальником штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельтом. Наряду с бумагами Пушкина «досмотру» подлежали также и письма друзей, знакомых, родных. Исключение было сделано только для писем жены. А. Х. Бенкендорф писал Жуковскому: «Письма вдовы покойного будут немедленно возвращены ей, без подробного оных прочтения, но только с наблюдением о точности её почерка».[579] Иначе обстояло дело с письмами самого поэта. Они хранились не в кабинете, а у самой Н. Н. Пушкиной. По этому поводу Жуковскому пришлось давать объяснение Бенкендорфу, так как он обвинял

Жуковского в «похищении» «пяти пакетов» бумаг Пушкина. На его наветы Жуковский отвечал: «Эти пять пакетов были просто оригинальные письма Пушкина, писанные им к его жене, которые она сама вызвалась дать мне прочитать; я их привёл в порядок, сшил в тетради и возвратил ей. Пакетов же к счастью не разорвал, и они могут теперь служить убедительными свидетелями всего сказанного мною. Само по себе разумеется, что такие письма, мне вверенные, не могли принадлежать к тем бумагам, кои мне приказано было рассмотреть».[580]

После смерти Н. Н. Пушкиной-Ланской в 1864 г. письма Пушкина к ней перешли в руки дочери поэта графини Натальи Александровны Меренберг, жившей в Висбадене. В 1877 г. она поручила И. С. Тургеневу публикацию этих писем с условием, что Тургенев по своему усмотрению исключит места, имеющие слишком интимный, семейный характер или неудобные для печати. С некоторыми пропусками письма были напечатаны в № 1 и 3 «Вестника Европы» за 1878 г.

Французские тексты писем Пушкина к

невесте 1830 г. и одно письмо к её матери, Н. И. Гончаровой (всего 14 документов или 13 по нумерации издателей, так как два письма — от 26 ноября и 1 декабря — приняты за одно под № 11), опубликованы в русских переводах.

Публикация сопровождалась предисловием И. С. Тургенева, которое мы считаем необходимым привести полностью.

«Едва ли кто-нибудь может сомневаться в чрезвычайном интересе этих новых писем Пушкина. Не говоря уже о том, что каждая строка величайшего русского поэта должна быть дорога всем его соотечественникам; не говоря уже о том, что в этих письмах — как и в прежде появившихся, так и бьёт струёю светлый и мужественный ум Пушкина, поражает прямота и верность его взглядов, меткость и как бы невольная красивость выражения, — но вследствие исключительных условий, под влиянием которых эти письма были начертаны, они бросают яркий свет на самый характер Пушкина и дают ключ ко многим последовавшим событиям его жизни, даже и к

тому, печальному и горестному, которым, как известно, она закончилась. Писанные со всею откровенностью семейных отношений, без поправок, оговорок и утаек, они тем яснее передают нам нравственный облик поэта. Несмотря на своё французское воспитание, Пушкин был не только самым талантливым, но и самым русским человеком своего времени; и уже с одной этой точки зрения его письма достойны внимания каждого русского человека; для историка литературы они — суший клад; нравы, самый быт известной эпохи отразились в них хотя быстрыми, но яркими чертами. Позволю себе прибавить от моего имени, что я считаю избрание меня дочерью Пушкина в издатели этих писем одним из почтеннейших фактов моей литературной карьеры; я не могу довольно высоко оценить доверие, которое она оказала мне, возложив на меня ответственность за необходимые сокращения и исключения. Быть может, я до некоторой степени заслужил это доверие моим глубоким благоговением перед памятью её роди-

теля, учеником которого я считал себя, с „младых ногтей“, и считаю до сих пор... „*Vestigia semper adore*“.[581]

Впрочем, тщательный пересмотр писем привёл меня к убеждению, что можно было ограничиться только самыми необходимыми и немногочисленными исключениями; в большинстве случаев исключения эти обуславливаются излишней „энергией“ фразы: Пушкин, как истый русский человек, да к тому же в письмах, носивших строго-частный характер, не любил стесняться.

Не должно также забывать, что со времени начертания этих писем прошло полвека и что, следовательно, когда дело идёт о выяснении такой личности, каковою был Пушкин, историк вступает в свои права — и давность облекает своим почтенным покровом то, что могло бы прежде показаться слишком интимным, слишком близко касающимся отдельных частных лиц. Сама дочь поэта, решившись поделиться с отечественной публикой корреспонденцией своего родителя, адресованной к его жене — её матери —

освятила, так сказать, наше право перенести весь вопрос в более возвышенную и безучастную — как бы документальную сферу.

Нам остаётся искренне поблагодарить графиню Н. А. Меренберг за этот поступок, на который она, конечно, решилась не без некоторого колебания — и выразить надежду, что ту же благодарность почувствует и докажет ей общественное мнение».[582]

В этом предисловии намечены главные аспекты изучения писем в последующие годы: они рассматриваются как документы человеческие, касающиеся «отдельных частных лиц», как документы исторические, отражающие «быт известной эпохи», и как явление литературы, весьма значительное для понимания историко-литературного процесса начала XIX в.

Надежды Тургенева на то, что «общественное мнение» выразит благодарность дочери поэта, далеко не оправдались. Одни были возмущены «резкими выражениями, которые Пушкин употреблял в корреспонденции с хорошенькой женщиной», другие отнеслись к

ним презрительно, как в «домашнему хламу», который «роняет Пушкина».[583] Сам Тургенев сообщал Анненкову: «Первая половина писем не имела успеха. Письма, видишь, нашли слишком бесцеремонными и грубыми». И позднее, когда вышла вторая часть писем, он повторил то же мнение: «Письма <...> решительно не понравились нашей „благоприличной“ публике».[584] К этой «благоприличной», иначе говоря, «великосветской» публике принадлежали и сыновья Пушкина — А. А. и Г. А. Пушкины («к сожалению, весьма плохенькие», по замечанию Тургенева). Прошёл слух, что они собирались будто бы в Париж, чтобы «поколотить» Тургенева за «издание писем их отца».[585] Сам Тургенев считал это сообщение «просто сплетней или мистификацией», однако уже само возникновение такой сплетни весьма характерно.

Иначе отнеслись к публикации Тургенева в научных кругах. П. В. Анненков, прочитав письма, писал М. М. Стасюлевичу: «Письма Пушкина чаруют меня по-прежнему, несмотря на выпуски и пропуски, которыми занимаются; семейная мина Пушкина так же хоро-

ша, как поэтическая его мина: я имею слабость любоваться ею и, конечно, хотел бы, чтобы при сём удобном случае кто-нибудь из знающих поговорил о ней серьёзно и умно».[586]

После публикации Тургенева письма поэта к жене вошли в научный оборот.[587] Насыщенность фактическим материалом, документальность этих писем ведёт к тому, что цитатами из них наполнена любая биографическая книга о Пушкине. Письма (в том числе и письма к жене) называют лабораторией прозы Пушкина, в них видят выражение основных тенденций его стиля, не успевших выразиться в художественных произведениях.[588]

Письма были возвращены графине Меренберг, но через несколько лет, вероятно по требованию А. А. Пушкина, она отдала их ему, оставив у себя лишь французские письма поэта к Н. Н. и Н. И. Гончаровым. В 1880 г. сын поэта передал в запечатанном конверте полученные от сестры письма в Московский публичный Румянцевский музей (ныне ГБЛ). С 1937 г. автографы русских писем и одного

французского хранятся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. 13 писем к невесте остались за границей и сейчас находятся в парижской коллекции Сергея Лифаря. Начиная с 1887 г. письма к жене входят в собрания сочинений Пушкина (с 3-го изд. под ред. П. А. Ефремова и 1-го изд. под ред. П. О. Морозова), но все дореволюционные издания, включая и академическое 1906—1911 гг., воспроизводили тексты, отредактированные Тургеневым. Впервые по автографам письма напечатаны в 3-м томе издания «Писем Пушкина» (под ред. Л. Б. Модзалевского). В 1935 г. Лифарь выпустил фототипическое издание писем к невесте, по которому они и были напечатаны в академическом издании Полного собрания сочинений Пушкина.[589]

6

Несколько слов о письмах Натальи Николаевны к Пушкину. Их судьба давно занимает исследователей и архивистов. После того как они с позволения Николая I были возвращены Жуковским владелице, судьба этих писем полна загадок. Никто из исследователей

их не видел, не видел их даже П. В. Анненков, читавший всю переписку поэта, хранившуюся в его семье. В последние годы появилось несколько статей, посвящённых возможной судьбе этих писем. В 1966 г. в «Новом мире» появилась публикация С. Г. Энгель, [590] которая, основываясь на просмотренных ею архивных документах ГБЛ, утверждала, что письма Н. Н. Пушкиной к мужу хранились в Румянцевском музее, фигурировали в издательских планах, а затем загадочно исчезли. «Загадочность» их исчезновения С. Г. Энгель связывает с якобы обнаруженными ею следами уничтожения и фальсификации части документов Румянцевского музея.

Проверку доводов С. Г. Энгель, тщательный анализ архивных документов и кропотливую работу по выявлению и сопоставлению всех упоминаний в печати о переписке Пушкина с женой провела С. В. Житомирская, заведовавшая в то время Рукописным отделом ГБЛ. Результаты её исследования были опубликованы в 1971 г. [591] Изучение входящих книг Румянцевского музея, нумерация страниц и протоколов показали, что никакой

«фальсификации» не было. Сыном поэта А. А. Пушкиным в музей были переданы только письма самого поэта к жене, а все сообщения о письмах Натальи Николаевны исходят из одного источника — интервью с А. А. Пушкиным, в котором он сообщил репортёрам, что в 1880 г. передал «переписку Пушкина с женой» в Румянцевский музей. Слово «переписка» привело виднейших пушкинистов — Лернера, Щёголева, Брюсова — к убеждению, что письма Н. Н. Пушкиной, так же как и письма самого поэта, находились в музее. С. В. Житомирская связывает это убеждение со словесным недоразумением. К моменту появления интервью слово «переписка» (в особенности для специалиста) имело тот же смысл, что и теперь, — обмен письмами между двумя корреспондентами, но «для поколения, к которому принадлежал А. А. Пушкин, это слово равно обозначало и обмен письмами, и письма разных лиц к одному адресату». Убедительное объяснение даёт Житомирская и всем другим упоминаниям о «Письмах Н. Н. Пушкиной» в архивных документах. Придя к выводу, что письма жены поэта «Румянцевско-

му музею никогда не принадлежали», она заключает свою статью обнадеживающими словами: «...поиски эти остаются делом будущего». Однако скорее всего эти поиски безнадежны. Письма могли сгореть в 1919 г., когда сгорел дом А. А. Пушкина, но к этому времени они, может быть, уже и не существовали.

В 1902 г. П. И. Бартенев писал В. И. Саитову, издававшему «Переписку» Пушкина: «Писем Натальи Николаевны к мужу не сохранилось, как говорил мне недавно старший сын их». [592] Правда, 10 лет спустя, незадолго до смерти, он выразил недоверие к словам А. А. Пушкина, написав о возможной публикации этих писем «в далёком будущем». Но скорее всего это только надежда учёного. Чтя память мужа и понимая научное значение его писем, Н. Н. Пушкина-Ланская сохранила все его письма, свои же письма к нему она вполне могла уничтожить, ограждая себя от любопытства будущих поколений.[593]

Комментарии (Я. Л. Левкович)

Письма Пушкина к невесте и жене печатаются по изданию: **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений. М.; Л., 1941—1949. Т. XIV—XVI, орфографические и пунктуационные принципы которого в большинстве случаев сохраняются. Тексты академического издания проверены по фотокопиям. В тех случаях, когда даты писем не были проставлены самим Пушкиным, они были критически пересмотрены. Переводы с французского языка писем, а также отдельных фраз и слов принадлежат Б. В. Томашевскому (заимствованы из 10-го т. подготовленного им в 1956 г. «Полного собрания сочинений» Пушкина в 10-ти т.; том этот, как и всё издание, был переиздан в 1979 г. с проверкой текстов и переводов). В отличие от академического издания переводы приведены непосредственно после каждого из писем, а переводы отдельных фраз и слов даны в подстрочных примечаниях.

Комментарии составлены по принципу, принятому в издании: **Пушкин.** Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969. Вводная

часть комментария содержит:

1) справку об источниках текста (ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, в особом фонде (ф. 244, оп. 1), даются сокращённо: *ИРЛИ*, далее указывается номер автографа, а в случае необходимости соответствующий лист рукописи); 2) тексты почтовых помет (если таковые имеются); 3) справку о первой публикации текста; 4) справку о публикации данного письма в академическом издании (том — римской цифрой и номер или страница — арабской). Особым разделом даётся обоснование датировки (в тех случаях, когда датировка письма в академическом издании исправляется или уточняется). Основная часть комментария объясняет темы и реалии, о которых идёт речь в письмах, и вводит письма в контекст биографии Пушкина. [Основная часть комментария в fb2 разбита в виде отдельных примечаний. — Прим. *lenok555*]

Персональные справки о лицах, упоминаемых в письмах Пушкина, вынесены в особый раздел комментариев — «Словарь имён...».

Это даёт возможность избежать повторений и сосредоточить сведения об отношениях Пушкина с тем или иным человеком в одной справке. Справки о лицах, не сыгравших роли в жизни и творчестве Пушкина, сведены к самой короткой информации. Ссылки на словарь Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» (Л., 1975) здесь не даются, так как он выбрал сведения о всех лицах, с которыми был знаком и общался Пушкин.

В приложении к комментариям даются список сокращений, список иллюстраций и указатель имён.

Словарь имён, упоминаемых в письмах Пушкина к жене

А

Адриан (Адриан) — см. Прохоров.

Акулова см. Окулова Елизавета Алексеевна.

Александр Николаевич, великий князь (1818—1881) — воспитанник Жуковского и К. К. Мердера, впоследствии (с 1855 г.) император Александр II.

Амельян см. Емельян.

Александр I Павлович (1777—1825) — император, правил с 1801 г., Пушкин, по его собственному выражению, «подсвистывал ему до самого гроба» (*Акад.*, XIII, 240) рядом эпиграмм, из которых многие до нас не дошли (см.: Цявловская Т. Г. Муза пламенной сатиры. Пушкин на юге. — Тр. Пушкинской конф. Одессы и Кишинёва. Кишинёв, 1961, т. 2, с. 147—198; Бонди С. М. Подлинный текст и политическое содержание «Воображаемого разговора с Александром I». — *ЛН*, т. 58, с. 167—194). И после смерти А. поэт продолжал разоблачать его (см. строфы главы X «Евгения

Онегина»); в одном из последних своих стихотворений «Я памятник себе воздвиг...» (1836), подводя итог своей поэтической деятельности, Пушкин поставил её выше «Александровского столпа», т. е. Александровской колонны в Петербурге — памятника А. (см.: Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: Проблемы его изучения. Л., 1967, с. 54—85, 225 и др.). Известно два черновых письма-прошения Пушкина на имя А., оба 1825 г. (см.: *Акад.*, XIII, № 163 и 215).

Александра Ивановна см. Беклешова А. И.

Александра Николаевна см. Гончарова А. Н.

Александров Павел Константинович (1808—1857) — сын в. к. Константина Павловича и его фаворитки Ульяны Михайловны (ум. 1824), бывшей замужем за капитаном Фридрихсом, а затем — за адъютантом великого князя А. А. Вейсом. Фамилию Александровой У. М. Фридрихс получила в 1816 г. по названию приобретённого ею имения. А. в 1832 г. — ротмистр лейб-гвардии Конного полка, где дослужился до чина генерал-майора (1846). 29 октября 1833 г. женился на княжне

Анне Александровне Щербатовой.

Алексей — слуга Пушкина.

Алымова Любовь Матвеевна (р. 1808) — сестра владельцев дома на Фурштадтской улице (см. Алымовы). Известно одно письмо Пушкина к А.

Алымовы — домовладельцы, в их петербургском доме на Фурштадтской ул. (ныне ул. Петра Лаврова, участок д. 20) проживали Пушкины с мая по декабрь 1832 г.

Анакреон (VI—V вв. до н. э.) — древнегреческий лирик, создатель жанра лёгкой, жизнерадостной поэзии, получившей название анакреонтической. Пушкин в лицейский период прибегал к темам А. В. 1835 г. перевёл три его стихотворения: отрывок «Узнают коней ретивых», оду LVI («Поредели, побелели...») и оду LVII («Что же сухо в чаше дно?»). Первые два должны были войти в незавершённую повесть из древнеримской жизни («Цезарь путешествовал...», 1835).

Анреп Роман Романович (ум. 1830) — офицер лейб-гвардии Гусарского полка, с 1814 г. флигель-адъютант. В кампанию 1829 г. командовал Сводным уланским полком (Пушкин

упоминает о нём в «Путешествии в Арзрум»).
О нём см.: *Письма*, т. 3, с. 598—599.

Апрелев Александр Фёдорович (1798—1836) — коллежский секретарь. В день своей свадьбы (26 апреля 1836 г.) был смертельно ранен Н. М. Павловым, братом обольщённой им девушки. См.: *Письма последних лет*, с. 361 (заметка Р. В. Иезуитовой).

Аракчеев Алексей Андреевич, граф (1769—1834) — военный министр и временщик при Александре I, организатор военных поселений. Своё отношение к А. Пушкин выразил в эпиграммах 1817—1820 гг. — «Всея России притеснитель», «В столице он капрал, в Чугуеве — Нерон». По рассказу Я. И. Сабурова, А. сыграл решающую роль в высылке Пушкина из Петербурга в 1820 г. (см.: Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929, с. 337). После смерти Александра I А. потерял прежнее влияние, но как исторический деятель продолжал интересовать Пушкина — мемуариста и историка.

Aurore — см. Шернваль Аврора Карловна.

Афанасий Николаевич см. Гончаров А. Н.

Багреева см. Фролова-Багреева Е. М.

Бакунина Екатерина Павловна по мужу Полторацкая (1795—1869) — старшая сестра А. П. Бакунина, товарища Пушкина по лицу, фрейлина, талантливая художница (ученица К. П. Брюллова), предмет первой юношеской любви поэта, «Катерина I» в его так называемом дон-жуанском списке (*Рукою П.*, с. 629). О своей любви к Б. Пушкин записал в дневнике 29 января 1815 г. (см.: *Акад.*, XII, с. 297); этот эпизод сохранился в воспоминаниях однокашников Пушкина, С. Д. Комовского и И. И. Пущина (см.: *П. в воспоминаниях*, т. 1, с. 69, 89). Пушкин говорит о ней в ряде лицейских стихотворений («Итак, я счастлив был», «К живописцу»), ею же внушён цикл элегий 1816 г., посвящённых безнадёжной, неразделённой любви (см. примечания к стихотворениям «Осеннее утро», «Слово милой»: *Гослит.* в 10 т., т. 1, с. 605, 607). Выйдя замуж 30 апреля 1834 г. за Александра Александровича Полторацкого, Б. уехала в усадьбу мужа — «похоронила себя где-то в деревне» (по словам М. А. Корфа: *ПиС*, вып. 8, с. 26). О Б. см.: *Гастфрейнд. Товарищи П.*, т. 3, с. 194—196; Лернер Н. Милая Ба-

кунина. — В кн.: Лернер Н. Рассказы о Пушкине. Л., 1929, с. 57—65; Брюсов В. Я. Первая любовь Пушкина. — *Венг.*, т. 1, с. 284—288.

Балашов см. Баташёв Сила Андреевич.

Баратынский Евгений Абрамович (1800—1844) — поэт. В первой половине 20-х гг. по своим дружеским связям и литературным убеждениям примыкал к передовому демократическому лагерю, возглавлявшемуся Пушкиным. Пушкин познакомился с Б. в Петербурге в 1819 г. и сразу стал восторженным поклонником его «прелестного таланта» (*Акад.*, XIII, № 38). Имя Б. в 1822—1830 гг. постоянно мелькает в письмах Пушкина, он считает его первоклассным элегиком (см.: *Акад.*, XIII, № 28). К Б. обращены следующие стихотворения Пушкина: «Я жду обещанной тетради» (1822); «К Б. из Бессарабии» (1822); «К Б.» («Стих каждый в повести твоей», 1826). Кроме того, Пушкин цитирует стихи Б. («К Алексееву»), пишет о них в «Евгении Онегине» и в первом «Послании к цензору», использует их в качестве эпиграфов; Б. упоминается в «Черепе» (1827). В 1827 г. в одной книжке выходят «Бал» Б. и «Граф Нулин». В этом же

году Б. и Пушкин совместно пишут эпиграмму на Булгарина «Он точно, он бесспорно» (см.: Цявловская Т. Новонайденный автограф Пушкина. — *РЛ*, 1961, № 1, с. 120—133). Пушкин трижды принимался за статью о Б.: в 1827 г. (рецензия на «Стихотворения Евгения Баратынского»), в 1828 г. (рецензия на «Бал») и в 1830 г. (см.: *Акад.*, XI, с. 50, 74—76, 185—187), но ни одна из этих попыток не была доведена до конца; Пушкин хлопотал об издании «Полных стихотворений» Б. После 1832 г. откликов на творчество Б. ни в произведениях, ни в переписке Пушкина нет, что объясняется появившимся в конце 20-х гг. холодком в личных отношениях и постепенным расхождением их литературных позиций. В начале 30-х гг. Б. находится среди участников «Литературной газеты», но связи его с кругом старых друзей уже слабеют. Постепенно меняется и его отношение к поэзии Пушкина. Преклонение и восторженные оценки стихов, «Евгения Онегина», «Бориса Годунова» сменяются оценками с осуждающими интонациями. В 1832 г. Б. резко отзывается об «Онегине». Смерть Пушкина потрясла

Б. (см. его письмо к Вяземскому от 5 февраля 1837 г.: *Стар. и нов.*, 1900, кн. 3, с. 341—342). Сводку высказываний Б. о Пушкине см.: Гофман М. Л. Баратынский о Пушкине. — *ПуС*, вып. 16, с. 143—160. Из переписки Пушкина с Б. до нас не дошло ни одного письма Пушкина и сохранилось 3 письма Б. к нему.

Баташёв Сила Андреевич (1794—1838) — домовладелец. В его доме на Гагаринской (позднее Французской, у Пушкина: Дворцовой) набережной (ныне наб. Кутузова, д. 32) Пушкин снимал квартиру с середины августа 1834 г. по 1 сентября 1836 г. (см.: *Рукою П.*, с. 775—777, 788—791).

Бегичева Анна Ивановна (1807—1879) — племянница П. А. Осиповой; впоследствии была замужем за адмиралом П. А. Колзак-вым (1779—1864). См. о ней в «Дневниках» А. Н. Вульфа (М., 1929, с. 145, 148, 260—261).

Безобразов Михаил Александрович (1815—ум. до 1880) — с 1834 г. камер-юнкер, впоследствии камергер, автор реакционной «Записки о желаниях русского дворянства во время освобождения крестьян», поданной им Александру II в 1859 г.

Безобразов Пётр Романович (1797—1856) — ротмистр, муж двоюродной сестры («кузины») поэта Маргариты Васильевны.

Безобразов Сергей Дмитриевич (1801—1879) — с 1831 г. флигель-адъютант, ротмистр лейб-гвардии Кирасирского полка, «один из красивейших мужчин своего времени» (Лорер Н. И. Записки декабриста. М., 1931, с. 258). Осенью 1831 г. Б. приехал в Петербург и познакомился с Пушкиным. Имя Б. часто упоминается в письмах Пушкина. В 1833 г. Б. женился на фрейлине Л. А. Хилковой (1811—1859), однако брак оказался несчастлив. Причиной этого явилось подозрение Б., что жена его была любовницей Николая I. В дневнике Пушкина имеется несколько записей о «семейных ссорах Безобразова» (1, 7, 26 января и 17 марта 1834 г.: *Акад.*, XII, с. 318, 319). См.: Цявловский М. А. Записи в дневнике Пушкина об истории Безобразовых. — *Звенья*, т. 8, с. 1—15.

Безобразова Маргарита Васильевна, урожд. Васильева (1810—1889) — побочная дочь В. Л. Пушкина (от его второй, незако-

ненной жены А. Н. Ворожейкиной), двоюродная сестра Пушкина. Известно одно её письмо к П. (см.: *Акад.*, XIV, № 705).

Безобразова — мать С. Д. Безобразова (?), сведений о ней не сохранилось.

Беклешова Александра Ивановна, урожд. Осипова (1806?—1864), падчерица П. А. Осиповой. Имя её значится в «дон-жуанском» списке Пушкина (см.: *Рукою П.*, с. 629 и 635). Ей Пушкин посвятил стихотворение «Признание» (1826?). Б. часто упоминается в переписке Пушкина с П. А. Осиповой и А. Н. Вульфом. О ней см.: Вульф А. Н. *Дневники*. М., 1929, с. 26—28 и др.; *Письма*, т. 1—3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 366—367 (заметка Р. В. Иезуитовой). Известно одно письмо Пушкина к Б.

Бенкендорф Александр Христофорович, с 1832 г. граф (1783—1844) — генерал-адъютант Александра I. Был одним из наиболее активных членов следственной комиссии по делу декабристов, где, по-видимому, и сложилось у него мнение о Пушкине, имя которого неоднократно упоминалось на следствии. В феврале 1826 г. Б. была поручена организация секретного надзора в России, в том числе и над

Пушкиным, в котором Б. видел только опасного вольнодумца (см.: Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. 3-е изд. Л., 1925). С июля 1826 г. Б. стал во главе вновь организованных корпуса жандармов и III отделения собств. е. и. в. канцелярии, в которых было сосредоточено высшее полицейское наблюдение в стране. К Б. стекались все сведения о Пушкине, собранные тайными агентами и полученные на основании перлюстрированных писем. После вызова Пушкина из ссылки и свидания с Николаем I 8 сентября 1826 г. Б. стал посредником между царём и поэтом. С этого времени начинается переписка Пушкина с Б. По словам М. А. Корфа, Б. «имел самое лишь поверхностное образование, ничему не учился, ничего не читал и даже никакой грамоты не знал порядочно» (РС, 1899, № 12, с. 487). Царские замечания и решения Б. передавал Пушкину в холодно-официальных словах пополам со строгостью. В резкой форме Б. требовал от Пушкина объяснения о его поездках (в Москву, в Арзрум) и предписывал впредь испрашивать на каждую поездку разрешение, запрещал читать друзьям новые

произведения до их предварительного просмотра и т. п. (см.: *Лемке*, с. 465—526). По сведениям, идущим от Данзаса, Б. знал о предстоящей дуэли Пушкина с Дантесом, но послал жандармов в Екатерингоф «будто бы по ошибке» (*П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 323). Известно 58 писем Пушкина к Б. и 36 писем Б. к Пушкину.

Биби́кова Екатерина Ивановна, урожд. Муравьёва-Апостол (1795—1861) — сестра декабристов С. И. и М. И. Муравьёвых-Апостолов, жена калужского губернатора И. М. Биби́кова; принимала горячее участие в судьбе осуждённых братьев (о ней см.: Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М.; Л., 1951, с. 82, 83, 87, 91, 575—576).

Бобринская Анна Владимировна, графиня, урожд. баронесса Унгерн-Штернберг (1769—1846) — вдова графа А. Г. Бобринского (побочного сына Екатерины II и Г. Г. Орлова). Была, по словам Вяземского, женщиной «отменного ума и сердца», «жила жизнью общезительною, гостеприимною... все добивались знакомства с нею, все ездили к ней охотно» (*Вяземский*, т. 7, с. 221—222). В 1827 г. из-за ка-

кого-то якобы неуважительного отзыва Пушкина о Б. у него чуть было не произошла дуэль с В. Д. Соломирским (см. письмо к нему Пушкина от 15 апреля 1827 г.: *Акад.*, XIII, № 325; см. также: Лернер Н. О. Несостоявшаяся дуэль Пушкина в 1827 году. — *РС*, 1907, № 7, с. 101—102). Б. была расположена к Пушкину. В 1834 г. её сын А. А. Бобринский был назначен церемониймейстером, поэтому «старая» Бобринская нередко выручала Пушкина, когда он нарушал правила придворного этикета (см. записи в дневнике Пушкина: *Акад.*, XII, с. 319, 333). См.: *Дн. Модз.*, с. 88—89.

Бобринский Алексей Алексеевич, граф (1800—1868) — сын графа А. Г. Бобринского (сына Екатерины II), с 1827 г. камер-юнкер, церемониймейстер. Пушкин часто посещал дом Б., о чём впоследствии вспоминал сын Б. (см.: *РА*, 1910, № 2, с. 317). По должности церемониймейстера выручал Пушкина (так же, как и его мать Анна Владимировна), когда он нарушал правила придворного этикета. Б. присутствовал на отпевании Пушкина 1 февраля 1837 г. Сохранилось одно письмо Пушкина к Б.

Бороздина Анастасия Николаевна (1809—1877) — фрейлина, имела хороший голос, в 1832 г. вышла замуж за Н. А. Урусова. О ней см.: *Письма*, т. 3, с. 548.

Брюллов Карл Павлович (1799—1852) — художник. Пушкин познакомился с Б. в мае 1836 г. и часто встречался с ним в Москве, а затем в Петербурге. С творчеством Б. поэт был знаком раньше: в черновике статьи о «Фракийских элегиях» (1827) он положительно отозвался о картине Б. «Итальянское утро» (см.: Ашукин Н. Пушкин перед картиной Брюллова. — *Звенья*, т. 2, с. 235). «Последним днем Помпеи» Б. навеяно стихотворение Пушкина «Везувий зев открыл» (1834). Брюллов хотел написать портрет Пушкина, но поэт отказался позировать. В архиве Б. были автографы Пушкина, в частности стихотворение «Альфонс садится на коня» (см.: Кубасов Ив. Вновь найденный черновой набросок стихотворения Пушкина «Альфонс». — *РС*, 1900, кн. 2, с. 309—315). О Пушкине и Б. см.: *Письма последних лет*, с. 370—371 (заметка В. Э. Вацуро). Существует одна коллективная записка к Б., подписанная и Пушкиным.

Булгаков Александр Яковлевич (1781—1863) — с 1832 по 1856 г. московский почт-директор. В письмах Б. к брату К. Я. Булгакову имеются сведения о встречах с Пушкиным (РА, 1901, кн. 2, с. 405, 418 и др.), однако коротко знакомы они не были, а после перлюстрации письма Пушкина к жене (см. коммент. к письму 43) между ними произошёл разрыв. Широко известны письма Вяземского и А. И. Тургенева к Б. о смерти Пушкина (см.: КА, 1929, № 2 (23), с. 222—235; Московский Пушкинист. М., 1927, кн. 1, с. 33—41). О Пушкине и Б. см.: *Дн. Сав.* и *Дн. Модз.*, по указ.; *Письма*, т. 3, с. 614; Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь умственные плотины. М., 1972, с. 187—188.

Булгакова Екатерина Александровна (р. 1811) — дочь А. Я. Булгакова, фрейлина, с 1 июля 1835 г. жена П. Д. Соломирского.

Булгакова Наталья Васильевна, урожд. княжна Хованская (1785—1841) — жена А. Я. Булгакова.

Булгакова Ольга Александровна (1814—1865) — дочь А. Я. Булгакова, 13 января 1831 г. вышла замуж за князя А. С. Долгоруко-

ва.

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859) — писатель и журналист, издатель журналов «Северный архив» (1822—1828), «Литературные листки» (1823—1824) (вместе с Н. И. Гречем), «Сын Отечества» (1825—1840) и газеты «Северная пчела» (1825—1859). В 1820-е гг. (до декабрьского восстания) старался казаться либеральным и поддерживал тесные связи с прогрессивными кругами. После 1825 г. Б. быстро переметнулся в реакционный лагерь и стал представителем реакционно-охранительного направления в литературе; был осведомителем III отделения и писал доносы на Пушкина (см.: Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. 3-е изд. Л., 1925, с. 34—54, 71—76) и других литераторов. В 1826 г. Б. выступил в качестве секретного цензора «Бориса Годунова». После его отзыва трагедия не была разрешена (см.: Винокур Г. Кто был цензором «Бориса Годунова»? — *П. Врем.*, т. 1, с. 203—214). В печати вплоть до 1830 г. благожелательно и даже восторженно отзывался о поэзии Пушкина. Начало издания «Литературной газеты»

(1830—1831), задуманной в противовес официальной «Северной пчеле», вызвало поток резких пасквилей и печатных доносов Б. на Пушкина. Поэт отвечал эпиграммами и памфлетами, в которых раскрывал связь Б. с III отделением и коммерческий характер его литературной деятельности (см.: Гишпиус В. В. Пушкин в борьбе с Булгариным. 1830—1831 гг. — *П. Врем.*, т. 6, с. 235—255). В 1832 г. Пушкин восстановил отношения с соиздателем Б. Н. И. Гречем, надеясь привлечь последнего к изданию задуманной газеты (см.: Пиксанов Н. К. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831—1832). — *ПиС*, вып. 5, с. 30—74). Это способствовало смягчению полемики с Б. в печати, но личное отношение Пушкина к нему не переменилось. Арк. Россет вспоминал слова поэта: «Если встречу Булгарина где-нибудь в переулке — раскланяюсь с ним и даже иной раз поговорю; на большой улице — у меня не хватает храбрости» (*П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 313). Об отношениях Пушкина и Б., а также библиографию вопроса см.: *Письма последних лет*, с. 371—372 (коммент. В. Э. Вацуро).

Бунтова Ирина Афанасьевна (ок. 1760—1848) — казачка, одна из очевидиц Пугачёвского восстания, с которой беседовал Пушкин во время поездки по пугачёвским местам. О ней см.: Попов С. А. 1) Оренбургские собеседники Пушкина. — СА, 1969, № 5, с. 113—116; 2) Ещё о «старухе в Берде». — Южный Урал, 1977, 9 октября, с. 4.

Бутурлин Михаил Петрович (1786—1860) — нижегородский военный и гражданский губернатор, на обеде у которого Пушкин был 2 и, вероятно, 3 сентября 1833 г. (см. примеч. 5[183] к письму 30).

Бутера ди Ридали, князь Джорджио Вильдинг (ум. 1841) — с декабря 1835 г. неаполитанский посланник в Петербурге, по отзыву современника — человек умный и образованный (Andlaw Franz Freiherr von. Mein Tagebuch. Frankfurt am M., 1862, Bd 1-er, с. 155). О его женитьбе на графине В. П. Полье (см.) есть запись в дневнике Пушкина 17 марта 1834 г. (Акад., XII, с. 322). В двух донесениях своему правительству князь Б. писал в благожелательном по отношению к Пушкину тоне о его дуэли, рассматривая смерть поэта как

«общественное несчастье» (см.: Щёголев, с. 377—379).

В

Василий см. Калашников Василий Михайлович.

Василий Львович см. Пушкин В. Л.

Ваттемар (Vattemar) Александр (ум. не ранее начала 1850-х гг.) — французский драматический артист (мим и чревовещатель), коллекционер автографов. В его собрании были автографы стихотворений Пушкина из цикла «Подражания древним» («Чистый лоснится пол» и «Славная флейта, Феон»), ныне хранящиеся в ИРЛИ. См. о нем: *Письма последних лет*, с. 372—373 (заметка В. Э. Вацуро). Известна одна записка Пушкина к В.

Вельяшева Екатерина Васильевна (1812—1865) — племянница П. А. Осиповой. Познакомился с ней Пушкин в январе 1829 г., когда приезжал в Старицы к А. Н. Вульфу (мать В. была его теткой). См. об этом посещении: Вульф А. Н. *Дневники*. М., 1929, с. 192—205. Возможно, она значится в «дон-жуанском списке» Пушкина под именем «Екатерина IV» (см.: *Рукою П.*, с. 634). Ей посвящено

стихотворение «Подъезжая под Ижоры» (1829). О В. и Пушкине см.: *Письма*, т. 2, с. 348—349.

Вигель Филипп Филиппович (1768—1856) — чиновник и литератор, один из основателей «Арзамаса», на заседаниях которого и познакомился с Пушкиным. Довольно близко они сошлись в Одессе, где В. некоторое время служил при Воронцове. К В. относится стихотворение Пушкина «Проклятый город Кишинёв» (1823). В. оставил «Записки», в которых содержатся ценные сведения о Пушкине (см.: *П. в воспоминаниях*, т. 1, с. 218—230, 488—499 (коммент. М. И. Гиллельсона)). О В. и Пушкине см.: *Письма*, т. 1—3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 373 (заметка Б. Бессонова). Сохранилось 1 письмо Пушкина к В. и 3 письма В. к Пушкину.

Виельгорская Луиза Карловна, графиня, урожд. принцесса Бирон (1791—1853) — жена графа Мих. Ю. Виельгорского. По свидетельству В. А. Соллогуба, у графини был свой круг знакомых, не имевший ничего общего с литературным и артистическим окружением мужа. Приёмы В. «отличались самой изыскан-

ной светскостью и соединяли в её роскошных покоях цвет придворного и большого света» (Соллогуб, с. 293—297, 403—404), поэтому отношения между нею и Пушкиным были только официально-светские в отличие от отношений между поэтом и мужем графини (см. ниже).

Виельгорский (Вельгорский) Михаил Юрьевич, граф (1788—1856) — гофмейстер двора, композитор-дилетант и знаток музыки; его романсы пользовались большой популярностью; им были положены на музыку стихотворения Пушкина «Песнь Земфиры» (из поэмы «Цыганы»), «Чёрная шаль» и «Шотландская песня», начата опера на сюжет «Цыган». Дом В. (в Москве, потом в Петербурге) был своеобразным музыкальным центром. Пушкин был дружен с В. На обеде 13 декабря 1836 г., после первого представления «Жизни за царя» («Ивана Сусанина») Глинки, В. участвовал вместе с Пушкиным, Вяземским и Жуковским в сочинении шутивного «Канона в честь М. И. Глинки», для которого В. вместе с В. Ф. Одоевским написал музыку. В. был одним из тех, кто получил 4 ноября 1836 г. паск-

вильный «диплом» на имя Пушкина, он же улаживал (вместе с Жуковским) отношения Пушкина с Геккерном после первого вызова. Полученный В. экземпляр «диплома» поступил затем в III отделение (см.: *Поляков*, с. 13—16), ныне хранится в ИРЛИ (ф. 244, оп. 2, № 3). После дуэли Пушкина с Дантесом В. в числе ближайших друзей был неотлучно у постели умирающего поэта. По свидетельству А. И. Тургенева, Пушкин, прощаясь с друзьями, «Велгурскому сказал, что любит его» (*Щёголев*, с. 291). По просьбе Н. Н. Пушкиной В. был назначен одним из трёх опекунов детей поэта. Переписка между Пушкиным и В. неизвестна.

Витали Иван Петрович (1794—1855) — русский скульптор. В мае 1836 г., будучи в Москве, Пушкин заходил к Брюллову, который жил в квартире В. (Кузнецкий мост, дом Демидова — ныне д. 14). После смерти Пушкина В. по заказу П. В. Нащокина и под его присмотром вылепил бюст Пушкина, впоследствии повторенный в мраморе и в бронзе, который заслужил высокую оценку современников (см. письма: М. П. Погодина к П. А. Вя-

земскому от 29 апреля 1837 г.: *Стар. и нов.*, 1901, кн. 4, с. 34 и Вяземского к Нащокину от 24 мая 1837 г.: *ПН*, т. 58, с. 146). См. также: Беляев М., Рейнбот П. Бюсты Пушкина работы Витали и Гальберга. — *ПиС*, вып. 37, с. 200—204; Февчук Л. Первые скульптурные изображения Пушкина. — В кн.: Пушкин и его время. Л., 1962, вып. 1, с. 395—407.

Власов Александр Сергеевич (1777—1825) — камергер. Коллекционировал картины, гравюры, книги, рукописи, камни и пр. В его коллекции были картины Рафаэля, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рубенса и др. После его смерти осталось наличными 113 руб. 40 коп. и долгов на 1 810 000 руб. Для погашения долгов особая комиссия занялась устройством аукциона. На одном из аукционов был Пушкин в декабре 1831 г. (см.: *Изв. ОРЯС имп. АН*, 1902, т. 7, кн. 4, с. 95—97).

Вольтер (Voltaire) — псевдоним Мари-Франсуа Аруэ (Arouet; 1694—1778) — один из любимых писателей Пушкина-лицеиста. До 1825 г. Пушкин переводит несколько стихотворений В. и начало «Орлеанской девственницы». Молодого Пушкина привлекает

скептицизм и остроумие В., но уже во второй половине 1820-х гг. усиливается интерес Пушкина к В. — философу и историку (см.: Якубович Д. П. Пушкин в работе над прозой. — Лит. учёба, 1930, № 4, с. 55; Измайлов Н. В. К вопросу об исторических источниках «Полтавы». — *П. Врем.*, т. 4—5, с. 442—450; Ясинский Я. И. Работа Пушкина над историей Французской революции. — Там же, с. 359—385; Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978, по указ.). Занимаясь историей России и Запада, Пушкин работал в библиотеке Вольтера (см.: *Акад.*, XV, № 741, 743; Якубович Д. П. Пушкин в библиотеке Вольтера. — *ЛН*, т. 16—18, с. 905—922). Об эволюции отношения Пушкина к В. см.: Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960, с. 122—132.

Воронцов-Дашков Иван Илларионович, граф (1790—1854) — оберцеремониймейстер двора, муж А. К. Нарышкиной, известный богач. Пушкин бывал на балах в его доме, в последний раз — 23 января 1837 г. С. Н. Карамзина вспоминала об этом в письме к Андрею Н. Карамзину 30 января 1837 г.: «Считают, что на

балу у Воронцовых в прошлую субботу раздражение Пушкина дошло до предела, когда он увидел, что его жена беседовала, смеялась и вальсировала с Дантесом» (*Карамзины*, с. 167). См. также в письме П. А. Вяземского к в. к. Михаилу Павловичу: «Бал у Воронцовых, где, говорят, Геккерен был сильно занят г-жой Пушкиной, ещё увеличил его раздражение» (*Щёголев*, с. 262).

Воронцова-Дашкова Александра Кирилловна, графиня, урожд. Нарышкина (1818—1856) — жена гр. И. И. Воронцова-Дашкова, во втором браке баронесса де Пуальи, известная по стихотворениям Лермонтова («К портрету» — «Как мальчик кудрявый резва», 1840) и Некрасова («Княгиня», 1856). По сообщению М. Н. Лонгинова, В.-Д., возвращаясь с Островов днём 27 января 1837 г., «встретила Пушкина, едущего на острова с Данзасом, и направляющихся туда же Дантеса с д'Аршиаком. Она думала, как бы предупредить несчастье, в котором не сомневалась после такой встречи, и не знала, как быть. К кому обратиться? Куда послать, чтоб остановить поединок? Приехав домой, она в отчаянии говори-

ла, что с Пушкиным непременно произошло несчастье» (*П. в воспоминаниях*, 1985, с. 382). В другой редакции записано Лонгиновым на экземпляре книги Аммосова, хранящемся в ИРЛИ (см.: *Щёголев*, с. 448).

Вревская Евпраксия Николаевна см. Вульф Е. Н.

Всеволожский Никита Всеволодович (1799—1862) — петербургский приятель Пушкина и сослуживец его по Иностранной коллегии (с ноября 1816 г. числился там актуариусом), позднее — камергер, действительный статский советник. Страстный балетоман и театрал, сам музыкант-любитель и актёр, основатель кружка «Зелёная лампа», членом которого был Пушкин. Весной 1820 г. Пушкин «полу-продал, полу-проиграл» В. рукопись своих стихотворений (т. н. тетрадь Всеволожского — ныне хранится в ИРЛИ). В 1825 г. через Л. С. Пушкина поэт выкупил её. Пушкин посвятил В. стихотворение «Прости, счастливый сын пиров» и называет его в ряде других стихотворений. Дом В. упоминается в планах задуманного Пушкиным романа «Русский Пелам». О В. и «Зелёной лампе» см.: Декабристы

и их время. М., 1928, т. 1, с. 11—61; Щёголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд. Л., 1931, с. 39—68; *Алфавит декабристов*, с. 48, 60, 81, 165, 191, 299—300; Томашевский Б. В. Пушкин, кн. 1, по указ.; Казанцев П. М. К изучению «Русского Пелама» А. С. Пушкина. — *Врем. ПК*, 1964. Л., 1967, с. 21—33.

Всеволожский Николай Сергеевич (1772—1857) — литератор, содержатель типографии.

Вульф Анна Николаевна (1799—1857) — старшая дочь П. А. Осиповой от первого брака. В. долго и безнадежно была влюблена в Пушкина. Её имя, вероятно, значится в «донжуанском» списке (см.: *Рукою П.*, с. 629 и 635). Безрадостная, одинокая жизнь привела к тому, что «когда-то романтическая девушка, к среднему возрасту она стала неподвижной, скучающей и апатичной старой барышней» (Гофман М. Л. Комментарий к «Дневнику» А. Н. Вульфа. — *ЛиС*, вып. 21—22, с. 208). В. и её сестра Е. Н. Вревская были в Петербурге, когда происходили последние преддвуэльные события, с ними поэт виделся за несколько дней до смерти. Пушкин посвятил В. несколько

стихотворений, мадригальных или насмешливых: «Хотя стишки на именины» (1825), «Я был свидетелем златой твоей весны» (1825) и др. Сохранилось 2 письма Пушкина к В. (оба 1825 г.), написанных в шутливо-ироническом тоне, и 6 её писем к Пушкину. О В. см.: *Письма*, т. 1, с. 363; т. 2, с. 145; Вересаев В. В. Пушкин и Анна Вульф. — *Звенья*, т. 6, с. 179—182.

Вульф Евпраксия Николаевна (Зизи, Зина, Euphrosine) (1809—1883) — младшая дочь П. А. Осиповой от первого брака, 8 июля 1836 г. вышла замуж за барона Б. А. Вревского. Была увлечена Пушкиным, внесшим её имя в «донжуанский список» (см.: *Рукою П.*, с. 629, 713—714, 727—728). Пушкин посвятил ей стихотворение «Если жизнь тебя обманет» (1825), «К Зине» (1826) и упомянул её в «Евгении Онегине» (гл. V, строфа XXXII), а на подаренном ей экземпляре «Евгения Онегина» написал: «Твоя от твоих. 22 февр. 1828 г.». В. была одной из немногих близких друзей Пушкина, кому он рассказывал об обстоятельствах, предшествующих его дуэли с Дантесом (см.: Абрамович С. Накануне дуэли. — Лит. Россия, 1985, 8 февраля, с. 6—7; *ПиС*, вып. 8, с. 54; Попова О. И.

Неопубликованное письмо П. А. Осиповой к А. И. Тургеневу. — *П. Исслед. и мат.*, т. 4, с. 366—370). О В. и Пушкине см.: *Письма*, т. 2—3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 379 (заметка В. Э. Вацуро). Переписка В. с Пушкиным не сохранилась.

Вульф Павел Иванович (1775—1858), владелец села Павловского в Старицком уезде Тверской губернии, деверь П. А. Осиповой. Пушкин неоднократно встречался с В. в Павловском и в соседних родовых имениях (см.: Вульф А. Н. *Дневники*. М., 1929, с. 192—193). В январе 1829 г. Пушкин провёл около недели в Павловском и впоследствии долго вспоминал это время (см. письмо 26). О В. и Пушкине см. воспоминания А. Н. Панафидиной (*П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 83—89, 402—403 (коммент. Р. В. Иезуитовой)). См. также: *Письма*, т. 2, с. 349—350; т. 3, с. 601; Модзалевский Б. Л. *Пушкин*. Л., 1929, с. 373—374.

Вяземская Вера Фёдоровна, княгиня, урожд. княжна Гагарина (1790—1866) — жена (с 1811 г.) П. А. Вяземского. Обаятельная, живая, умная женщина («добрая и милая баба», как писал о ней Пушкин брату 24—25 июня

1824 г.: *Акад.*, XIII, № 88). Была одним из ближайших друзей поэта. Пушкин с большим доверием относился к В.: она была посвящена во все подробности его сватовства и брака с Н. Н. Гончаровой, его преддуэльной истории (см.: *Акад.*, XVI, № 1237), а после дуэли неотлучно находилась в квартире умирающего поэта. Воспоминания В. о Пушкине записал П. И. Бартенев (см.: *РА*, 1888, кн. 2, № 7, с. 305—312). В её переписке с мужем часто и много говорится о Пушкине (см.: *ОА*, т. 5, вып. 2; *Звенья*, т. 3—4, 6, 9). Подробно об отношениях В. и Пушкина см.: Алексеев М. П. Материалы для биографического словаря одесских знакомых Пушкина. — В кн.: *Пушкин: Статьи и материалы* / Под ред. М. П. Алексеева. Одесса, 1926, т. 3, с. 48—50; Вересаев В. В. *Пушкин и княгиня Вяземская*. — *Звенья*, т. 6, с. 171—176; *Письма*, т. 1—3, по указ. Известно 6 писем Пушкина к В., а также 4 приписки в письмах Пушкина к П. А. Вяземскому и 3 письма её к Пушкину, все — совместно с П. А. Вяземским.

Вяземская Мария Петровна, княжна, в замужестве Валуева (1813—1849) — дочь П.

А. и В. Ф. Вяземских. 22 мая 1836 г. вышла замуж за П. А. Валуева (1814—1890), впоследствии графа и министра внутренних дел.

Вяземская Прасковья Петровна, княжна (1817—1835) — дочь П. А. и В. Ф. Вяземских. Умерла в Риме 11 марта 1835 г. от чахотки. Гоголь во время пребывания в Риме бывал на могиле П. П. Вяземской (*Гоголь*, т. 11, с. 156—157). Её памяти посвящено стихотворение княгини З. А. Волконской «Князю П. А. В. на смерть его дочери» (*РА*, 1867, с. 313).

Вяземский Александр Николаевич (1804—1865) — корнет Кавалергардского полка, за причастность к декабристскому движению переведён в СПб-ский драгунский (уланский) полк, участвовал в Турецкой кампании и в 1832 г. в чине поручика был уволен со службы. 12 февраля 1832 г. женился на А. А. Римской-Корсаковой (см.). О нём см.: *Алфавит декабристов*, с. 60, 301; *Письма*, т. 2, с. 242—243.

Вяземский Павел Петрович, князь (1820—1888) — сын П. А. и В. Ф. Вяземских. Пушкин, любивший детей, был дружен с маленьким Павлом и написал в его альбом шу-

точные стихи: «Душа моя, Павел» (1827). В. принадлежит работа «Александр Сергеевич Пушкин. По документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям» (1880).

Вяземский Пётр Андреевич, князь (1792—1878) — поэт и критик, один из ближайших друзей Пушкина. Деятельный член «Арзамаса». В 1818—1821 гг. чиновник канцелярии Н. Н. Новосильцева в Варшаве. Перлюстрированные письма В., проникнутые «либеральным духом», были поводом к его увольнению и установлению за ним негласного полицейского надзора. Вернулся на службу в 1832 г.; впоследствии занял пост товарища министра народного просвещения. Знал Пушкина ребёнком, бывал в Лицее вместе с Карамзиным и Жуковским, во время ссылки поэта постоянно переписывался с ним. В. был литературным единомышленником Пушкина, хотя и расходился с ним в ряде историко-литературных оценок. Он — активный сотрудник «Литературной газеты» и «Современника». В. был свидетелем преддуэльных событий, а после дуэли неотлучно находился в квартире умирающего поэта. В переписке В.,

в его мемуарных записях и рассказах, записанных П. И. Бартеневым, разбросано много сведений о Пушкине (см.: *П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 159—166). Большую ценность имеет письмо В. к в. к. Михаилу Павловичу, в котором излагается история дуэли Пушкина (см.: *Щёголев*, с. 257—271). К В. обращены стихотворения Пушкина «Судьба свои дары явить желала в нём» (1820), «Язвительный поэт, остряк замысловатый» (1821), «Сатирик и поэт любовный» (1825), «Любезный Вяземский, поэт и камергер» (1831) и др. О Пушкине и В. см.: *Письма*, т. 1—3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 380—381 (заметка В. Э. Вацуро); *П. в воспоминаниях*, т. 1, с. 33, 35—39 (вступ. ст. В. Э. Вацуро), с. 123—166; т. 2, с. 159—166; Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, по указ.

Г

Гагарин Фёдор Фёдорович, князь (1786—1863) — родной брат В. Ф. Вяземской; с 1804 г. был на военной службе, отличался беззаветной храбростью. В 1832 г. вышел в отставку в чине генерал-майора. В обществе «слыл повесою, дуэлистом и игроком» (Запис-

ки графа М. Д. Бутурлина. — *РА*, 1897, № 6, с. 256; № 7, с. 435—436). Молодечество Г. дало повод Герцену в «Былом и думах» поставить его имя рядом с Денисом Давыдовым и другими удальцами. Был масоном и членом Военного совета, предшествовавшего Союзу благоденствия, но о существовании тайного общества не знал; привлекался к следствию по делу декабристов и был оставлен «без внимания» (см.: *Алфавит декабристов*, с. 61). Живя в Москве, Г. часто общался с П. В. Нащокиным, А. И. Тургеневым, П. Я. Чаадаевым, В. А. Соллогубом. Последний хотел просить Г. быть его секундантом в несостоявшейся дуэли с Пушкиным (*Соллогуб*, с. 525). Пушкин был с Г. в приятельских отношениях, неоднократно упоминает его в письмах. О Г. см.: *Сборник биографий кавалергардов*. СПб., 1906, т. 3, с. 135—137; *Письма*, т. 3, с. 143—145.

Галиани (Galiani) Фердинанд (1728—1787) — итальянский аббат, экономист и писатель. В 1759—1769 гг. в качестве секретаря неаполитанского посольства был в Париже, где коротко познакомился со многими энциклопедистами и другими общественными

деятелями, и в течение нескольких лет находился с ними в переписке, выдержавшей четыре посмертных издания. Первое издание (1818) было в библиотеке Пушкина (*Библ. П.*, № 931). Пушкин живо интересовался Г. (*ОА*, т. 1, с. 517—518), о котором упомянула в послании «К вельможе» (1830); отрывки из его переписки Пушкин цитировал в письмах к Вяземскому. О Г. см.: *Письма*, т. 2, с. 169—170.

Гензерик (Гензерих или Гейзарих) — король германского племени вандалов (с 427 по 477 г.), при котором они перешли из Испании в Африку, где заняли большую часть римских владений, а в 450 г. захватили и разграбили Рим. Слово «вандал» стало нарицательным именем, употребляющимся для обозначения диких, ничего не щадящих варваров-грабителей.

Гнедич Николай Иванович (1774—1833) — поэт, переводчик «Илиады», с 1811 г. служил в петербургской Публичной библиотеке. Литературная и общественная позиция Г. сближала его с декабристами. Он участвовал в собраниях «Зелёной лампы» и входил в кружок Оленина, где с ним часто встречался Пушкин;

Г. просил Оленина заступиться за Пушкина, когда поэту угрожала ссылка (см.: Глинка Ф. Н. Удаление Пушкина из С.-Петербурга в 1820 году. — *П. в воспоминаниях*, т. 1, с. 8). Он был первым издателем поэм Пушкина «Руслан и Людмила» (в 1820 г.) и «Кавказский пленник» (в 1822 г.), но при этом поступил недобросовестно и обсчитал Пушкина (см.: Гессен С. Я. Книгоиздатель Александр Пушкин. Л., 1930, с. 32—41). В дальнейшем от издательских услуг Г. Пушкин отказался, но поддерживал с ним приятельские отношения и высоко ценил его творчество. Послание Пушкина 1821 г. «В стране, где Юлией венчанный» свидетельствует о полном взаимопонимании Пушкина и Г. Выход перевода «Илиады» в 1830 г. Пушкин приветствовал анонимной заметкой в «Литературной газете» («Илиада Гомерова, переведённая Гнедичем»), посланием «С Гомером долго ты беседовал один» (1832) и двустихием «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи» (1830). Пушкину принадлежит также эпиграмма «Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера» (1830), тщательно зачёркнутая им в рукописи.

Возможно, однако, что эпиграмма вызвана просто каламбурным стечением обстоятельств (Гомер был слеп, а Г. крив). В свою очередь Г. был неизменным поклонником поэзии Пушкина. Послание Г. «Пушкину при прочтении сказки его о царе Салтане и проч.» (1831) является поэтическим итогом его мнений о Пушкине-поэте. Пушкин был на похоронах Г. Известно 9 писем Пушкина к Г. и 3 письма Г. к Пушкину.

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — писатель. Личное знакомство его с Пушкиным состоялось 20 мая 1831 г. Закреплённое частыми встречами в Царском Селе в июне 1831 г. продолжалось до отъезда Г. за границу 6 июня 1836 г. Пушкин высоко ценил Г. как писателя, всячески поддерживал его литературные начинания, помогал ему в хлопотах о профессуре и передал ему некоторые из своих замыслов (сюжеты «Ревизора» и «Мёртвых душ»). Г. знакомил поэта со своими литературными планами и ещё не напечатанными произведениями, активно сотрудничал в «Современнике» — там были помещены «Нос», «Коляска», «Утро делового чело-

века», несколько рецензий и статья «О движении журнальной литературы в 1834—1835 гг.». Резкий полемический тон этой статьи поставил «Современник» под удар враждебной критики, и Пушкин отмежевался от оценок Г. Задетый этим Г. уехал за границу, не попросившись с Пушкиным. Г. не оставил связных воспоминаний о Пушкине, однако мемуарные отрывки о поэте содержатся в его статьях «Несколько слов о Пушкине» (1835), «В чём же наконец существо русской поэзии», «О лиризме наших поэтов», «О том, что такое слово» («Выбранные места из переписки с друзьями», 1846), в «Авторской исповеди» (1847), в письме к П. А. Плетнёву о «Современнике» (1846). Подборку мемуарных свидетельств Г. см.: *П. в воспоминаниях*, т. 2, по указ. (во вступ. ст. В. Э. Вацура (т. 1) содержится их анализ). О Пушкине и Г. см. также: Гиппиус В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным. — *Учён. зап. Пермского ун-та*, 1930, вып. 2, с. 89—102; Петрунина Н. Н., Фридлиндер Г. М. Пушкин и Гоголь в 1831—1836 гг. — *П. Исслед. и мат.*, т. 6, с. 197—228: подборку библиографии см.: *Письма последних лет*, с. 383—385 (заметка Н.

Н. Петруниной).

Голицын Дмитрий Владимирович, князь (1771—1844) — московский генерал-губернатор. На балу у него 30 декабря 1829 г. Н. Н. Гончарова выступала в живых картинах, в частности в картине, представлявшей Дидону. А. Я. Булгаков писал об этом: «... маленькая Гончарова, в роли сестры Дидоны, была восхитительна» (РА, 1901, кн. 3, с. 382).

Голицына Анна Васильевна, урожд. Ланская (1792—1868) — жена Александра Борисовича Голицына, саратовского губернатора (в 1826—1830 гг.), затем владимирского губернского предводителя дворянства (в 1839—1842 гг.).

Голицына Анна Сергеевна, урожд. Всеволожская, княгиня (1774—1838) — владелица имения, находившегося в 30 верстах от Болдина (см.: *М. вед.*, 1899, № 96, 7 апреля, с. 3).

Гончаров Афанасий Николаевич (ок. 1760—1832) — внук основателя Полотняных заводов в Калужской губернии А. А. Гончарова, унаследовавший большое состояние в 3450 душ. Ветреный и расточительный, он ко времени женитьбы Пушкина на его внучке Н.

Н. Гончаровой успел растратить почти всё состояние и после смерти оставил около 1.5 млн. руб. долгу. Н. Н. Пушкина до 6 лет жила у деда и была его любимой внучкой; перед жеманностью на ней поэта Г., по-видимому, хотел упрочить её материальное положение. Сохранилось два проекта дарственной записи, по которой Г. назначил в приданое ей деревню Верхнюю Полянку с 280 душами крестьян, но при этом вместе с лежащим на них долгом. Стремясь спасти имущество жены и её сестёр, Пушкин посоветовал Г. составить заёмные письма, которые те могли бы предъявить после смерти Г.; сохранился проект такого заёмного письма, который так и остался неосуществлённым (см.: Средин А. Пушкин и «Полотняный завод». — Изв. Калуж. учён. арх. комис., 1911, вып. 21, с. 30—46). После свадьбы Пушкина Г., преувеличенно представляя себе придворные связи поэта, докучал ему просьбами о хлопотах материального порядка перед правительством. См.: Средин А. Полотняный завод. — Старые годы, 1910, июль — сентябрь, с. 10, 22—28; *Письма*, т. 2, с. 425—426; т. 3, с. 252—253; Коган Г. Полотняный завод. М.,

1951; *Ободовская И., Дементьев М.*, с. 74—84. Известно 8 писем Пушкина к Г. и 1 письмо Г. к Пушкину.

Гончаров Дмитрий Николаевич (1808—1859) — старший брат Н. Н. Пушкиной. После окончания университета был зачислен в Коллегию иностранных дел; 11 апреля 1829 г. получил звание камер-юнкера и был отправлен в Тегеран (в свите генерал-майора кн. Н. А. Долгорукова), где разбирал вещи убитого Грибоедова; именно от него Пушкин мог знать обстоятельства и подробности гибели автора «Горя от ума» (см.: Коган Г. Полотняный завод, с. 59—60). В июне 1830 г. вернулся из Персии. В 1832 г., пожертвовав удачно начавшейся дипломатической карьерой, Г. вступил в управление разорённым имением в качестве опекуна своего душевнобольного отца. В 1835 г. вышел в отставку и женился на княжне Е. Е. Назаровой. В письмах Г. к деду А. Н. Гончарову есть упоминания о встречах с Пушкиным в 1831 г. и характеристика семейного быта Пушкиных, где «царствует большая дружба и согласие»; из писем видно также, что Пушкин принимал живое участие в делах

Гончаровых (см.: Благой Д. Д. Несколько писем членов семьи Гончаровых. — *Лет. ГЛМ*, т. 1, с. 426—439). Тем не менее отношения между Пушкиным и Г. не были близкими, и в письмах Пушкина сквозит ироническое отношение к шурина; в свою очередь Г. после смерти Пушкина вполне дружественно относился к Дантесу (см. его письма к Е. Н. Дантес-Геккерн 1837 г.: *Щёголев*, с. 338—341). В 1834 г. Пушкин гостил у него в имении две недели (см. запись в дневнике от 28 ноября 1834 г.: *Акад.*, XII, с. 332). Г. давал деньги на расходы сёстрам и братьям, в том числе Н. Н. Пушкиной. В сохранившихся приходо-расходных книгах за 1832 и 1834—1835 гг. обозначены выданные суммы. Из записей видно, что Н. Н. Пушкина получала значительно меньше, чем другие члены семьи (см.: Нечаева В. Из Гончаровского архива. — В кн.: *Московский пушкинист*. М., 1930, кн. 1, с. 106—115; Яшин М. Пушкин и Гончаровы. — *Звезда*, 1964, № 8, с. 172). Письма Н. Н. Пушкиной, А. Н. и Е. Н. Гончаровых к Г. см.: *Ободовская И., Дементьев М.*, с. 155—180, 241—330. После смерти Пушкина вдова поэта с детьми и сестрой А. Н. Гончаро-

вой два года (1837—1839) жила у Г. в Полотняном заводе. Сохранилось одно письмо Пушкина к Г. (см.: *Врем. ПК*, 1970. Л., 1972 / Публ. М. Дементьева, И. Ободовской).

Гончаров Иван Николаевич (1810—1881) — средний из братьев Н. Н. Пушкиной. В 1827—1829 гг. юнкер лейб-гвардии конно-пионерного эскадрона, с января 1829 г. корнет лейб-гвардии Уланского полка; 13 ноября 1831 г. переведён в лейб-гвардии Гусарский полк, стоявший в Царском Селе, в 1840 г. вышел в отставку. В 1834—1837 гг. был сослуживцем Лермонтова по лейб-гвардии Гусарскому полку. А. Н. Муравьёв, общавшийся с Г. в это время, вспоминает о нём как о «весьма блистательном» «светски образованном лейб-гусарском офицере» (Муравьёв А. Н. Мои воспоминания. — Рус. обозрение, 1896, т. 37, с. 513). Привлекательная наружность способствовала его успеху у женщин. О романтических приключениях Г. с неодобрением писала А. Н. Гончарова брату Дмитрию в 1832 г. (см.: *Лет. ГЛМ*, т. 1, с. 424). Об одном таком приключении с дочерью башмачника сообщал Пушкин жене в 1833 г. (см. письмо 32). В пись-

мах поэта часто упоминается о встречах с Г., при этом Пушкин всегда ограничивается упоминанием о его посещениях, не прибавляя ничего, по чему можно было бы судить о его отношении к Г. Это позволило Т. Волковой сделать заключение, что знакомство их «было чисто внешнее», «без всякой душевной и родственной близости» (*Лет. ГЛМ*, с. 396). Можно предположить, что Пушкин принимал некоторое участие в светской карьере Г. (см. его письмо к Е. М. Хитрово от конца января 1832 г., в котором вероятнее всего речь идёт о Г.: *Акад.*, XV, № 845). В ноябре 1836 г. Г. помогал Жуковскому и Е. И. Загряжской уладить миром столкновение Пушкина с Дантесом (*Щёголев*, с. 77—78), он же был в числе свидетелей при бракосочетании Е. Н. Гончаровой с Дантесом. Биографические сведения о И. Н. Гончарове см.: *Письма к Хитрово*, с. 136—138; *Лет. ГЛМ*, с. 395—396.

Гончаров Николай Афанасьевич (1788—1861) — отец Н. Н. Пушкиной, человек незаурядных способностей и хорошо образованный. В отличие от своего отца А. Н. Гончарова (см.) обладал значительными коммерче-

скими способностями и практической смёткой, что помогло ему за время пребывания А. Н. Гончарова в 1808—1812 гг. за границей привести в порядок расстроенное имение и полотняную фабрику. С 1814 г. в нём стала проявляться наследственная душевная болезнь, которая к 1834 г. привела к тяжёлому психическому расстройству. После смерти А. Н. Гончарова в 1832 г. семья выхлопотала опеку над Г. 18 февраля 1831 г. Г. расписался под «брачным обыском» Пушкина и, следовательно, присутствовал при бракосочетании дочери (см.: *Лет. ГЛМ*, с. 389—391, 428—429; Коган Г. Полотняный завод. М., 1951; Средин А. Полотняный завод. — Старые годы, 1910, июль—сентябрь, с. 12—28; *Ободовская И., Дементьев М.*, с. 76—83).

Гончаров Сергей Николаевич (1815—1865) — младший брат Н. Н. Пушкиной. Начал службу в 1832 г. в Киевском гренадерском полку в Петербурге, куда поступил унтер-офицером. В 1835 г. переведён корнетом в Ингерманландский гусарский полк, а в 1836 г. вышел в отставку в чине поручика. Характеристику Г. оставил в своих воспомина-

ниях (по поводу второй его женитьбы в 1847 г.) Г. Д. Щербачев: «Гончаров был во всех отношениях прелестный жених; ум, образование, благородное сердце и вместе с тем хорошее состояние и прекрасная наружность — всё соединялось в нём» (РА, 1890, кн. 1, с. 219). Пушкин относился к Г. с большой симпатией и теплотой. Лето 1834 г. Г. жил у поэта, и Пушкин был «очень ему рад». Г. платил ему взаимной симпатией, об этом говорят его рассказы о Пушкине, записанные П. Бартеневым (РА, 1881, кн. 2, с. 497—498) и Толычевой (РА, 1877, кн. 2, с. 98—99). По словам Г. (в записи Толычевой), у Пушкина был «самый счастливый характер для семейной жизни: ни взысканий, ни капризов».

Гончарова Александра Николаевна (Александрина, Азя) (1811—1891) — средняя из сестёр Гончаровых. До 1834 г. жила с родителями в Москве и в имениях Гончаровых — Полотняном заводе и Яропольце. С осени 1834 г. вместе с сестрой Екатериной поселилась в Петербурге у Пушкиных. После смерти поэта сопровождала Н. Н. Пушкину в Полотняный завод, где они оставались до начала 1839 г. В ян-

варе 1839 г. была пожалована во фрейлины и продолжала жить с Н. Н. Пушкиной и её семьёй до своего замужества. В 1852 г. вышла замуж за чиновника австро-венгерского посольства барона Фогеля фон Фризенгофа, уехала с мужем за границу и умерла в 1891 г. в Словакии, в родовом замке Фризенгофов Бродяны. Была похожа на Н. Н. Пушкину, но значительно проигрывала рядом с ней. О её внешности см. отзывы О. С. Павлицевой (*ЛН*, т. 16—18, с. 794) и С. Н. Карамзиной (*Карамзины*, с. 108) ; её портреты опубликованы Н. А. Раевским (Раевский Н. А. Если заговорят портреты. Алма-Ата, 1965; Раевский Н. А. Портреты заговорили. 2-е изд., доп. Алма-Ата, 1976). Г. была умна, обладала волевым характером. О её незаурядности свидетельствуют её письма к брату Дмитрию (см.: *Лет. ГЛМ*, с. 419—425; *Ободовская И., Дементьев М.*, с. 181—330). Роль Г. в доме Пушкиных вызывает противоречивые суждения. Современники отмечали, что она была страстной почитательницей Пушкина ещё до замужества сестры, а потом вела у Пушкиных хозяйство, заботилась о детях (см.: Из рассказов П. А. и В. Ф. Вязем-

ских. — В кн.: *П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 163; *Карамзины*, с. 165; письмо А. Н. Вульф: *ПиС*, вып. 21—22, с. 331). Свидетельство Вяземской, что детьми занималась Александрина, косвенно подтверждает анекдот о сыне «Сашке», который Пушкин рассказывает в письме к Нащокину от 27 мая 1836 г.: «Ему запрещают (не знаю зачем) просить, чего ему хочется. На днях говорит он своей тётке: Азя! дай мне чаю: я просить не буду» (*Акад.*, XVI, 121). Г. оказывала семье поэта и материальную помощь: давала для заклада своё серебро (см.: Модзалевский Б. Л. Архив опеки над детьми и имуществом Пушкина. — *ПиС*, вып. 13, с. 98). Пушкин относился к ней с большим доверием: единственная в семье поэта, она знала о письме, посланном им Геккерну 26 января 1837 г. (Тургенев А. И. Письмо к А. И. Нефедьевой 28 января 1837 г. — *ПиС*, вып. 6, с. 50). По воспоминаниям Нащокина, С. Н. Гончаров, бывший во время дуэли и смерти Пушкина в Москве, получал частые сообщения о ходе болезни поэта (*РС*, 1881, кн. 8, с. 619). Предполагают, что эти известия посылала ему Г. (см.: Волкова Т. И. Из семейной переписки Гонча-

ровых. — *Лет. ГЛМ*, с. 393). Эти и другие свидетельства (в частности, С. Н. Карамзиной — см.: *Карамзины*, с. 165) дали возможность биографам говорить о любви Г. к Пушкину, а тенденциозные воспоминания дочери Н. Н. Пушкиной от второго брака А. П. Араповой (*Новое время*, 1908, № 11413) — даже предполагать интимную близость между ними (см.: *Щёголев*, с. 119—120; Волкова Т. Н. Из семейной переписки Гончаровых. — *Лет. ГЛМ*, с. 293; Гроссман Л. П. Пушкин. М., 1958, с. 490; Раевский Н. А. Портреты заговорили. Алма-Ата, 1976, с. 21). Мнение о дружественных отношениях Г. и Пушкина оспаривается А. А. Ахматовой (см. её статью «Александрина» в кн.: Ахматова А. О Пушкине. Л., 1977, с. 134—147), причём Ахматова впадает в другую крайность, называя Г. «конфиденткой» влюблённой в Дантеса Натальи Николаевны. Версия Ахматовой не поддержана современными исследователями (см.: Яшин М. И. Пушкин и Гончаровы. — *Звезда*, 1964, № 8; *Ободовская И., Дементьев М.*, с. 224—234). Однако в статье Ахматовой имеется наблюдение, заслуживающее внимания. Она определила сообщение

Араповой об отношениях Г. и Пушкина как «сплетни», идущие от Геккернов. О «сплетнях» упоминается в воспоминаниях А. О. Росета и в конспективных заметках Жуковского о дуэльных событиях (см.: *П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 315, 340 и 490—494, 506 — коммент. Я. Л. Левкович).

Гончарова Екатерина Николаевна (Катрин, Коко) (1809—1843) — старшая сестра Н. Н. Пушкиной. С осени 1834 г. вместе с сестрой А. Н. Гончаровой жила в Петербурге в семье Пушкиных. 6 декабря 1834 г. была пожалована во фрейлины. По свидетельству А. П. Араповой, Г. «далеко не красавица», «представляла собою довольно оригинальный тип — скорее южанки с чёрными волосами» (*Новое время*, 1907, № 11413, с. 6). Положительно отзывались о её внешности О. С. Павлицева (*ЛН*, т. 16—18, с. 794) и С. Н. Карамзина (*Карамзины*, с. 108), однако насмешники называли её «нескладной дылдой» и сравнивали с «ручкой метлы» (Вревский П. А. Письмо Б. А. Вревскому 23 декабря 1836 г. — *ПиС*, вып. 21—22, с. 397). Была влюблена в Дантеса и, по свидетельству В. Ф. Вяземской, «нарочно устраива-

ла свидания Наталии Николаевны с Геккереном, чтобы только повидать предмет своей тайной страсти» (ср. в письме Ал. Н. Карамзина: *Карамзины*, с. 190—191). 4 ноября 1836 г. Дантес сделал ей предложение, а 10 января 1837 г. состоялась их свадьба. Женитьба Дантеса до недавнего времени была одним из загадочных обстоятельств дуэли. Геккерны приписывали этот шаг благородству Дантеса, который якобы спасал репутацию любимой женщины, Н. Н. Пушкиной (Геккерн Л. Письмо барону Верстолку 11 февраля (30 января) 1837 г. — *Щёголев*, с. 324). Некоторые друзья поэта, например Н. М. Смирнов, предполагали, что Дантес мог жениться из трусости, «чтобы избежать дуэли» (*РА*, 1882, кн. 1, с. 235—236). Сам Пушкин в сватовстве Дантеса также видел лишь желание уклониться от дуэли и не верил в то, что свадьба состоится. Последнее засвидетельствовано С. Н. Карамзиной (*Карамзины*, с. 151) и В. А. Соллогубом (*Соллогуб*, с. 369). Предположение, что проект сватовства Дантеса к Г. существовал ещё до первого вызова (см.: *Щёголев*, с. 79—80) оспорено С. Л. Абрамович (см.: Абрамович С. Л.

Пушкин в 1836 году. Л., 1984, с. 105—106). Высказывалось и предположение, что женитьба была вызвана беременностью Г. от Дантеса (см.: Гроссман Л. П. Женитьба Дантеса. — Красная Нива, 1929, № 24, с. 10—12), однако это опровергается датой рождения первого ребёнка Г. (см.: Яшин М. Хроника преддуэльных дней. — Звезда, 1963, № 8, с. 169). М. И. Яшин, опираясь на воспоминания в. к. Ольги Николаевны, дочери Николая I, высказал предположение, что Дантес женился по прямому указанию царя. Это предположение основано на недоразумении. Записки Ольги Николаевны писались по-французски, но были изданы в Париже на русском языке, в переводе с немецкого перевода (см.: Сон юности. Записки дочери Николая I великой княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской. Париж, 1963, с. 66—67). Обращение к французскому подлиннику показало, что мемуаристка пишет не о «приказании» царя, а о действиях друзей поэта (см.: Воронцов-Вельяминов Г. М. Пушкин в воспоминаниях дочери Николая I. — *Врем. ПК*, 1970. Л., 1972, с. 28). Пушкин не был на свадьбе свояченицы, а Н.

Н. Пушкина «согласно воле своего мужа» «уехала сейчас же после службы, не оставшись на ужин» (письмо Г. Фризенгофа к А. П. Араповой от 14 (16) марта 1887 г. — Красная Нива, 1929, № 24, с. 10). Ранение и смерть Пушкина не огорчили Г., она была счастлива, что Дантес вне опасности (см.: Толь Ф. Г. Со слов княгини Е. А. Долгоруковой. — В кн.: Декабристы на поселении: Из архива Якушкиных / Изд. М. и С. Сабашниковых. М., 1926, с. 143); не осознавала она также свою причастность к гибели поэта (см.: *Карамзины*, с. 179, 191). Уехав за границу после высылки Дантеса 1 апреля 1837 г., она уже не возвращалась в Россию и умерла 15 октября (н. ст.) 1843 г. в Сульце (Эльзас) от родильной горячки, оставив четырёх детей. О Г. см.: *Ободовская И., Дементьев М.*, с. 181—240.

Гончарова Наталья Ивановна (1785—1848), урожд. Загряжская — мать жены Пушкина. В 1807 г. вышла замуж за Н. А. Гончарова, от которого имела троих сыновей (Дмитрия, Ивана и Сергея) и трёх дочерей (Екатерину, Александру и Наталью). В 1823 г. после раздела имений Загряжских получила имение Ярополец,

куда приезжала с детьми летом, а в 30—40-х гг. жила там постоянно. Отличалась вспыльчивым и раздражительным характером, от которого особенно страдали дочери (см. воспоминания С. Н. Гончарова: *РА*, 1881, кн. 2, с. 497—498; *Рассказы о П.*, с. 64). Приняв неохотно второе предложение Пушкина, она настояла на том, чтобы до помолвки Пушкин получил от царя подтверждение его политической благонадёжности (*Акад.*, XIV, № 463 и 470). Денежные претензии и вмешательство в семейную жизнь поэта были причиной разрыва с Г. и переезда Пушкиных в 1831 г. в Петербург. Впоследствии из писем поэта к Г. видно, что отношения их наладились и приобрели ровный характер (см.: Цявловский М. А. Пушкин и Наталья Ивановна Гончарова. — В кн.: Ярополец. М., 1930, с. 5—14; *П. в Яропольце*; Яшин М. И. Пушкин и Гончаровы. — *Звезда*, 1964, № 8, с. 176—177; *Письма последних лет*, с. 391—392 (заметка Р. В. Иезуитовой); Благой Д. Д. Погибельное счастье. — *Ободовская И., Дементьев М.*, с. 20—40.) До нас дошло 7 писем Пушкина к Г. и 2 — Г. к Пушкину.

Горсткينا Софья Николаевна (ок.

1818—1858) — близкая знакомая П. А. Вяземского и А. И. Тургенева, отличалась красотой. Вяземский посвятил ей стихотворение «Вера и София» (1832).

Горчаков Владимир Петрович (1800—1867) — кишинёвский приятель Пушкина. С ноября 1820 г. квартирмейстер при штабе 16-й пехотной дивизии, командиром которой был М. Ф. Орлов. Выйдя в отставку в 1826 г., поселился в Москве, где с ним встречался Пушкин. Дневники Г. и его воспоминания о Пушкине — наиболее значительные источники кишинёвского периода жизни поэта (см.: *П. в воспоминаниях*, т. 1, с. 493—494 (заметка М. И. Гиллельсона) и по указ.). Пушкин посвятил Г. стихотворения «Зима мне рыхлою стеною» (1823) и «Вчера был день разлуки шумной» (1822). Сохранилось письмо Г. и Нащокина к Пушкину от 18 августа 1831 г. (см. о нём: *Письма*, т. 1, с. 236—237).

Гримм Фридрих Мельхиор, барон (1723—1807) — немецкий писатель-энциклопедист, идеолог просвещённого абсолютизма. С 1753 г. в течение почти 40 лет вёл систематический обзор новостей французской лите-

ратуры и искусства, который в виде писем рассылал царствующим особам, в том числе и Екатерине II. «Корреспонденция» Г. была издана после его смерти и имелась в библиотеке Пушкина (Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot, depuis 1751 jusqu'en 1790. Paris, 1829—1831. Vol. 1—15. — *Библ. П.*, № 831). Пушкин в статье «Александр Радищев» назвал Г. «странствующим агентом французской философии», имея в виду его частые переезды (он жил и служил в разных городах Европы: Париже, Франкфурте, Вене, Петербурге, Готе, Гамбурге).

Гринвальд Родион Егорович (1797—1877) — свиты е. и. в. генерал-майор, командир (с 1833 г.) Кавалергардского полка. Сделал блестящую карьеру после 14 декабря, когда был послан в Москву арестовать офицеров-декабристов. «Мнение» Г. от 27 февраля 1837 г. о приговоре над участниками дуэли между Пушкиным и Дантесом и другие подписанные им документы см.: *Дело о дуэли*, с. 6—7, 24, 31, 37, 39. О Г. см.: Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1908, т. 4, с. 3—24.

Губанов Степан Савельевич (ум. до 7 мая

1836) — губернский землемер в Рязани.

Губанова — жена С. С. Губанова.

Губернаторша см. Бибикова Е. И.

Д

Давыдов В. — студент Московского университета, поклонник Н. Н. Пушкиной. О нём см.: Щёголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд. испр. и доп. М.; Л., 1931; Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929, с. 358 (примеч. П. В. Анненкова).

Давыдов Денис Васильевич (1784—1839) — герой Отечественной войны, генерал-лейтенант, поэт и военный писатель, член «Арзамаса». Пушкин говорил, что в молодости «старался подражать Д. Давыдову в кручении стиха и усвоил его манеру навсегда» (РА, 1884, кн. 2, с. 429; ср.: *П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 100). Д. неоднократно встречался с Пушкиным, сперва в Петербурге, потом в Москве, переписывался с ним и сотрудничал в «Современнике». Пушкин посвятил Д. стихотворения «Наездники» (1816), «Певец-герой, ты пел биваки» (1821), «Недавно я в часы свободы» (1822). В 1836 г. в Петербурге Пушкин подарил Д. «Историю Пугачёвского бунта» с посвятителем-

ным стихотворением «Тебе, певцу, тебе, герою!...», которое Д. назвал своим «brevêt d'immortalité» (патентом на бессмертие). О Д. и Пушкине см.: Садовский Б. А. Русская камена. М., 1910, с. 19—51; *Дн. Модз.*, с. 230—231; *Дн. Сав.*, с. 518—520; *Рассказы о П.*, с. 44; *Письма*, т. 1—3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 393—394 (заметка В. Э. Вацуро). Известно 2 письма Пушкина к Д. и 14 — Д. к Пушкину.

Давыдов Иван Иванович (1794—1863) — заслуженный профессор Московского университета в 1820—1847 гг., где в разное время занимал кафедры латинской словесности и философии, чистой математики и русской словесности. Пушкин слушал одну из его лекций (см. примеч. 2[104] к письму 23).

Дидро Дени (1713—1784) — знаменитый французский писатель-энциклопедист. Его мемуары (изданные в Париже в 1830—1831 гг.), а также другие сочинения были в библиотеке Пушкина (см.: *Библ. П.*, № 831, 881—883; *ЛН*, т. 16—18, с. 1022). Об интересе Пушкина к Д. см.: Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960, по указ.

Дмитриев Иван Иванович (1760—1837) —

поэт-сентименталист, член Российской Академии, министр юстиции (1810—1814). Д. бывал в доме родителей Пушкина. В лицейских стихах поэта он упоминается в ряду лучших стихотворцев (см., например, «К другу-стихотворцу», 1814). Отрицательный отзыв Д. о «Руслане и Людмиле», использованный в печати противниками поэмы, способствовал охлаждению отношений Пушкина и Д. (см.: Томашевский Б. В. Пушкин. Л., 1956, кн. 1, с. 352—354). Знакомство возобновилось в 1836 г. в Москве, где Пушкин постоянно встречался с Д. В работе над «Историей Пугачёва» он пользуется его записками и устными рассказами. Д. сотрудничал в пушкинском «Современнике». О Пушкине и Д. см.: Благой Д. Д. Пушкин и русская литература XVIII века. — В кн.: Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941, с. 113—114; Макогоненко Г. П. Пушкин и Дмитриев. — *РЛ*, 1966, № 4, с. 19—36; *Письма*, т. 1—3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 397—399 (заметка Н. Н. Петруниной). Известно 5 писем Пушкина к Д. и 7 писем Д. к Пушкину.

Дмитрий Николаевич см. Гончаров Д. Н.

Догановский см. Огонь-Догановский В. С.

Долгоруков (Долгорукий) Пётр Михайлович (1784—1833) — майор, клинский уездный предводитель дворянства (1826—1829), умер от холеры в августе 1833 г.

Долгорукова (Долгорукая-Малиновская) Екатерина Алексеевна, княгиня, урожд. Малиновская (1811—1872) — дочь директора Московского архива Коллегии иностранных дел А. Ф. Малиновского, жена офицера лейб-гвардии Гусарского полка кн. Р. А. Долгорукова, подруга юности Н. Н. Пушкиной. Д. благоговела перед Пушкиным. По сообщению Бартенева, «от умирающего Пушкина не отходила она по целым часам и, стоя на коленях у его ложа, слушала его последние заветы жене и друзьям» (РА, 1912, № 9, с. 86—87; ср.: РА, 1908, кн. 3, с. 295). Никто из современников поэта, однако, не подтверждает этого сообщения. Была приятельницей Лермонтова — однополчанина её мужа. Рассказы её о Пушкине записаны Бартевым (*Рассказы о П.*, с. 62—64, 136—137) и Ф. Толем (*Декабристы на поселении*. М., 1926, с. 142—144).

Дорошенко

Пётр

Фёдорович

(1627—1698) — пращур Н. Н. Пушкиной, арматный писарь Чигиринского полка, ездил в 1657 г. к шведскому королю с «листом» Богдана Хмельницкого, в 1666—1676 гг. — гетман на Чигиринской раде. Пушкин упомянул о нём в первой песни «Полтавы». О Д. см.: *Письма*, т. 3, с. 605.

Дурова Надежда Андреевна, по мужу Чернова, псевд. А. А. Александров (1783—1866) — писательница, участница войн с наполеоновской Францией. Во 2-м томе «Современника» Пушкин напечатал записки Д. о 1812 г. со своим предисловием. Д. принадлежат воспоминания о Пушкине (Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения. — *П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 259—264). О Д. см.: Смиренский Б. Надежда Дурова. — В кн.: Дурова Н. Записки кавалерист-девицы. Казань, 1960, с. III—XXIV; *Письма последних лет*, с. 400—401 (заметка О. А. Пини). Известно 3 письма Пушкина к Д. и 8 её писем к Пушкину.

Душин Семён Фёдорович (1792—1842) — управляющий имением Ярополец.

Дьяков Алексей Николаевич (1790—1837) — полковник, помещик Слобод-

ско-Украинской губернии, вдовец, вторично женившийся на Елизавете Алексеевне Окуловой (см.).

Дюме — владелец ресторана в Петербурге, на Малой Морской улице (ныне ул. Гоголя, д. 15). См.: Яцевич А. Пушкинский Петербург. Л., 1935, с. 259—261.

Дюрье — владелец модного магазина в Петербурге.

Е

Евпраксия Николаевна см. Вульф Е. Н.

Елена Павловна, великая княгиня, урожд. принцесса Вюртембергская (1806—1873) — жена в. к. Михаила Павловича. Была образованна, начитанна, интересовалась литературой и искусством, а также общественными вопросами. Это выделяло её среди других членов царской семьи (см.: *Дн. Модз.*, с. 186—189). Вяземский в письме к жене 2 января 1832 г. выражал опасение, что Е. П. «здесь не заживётся, ибо не уживётся, и что разногласие её с прочими членами царской семьи слишком резко» (*Звенья*, т. 9, с. 237). Е. П. была хорошо знакома с Пушкиным, находила его беседу «очень занимательной»

(письмо её к мужу 26 декабря 1836 г.: *ЛН*, т. 58, с. 135; там же характеристика её отношения к трагедии Пушкина); в записках Е. П. к Жуковскому, написанных после дуэли поэта с Дантесом, выражается глубокая тревога по поводу ранения Пушкина (см.: *Щёголев*, с. 189; *ЛН*, т. 58, с. 134—136). Встречи с Е. П. не раз отмечаются в дневнике и письмах поэта.

Емельян (Амельян) — слуга Пушкиных.

Ермолов Алексей Петрович (1772—1861) — генерал от инфантерии, командующий Отдельным Кавказским корпусом с 1816 по 1827 г. Был близок к декабристским кругам и после суда над декабристами находился в опале. Пушкин постоянно интересовался личностью Е., а по дороге в Арзрум заехал в его подмосковное имение. Побуждал Е. писать записки и в письме к нему от начала апреля 1833 г. выражал желание быть его издателем, однако записки так и не были написаны. Об отношении Пушкина к Е. см.: *Письма*, т. 1—3, *Дн. Модз.*, *Дн. Сав.* — по указ.

Ермолова Жозефина-Шарлотта, урожд. графиня де Лассаль (1794—ум. в 1850-х гг. в Париже) — дочь наполеоновского генерала,

жена генерал-майора (с 1835 г.) М. А. Ермолова. Пушкин упоминает о ней в дневниковой записи от 28 ноября 1834 г. (*Акад.*, XII, с. 333), передавая каламбур, основанный на её девичьей фамилии Lassale (la sale — грязная).

Ж

Жемчужников Лука Ильич (1783—1856) — отставной полковник, помещик, профессиональный игрок. По свидетельству П. В. Анненкова, Пушкин занял у него или проиграл в карты 14 000 руб. (см.: Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929, с. 357). Сохранился вексель Пушкина, выданный Ж. на два года в Москве 3 июля 1830 г. Вексель частично был погашен поэтом, оставшаяся часть оплачена после смерти Пушкина Опекой (см.: *ПуС*, вып. 13, с. 96—97, 104, *Рукою П.*, по указ.). О Ж. см.: *Письма*, т. 3, с 420—421, 444.

Жорж (M^{de} George) — петербургская акушерка.

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — наиболее близкий друг Пушкина из старших его современников. Познакомились они в 1815 г. Ж., тогда признанный глава «новой» романтической школы, покро-

вительствовал Пушкину, угадав в нём «будущего гиганта» (ЛН, т. 58, с. 33). Отношения между ними всегда были дружественными — отеческая заботливость со стороны Ж. и полное доверие со стороны Пушкина. К Ж. Пушкин обращался во все трудные времена жизни и прислушивался к его советам. Ж. хлопотал за Пушкина в 1820 г., когда поэту грозила ссылка в Сибирь, в 1824 г. улаживал его конфликт с отцом, в 1831 г. содействовал изданию «Бориса Годунова», в 1834 г., когда Пушкин подал прошение об отставке и этим вызвал гнев Николая I, мирил его с царём. В ноябре 1836 г. Ж. улаживал отношения Пушкина с Геккернами, а после дуэли был неотлучно при Пушкине. После смерти поэта он выступил как его душеприказчик: вечером 29 января 1837 г. составил проект рескрипта, в котором перечислены и обоснованы все пункты, содержащиеся в записке Николая I о «милостях» семье Пушкина. К Ж. восходят и наиболее значительные документы, связанные с дуэлью (см.: П. в воспоминаниях, т. 2, с. 339—354 и 500—508). О Пушкине и Ж. см.: Письма последних лет, с. 403—404 (заметка Н.

В. Измайлова); Иезуитова Р. В. 1) Жуковский в Петербурге. Л., 1976, с. 142—157, 252—259, 264—272; 2) Пушкин и «Дневник» В. А. Жуковского 1834 г. — *П. исслед. и мат.*, т. 8, с. 219—247; Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. Л., 1984, с. 90—165.

3

Загряжская Екатерина Ивановна (1779—1842) — тётка Н. Н. Пушкиной, единокровная сестра её матери Н. И. Гончаровой, фрейлина с 1808 г., влиятельная при дворе. Нежно любила Н. Н. Пушкину, которую, по словам имп. Александры Фёдоровны, считала «дочерью своего сердца» (*Акад.*, XII, с. 324). Она оплачивала туалеты Н. Н. Пушкиной, была для неё «моральным авторитетом», «руководительницей и советчицей в свете и, наконец, материальной опорой» (*Щёголев*, с. 39, 61—62). Относилась с симпатией к Пушкину. Письма поэта полны благодарных и сердечных упоминаний о «тётке». О постоянном участии З. в семейных делах Пушкина писала О. С. Павлицева мужу (см.: *ПиС*, вып. 12, с. 107—108). З. играла видную роль в истории последней дуэли Пушкина, вместе с Жуков-

ским улаживала конфликт в ноябре 1836 г. после первого вызова. После смерти Пушкина она непримиримо относилась к его врагам и недоброжелателям. И. Г. Полетика, враждебная к Пушкину, писала о З. в ноябре 1838 г. Е. Н. Гончаровой-Дантес: «Удивительно, как эта женщина меня любит, она скрежещет зубами, когда должна здороваться со мною» (*Звенья*, т. 9, с. 180).

Загряжская Наталья Кирилловна, урожд. графиня Разумовская (1747—1837) — тётка (по мужу) Н. И. Гончаровой (матери Н. Н. Пушкиной) и Ек. И. Загряжской, кавалерственная дама ордена св. Екатерины. З. имела большой вес в дворцовых и светских кругах, была свидетельницей шести царствований; острый, наблюдательный ум и отличная память делали её интересной собеседницей и рассказчицей. Разойдясь с мужем, она отдала состояние своим родственникам Кочубеям и жила у них. По словам П. А. Вяземского, Пушкин «заслушивался рассказов Натальи Кирилловны: он ловил при ней отголоски поколений и обществ, которые уже сошли с лица земли; он в беседе с нею находил необыкновенную пре-

лесть историческую и поэтическую» (*Вяземский*, т. 8, с. 184—185). Некоторые рассказы З. поэт по совету Жуковского записал в дневник и включил в «Table-talk» (см.: *БЗ*, 1858, т. 1, № 18, с. 551; *Акад.*, XII, с. 174—177). О З. см.: Майков Л. Н. Н. К. Загряжская. — В кн.: Майков Л. Н. Пушкин. СПб., 1899, с. 397—413; *Дн. Модз.*, с. 58—60.

Загряжский Александр Михайлович (1796—после 1878) — с 1831 по 1835 г. симбирский губернатор, дальний родственник Н. Н. Пушкиной. На дочери З. Елизавете (1828—1898) 13 октября 1843 г. женился Лев Сергеевич Пушкин. О встрече с Пушкиным у З. имеется запись в дневнике И. А. Второва (*РВ*, 1875, № 8, с. 610).

Зонтаг (Sontag) Генриетта-Гертруда-Вальпургис, по мужу графиня Росси (1806—1854) — знаменитая немецкая певица. В 1828 г. вышла замуж за сардинского посланника в Париже графа Росси, но из-за её недворянского происхождения и артистической деятельности брак их оставался сначала тайным и она сохранила сценическое имя М-лле Зонтаг. Позднее была возведена прусским королём в

дворянское достоинство и получила фамилию фон Лауенштейн, после чего покинула сцену, продолжая выступать в концертах. В 1830 г. 3. гастролировала в Петербурге и Москве (см.: *Звенья*, т. 6, с. 301—303). Поэт И. И. Козлов посвятил ей стихотворение «Вчера ты пела».

И

Иван Николаевич (Иван) см. Гончаров И. Н.
Измайлов Александр Ефимович (1779—1831) — поэт, баснописец, издатель журнала «Благонамеренный», председатель «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Часто бывал в Лицее, где вместе с Пушкиным учился его племянник М. Л. Яковлев. В «Благонамеренном» в 1818—1821 гг. печатались стихотворения Пушкина. В начале 20-х гг. И. ведёт резкую полемику с поэтами пушкинского круга, не затрагивая при этом Пушкина; он приветствует его новые произведения, а в момент острой полемики вокруг «Руслана и Людмилы» выступает в защиту поэмы. О Пушкине и И. см.: Кубасов И. А. А. Е. Измайлов. СПб., 1901, гл. 8; *Письма*, т. 1—3, по указ.; Томашевский Б. В. Пушкин. М.;

Л., 1956, кн. 1, по указ.; Левкович Я. Л. Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву. — *П. Исслед. и мат.*, т. 8, с. 151—189.

Ишполит — слуга Пушкина (1832—1833).

Ирина Кузминична — прислуга Пушкиных.

К

Калашников Василий Михайлович — сын Михаила Калашникова, брат Ольги Калашниковой, «крепостной любви Пушкина», дворецкий Пушкина. См. о нём: *П. и мужики*, с. 168.

Калашников Михаил Иванович (1774—1858) — крестьянин села Михайловского, крепостной Ганнибалов. В начале 1820-х гг. был приказчиком в Михайловском, а с 1825 по 1833 г. управлял нижегородскими имениями Пушкиных. Его деятельность в Болдине разорила крестьян, о чём они жаловались в своих коллективных письмах к Пушкину (*Акад.*, XV, № 857, 999). В 1833 г. Пушкин сместил Калашникова с должности «управителя», заменив его И. М. Пеньковским. В 1840 г. по поручению Опеки К. перевёз из Петер-

бурга в Святогорский монастырь памятник на могилу поэта. Известно 18 писем К. к Пушкину. О К. см.: *Лет. ГЛМ*, с. 95—112; *П. и мужики*, с. 83—93, 100—114.

Канкрин Егор Францевич, граф (1774—1845) — военный инженер, архитектор, писатель; в 1822—1844 гг. министр финансов и член Государственного совета. В августе 1830 г. Пушкин обращался к К. с ходатайством о выдаче ссуды А. Н. Гончарову, в 1834—1836 гг. Пушкин переписывался с К. по поводу правительственных ссуд (на печатание «Истории Пугачёва» и др.) и уплаты долгов. Имеется рисунок Пушкина, изображающий К. и его жену Е. З. Канкрину в домашней обстановке (см.: Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., 1980, с. 271). Известно 4 письма Пушкина к К. и 1 письмо К. к Пушкину. О К. см.: *Письма последних лет*, с. 407—408 (заметка О. А. Пини).

Канкрин Екатерина Захаровна, графиня, урожд. Муравьёва (1795—1849) — жена министра финансов графа Е. Ф. Канкрин, сестра декабриста А. З. Муравьёва.

Карамзин Александр Николаевич

(1815—1888) — второй сын Н. М. и Е. А. Карамзиных. В 1833 г. окончил юридический факультет Дерптского университета, затем служил в гвардейской конной артиллерии; выйдя в отставку, поселился в деревне, налаживая пошатнувшееся хозяйство Карамзиных. Был литературно одарённым человеком (в 1839 г. напечатана его поэма «Борис Ульянов», в которой заметно влияние «Евгения Онегина»). Его письма 1836—1837 гг. к брату Андрею обнаруживают тонкое понимание творчества Пушкина, свойственное только немногим из современников поэта. Из всех детей Е. А. Карамзиной он был самым последовательным и непримиримым обличителем Дантеса и всех, кто стал на сторону убийцы поэта (см.: *Карамзины*, с. 85, 96—97, 99, 116, 117, 119, 132, 154, 156, 182, 190—194). Сведения о К. см.: Там же, с. 35—39.

Карамзина Екатерина Андреевна (1780—1851) — побочная дочь кн. А. И. Вяземского, единокровная сестра П. А. Вяземского, до замужества носила фамилию Колывановой, по месту рождения в Ревеле (Колывани), с 1804 г. — вторая жена Н. М. Карамзина. Одна

из самых выдающихся женщин петербургского общества, была хорошо образованна, живо интересовалась вопросами литературы, истории, европейской политики. Литературный салон Карамзиных, возглавленный ею после смерти мужа в 1826 г., был одним из культурнейших центров Петербурга. Пушкин познакомился с К. летом 1816 г. в Царском Селе, где Карамзины прожили 4 месяца, и проводил у них «свободное время своё во всё лето» (Лицейские письма А. М. Горчакова 1814—1818 гг.: КА, 1936, т. 6, с. 194). В это время К. стала предметом юношеской влюблённости поэта (в его «дон-жуанском» списке она значится под именем «Катерины II»), что дало основание Ю. Н. Тынянову считать К. «безыменной» любовью Пушкина (Тынянов Ю. Н. Безыменная любовь. — В кн.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968, с. 209—232). Эта точка зрения не разделяется другими исследователями. В письмах поэта из ссылки и позднее имя К. упоминается всегда с теплотой и глубоким уважением. После возвращения в Петербург Пушкин (сперва один, потом с женой) был постоянным посетителем её са-

лона и близким другом семьи. Во все серьёзные моменты своей жизни он вспоминал о К. В 1830 г., собираясь жениться, поэт писал Вяземскому: «Сказывал ты Катерине Андр.<еевне> о моей помолвке? Я уверен в её участии — но передай мне её слова — они нужны моему сердцу, и теперь не совсем счастливо-му» (*Акад.*, XIV, № 473); ей первой он сообщил о своей состоявшейся свадьбе. Его письмо об этом не сохранилось, но ответное письмо К. наполнено материнской тревогой за будущее поэта (*Акад.*, XIV, № 582). Раненый Пушкин 28 января выразил желание проститься с ней. Об этом свидании сохранились записи Жуковского и других современников; сама К. рассказала о нём в письме к сыну Андрею (см.: *Карамзины*, с. 166—167, 388). Подробнее о К. см.: Измайлов Н. В. Пушкин и семейство Карамзиных. — *Карамзины*, с. 16—26; *Дн. Модз.*, с. 31—35. Известно одно письмо К. к Пушкину и приписка в письме к нему П. А. Вяземского. Письма Пушкина к К. неизвестны.

Карамзина Софья Николаевна (1802—1856) — старшая дочь Н. М. Карамзина от первого брака. Была умна и начитанна,

остроумна и занимательна в беседе, вместе с мачехой Е. А. Карамзиной играла главную роль в салоне Карамзиных. О её незаурядности свидетельствует дружба с Лермонтовым, вошедшим в салон Карамзиных уже после смерти Пушкина. Лермонтов записал в альбом К. стихотворение «Любил и я в былые годы»; обращённая к ней строка «Люблю я парадоксы ваши» свидетельствует об остроте её ума. Пушкин относился к К. дружественно; в 1827 г. он записал в её альбом стихотворение «Три ключа». Однако наблюдательность и ум К. при всей остроте не были очень глубокими. Начиная с осени 1836 г. её письма к брату Андрею дают последовательную, хотя и неполную и одностороннюю, хронику развития отношений между Пушкиным, его женой и Дантесом. Но именно эти письма показывают, что, постоянно встречаясь с Пушкиным и Дантесом и имея возможность следить почти изо дня в день за развитием трагической ситуации, она долго не могла правильно оценить положение. В письмах к брату Андрею она изображает драму поэта как обычный в свете «треугольник», причём связанная с ней

тревога поэта и его поведение кажутся ей неоправданными и смешными. После предложения Дантеса Е. Н. Гончаровой сочувствие К. всецело на его стороне — и только смерть Пушкина заставила её глубже взглянуть на события и пересмотреть своё отношение к ним. Подробнее о К. см.: Измайлов Н. В. Пушкин и семейство Карамзиных. — *Карамзины*, с. 26—30; *Письма*, т. 3, с. 288—289.

Каратыгин Василий Андреевич (1802—1853) — выдающийся петербургский трагический актёр позднеклассической школы, переводчик пьес. Пушкин был знаком с К. до ссылки (4 декабря 1825 г. он писал Катенину, что «радуется успехам Каратыгина»: *Акад.*, XIII, № 230). В библиотеке поэта сохранилась переведённая К. комедия «Двое за четверых» (1827) с дарительной надписью (*Библ. П.*, № 179). Условная манера игры К. была чужда Пушкину, и этим объясняется свидетельство Нащокина, что Пушкин «не ценил» его (*Рассказы о П.*, с. 43). Не противоречит этому свидетельству и единственная оценка К. в письме к Н. Н. Пушкиной (см.: наст. изд., с. 70), так как, не принимая манеру игры К., Пушкин це-

нил его мастерство и даже предоставил ему для бенефиса 1 февраля 1837 г. «Скупого рыцаря». Смерть Пушкина и в связи с этим боязнь «излишнего энтузиазма» публики вызвали запрещение спектакля (см. письмо А. И. Тургенева к А. И. Нефедьевой от 1 февраля 1837 г.: *ПиС*, вып. 6, с. 66—67). К творчеству Пушкина конца 20-х — начала 30-х гг. К. относился неприязненно, о «Полтаве» он писал Катенину 25 мая 1829 г.: «...гора родила мышь» (*БЗ*, 1861, № 19, стб. 599), а «Бориса Годунова» называл галиматьёй в шекспировском роде (письмо ему же от 5 марта 1831 г.: Там же, с. 600). В письме К. к Катенину от 19 марта 1837 г. содержится описание обстоятельств смерти Пушкина (*РС*, 1880, № 10, с. 288—289). См. также: Каратыгина А. М.

Каратыгина (Колосова) Александра Михайловна, урожд. Колосова (1802—1880) — петербургская драматическая актриса, жена В. А. Каратыгина, дебютировала 16 декабря 1818 г. Впечатление от её первых выступлений Пушкин выразил в стихотворении «О ты, надежда нашей сцены» (1818), но уже в начале 1819 г. написал на К. злую эпиграмму «Всё

плениет нас в Эсфири». К. считала поводом к эпиграмме личные мотивы (см.: Каратыгина А. М. Моё знакомство с А. С. Пушкиным. — *П. в воспоминаниях*, т. 1, с. 200), однако и эпиграмму, и противоречивость в суждениях Пушкина о К. лучше всего объясняет набросок его статьи «Мои замечания об русском театре» (1820), где, признавая талант К., Пушкин упрекает её за любовь к внешним эффектам, противопоставляя ей Е. С. Семёнову. 6 июня 1826 г. Катенин сообщил Пушкину, что К. «с охотою возмётся играть» в «Борисе Годунове» (*Акад.*, XIII, № 269). После возвращения из ссылки поэт возобновил знакомство с Каратыгиными, которые в это время занимали первые места в петербургской труппе русской драмы; в начале 30-х гг. читал у них в доме «Бориса Годунова» и хотел, чтобы Каратыгины «прочитали на театре сцену у фонтана» (Каратыгина А. М. Моё знакомство с Пушкиным, с. 202). Об отношениях Пушкина и Каратыгиных см.: Каратыгин П. А. Записки. Л., 1930, т. 2, с. 310—322; Литвиненко Н. Взгляды Пушкина на драму и театр. — В кн.: Пушкин и театр. М., 1953, с. 82—83.

Катерина Андреевна см. Карамзина Е. А.

Катерина Ивановна см. Загряжская Е. И.

Катерина Николаевна см. Гончарова Е. Н.

M^{de} Katherine — по-видимому, владелица модного обувного магазина и мастерской в Петербурге.

Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842) — издатель «Вестника Европы», профессор Московского университета по кафедре русской истории, статистики и географии, затем — российской словесности. Вёл активную борьбу с «Арзамасом», а позднее принадлежал к числу литературных противников Пушкина. Ожесточённые нападки в «Вестнике Европы» вызвало появление «Руслана и Людмилы» и южных поэм Пушкина. На К. направлено несколько эпиграмм поэта («Бессмертною рукой раздавленный Зоил», «Хаврониос, ругатель закоснелый», «Клеветник без дарованья», «Охотник до журнальной драки», «Жив, жив, Курилка», «Там, где древний Кочерговский», «Как сатирой безымянной» и др.). 27 декабря 1832 г. К. голосовал за избрание Пушкина в члены Российской Академии. В последние годы жизни поэта отно-

шение К. к Пушкину изменилось. Он был одним из немногих современников, кто дал высокую оценку «Истории Пугачёвского бунта» (см.: Соловьёв С. М. Записки. Пг., 1915, с. 43). О К. и Пушкине см.: *Письма*, т. 1—3, по указ.; *Летопись*, по указ.; *ЛН*, т. 58, по указ.; Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956, кн. 1, по указ.

Керн Анна Петровна (1800—1879), урожд. Полторацкая, во втором браке Маркова-Виноградская, племянница П. А. Осиповой. Пушкин познакомился с ней в 1819 г. в Петербурге. Приехав в 1825 г. в Тригорское, она вызвала у Пушкина сильное чувство, отразившееся в стихотворении «Я помню чудное мгновение». К ней же относятся стихотворные шутки: «Вези, вези, не жалей...» (1828) и «Мне изюм нейдёт на ум» (1828). Была многолетней корреспонденткой Пушкина, оставила о нём содержательные воспоминания (Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Гордина. М., 1974). Об отношениях К. к Пушкину см.: Модзалевский Б. Л. А. П. Керн. Л., 1924; *Письма*, т. 1—3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 412—413 (заметка О. А. Пини); *П. в воспомина-*

ниях, т. 1, с. 514—518 (заметка Р. В. Иезуитовой). Известно 11 писем Пушкина к К. (в том числе одно коллективное и две приписки к письмам Анны Н. Вульф и Е. М. Хитрово) и 2 письма К. к Пушкину.

Киреев — по-видимому, Алексей Николаевич (1812—1849) — гусарский подпоручик. О нём см.: *Письма последних лет*, с. 413 (заметка Р. В. Иезуитовой).

Клюндер (Kländler, Клиндер, у Пушкина ошибочно Криднер) Александр Иванович (1802—1875) — немец по национальности («пруссак»); художник, работавший в Петербурге, с 1841 г. академик портретной акварельной живописи. Написал портреты М. Ю. Лермонтова и Е. А. Баратынского.

Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842) — поэт. Время знакомства Пушкина с К. неизвестно. А. А. Краевский относит его к началу 1836 г. (*ЛН*, т. 58, с. 125—126), однако на картине неизвестного художника «Суббота у Жуковского», датированной 1834—1835 гг., изображены среди других лиц Пушкин и К. (см. ил.: *Карамзины*, между с. 36 и 37). К. был у Пушкина незадолго до его смер-

ти. Воспоминание К. об этой встрече сохранилось в передаче А. М. Юдина (Опыты в сочинениях студентов Харьковского университета, 1846, т. 1, с. 221). Пушкин напечатал в «Современнике» (1836, т. 2) стихотворение К. «Урожай» и тепло отозвался о его стихах в статье, подписанной А. Б. (Письмо к издателю. — Современник, 1836, т. 3, с. 328). Отзыв поэта подтверждается письмом В. П. Давыдова к Краевскому от 7 (19) мая 1836 г. (ЛН, т. 58, с. 124). Не противоречит этому и передаваемый Краевским отзыв Пушкина о К. как о «человеке с большим талантом, широким кругозором, но бедном знаниями и образованием, отчего эта ширь рассыпается более в фразах» (ЛН, т. 58, с. 126). Смерть Пушкина произвела на К. громадное впечатление — см. его письмо А. Краевскому от 13 марта 1837 г. (Кольцов А. В. Полн. собр. соч. СПб., 1909, с. 166) и посвящённое гибели Пушкина стихотворение «Лес» (*Сын от.*, 1838, № 3, с. 17).

Корсакова Александра Александровна см. Римская-Корсакова.

Кочетова (Кочтова) Екатерина Николаевна (ум. 1867) — фрейлина императриц Марии

Фёдоровны, Елизаветы Алексеевны и Александры Фёдоровны.

Кочубей Виктор Павлович, князь (1768—1834) — дипломат и государственный деятель, личный друг Александра I, когда тот был великим князем; с учреждением министерств — министр внутренних дел (1802—1807, 1819—1827); при Николае I — председатель Государственного совета и Комитета министров. В дневнике Пушкина есть записи о назначении К. канцлером и о его смерти (*Акад.*, XII, с. 327, 331). О К. см.: *Дн. Модз.*, с. 201—203.

Кочубей Мария Васильевна, княгиня, урожд. Васильчикова (1779—1844) — жена В. П. Кочубея, племянница и воспитанница Н. К. Загряжской. Эпизод, связанный с замужеством М. В. Васильчиковой, см. в очерке Л. Н. Майкова «Наталья Кирилловна Загряжская» (Майков Л. Н. Пушкин. СПб., 1899, с. 405).

Краевская — неустановленное лицо. По предположению Л. Б. Модзалевского, это может быть М. Ф. Краевская (см.: *Письма*, т. 3, с. 647).

Красовский Александр Иванович

(1780—1857) — цензор Петербургского цензурного комитета (1821—1828), потом председатель Комитета цензуры иностранной (с 1833 г. до смерти), наиболее реакционный, тупой и фанатический из цензоров. 13 июня 1824 г. Пушкин писал брату в связи с назначением А. С. Шишкова министром народного просвещения: «С переменою министерства ожидаю и перемены цензуры. А жаль... la soupe était pleine <чаша была полна>. Бируков и Красовский невтерпеж были глупы, своенравны и притеснительны. Это долго не могло продлиться» (*Акад.*, XIII, № 88). В том же году в письме к Вяземскому он жаловался: «скучно писать про себя — или справляясь в уме с таблицей умножения глупости Бирукова, разделённого на Красовского» (там же, № 103). О К. Пушкин упоминает в эпиграмме «Тимковский царствовал» и в «Элегии на смерть Анны Львовны», сочинённой вместе с Дельвигом.

Кривая кузина — неустановленное лицо.

Кругликова Софья Григорьевна, урожд. графиня Чернышёва (1799—1847) — сестра декабриста З. Г. Чернышёва. Её муж 14 января

1832 г. получил титул и фамилию графа Чернышёва-Кругликова и наследовал Чернышёвский майорат.

Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868) — писатель позднеромантического реакционного направления, пользовавшийся в 30-х гг. большой популярностью. Из его драматических произведений особую известность получила казённо-патриотическая драма «Рука всевышнего отечество спасла» (1834), изображающая подвиг Минина и Пожарского. За резко отрицательный отзыв о ней был запрещён «Московский телеграф». Пушкин познакомился с К. в конце марта 1834 г. (см.: *Акад.*, XII, с. 323). К личности К. он относился иронически и не признавал в нём таланта (см. записи в дневнике А. В. Никитенко в январе 1836 г.: *Никитенко*, т. 1, с. 178 и воспоминания Е. А. Драшусовой: *PВ*, 1881, № 9, с. 152). К. знал об отношении к нему Пушкина и после его смерти записал в дневнике: «... он был злейший мой враг» (Баян, 1881, № 9, с. 152). В пьесе К. «Доменикино» под именем Ланфранко — низкого завистника выведен Пушкин (см.: Там же, № 10, с. 90).

Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович, князь Смоленский (1745—1813) — полководец. К. посвящено стихотворение Пушкина «Перед гробницею святой» (1831).

Л

Ланкло Нинон де (1620—1705) — известная парижская куртизанка.

Лев Сергеевич см. Пушкин Л. С.

Литта Юлий Помпеевич, граф (1763—1839) — обер-камергер двора. После получения Пушкиным в начале 1834 г. звания камер-юнкера Л. стал прямым его начальником по придворной службе; своими обязанностями поэт очень тяготился и всячески старался избегать их: см. записи в дневнике 16 апреля и 28 ноября 1834 г. (*Акад.*, XII, с. 326, 332; *Дн. Модз.*, с. 159—160).

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765). В пушкинскую пору признавался прежде всего классическим поэтом, создателем русской поэзии и русского языка. Но Пушкин воспринимал и оценивал Л. с разных сторон — как человека, как учёного и в последнюю очередь как поэта. Его восхищали

смелая независимость Л., присущее ему чувство собственного достоинства (см.: Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург. — *Акад.*, XI, с. 254). Так же неизменно высоко ценил Пушкин научные заслуги Л. (см.: Алексеев М. П. Пушкин и наука его времени. — *П. Исслед. и мат.*, т. 1, с. 34—36), но отношение его к Л.-поэту испытывало некоторые колебания (см.: Благой Д. Д. Пушкин и русская литература XVIII в. — В кн.: Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941, с. 101—166). Эти колебания связаны с двойственной позицией поэта: историко-литературной — с одной стороны, и современно-полемической — с другой (см.: Берков П. Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII в. Л., 1964, ч. 1, с. 47). В творчестве Пушкина заметны отклики ломоносовской поэтической традиции (см.: Коплан Б. И. «Полтавский бой» Пушкина и оды Ломоносова. — *ЛиС*, вып. 38—39, с. 113—121; Благой Д. Диалектика литературной преемственности. — *ВЛ*, 1962, «N» 2, с. 102—111).

Луи-Филипп (Louis-Philippe) — король Франции после Июльской революции 1830 г.,

свергнутой революцией 1848 г.

М

Малиновская Анна Петровна, урожд. Исленева (1770—1847) — жена А. Ф. Малиновского, близкая знакомая родителей Пушкина. На свадьбе Пушкина М. была посажёной матерью со стороны невесты.

Малиновская Екатерина Алексеевна см. Долгорукова (Долгорукая-Малиновская) Е. А.

Маша (Машка) см. Пушкина М. А.

Мезон (Maison) Николя-Жозеф (1771—1840) — французский генерал, участник наполеоновских войн; после отречения Наполеона (1814) перешёл на сторону Людовика XVIII, который сделал его пэром Франции; с декабря 1833 г. был французским послом при русском дворе.

Мердер Карл Карлович (1788—1834) — воспитатель наследника Александра Николаевича, будущего Александра II. Современники отмечали доброту и порядочность М. (см.: *Дн. Модз.*, с. 163—165). Пушкин записал в дневнике 25 апреля 1834 г.: «Мердер умер — человек добрый и честный, незаменимый» (*Акад.*, XII, с. 327).

Мещерская Екатерина Николаевна, княгиня, урожд. Карамзина (1806—1867) — старшая дочь Н. М. Карамзина от второго брака. 27 апреля 1828 г. вышла замуж за кн. П. И. Мещерского. Пушкин относился к ней дружески и в день её именин 24 ноября 1827 г. записал ей в альбом стихотворение «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной». В период, предшествовавший дуэли, М. с большим участием относилась к Пушкину; это отразилось в известном её письме к золовке М. И. Мещерской (позднее — жене И. Н. Гончарова) о смерти поэта, в котором дана очень точная и глубокая оценка общественного значения его гибели (см.: Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887, с. 286—290; *П. в воспоминаниях*, 1985, с. 388—391). О М. см.: *Карамзины*, с. 28—30 и по указ.

Мещерский Николай Петрович, князь (1829—1901) — старший сын Е. Н. и П. И. Мещерских.

Мещерский Пётр Иванович, князь (1802—1876) — подполковник гвардии в отставке, с 1828 г. муж Е. Н. Карамзиной.

Монтень (Монтань, Montaigne) Мишель (1533—1592) — французский историк, скептик и моралист, автор «Опытов» (*Essais*. Paris, 1580), книги скептических раздумий и наблюдений в области человеческой психики, личной и социальной этики. Жанр «Опытов» широко культивировался в литературе конца XVIII и начала XIX в. Пушкин отдал ему дань, написав «Отрывки из писем, мысли и замечания» (1827). Он читал и цитировал М. «Опыты» были в библиотеке поэта (см.: *Библ. П.*, № 1185). Следом знакомства с М. является соответствие вступительных строф стихотворения «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (1829) с основными взглядами М. на отношение человека к смерти (см.: Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960, с. 103—104).

Муравьёв Андрей Николаевич (1806—1874) — поэт, писатель, автор книг религиозного содержания. Его известное «Путешествие по святым местам в 1830 году» (СПб., 1832) было в библиотеке Пушкина (*Библ. П.*, № 242). На М. Пушкиным написана эпиграмма «Лук звенит, стрела трепещет» (1827). Пушкин упоминает М. в оставшейся ненапечатанной

рецензии на альманах «Северная лира» (1827) и в предисловии к «Путешествию в Арзрум» (1835). В «Современнике» Пушкина были опубликованы отрывок из драмы М. «Битва при Тивериаде» и статья «Вечер в Царском Селе», а также отрывок из трагедии «Михаил Тверской», напечатанной уже после смерти Пушкина в 6-м томе журнала. М. принадлежат воспоминания о Пушкине «Знакомство с русскими поэтами» (*П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 42—47). О М. и Пушкине см.: примеч. 8[153] к письму 27. См. также: *Письма*, т. 3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 429 (заметка Н. Н. Петруниной); В. С. Киселёв-Сергенин. А. Н. Муравьёв. — *Поэты 1820—1830-х годов*, т. 2, с. 112.

Мусин-Пушкин Фёдор Матвеевич (ум. не позднее 1853) — родственник Н. Н. Пушкиной. По предположению Л. Б. Модзалевского, о нём пишет Пушкин жене 27 сентября 1832 г. (см.: *Письма*, т. 3, с. 530).

Мусина-Пушкина Эмилия Карловна, графиня, урожд. Шернваль фон Валлен (1810—1846) — жена графа В. А. Мусина-Пушкина, воспетая Лермонтовым и Вяземским. А.

О. Смирнова писала, что «в Петербурге произвели фурор её белокурые волосы, её синие глаза и чёрные брови» (Смирнова А. О. Записки, дневник, воспоминания. М., 1931, с. 189). М.-П. соперничала в красоте с Н. Н. Пушкиной, и современники постоянно сравнивали красоту этих двух женщин (см.: *ПиС*, вып. 15, с. 84; запись в дневнике А. И. Тургенева 30 ноября 1836 г.: *Щёголев*, с. 275); Д. Ф. Фикельмон отметила в своём дневнике «поклонение» Пушкина красоте М.-П. (запись 17 ноября 1832 г.: Раевский Н. Портреты заговорили. Алма-Ата, 1976, с. 262). М.-П. переписывалась с Вяземским (см.: *РА*, 1900, кн. 1, с. 391—399) ; в письме к ней от 16 февраля 1837 г. Вяземский писал о причинах и обстоятельствах дуэли.

Муханов Владимир Алексеевич (1805—1876) — переводчик Московского Главного Архива Министерства иностранных дел («архивный юноша»), камер-юнкер. В его дневнике имеются записи о Пушкине (Московский Пушкинист. М., 1927, т. 1, с. 47—67). О М. и отношениях его с Пушкиным см.: *Письма*, т. 1, с. 187.

Нарышкин Дмитрий Львович (1758—1838) — обер-егермейстер двора, муж Марии Антоновны, урожд. княжны Святополк-Четвертинской (ум. 1854), известной своей многолетней близостью к Александру I. Имя Н. упомянуто в анонимном «дипломе», полученном Пушкиным 4 ноября 1836 г., что дало основание многим современным биографам Пушкина видеть в «дипломе» намёк на отношение Николая I к Н. Н. Пушкиной.

Нарышкин Кирилл Александрович (1786—1838) — обер-гофмаршал двора, член Государственного совета, был известен своим остроумием. 16 апреля 1834 г. (*Акад.*, XII, с. 326) Пушкин записал в дневнике один из каламбуров Н.

Наталья Ивановна см. Гончарова Н. И.

Наталья Кирилловна см. Загряжская Н. К.

Нащокин Павел Воинович (1801—1854) — один из ближайших друзей Пушкина. Воспитывался вместе с Л. С. Пушкиным в Благородном пансионе при Царскосельском лицее, где и познакомился с ним Пушкин. После службы в армии вышел в отставку в 1823 г. в чине поручика. Оригинальный ум, доброе сердце и

широкая натура Н. привлекали Пушкина. Особенно сблизились они в 1830-е гг.: тогда поэт, приезжая в Москву, постоянно останавливался у Н., а в переписке они делились друг с другом житейскими заботами. Пушкин крестил дочь Н. от цыганки Ольги Андреевны Солдатовой, в июне 1833 г. Н. приезжал в Петербург, чтобы крестить сына Пушкина Александра. Высоко ценя в Н. дар рассказчика, П. всячески уговаривал его писать мемуары. Известны начало «Записок» Н., продиктованное ему Пушкиным, и отрывок в виде письма к Пушкину (*Рукою П.*, с. 116—117; *Прометей*, № 10, с. 275—292 — публ. Н. Я. Эйдельмана). Воспоминания Н. о Пушкине записал в 1851—1853 гг. П. И. Бартенев (*Рассказы о П.*, с. 24—28, 32—39), ср.: *П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 184—196 и 439—440 (заметка Р. В. Иезуитовой). О Н. и Пушкине см.: Эйдельман Н. Я. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984, с. 224—259; *Письма*, т. 1—3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 432 (заметка Н. Петруниной); Раевский Н. А. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин. Л., 1976. Сохранилось 26 писем Пушкина

к Н. и 23 письма Н. к Пушкину.

Нащокина Вера Александровна, урожд. Нечаева (1811?—1900), жена П. В. Нащокина, внебрачная дочь его троюродного брата А. П. Нащокина и крепостной крестьянки. Став женой Нащокина в январе 1834 г., она оказалась в числе ближайших друзей Пушкина. С её слов записаны П. И. Бартеневым, а позднее И. Родионовым и Н. Ежовым воспоминания о Пушкине (см.: *П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 184—208 и 445—446 — заметка Р. В. Иезуитовой). О Н. и взаимоотношениях её с Пушкиным см.: Раевский Н. А. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин. Л., 1976.

Ненила Ануфриевна — прислуга Пушкиных.

Никита Андреевич — слуга Пушкина.

Николай I Павлович (1796—1855) — император, вступил на престол 14 декабря 1825 г. Чтобы привлечь на свою сторону общественное мнение, Н. вызвал Пушкина из ссылки и после аудиенции 8 сентября 1826 г. объявил о «прощении» поэта и обещал сам быть его цензором (реконструкцию разговора Пушкина и Н. см.: Бонди С. М. Встреча Пушкина с Ни-

колаем I в 1826 г. — В кн.: Тринадцатая Всесоюз. Пушкинская конф.: Тез. докл. Л., 1961, с. 8). Пушкин на какое-то время поверил в «милости» царя, в его желание либеральных реформ и в возможность стать советчиком монарха. С этими настроениями поэта связаны записка «О народном воспитании» (1826), «Стансы» (1826) и «Друзьям» (1828). Однако вскоре он понял неосновательность этих надежд, хотя и в последующие годы не пропускал возможности воздействовать на политику Н. Критическое отношение к царю выражено в полной мере в дневнике поэта (анализ записей Пушкина о Н. см.: Щёголев П. Е. Пушкин о Николае I. — *Дн. Модз.*, с. XIII—XXVI). Н. в свою очередь признавал оппозиционность Пушкина и продолжал разыгрывать «покровителя» поэта, угнетая его и как человека, и как писателя. Пожалование камер-юнкером поставило Пушкина в смешное положение, право работать в архивах связывалось с несением придворной службы, ссуды из царской казны опутывали денежными обязательствами. Пушкин был вынужден оставаться в Петербурге и вести жизнь не по средствам в

ненавистном придворном кругу. Цензурные замечания Н. лишили Пушкина возможности напечатать при жизни «Медный всадник», «Песни о Стеньке Разине», задержали на 5 лет публикацию «Бориса Годунова» (см.: Зенгер Т. Николай I — редактор Пушкина. — ЛН, т. 16—18, с. 513—536). Роль Н. в трагедии Пушкина не исчерпывается официальными отношениями. Его увлечение Н. Н. Пушкиной (многочисленные упоминания об этом см. в письмах и дневнике Пушкина) не только вызывало раздражение поэта, но и было основным сюжетом анонимного письма, полученного 4 ноября и послужившего поводом к первому вызову. Намёк в «дипломе» на Н. отводит С. Л. Абрамович (см.: Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. Л., 1984, с. 95—98). Однако её мнению противоречит письмо Е. Ф. Канкрину, написанное Пушкиным через два дня после получения пасквиля (см.: *Акад.*, XVI, № 1281), в котором он просит взять его имение в казну в счёт погашения долга. Пушкин явно боялся, что денежная зависимость от царя в глазах света может уравнивать его с Д. Л. Нарышкиным — мужем многолетней любовницы

Александра I. Известно, что Александр щедро платил Нарышкину за бесчестье. В пасквиле Нарышкин назван «великим магистром Ордена Рогоносцев», а Пушкин объявлен его «заместителем» (*Акад.*, XVI, 394). Наиболее чётко отношение царя к Пушкину проявилось после дуэли. Н. обещал умирающему позаботиться о его семье при условии исполнения им христианского долга (записка Н. к Пушкину (*Акад.*, XVI, *Dubia*, № 10), написанная в ночь с 27 на 28 января 1837 г. и посланная через Н. Ф. Арендта для прочтения, а затем возвращённая, вызывала разные мнения — до признания её «апокрифической», однако существование её подтверждается рядом свидетельств. О записке см.: *Щёголев*, с. 183—184 и др.; *Модзалевский Б. Л.* и др. *Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина*. Пг., 1924, с. 51—73; ср.: *Карамзины*, с. 170 и 391—392, где пересмотрена точка зрения предыдущих авторов). Однако после смерти поэта бумаги его были опечатаны, приняты меры против возможной народной манифестации (см.: *Яшин М. И.* *Хроника преддуэльных дней*. — *Звезда*, 1963, № 9, с. 185—187), журналы получили выговоры за

помещение некрологов, Лермонтов был выслан за стихотворение на смерть Пушкина (об отношении Н. к смерти Пушкина см. указ. ст. Яшина, а также: Муза Е. В., Сеземан Д. В. Неизвестное письмо Николая I о дуэли и смерти Пушкина. — *Врем. ПК*, 1962, с. 38—40). Пушкин писал Н. дважды: в мае — июне 1826 г. (*Акад.*, XIII, № 270) и в августе 1828 г. — не дошедшее до нас письмо по поводу «Гавриилиады», которое, по-видимому, содержало признание в авторстве (см.: *Лемке*, с. 491—492). Н. писал Пушкину один раз (см. выше). После смерти поэта Н. продолжал благосклонно относиться к его вдове (см. об этом рассказы П. В. Нащокина: *Рассказы о П.*, с. 45, 117—120; см. также: Якушкин Е. Е. Часы Николая I. — В кн.: *Московский Пушкинист*. М., 1930, т. 2, с. 267—268).

Нинон (Ninon) — см. Ланкло Нинон де.

Новомленский — по указанию П. В. Анненкова, московский студент, который ухаживал за Н. Н. Гончаровой до её замужества (см.: *Модзалевский*, с. 364; ср.: Щёголев П. Е. Пушкин и московские студенты в 1831. — *ИБ*, 1904, № 4, с. 207—222).

Норов Авраам Сергеевич (1795—1869) — поэт и писатель. Участник войны 1812 г., потерявший ногу под Бородином. Путешествовал по Европе (в 1821 г.), Египту, Нубии и Палестине (в 1834 г.). Описания его путешествий пользовались большим успехом. Пушкин познакомился с Н. после возвращения в Петербург (*Никитенко*, т. 2, с. 523), был с ним на «ты», пользовался его библиотекой (см.: *Акад.*, XV, № 860), однако отрицательно относился к его переводам (см.: *Акад.*, XI, с. 48). Н. написал стихи на смерть Пушкина (см.: *Каллаш В. В. Русские поэты о Пушкине*. М., 1899, с. 77). В библиотеке Пушкина сохранилась одна книга Н. — «Путешествие по Сицилии в 1822 г.» (СПб., 1828, ч. 2) (*Библ. П.*, № 257). Пушкин подарил Н. «Poésies sur la constitution unigenitus. Recueillies par le Chevalier de G...» (1724) с дарственной надписью (см.: *Рукою П.*, с. 729; *ЛН*, т. 16—18, с. 1022; *Рук. ПД*, 1937, № 757). У Н. хранилось два автографа Пушкина — отрывок из «Русалки» и черновик примечаний к «Евгению Онегину» (см.: *Рук. ПД*, 1937, № 147, 172), переданные им впоследствии Я. К. Гроту. Сохранилось 2 письма Пушкина к Н., письма Н.

к Пушкину неизвестны. Подробнее о Н. см.: *Письма*, т. 3, с. 661—663; Вацуро В. Э. А. С. Норов. — *Поэты 1820—1830-х годов*, с. 228—229.

О

Обер Лаврентий Николаевич (1802—1884) — сын французского эмигранта, учитель французского языка 1-й Московской гимназии. Оставил воспоминания о Пушкине (Венок на памятник Пушкину. СПб., 1880, с. 340—343; Разговоры Пушкина / Собр. С. Гессен и Л. Модзалевский. М., 1929, с. 137). В доме О. (Глинищевский пер., ныне ул. Немировича-Данченко, д. 6) помещалась гостиница «Север», позднее — «Англия», где останавливался Пушкин. О нём см.: *Письма*, т. 3, с. 526.

Оболенская Наталья Андреевна, княжна (1812—1901) — дочь попечителя Московского учебного округа князя Андрея Петровича Оболенского (1769—1852). С апреля 1834 г. фрейлина; позднее была замужем за С. П. Озеровым (1809—1884), офицером лейб-гвардии Литовского полка.

Огарев Николай Александрович (1811—1867) — прапорщик лейб-гвардии Конной артиллерии. О нём см.: *Письма*, т. 3, с. 649.

Огонь-Догановский Василий Семёнович (1776—1838) — родовитый помещик и профессиональный игрок, которому Пушкин в Москве в 1826—1830 гг. проигрывал значительные суммы. В секретном архиве III Отделения сохранилась записка «О карточной игре», датированная 2 января 1830 г., где, в частности, пишется: «Между многими домами, составившими для сего промысла (банковой игры в карты. — Я. Л.) партии, дом Догановского есть особенное прибежище игрокам» (Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. 3-е изд. Л., 1925, с. 95). Сохранилось письмо Пушкина к О.-Д. от мая — июня 1830 (?) г. по поводу уплаты долга по заёмному письму.

Одоевский Владимир Фёдорович, князь (1803—1869) — писатель, критик, музыковед, участник московского кружка «любомудров», увлекался самыми разнообразными предметами, в том числе — химическими опытами и алхимией. Он был в хороших отношениях с Пушкиным, сотрудничал в «Современнике» и участвовал в редакционно-технической работе по журналу. Пушкин дорожил его участием в «Современнике», несмотря на серьёзные

расхождения в общественных и литературных взглядах. О. — автор известного сообщения о смерти Пушкина в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» и ряда статей о Пушкине (см.: Заборова Р. Б. Неизданная статья В. Ф. Одоевского о Пушкине. — *П. Исслед. и мат.*, т. 1, с. 313—342). О Пушкине и О. см.: Измайлов Н. В. Пушкин и князь В. Ф. Одоевский. — В кн.: Пушкин в мировой литературе. Л., 1926, с. 289—308; *Письма последних лет*, с. 436—437 (заметка Б. Л. Бессонова; здесь же библиография). Сохранилось 20 писем Пушкина к О. и 6 писем О. к Пушкину.

Озеров Иван Петрович (1806—1880) — чиновник русского посольства в Бадене. С 1832 г. был женат на графине Р. В. Шлиппенбах, по словам П. А. Вяземского, «прусачки небогатой, но, сказывают, милой» (*Звенья*, т. 9, с. 344).

Озерова Розалия Васильевна, урожд. графиня Шлиппенбах (р. 1808) — жена И. П. Озерова.

Окулова Варвара Алексеевна (1802—1879) — сестра М. А. и Е. А. Окуловых. О М. А. Окулове см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975.

Окулова (Акулова) Елизавета Алексеевна (1806—1886) — сестра М. А. и В. А. Окуловых. Имела хороший голос, за который П. А. Вяземский называл её «Соловьёвой». Отзывы о ней и её пении см. в письмах Вяземского к жене (*Звенья*, т. 9, по указ.). 3 мая 1836 г. О. вышла замуж за Дьякова.

Оливье (Оливе) Александр Карлович — капитан лейб-гвардии Павловского полка, владелец дома на Пантелеймоновской улице (№ 113 Литейной части, ныне д. 5 по ул. Пестеля), в котором с 1 сентября 1833 г. до середины августа 1834 г. жили Пушкины. Об О. и его доме см.: Яцевич А. Пушкинский Петербург. Л., 1935, с. 57—59, 62, 63, 249. Контракт на наём этой квартиры Н. Н. Пушкиной опубликован: *Лит. арх.*, т. 1, с. 72—73.

Орлов Михаил Фёдорович (1788—1842) — генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г., член «Арзамаса», член Союза благоденствия, позднее близкий к Южному тайному обществу, но не входивший в него. В 1823 г. отстранён от службы в связи с делом В. Ф. Раевского, обвинённого в политической пропаганде среди солдат. После декабрьского

восстания О. полгода сидел в крепости, потом был отдан под надзор полиции. С 1831 г. получил разрешение жить в Москве, но из общественной жизни он был вычеркнут. Пушкин познакомился с О. в 1817 г. в Петербурге, но особенно часто общался с ним и бывал в доме Орловых (с 1821 г. О. был женат на Ек. Н. Раевской) в 1821—1822 гг. в Кишинёве, где О. командовал 16-й пехотной дивизией. В 1830 г. Пушкин тепло отозвался в «Литературной газете» о написанной О. «Некрологии генерала-от-кавалерии Н. Н. Раевского» (*Акад.*, XI, с. 84), а к 1833—1834 гг. относятся заметки Пушкина о книге О. «О государственном кредите», которую он получил от автора с рукописными добавлениями всех исключённых цензурой мест (см.: *Библ. П.*, № 270; *Акад.*, XII, с. 206—207). Отзывы О. о творчестве Пушкина см.: *РА*, 1885, кн. 1, с. 141; *ЛН*, т. 58, с. 66—67; т. 60, кн. 1, с. 37, 40, 42, 43. См. также: *Письма последних лет*, с. 438—439.

Осипова Александра Ивановна см. Беклешова А. И.

Осипова Мария Ивановна (1820—1896) — младшая дочь П. А. Осиповой от второго бра-

ка. Пушкин встречался с ней во время приездов в Михайловское (см.: Семевский М. И. Прогулка в Тригорское. — В кн.: Вульф А. Н. Дневники. М., 1929, с. 71—72). Пушкин посвятил О. стихотворение «Я думал, сердце позабыло», навеянное встречей с ней в Тригорском в 1835 г. В феврале 1837 г. О. вместе с матерью П. А. Осиповой и младшей сестрой Екатериной присутствовали на погребении Пушкина. А. И. Тургенев назвал её «милой и умной почитательницей великого русского таланта Пушкина» (*ПиС*, вып. 1, с. 54). Её устные рассказы о Пушкине записаны М. И. Семевским (см.: *П. в воспоминаниях*, т. 1, с. 423—427, 535—536 — заметка Р. В. Иезуитовой), П. В. Анненковым (*Анненков*, с. 281) и П. А. Ефремовым (*РС*, 1879, № 11, с. 519). О Пушкине и О. см.: *Письма последних лет*, с. 439 (заметка Р. В. Иезуитовой).

Осипова Прасковья Александровна, урожд. Вындомская (1781—1859) — помещица с. Тригорского. В первом браке была замужем за Н. И. Вульфом (ум. 1813), от которого имела пятерых детей; вторично вышла замуж за И. С. Осипова (ум. 1824) и имела от него двух доче-

рей. Образованностью и начитанностью выделялась из среды провинциального дворянства. Пушкин ценил её литературные мнения и прислушивался к её хозяйственным советам. Бывая в Михайловском, он пользовался библиотекой О. См.: Вульф А. Н. Дневники. М., 1929, с. 37—38; *ПуС*, вып. 1, с. 11, 19—52. О была в переписке со многими друзьями Пушкина — Дельвигом, Жуковским, Плетнёвым, Баратынским, Н. М. Языковым, А. И. Тургеневым. Пушкин посвятил ей стихотворения: «Подражания Корану», «Быть может, уж не долго мне», «Цветы последние милей». Записи О. в календарях и месяцесловах сохранили сведения о пребывании Пушкина в Михайловском (см.: *ПуС*, вып. 1, с. 53—57, 139—153). О. И. Попова опубликовала письмо О. к А. И. Тургеневу, написанное после смерти Пушкина (*П. Исслед. и мат.*, т. 4, с. 366—370). О Пушкине и О. см.: *Письма*, т. 1—3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 439—440 (заметка Р. В. Иезуитовой). Сохранилось 24 письма Пушкина к О. и 16 писем О. к Пушкину.

Отрежков (Отрыжков) см. Тарасенко-Отрешков Н. И.

Павел I Петрович (1754—1801). — император, вступил на престол в 1796 г., а в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. был убит заговорщиками во главе с гр. П. А. Паленом. Пушкин изобразил смерть П. в оде «Вольность» (1817). В «Заметках по русской истории XVIII века» он сравнивал П. с сумасшедшим тираном Калигулой (*Акад.*, XI, с. 17). Позже с настойчивостью историка Пушкин собирал рассказы участников заговора 11 марта (см. его записи в дневнике 8 марта, 17 марта, 21 мая, 9 августа 1834 г. и в «Table-talk»: *Акад.*, XII, с. 161, 177, 321, 322, 329—331). Среди замыслов Пушкина была драма о П. (см.: *Рукою П.*, с. 276; *Акад.* <1-е изд.> М.; Л., 1935, т. 7, с. 376).

Павлищева Ольга Сергеевна, урожд. Пушкина (1797—1868) — сестра поэта. До поступления Пушкина в Лицей и после выпуска была дружна с братом, ей посвящено одно из первых его стихотворений — «К сестре» (1814), в письмах к брату Льву из ссылки Пушкин делал ей нежные приписки. В 1828 г. тайком от родителей П. вышла замуж за Н. И. Павлищева (1802—1879), человека мелочного,

постоянно докучавшего Пушкину денежными просьбами. Это способствовало охлаждению отношений между братом и сестрой. Её переписка с родителями и мужем содержит много значительных деталей о семье поэта (см.: *ПуС*, вып. 12, 15, 17—18, 23—24; *ЛН*, т. 16—18). Со слов П. её сын Л. Н. Павлицев записал воспоминания о детстве поэта (см.: *П. в воспоминаниях*, т. 1, с. 43—52, 443—444). О П. см.: Лернер Н. Сестра Пушкина. — *Венг.*, т. 1, с. 81—87; Цявловский М. А. Воспоминания О. С. Павлицевой. — *Лет. ГЛМ.*, кн. 1, с. 443—450.

Павлов Николай Матвеевич — чиновник 8-го класса Артиллерийского департамента Военного министерства, ранивший на дуэли А. Ф. Апрелева (см.), после чего военный суд лишил его прав состояния; был определён рядовым на Кавказ (см.: *Никитенко*, т. 1, с. 183—184; *Письма последних лет*, с. 442 — заметка Р. В. Иезуитовой).

Параша — няня в доме Пушкиных.

Пашковы — Сергей Иванович (1801—1883) — оставной ротмистр гвардии и жена его Надежда Сергеевна, урожд. княгиня Долгорукова (1811—1880); находились в род-

ственных отношениях с А. Я. Булгаковым.

Перовский Алексей Алексеевич, псевд. Антоний Погорельский (1787—1836) — писатель, близкий к кругу старших арзамасцев, историк, филолог и естествоиспытатель, один из основателей Общества любителей российской словесности, автор повестей, объединённых в сборник «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» (1828), и пользовавшегося большим успехом романа «Монастырка» (1830, ч. 1; 1833, ч. 2). Пушкин познакомился с П. в период 1816—1820 гг. (см.: Вацуро В. Неизвестная статья А. А. Перовского о «Руслане и Людмиле». — *Врем. ПК*, 1963, с. 50—51). Литературный дебют П. — рассказ «Лафертовская маковница» — был с восторгом встречен Пушкиным (*Акад.*, XIII, № 152). Весной 1828 г. поэт читал у П. «Бориса Годунова» (см.: *Вяземский*, т. 1, с. 184). В 1830—1831 гг. П. сотрудничал в «Литературной газете». Пушкин относился к П. дружески и, приезжая в Москву, бывал у него (см.: Чулков Н. П. Пушкин-москвич. — В кн.: Пушкин в Москве. М., 1930). Об этом свидетельствует и единственное дошедшее до нас письмо П. к Пушкину (январь — первая

половина февраля 1833 г.: *Акад.*, XV, № 792).

Пётр — повар Пушкиных.

Пётр I (1672—1725) — русский царь. С 1831 г. Пушкин начинает заниматься «Историей Петра». О замысле поэта см.: Фейнберг И. Л. Незавершённые работы Пушкина. 6-е изд. М., 1976, с. 11—198. Хронологию работы Пушкина над «Историей Петра» и библиографию вопроса см.: *Письма*, т. 3, с. 359—363; *П. Итоги и проблемы*, с. 510—511.

Плетнёв Пётр Александрович (1792—1865) — писатель, поэт и критик, профессор (потом ректор) Петербургского университета, один из ближайших друзей Пушкина. Познакомился с Пушкиным в 1816 г., поддерживал с ним связь в период ссылки, а со второй половины 20-х гг. стал его доверенным лицом в издательских делах. «Я был для него всем, — писал П. в 1838 г., — и родственником, и другом, и издателем, и кассиром» (*Пис.*, вып. 13, с. 136). Пушкин посвятил П. отдельные издания глав II и V «Евгения Онегина» и второе полное издание романа (1837). С П. связаны стихотворение «Ты издал дядю моего» (1834) и наброски по поводу его советов о про-

должении «Евгения Онегина» («Ты хочешь, мой наперстник строгой», 1833 и «Ты мне советуешь, Плетнёв любезный», 1835). П. принимал деятельное участие в издании «Северных цветов», «Литературной газеты» и «Современника», а после смерти Пушкина, с 1838 г., стал редактором-издателем «Современника», где напечатал некрологические и биографические статьи о поэте (Современник, 1838, т. 9, с. 48—56, 57—63; т. 10, с. 21—52). П. был знаком с неосуществлёнными творческими планами Пушкина (см.: Левкович Я. Л. Неосуществлённый замысел Пушкина. — *РЛ*, 1980, № 1). Он не оставил воспоминаний о Пушкине, но его рассказами широко пользовались первые биографы поэта — Анненков, Бартенев, Гаевский, Грот (см.: Вацуро В. Э. Пушкин в сознании современников. — *П. в воспоминаниях*, т. 1, с. 31, 33—39). О Плетнёве — биографе Пушкина см.: Левкович Я. Л. Автобиографическая проза. — *П. Итоги и проблемы*, с. 263—265. О П. и Пушкине см.: *Письма*, т. 1—3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 446—447 (заметка В. Э. Вацуро) ; Вацуро В. Э. П. А. Плетнёв. — *Поты 1820—1830-х годов*, т. 1, с. 228—229.

Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — историк, писатель, журналист. В 1820-х гг. член кружка «любомудров» и издатель «Московского вестника», с 1833 г. профессор Московского университета. В печати и дневниковых записях высоко отзывался о творчестве Пушкина. Личное знакомство П. с Пушкиным состоялось после возвращения поэта из ссылки и закрепилось частыми встречами в Москве. Пушкин ценил П. как талантливого литератора и журналиста. Особый его интерес вызывала драма П. «Марфа Посадница», о которой он готовил специальную статью. Задумав в 1832 г. газету «Дневник», Пушкин стремился привлечь к ней П. (РА, 1897, № 4, с. 657), а впоследствии горячо приглашал его в «Современник». П. принадлежит ряд заметок о Пушкине мемуарного характера (см.: П. в воспоминаниях, т. 2, с. 9—34 и 375—376 — заметка В. Э. Вацуро). О Пушкине и П. см. также: *Письма*, т. 2—3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 447—448 (заметка В. Э. Вацуро). Известно 33 письма Пушкина к П. и 10 — П. к Пушкину.

Пожарская (Mlle Pojarsky) Дарья Евдоки-

мовна (1799—1854) — содержательница трактира в Торжке (о ней см.: наст. изд., с. 36 [См. письмо 26. — *Прим. lenok555*]).

Полетика Идалия Григорьевна, урожд. Обортей (ум. 1889) — побочная дочь графа Г. А. Строганова, свойственника Пушкина, жена полковника Кавалергардского полка А. М. Полетики. Близкая приятельница Н. Н. Пушкиной, у которой она часто бывала. Была дружна с Дантесом, всячески поощряла его ухаживание за Натальей Николаевной и играла крайне неблагоприятную роль в истории дуэли. На её квартире 2 ноября состоялось свидание Н. Н. Пушкиной с Дантесом, которое положило начало ноябрьскому конфликту (см.: Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. Л., 1984). Активная роль П. в истории дуэли Пушкина косвенно подтверждается тем, что Н. Н. Пушкина, вернувшись в 1839 г. в Петербург, не бывала в доме П. и «никогда не говорила с ней о прошлом» (письмо П. к Е. Н. Дантес-Гончаровой от конца 1838 — начала 1839 г.: *Звенья*, т. 9, с. 182). Современники и биографы отмечали, что П. «питала совершенно исключительное чувство ненависти к самой памяти Пуш-

кина» (*Щёголев*, с. 72) и сохранила это чувство до самой смерти (см.: *РА*, 1911, кн. 1, с. 175—176; см. также воспоминания Е. Г. Милашевич: *РА*, 1908, кн. 3, с. 294—295). После дуэли П. была полностью на стороне Дантеса. В письмах к Дантесу и к его жене в 1837—1839 гг. она горячо сочувствует убийце Пушкина и злорадствует по поводу неоправдавшихся надежд на доходы с посмертного издания сочинений поэта (см.: *Звенья*, т. 9, с. 178—183; см. также: *Щёголев*, с. 337—338). Эту ненависть Бартенева объясняет тем, что Пушкин «не внимал сердечным излияниям невзрачной Идалии Григорьевны и однажды, едучи с нею в карете, чем-то оскорбил её» (*РА*, 1908, кн. 3, с. 295). П. С. Шереметев относит к П. записанный в дневнике В. П. Горчакова анекдот о некоей Аделаиде Александровне, оскорблённой Пушкиным (см.: Цявловский М. А. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931, с. 212). С. Л. Абрамович убедительно отвела эти предположения и справедливо считает, что П. «возненавидела» Пушкина и сделалась его «смертельным врагом» после того, как поэт узнал о свидании своей жены с Дантесом на квартире

у П. 2 ноября 1836 г. и «нашёл в эти дни случай выразить ей свои чувства без обиняков» (Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. Л., 1984). О П. см.: *Письма*, т. 3, с. 534—535; Зильберштейн И. С. Парижские находки. — Огонёк, 1966, № 47, с. 26—27.

Полье (Polier) Варвара Петровна, графиня, урожд. княжна Шаховская, в первом браке графиня Шувалова, в третьем — княгиня ди Бутера (1796—1870). В 1830 г. умер её второй муж граф А. А. Полье, швейцарец из Лозанны, принявший русское подданство. После его смерти графиня поселилась в своей усадьбе в Парголово, под Петербургом. Сюда летом 1830 г. приезжал Пушкин к Е. И. Загряжской, которая жила у графини Полье (см.: *Модзалевский*, с. 352).

Прасковья Александровна см. Осипова П. А.

Прасковья — прислуга Пушкиных.

Прохоров Адриан — гробовщик в Москве.

Пугачёв Емельян Иванович (ок. 1742—1775) — вождь крестьянского восстание 1773—1775 гг. Об интересе Пушкина к П. и о его работе над «Историей Пугачёва» см.: Эй-

дельман Н. Я. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984, с. 135—155; Петрунина Н. Н. Как увидела свет «История Пугачёва». — В кн.: Петрунина Н. Н., Фридлиндер Г. М. Над страницами Пушкина. Л., 1974, с. 73—137; Овчинников Р. В. 1) Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачёва»). Л., 1969; 2) Над «пугачёвскими» страницами Пушкина. М., 1981.

Пушкин Александр Александрович (Сашка, рыжий Сашка) (р. 14 июля 1833—ум. 19 июля 1914) — старший сын поэта. Образование получил сперва во 2-й С.-Петербургской гимназии, затем в Пажеском корпусе, сделал большую военно-административную карьеру, вплоть до чина генерала-от-кавалерии, председателя Московского присутствия Опекунского совета (подробнее см.: *Письма*, т. 3, с. 591—592). После смерти матери ему принадлежала основная часть рукописного наследия Пушкина. В 1880 г., во время торжеств при открытии памятника Пушкину в Москве, он принёс в дар Румянцевскому музею (ГБЛ) рабочие тетради поэта и его письма к жене, последние — «под известным срочным запре-

том» (*ЛиС*, вып. 19—20, с. VII—VIII), хотя они были уже напечатаны в 1878 г. Тургеневым. У себя он оставил только дневник Пушкина 1833—1835 гг., позволив С. А. Юрьеву напечатать отрывки из него в «Русской мысли» (1880, кн. 6, с. 1—10) и считая полную публикацию по политическим и семейным соображениям невозможной. Впоследствии, в 1919 г., дневник поэта также поступил в Румянцевский музей. У А. А. Пушкина было от двух браков 13 детей, от которых пошли живущие ныне в СССР и за рубежом потомки поэта. О П. см.: Русаков В. М. Потомки А. С. Пушкина. 2-е изд., доп. Л., 1978, с. 21—49.

Пушкин Василий Львович (1766—1830) — старший брат С. Л. Пушкина, известный в своё время писатель, убеждённый карамзинист, член «Арзамаса». В 1811 г. он отвёз Пушкина в Лицей и одним из первых угадал в племяннике поэтический талант. К «дяде» обращён ряд ранних стихотворений Пушкина: «Городок» (1815), «К Дельвигу» (1815), «Дяде, назвавшему сочинителя братом» (1816), «В. Л. Пушкину» (1816), «Скажи, парнасский мой отец» (1817). Впоследствии отношение поэта к

П. стало ироническим, однако герой известной поэмы П. «Опасный сосед» Буянов упоминается в «Евгении Онегине» (гл. V, строфы XXVI, XXXVII—XXXIX). Об отношении поэта к П. см.: Пиксанов Н. К. Дядя и племянник. — *Венг.*, т. 5, с. XVII—XXII; *Письма*, т. 1—3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 453—454 (заметка О. А. Пини); Михайлова Н. И. Парнасский мой отец. М., 1983.

Пушкин Григорий Александрович (1835—1905) — младший сын Пушкина. Воспитывался в Пажеском корпусе. С 1853 по 1860 г. служил в лейб-гвардии Конном полку. В 1862 г. переведён в ведомство Министерства внутренних дел, где дослужился до статского советника. В 1866 г. поселился в Михайловском, которое в 1899 г. продал в казну. Последние годы жил в имении своей жены Варвары Алексеевны (урожд. Мельниковой-Маркутье) под Вильно. О нём см.: *Письма последних лет*, с. 454 (заметка Р. В. Иезуитовой) ; Русаков В. М. Потомки А. С. Пушкина. Л., 1978, с. 50—58.

Пушкин Лев Александрович (1723—1790) — дед Пушкина, служил в Семёновском полку и в артиллерии, в сентябре

1763 г. вышел в отставку в чине подполковника. По свидетельству А. С. Пушкина, при вступлении на престол Екатерины II «остался верен Петру III — не хотел присягнуть Екатерине, и был посажен в крепость вместе с Измайловым» (Акад., XI, с. 161) (ср. в «Моей родословной»: Акад., III, 262). После двух лет пребывания в крепости был «выпущен по приказанию Екатерины и всегда пользовался её уважением» (Акад., XI, 161). См. о нём: Эйдельман Н. Я. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984, с. 10—18, 327—329.

Пушкин Лев Сергеевич (1805—1852) — младший брат поэта. В 1817—1820 гг. учился в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте, но не окончил курса; с 1824 по 1826 г. служил в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий, в 1827 г. был определён юнкером в Нижегородский драгунский полк под начальство Н. Н. Раевского-мл., участвовал в Персидской и Турецкой кампаниях 1827—1829 гг. В 1830 г. вышел в отставку в чине капитана, несколько раз принимался служить по гражданской части,

но в 1833 г. снова вернулся в армию и уехал на Кавказ. Пушкин нежно любил брата, во время ссылки между ними велась оживлённая переписка. П. исполнял поручения брата, вёл сношения с издателями и книгопродавцами, продавал сочинения и получал деньги, выписывал и пересылал книги. Однако в деловых вопросах он был беспечен и небрежен. Добрый малый, лихой кавалерист и праздный гуляка, он отличался безудержным мотовством и не переставал делать долги, которые всегда приходилось оплачивать Пушкину. Живой и остроумный собеседник, П. вошёл в литературные салоны Петербурга и в круг друзей поэта. Прекрасная память делала его живой книгой пушкинских стихов, которые он постоянно читал в салонах (иногда подрывая этим коммерческие успехи поэта). «С ним, — пишет Вяземский, — можно сказать, погребены многие стихотворения его <Пушкина> неизданные, может быть, даже и незаписанные, которые он один знал наизусть... И он же мог изобличать в подлоге другие стихотворения, которые невежественными любителями соблазна несправедливо

приписываются Пушкину» (*Вяземский*, т. 8, с. 236—237). П. оставил воспоминания о брате (см.: *П. в воспоминаниях*, т. 1, с. 58—65, 447—448). Сохранилось 40 писем Пушкина к брату и 4 письма последнего к поэту. О нём см.: Майков Л. Пушкин. СПб., 1899, с. 1—40; *Письма*, т. 1—3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 454—455 (заметка О. А. Пини). Письма П. к М. В. Юзефовичу 1831—1843 гг. см.: *П. Исслед. и мат.*, т. 10, с. 325—355.

Пушкин Сергей Львович (1767—1848) — отец поэта, в детстве записан в армию, с 1775 г. зачислен в гвардию, в 1797 г. вышел в отставку в чине капитан-поручика. С 1800 г. — чиновник в Комиссариатском штате в Москве, с 1814 г. — начальник Комиссариатской комиссии в резервной армии в Варшаве; в 1817 г. вышел в отставку. Имел 7000 душ в Нижегородской губернии. В 1796 г. женился на Н. О. Ганнибал. Легко писал стихи, был прекрасным декламатором, отличался изысканной любезностью, слыл мастером на каламбуры, торжествовал в салонных играх. Был тесно связан с литературными кругами: среди его друзей и близких знакомых — К. Н.

Батюшков, И. И. Дмитриев, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский. Делами хозяйственными П. заниматься не любил и свои наследственные нижегородские имения за всю жизнь посетил только один раз. Управление ими было поручено крепостному человеку М. Калашникову, который обкрадывал хозяев, как мог. Ежегодной дани, присылаемой из Болдина, не хватало, и П. время от времени получал крупные суммы, закладывая и перезакладывая в сохранный казне принадлежавшие ему души. Залог обычно совершался на 25 или 37 лет на том условии, что помещик ежегодно должен был частично погашать долг и вносить проценты. П. затягивал уплату до последней крайности, и семье постоянно грозила потеря имения (см.: *П. и мужики*, с. 61—72). Это заставило поэта в апреле 1834 г. взяться за управление имением. Пушкин никогда не был близок с отцом, охлаждению отношений способствовало согласие П. осуществлять официальный надзор за сыном во время михайловской ссылки в 1824 г. Сохранилось 6 писем Пушкина к отцу и 3 письма П. к сыну. См.: Майков Л. Пушкин. СПб., 1899, с. 1—40; Вяземский П. А.

Старая записная книжка. Л., 1929, с. 161—163; Вересаев В. Родственники Пушкина. М., 1933, с. 3—14; Пушкин в переписке родственников. — *ЛН*, т. 16—18, с. 771—802; *Письма*, т. 1—3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 455 (заметка О. А. Пини); Левкович Я. Л. По неизвестным письмам. — *Звезда*, 1974, № 6, с. 176—190.

Пушкин Фёдор Матвеевич см. Мусин-Пушкин.

Пушкина Мария Александровна (р. 19 мая 1832—1919) — старшая дочь поэта; с декабря 1852 г. фрейлина, в 1860 г. вышла замуж за генерал-майора Л. Н. Гартунга, который в 1877 г. застрелился. По словам П. И. Бартенева, «выросши, она заняла красоты у своей красавицы матери, а от сходства с отцом сохранила тот искренний задумчивый смех, о котором А. С. Хомяков говаривал, что смех Пушкина был так же увлекателен, как его стихи» (*РА*, 1907, № 6, с. 3 обложки: ср.: *РА*, 1895, кн. 1, с. 369—370). В 1860-х гг. с М. А. Пушкиной-Гартунг, жившей в то время в Туле, познакомился Л. Н. Толстой и придал некоторые черты её внешности Анне Карениной (см.: Кузминская

Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне: Воспоминания. Тула, 1964, с. 465. Ср. воспоминания о наружности М. А. Гартунг правнучки Пушкина С. П. Воронцовой-Вельяминовой в примеч. на с. 501 той же книги). О П. см.: Русаков В. М. Потомки А. С. Пушкина. Л., 1978, с. 11—21.

Пушкина Надежда Осиповна, урожд. Ганнибал (1775—1836) — мать поэта, с 1796 г. жена С. Л. Пушкина. По словам дочери, «всегда весёлая и беззаботная, с прекрасною наружностью креолки, как её называли, она любила свет» (Воспоминания о детстве А. С. Пушкина (со слов сестры его О. С. Павлицевой), написанные в С.-П.-Бурге 26 октября 1851 — *П. в воспоминаниях*, т. 1, с. 49). В П. было много черт, долго её молодивших, — живость, остроумие, общительность. Капризная и властная, в молодости она бывала резка с мужем и детьми; с течением лет стала заботливой, любящей матерью, а потом и бабушкой. Дела хозяйственные были чужды ей, как и мужу. К старшему сыну в детстве, по словам О. С. Павлицевой, относилась холодно, в начале Михайловской ссылки разделяла мнение отца

поэта, обвинявшего его в проповеди атеизма брату и сестре (см. черновик письма Пушкина к Жуковскому от 31 октября 1824 г.: *Акад.*, XIII, № 110-а; Левкович Я. Л. Из наблюдений над черновиками писем Пушкина. — *П. Исслед. и мат.*, т. 9, с. 133—134), однако же в мае — июне 1825 г. П. обратилась к Александру I с просьбой разрешить Пушкину поездку в Ригу или какой-нибудь другой город для операции аневризма (см.: *Письма*, т. 1, с. 447, 469—470). Сближение поэта с родителями произошло в 1830-е гг., особенно в тот период, когда он взял на себя управление Болдыным и заботы об их материальных делах. Когда в 1834 г. П. заболела, поэт нежно относился к больной матери и, по словам Е. Н. Вревской, «своими неустанными заботами о ней заставил Надежду Осиповну сожалеть о своём прежнем несправедливом отношении к сыну» (*РВ*, 1869, кн. 11, с. 89). После смерти П. поэт сам отвёз её тело для погребения в Святогорский монастырь. О П. см.: Вересаев В. В. Родственники Пушкина. М., 1933, с. 14—16; *Письма последних лет*, с. 455—456 (заметка Н. Н. Петруниной); письма П. к О. С. Павлицевой

см.: *ЛН*, т. 16—18 (по указ. между с. 771—802); *Звезда*, 1974, № 6. с. 176—189.

Р

Рабле Франсуа (1495—1553) — знаменитый французский прозаик. В библиотеке Пушкина сохранился экземпляр сочинений Рабле (*Œuvres de F. Rabelais. Paris, 1823*). См.: *Библ. П.*, № 1296.

Раевская Екатерина Петровна, урожд. Киндякова (ум. 1839) — жена (с 11 ноября 1834 г.) А. Н. Раевского. Историю её замужества см.: *Дн. Модз.*, с. 209—210.

Раевский Александр Николаевич (1795—1868) — старший сын генерала Н. Н. Раевского, участник войны 1812 г., человек острого, насмешливого ума. Пушкин познакомился с ним летом 1820 г. и в пору общения на Кавказе и в Крыму испытал некоторое влияние Р. Своё отношение к Р. Пушкин выразил в стихотворении 1823 г. «Демон» — название стихотворения стало прозвищем Р. По свидетельству Ф. Ф. Вигеля, Р. сыграл неблагоприятную роль в высылке Пушкина из Одессы в 1824 г. (см.: *П. в воспоминаниях*, т. 1, с. 226—228). С этим эпизодом комментаторы

связывают стихотворение Пушкина 1824 г. «Коварность» (см.: *Венг.*, т. 3, с. 528—531). Р. был арестован в связи с делом декабристов, но вскоре освобождён. В 1828 г. по просьбе М. С. Воронцова, ревновавшего его к Е. К. Воронцовой, выслан из Одессы в Полтаву. Публичный скандал, устроенный Р. Воронцовой перед отъездом, Пушкин вспомнил в ноябре 1836 г., после получения анонимных писем, когда говорил В. Ф. Вяземской, что «громкие подвиги Раевского» будут казаться детской игрой в сравнении с его мезтью Геккерну (см.: *Акад.*, XVI, № 1287). В январе 1834 г. Р. получил разрешение жить в Москве. Здесь с ним встречался Пушкин. 11 ноября 1834 г. Р. женился на Е. П. Киндяковой. О Р. см.: *Дн. Модз.*, с. 208—210; *Дн. Сав.*, с. 478—482; *Путеводитель*, с. 306; *Письма*, т. 1, с. 214—215; т. 2, с. 135—136; т. 3, с. 615—616.

Раевский Николай Николаевич (1801—1843) — младший сын генерала Н. Н. Раевского, участник войны 1812 г., с 1814 г. служил в гусарском полку в Царском Селе, где и познакомился с ним Пушкин. О «важных и незабвенных услугах», оказанных ему Р.,

Пушкин упоминает в письме к брату от 24 сентября 1820 г. Вместе с Р. Пушкин путешествовал по Кавказу и Крыму, общался с вами в Кишинёве, Киеве и Одессе (1820—1825), а в 1829 г. встречался с ним, прибыв в действующую армию (см. «Путешествие в Арзрум»). Р. посвящены «Кавказский пленник» (1821) и «Андрей Шеньё» (1825). Ему же Пушкин сообщил свой замысел «Бориса Годунова» и в виде письма к Р. начал набрасывать предисловие к трагедии (см.: *Акад.*, XIII, № 193; XIV, № 416). В 1826 г. Р. привлекался к следствию о декабристах (см.: *Алфавит декабристов*, с. 384), а в 1829 г. был отрешён от службы за «предосудительные сношения» с сосланными декабристами. Впоследствии Р. добился политической реабилитации, в 1832 г. ему были возвращены награды, а сам он, находясь на службе, жил то в Москве, то в своих имениях. О Пушкине и Р. см.: Мазур Т. П., Маслов Н. Н. Новые материалы о Пушкине. — В кн.: Прометей. М., 1974, т. 10, с. 237—240; Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М., 1979, с. 306—335; *РА*, 1884, кн. 2, с. 426; *ЛН*, т. 16—18, с. 571—572; *Письма*, т. 1—3, по указ.; *П. в воспоминаниях*,

т. 1—2, по указ. Известно 3 письма Р. к Пушкину.

Раевский, бригадир — неустановленное лицо.

Реймер см. Ремер.

Рейхман Карл (ум. 1835) — немец-агроном, управляющий в имении П. А. Осиповой Малинники. В июне 1834 г. Пушкин, по совету А. Н. Вульфа, пригласил Р. для управления Болдыным, но Р. пробыл в Болдине 9 дней и, увидев, что имение близко к разорению, отказался от управления. См.: *П. и мужики*, с. 112—114; Вульф А. Н. *Дневник*. М., 1929, с. 116—117; *Письма*, т. 3, с. 602. Известно одно письмо Р. к Пушкину.

Ремер (Реймер) Николай Фёдорович (1806—1889) — чиновник Министерства иностранных дел, впоследствии сенатор, действительный тайный советник. Будучи на 7 лет моложе Пушкина, был пожалован в камер-юнкеры одновременно с ним (*СПч.*, 1834, № 2, 3 января, с. 5), что с раздражением отмечал поэт в письмах и дневнике (см.: *Акад.*, XII, с. 318).

Римская-Корсакова Александра Алексан-

дровна (1803—1860), дочь Марии Ивановны Римской-Корсаковой. 12 февраля 1832 г. вышла замуж за А. Н. Вяземского. По свидетельству П. А. Вяземского, ей посвящены стихи 52-й строфы главы VII «Евгения Онегина» («У ночи много звёзд прелестных, Красавиц много на Москве») (РА, 1867, с. 1067, 1071). Семью Римских-Корсаковых, в том числе и А. А. Р.-К., Пушкин хотел вывести в незавершённом «Романе на Кавказских водах».

Ростопчин (Разтопчин) Фёдор Васильевич, граф (1763—1826) — главнокомандующий в Москве во время войны 1812—1814 гг.

С

Савельев Пётр Яковлевич (р. 1811) — в 1834 г. поручик Кавалергардского полка. В ноябре 1835 г. в Ставрополе «за игрою в бостон» у него произошла ссора с штабс-капитаном Горголи, которого он обвинил в нечестной игре. Горголи извинился, но в марте 1836 г., по возвращении полка в Москву, дело всплыло снова и С. был разжалован в рядовые и назначен в Нижегородский драгунский полк. В Москве слухи об этом происшествии передавались в искажённом виде. О С. см.: Сборник биогра-

фий кавалергардов. СПб., 1908, т. 4, с. 66—67.

Санд (Занд, Sand) Жорж, псевд. Авроры Дюдеван (1807—1876) — французская писательница романтического направления, поборница эмансипации женщин. Отзывов Пушкина о Ж. С. почти не сохранилось, кроме упоминания в письме к жене (см. наст. изд., с. 75 [См. письмо 71. — Прим. lenok555]) и в отрывке «Мы проводили вечер на даче», где одна из героинь называет Ж. С. «такой же бесстыдницей», как Клеопатра. Возможно, что Пушкин не ставил творчество Ж. С. высоко; её произведения не упоминаются в списке французских романов, разбор которых он хотел писать в 1832 г. (см.: *Акад.*, XII, с. 204). Тем не менее Б. В. Томашевский отметил несколько моментов, сближающих «Дубровского» с романом Ж. С. «Валентина» (см.: Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960, с. 404—422).

Саша (Сашка) см. Пушкин А. А.

Семён Фёдорович см. Душин С. Ф.

Сергей Николаевич (Сергей, Serge) см. С. Н. Гончаров.

Сихлер Л. (Sichler) — владелица модных магазинов в Петербурге и в Москве, у которой

Н. Н. Пушкина заказывала свои наряды.

СКОТТ Вальтер (Вальтер-Скотт) (1771—1832) — английский романист, поэт, историк и критик, создатель господствовавшего в 20—30-е гг. жанра исторического романа. Пушкин был знаком с творчеством В. С. уже на юге (см.: *Акад.*, XIII, № 74). В михайловской ссылке творчество В. С. было для него «пищей души» (*Акад.*, XIII, с. 115) и поэт постоянно просил новых его произведений; в «Литературной газете» (1830) он назвал его «шотландским чародеем» (*Акад.*, XI, с. 92). Пушкин высоко ценил в В. С. его реалистический метод изображения исторических событий и героев (см.: *Акад.*, XI, с. 92; XII, с. 195). Опыт В. С. Пушкин использовал во многих линиях своей прозы. Об отношении поэта к романистике В. С. см.: Якубович Д. П. 1) Из заметок о Пушкине и Вальтере Скотте. — *ПуС*, вып. 38—39, с. 122—140; 2) «Капитанская дочка» и романы Вальтера Скотта. — *П. Врем.*, т. 4—5, с. 165—197; Жирмунский В. Пушкин и западные литературы. — *П. Врем.*, т. 3, с. 83—87; Степанов Н. Л. Проза Пушкина. М., 1962, с. 96—107, 130—131, 219; Петров С. М. Исторический роман Пушки-

на. М., 1953, с. 37—47 и др.

Смирдин Александр Филиппович (1795—1857) — известный петербургский книгопродавец и издатель, основатель журнала «Библиотека для чтения». Отношения С. с Пушкиным начались с покупки напечатанного Вяземским в 1822 г. «Бахчисарайского фонтана». В 1830 г. С. приобрёл право на издание в течение четырёх лет всех ранее вышедших в свет сочинений поэта. В 1827—1828 гг. С. выпустил 2-е издания «Бахчисарайского фонтана», «Кавказского пленника», «Руслана и Людмилы». Затем сам издавал или покупал полностью тиражи «Бориса Годунова» (1831), «Евгения Онегина» (1833), «Стихотворений» (ч. 4) (1835), «Поэм и повестей Александра Пушкина» (ч. 1, 2) (1835). С. сыграл большую роль в профессионализации писательского труда, поддерживая литераторов высокими для своего времени гонорарами. П. В. Анненков сообщает, что С. платил Пушкину 11 руб. за стих и предлагал 2000 руб. в год «лишь бы писал, что хотел» (*Модзалевский*, с. 340) и что за стихотворение «Гусар» заплатил ему 1000 р. Пушкин относился с уважением к деятельности

Смирдина и называл его «libraire gentilhomme» — книгопродавец-дворянин (Портретная Галерея. СПб., 1841, вып. 1, с. 7). В 1832 г. С. открыл новую книжную лавку на Невском проспекте (ныне дом № 22). Вместе с другими литераторами на новоселье у С. был и Пушкин. В честь С. в 1833—1834 гг. были изданы два тома сборника «Новоселье», где Пушкин напечатал «Домик в Коломне» и «Анджело». Книжная лавка С. сделалась своего рода литературным салоном, который посещали писатели, издатели и журналисты для устройства своих дел и знакомства с книжными новинками. Рассказ о посещении Пушкиным и Соболевским лавки С. см.: Панаев И. И. Литературные воспоминания. М.; Л., 1931, с. 360; Соллогуб В. А. Из воспоминаний. — *П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 300. О С. и его отношениях с Пушкиным см.: Смирнов-Сокольский Н. 1) Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, с. 212—216, 241—244; 2) Книжная лавка Смирдина. М., 1957; *Письма*, т. 2, с. 277 (коммент. Л. Б. Модзалевского); *Письма последних лет*, с. 464—465 (коммент. В. Э. Вацуро); Гордин А., Гордин М. Путешествие в

Пушкинский Петербург. 1983, с. 196—199.

Смирнов Николай Михайлович (1807—1870) — богатый помещик, с 1829 г. камер-юнкер, с марта 1835 по сентябрь 1837 г. чиновник при русской миссии в Берлине, впоследствии калужский (1844—1851), петербургский (1855—1861) губернатор и сенатор. Пушкин познакомился с ним в 1828 г. и был к нему дружески расположен. В январе 1832 г. С. женился на А. О. Россет, причём Пушкин был его шафером на свадьбе. С. оставил небольшие, но ценные воспоминания о Пушкине за последние шесть лет жизни поэта (см.: Из памятных заметок Н. М. Смирнова. — *П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 234—243, 456—457 — заметка Я. Л. Левкович). См. также публикацию отрывка из дневника С. 1834 г. (Пушкину тридцать пять лет. — *Неделя*, 1962, № 40, с. 50 — публ. А. А. Зимина). Известно одно письмо С. к Пушкину. Письма Пушкина к С. неизвестны.

Смирнова Александра Осиповна, урожд. Россет (1809—1882) — дочь французского эмигранта О. И. Россета, коменданта одесского порта, и его жены Н. И. Лорер, сестры декаб-

риста Н. И. Лорера. Воспитывалась в Екатерининском институте, где была ученицей Плетнёва; в 1826 г. назначена фрейлиной; в 1832 г. вышла замуж за Н. М. Смирнова. Была умна, наблюдательна, остроумна, любила литературу, в особенности поэзию, обладала тонким поэтическим вкусом. С. была в дружбе с Пушкиным, Вяземским, Жуковским, А. И. Тургеневым, позднее — с Лермонтовым. Имя её упоминается в переписке Вяземского с А. И. Тургеневым (ОА, т. 3—5), в письмах Вяземского к жене (*Звенья*, т. 6), в письмах и дневнике Пушкина. Ей посвящали стихи многие поэты, в том числе Жуковский, Вяземский, Лермонтов, Ростопчина. Пушкин писал о ней в стихотворении «Её глаза» (1828). Цenia её дар рассказчицы, он побуждал С. писать записки и 18 марта 1832 г. подарил ей альбом с надписью на заглавном листе «Исторические записки А. О. С<мирновой>» и ниже, в виде эпиграфа, записал стихотворение «В тревоге пёстрой и бесплодной» (см.: *Рукою П.*, с. 658—659). С. оставила записки, насыщенные данными о Пушкине и его окружении (см.: Смирнова А. О. *Записки, дневник, воспоминания*. М., 1931).

Пользовавшиеся прежде большой известностью «Записки А. О. Смирновой» (Сев. вестник, 1893, № 6—12; отд. изд. СПб., 1895—1897. Ч. 1—2) являются фальсификацией, составленной её дочерью О. Н. Смирновой. По свидетельству самой Смирновой, она не была в переписке с Пушкиным. Имеется только одна её записка к поэту и его надпись на экземпляре стихотворения «Клеветникам России», poslanном Смирновой. Об отношении С. и Пушкина см.: *Письма*, т. 3, по указ.; *Письма последних лет*, по указ.; *Дн. Модз.*, *Дн. Сав.*, по указ.; *П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 418—419 (заметка В. Э. Вацуро).

Соболевский Сергей Александрович (1803—1870) — внебрачный сын А. Н. Самойлова, библиофил и библиограф, известный остроумец и автор эпиграмм. Учился вместе с Л. С. Пушкиным в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте, где и познакомился с ним поэт. С. принимал участие в издании «Руслана и Людмилы», но особенно сблизились они в Москве, после возвращения Пушкина из ссылки в 1826 г. 10 сентября 1826 г. Пушкин читал у С. «Бориса Годунова» и в

той же квартире (на Собачьей площадке, на углу Борисоглебского переуллка) жил в декабре 1826 — мае 1827 г. (см.: Чулков Н. П. Пушкин-москвич. — В кн.: А. С. Пушкин в Москве. М., 1930, с. 49—64; Барсуков, кн. 2, с. 63—64). Через С. Пушкин сблизился с К. А. и Н. А. Полевыми и с литераторами, составившими впоследствии круг «Московского вестника». С. ведал изданием главы II «Евгения Онегина» и вторым изданием «Братьев-разбойников», позднее помогал поэту в продаже «Истории Пугачёвского бунта» и др. (Об участии С. в устройстве денежных дел Пушкина см.: РА, 1878, № 11, с. 381; ЛИ, т. 16—18, с. 695, 732—741; т. 58, с. 58—70; *Рукою П.*; *Арх. опеки*, по указ.). При участии С. были предотвращены дуэли Пушкина с Ф. Толстым и В. Д. Соломирским (см.: Лернер Н. О. Несостоявшаяся дуэль Пушкина в 1827 году. — РС, 1907, № 6, с. 101—104). С. был знаком с Мериме и по приезде из-за границы в 1833 г. сообщил Пушкину о подложности «Гузлы» Мериме. С. адресовано стихотворение Пушкина «У Гальяни иль Кольони» (1826). Он оставил ценные свидетельства о жизни поэта (см.: *Рассказы о П.*; *Лит. арх.*, т.

1, по указ.; *Модзалевский*, по указ.). О Пушкине и С. см.: Соболевский — друг Пушкина / Вступ. ст. В. И. Саитова. СПб., 1922; *Дн. Модз., Дн. Сав.*, по указ.; *Письма*, т. 1—3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 466—467 (заметка В. Э. Вацуро); *П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 5, 8, 371—374 (заметка В. Э. Вацуро). Известно 9 писем Пушкина к С. и одно С. к Пушкину.

Солдан см. Сольдейн В. Я.

Соллогуб Надежда Львовна, графиня, в замужестве (с 1836 г.) Свистунова (1815—1903) — двоюродная сестра писателя В. А. Соллогуба и племянница лицейского товарища Пушкина князя А. М. Горчакова, до замужества фрейлина в. к. Елены Павловны. Пушкин был ею увлечён и, по словам В. Ф. Вяземской, «открыто ухаживал» за нею (*РА*, 1888, кн. 2, с. 309). Своё чувство к ней он выразил в стихотворении «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...» (1832). Увлечение это вызывало ревность Н. Н. Пушкиной, которая, возможно, имела некоторые основания. Известно, например, что 27 мая 1833 г. Н. Л. Соллогуб выехала из Кронштадта за границу. Т. Г. Цявловская связывает с желанием Пушкина её проводить

билет, выданный ему на проезд из Петербурга в Кронштадт с датой «26 мая 1833 г.» (см.: *ЛН*, т. 58, с. 114; билет опубликован — см.: *Лит. арх.*, т. 1, с.7). О С. см.: *Венг.*, т. 6, с. 428—429; *Дн. Сав.*, с. 363—364; *Письма*, т. 3, с. 540; Ашукин Н. Новые автографы Пушкина. — *Звенья*, кн. 2, с. 221—222.

Соллогуб Софья Ивановна, графиня, урожд. Архарова (1791—1854) — мать писателя В. А. Соллогуба, тётка Н. Л. Соллогуб, жена церемониймейстера гр. А. И. Соллогуба (1787—1843). По словам современника, была «известна своим умом и любезностью» (Еропкин В. М. Из воспоминаний. — *РА*, 1878, кн. 1, с. 175). Её острый язык отмечает О. Н. Смирнова (*РС*, 1888, № 7, с. 52). Ей посвящена статья П. А. Плетнёва «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах» в альманахе «Северные цветы на 1825 год».

Сольдейн (Солдан) Вера Яковлевна, урожд. Мерлина (1790—1856) — в первом браке за Петром Александровичем Есиповым, во втором — за Христофором Фёдоровичем Сольдейном. А. Д. Галахов вспоминает: «<У Солдейн> собирались молодые представители умствен-

ной жизни Москвы. <...> Здесь же на большом балу, в первый раз увидел я Пушкина, кн. П. А. Вяземского и обеих Гончаровых, из которых одна была уже невеста поэта» (РВ, 1877, № 2, с. 92). О С. см.: *Письма*, т. 3, с. 454—455.

Сонцов Матвей Михайлович (1779—1847) — муж тётки Пушкина (сестры его отца) Елизаветы Львовны. Камергер, богатый помещик, был близок к московским литературным кругам и даже сам пробовал свои силы в качестве переводчика (см.: ОА, т. 3, с. 473). По свидетельству И. А. Арсеньева, «толстый, постоянно пыхтевший, чванный и вечно всем недовольный» С. отличался напыщенностью и скупостью (ИВ, 1887, т. 27, с. 79—80). Много насмешек вызвало его камергерство (см.: *Вяземский*, т. 8, с. 159). Е. А. Баратынский и С. А. Соболевский сочинили по этому поводу шуточное стихотворение «Жил да был петух индейский»; обиженные члены семейства Сонцовых приписывали его Пушкину (см.: *Акад.*, XIV, № 385; *Письма*, т. 2, с. 195—196 и по указ.). Пушкин разделял ироническое отношение современников к С. См. его переписку (*Акад.*, т. XIII—XVI, по указ.) и шу-

точную элегию «На смерть Анны Львовны» (1825). В мае 1830 г., будучи женихом, Пушкин познакомил С. с Н. Н. Гончаровой (*Акад.*, XIV, № 474).

Сонцова Екатерина Матвеевна (ум. 4 января 1864) — кузина Пушкина, дочь его тётки по отцу Е. Л. Сонцовой и М. М. Сонцова.

Сонцова Елизавета Львовна, урожд. Пушкина (1776—1848) — сестра С. Л. Пушкина, замужем за М. М. Сонцовым. Была фальшива, любила разыгрывать высокие чувства; по словам знавшей её в 1832 г. Е. И. Раевской, С. «была уже пожилой женщиной, но полна претензиями». Позднее о Пушкине она не говорила иначе, как вздымая очи к потолку: «Mon neveu, pauvre victime» (Мой племянник, бедная жертва!) (*РА*, 1888, кн. 1, с. 301). Пушкин относился к ней, как и ко всему её семейству, иронически.

Сонцова Ольга Матвеевна (ум. 1880) — кузина Пушкина, дочь его тётки по отцу Е. Л. Сонцовой и М. М. Сонцова.

Сорохтин — по указанию П. В. Анненкова, московский студент, который ухаживал за Н. Н. Гончаровой до её замужества (см.: *Модза-*

левский, с. 364 и по указ.; ср.: Щёголев П. Е. 1) Пушкин и московские студенты в 1831 г. — *ИВ*, 1904, № 4, с. 207—222; 2) Из жизни и творчества Пушкина. М.; Л., 1931, с. 300—314).

Софья Астафьевна (Остафьевна) — содержательница известного в начале XIX в. увеселительного заведения в Петербурге; Пушкин упоминает о ней в одном из черновых набросков к «Пиковой даме» — «Года четыре назад...» (*Акад.*, VIII, с. 834), в письмах к Дельвигу (*Акад.*, XIV, № 395) и к М. О. Судиенко (*Акад.*, XV, № 722).

Софья Николаевна см. Карамзина С. Н.

Спасский Иван Тимофеевич (1795—1861) — доктор медицины, профессор Медико-хирургической академии по кафедре зоологии и минералогии, младший акушер Выборгской части. Был постоянным домашним врачом Пушкиных, однако, по словам К. К. Данзаса, Пушкин «мало имел к нему доверия» (*П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 330). После смертельного ранения поэта почти всё время был при нём и уже 2 февраля 1837 г. составил подробную записку о его болезни и смерти «Последние дни А. С. Пушкина. Рассказ очевидца», кото-

рая сразу широко распространилась в списках (см.: *П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 335—338, 499).

Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839) — в 1808—1812 гг. доверенное лицо и ближайший сотрудник Александра I по всем вопросам внутренней политики государства. В 1812 г. после перехода Александра I на реакционный политический курс был отстранён от всех должностей и выслан из Петербурга. В 1816 г. возвращён на службу генерал-губернатором Западной Сибири, в 1821 г. стал членом Государственного совета, руководил работами по изданию «Полного собрания законов Российской империи» (1830) и составлению «Свода законов» (1832). Граф С. Г. Строганов рассказывал биографу С. М. А. Корфу, что Пушкин часто бывал у С. по воскресеньям, особенно в 1834 г., когда печаталась «История Пугачёвского бунта» (см.: Корф М. А. *Жизнь Сперанского*. СПб., 1861, т. 2, с. 349). Пушкин считал С. выдающимся государственным деятелем (см. записи в дневнике: *Акад.*, XII, с. 318, 323, 324). С. в свою очередь высоко ценил Пушкина как поэта (см.: *РА*, 1868, с.

1790) и как историка и советовал ему «писать историю» своего времени (*Акад.*, XII, с. 324).

Столыпин Павел Григорьевич (1806—1836) — отставной поручик лейб-гвардии Конного полка. Утонул, упав с палубы парохода, шедшего в Кронштадт (см.: *РА*, 1906, кн. 3, с. 433—436; *Письма последних лет*, с. 470 — заметка Р. В. Иезуитовой).

Судиенко Михаил Осипович (1802—1874), с сентября 1827 г. — адъютант Бенкендорфа, в январе 1829 г. вышел в отставку в чине штабс-ротмистра, в письме к жене Пушкин называет его «товарищем холостой жизни» своей (см.: наст. изд., с. 40 [См. письмо 30. — *Прим. lenok555*]).

Судиенко Надежда Осиповна, урожд. Миклашевская (ум. 1876) — жена М. О. Судиенко.

Т

Тарасенко-Отрешков (Отрежков) Наркиз Иванович (1805—1873) — писатель-экономист, журналист. В 1835 г. издал труд «Об устройении железных дорог в России», где выступал против введения их в России; это вызвало резкую критику, и Отрешков был, по выражению Пушкина, «отделан очень смеш-

но» (*Акад.*, XVI, № 1338). В 1832 г. Пушкин пригласил его для издания газеты «Дневник» и выдал ему доверенность на «редактирование газеты» (см.: *Рукою П.*, с. 761—764), однако издание это не состоялось. После смерти Пушкина по рекомендации М. А. Строганова был назначен членом Опеки, учреждённой над детьми и имуществом Пушкина. Как член Опеки действовал недобросовестно, вызывая возмущение детей и родных поэта. Дочь Пушкина графиня Н. А. Меренберг рассказала впоследствии: «... значительную часть библиотеки отца он расхитил и продал, небольшая лишь часть перешла к моему брату Александру, время, удобное для издания сочинений отца, пропустил... Мать мою не хотел слушать и не позволял ей мешаться в дела опеки...» (*Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина*. Пг., 1924, с. 129—130). Т.-О. оставил воспоминания о Пушкине (см.: *РС*, 1908, № 2, с. 428—433). О Т.-О. см.: *Письма*, т. 3, с. 543—544.

Тётка см. Загрязская Е. И.

Тимирязева (Тимерязева) Софья Фёдоровна, урожд. Вадковская, по первому браку Безобразова (1799—1875) — сестра декабриста

Ф. Ф. Вадковского. Её муж И. С. Тимирязев (1790—1867) — генерал-майор, адъютант в. к. Константина Павловича, позднее астраханский губернатор. Пушкин бывал в доме Тимирязевых (см. воспоминания их сына Ф. И. Тимирязева «Страницы прошлого»: РА, 1884, № 4, с. 300, 313).

Толстая Сарра Фёдоровна, графиня (1821—1838) — дочь графа Ф. И. Толстого («Американца»), талантливая поэтесса, названная Белинским «особенно замечательной» среди женщин-писательниц (*Белинский*, т. 5, с. 536). По отзывам современников, «была болезненна и психически ненормальна» (Толстой С. Л. Фёдор Толстой Американец. М., 1926, с. 93—94). В 1839 г. вышли посмертно «Сочинения в стихах и прозе графини С. Ф. Толстой. Переводы с немецкого и английского языков». Белинский в 1841 г. собирался писать на них рецензию для «Современника» Плетнёва (*Белинский*, т. 12, с. 11), но не осуществил этого намерения.

Толстой Фёдор Иванович, граф (1782—1846), прозванный «Американцем», так как он некоторое время провёл на Алеут-

ских островах; умный и талантливый человек, известный своим пренебрежением к принятым моральным нормам, бретёр, кутила и картёжник, игравший часто наверняка. Л. Н. Толстой, который был двоюродным племянником Т., называл его «необыкновенным, преступным и привлекательным человеком» (см.: Толстой С. Л. Фёдор Толстой Американец. М., 1926, с. 76). Отношение к нему современников было противоречивым. Вяземский, Д. Давыдов, Батюшков были дружны с ним. Грибоедов же заклеил его в «Горе от ума» («Ночной разбойник, дуэлист. В Камчатку послан был, вернулся алеутом, И крепко на руку нечист»). Пушкин дружески встречался с Т. в Петербурге, а будучи уже в ссылке, узнал, что Т. распространил клевету, будто поэта высекли в Тайной канцелярии (см.: *Акад.*, XIII, № 38; см. также: *ЛН*, т. 16—18, с. 678). Ответом на сплетню были резкие выпады против Т. в стихах Пушкина «В жизни мрачной и презренной» (1820), «Чаадаеву» (1821) и отказ от намеченного эпиграфа к «Кавказскому пленнику» («Под бурей рока твёрдый камень, В волненьях страсти — лёгкий лист»), так как эти

стихи Вяземского были посвящены Т. Т. ответил Пушкину эпиграммой, узнав о которой, поэт собирался представить его «во всём блеске в 4-й песне Онегина» (*Акад.*, XIII, № 159), но упомянул о нём только иносказательно, говоря о «презренной клевете, на чердаке вралём рождённой», и воспроизвёл некоторые его черты в образе старого дуэлиста Зарецкого (см.: Лернер Н. О. С кого Пушкин списал Зарецкого. — *РС*, 1908, № 2, с. 419—427). Возвратясь из ссылки, Пушкин собирался вызвать Т. на дуэль, но друзья их помирили, и Пушкин в 1829 г. через Т. сделал предложение Н. Н. Гончаровой. В рукописях Пушкина сохранилась зарисовка портрета Т. (см.: Цявловская Т. Рисунки Пушкина. М., 1980, с. 139—146). С. Л. Толстой считал, что Т. был прототипом Сильвио. Сохранилось (в черновике) одно письмо и одна записка (коллективная) Пушкина к Т. с ответной запиской Т.

Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — общественный деятель и литератор, близкий друг Карамзина, Жуковского, Вяземского, участник «Арзамаса», в 1810—1824 гг. директор Департамента духов-

ных дел. Принимал близкое участие в судьбе Пушкина: в 1811 г. способствовал определению его в Лицей, в 1820 г., когда над Пушкиным нависла угроза ссылки, хлопотал за него, в 1823 г. устраивал перевод Пушкина из Кишинёва в Одессу. После смерти поэта Т. перевозил его тело из Петербурга в Святогорский монастырь. В 1817—1820 гг. Пушкин — частый посетитель дома Тургеневых; здесь в 1817 г. была написана им ода «Вольность». К тому же 1817 году относится и послание «Тургеневу». После восстания декабристов Т. часто живёт за границей (где находился его брат, декабрист Н. И. Тургенев). Его корреспонденции из Парижа Пушкин напечатал в т. 1 «Современника» под заглавием «Хроника русского в Париже». В письмах и дневниках Т. постоянны упоминания о Пушкине (см.: Архив братьев Тургеневых / Под ред. и с примеч. Н. К. Кульмана. Пб., 1921, вып. 6, по указ.; ОА, по указ.; Гиллельсон М. И. Пушкин в дневниках А. И. Тургенева 1831—1834 годов. — РЛ, 1964, № 1, с. 125—134; Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825—1826) / Изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М; Л., 1964, по указ.). О Пушки-

не и Т. см.: Фомин А. А. Александр Тургенев и Пушкин. — *Венг.*, т. 6, с. 339—348; Шебунин А. Н. Пушкин по неопубликованным материалам архива братьев Тургеневых. — *П. Врем.*, т. 1, с. 196—200; *Щёголев*, по указ.; *Письма*, т. 1—3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 475—476 (заметка В. Э. Вацуро); *П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 167—180, 424—427 (подгот. текста и заметка М. И. Гиллельсона).

Тьерри (Thierry) Огюстен (1795—1856) — один из крупнейших либеральных французских историков романтической школы, создатель буржуазной теории классовой борьбы. Пушкин с большим интересом относился к новой французской исторической школе, в том числе к Т. В 1831 г., начав работу над историей французской революции, он опирался на труды Т. (см.: Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960, с. 204). Импонировала Пушкину также своеобразная манера изложения Т., не исключавшая элементов художественности. Эта особенность была им отмечена в рецензии на «Историю русского народа» Н. А. Полевого (*Акад.*, XI, с. 121). Основные работы Т., в том числе и наиболее известная «Исто-

рия завоевания Англии норманнами» (Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands... Paris, 1830), были в библиотеке Пушкина (см.: *Библ. П.*, 1432, 1433).

У

Убри Сергей Павлович — дризенский уездный предводитель дворянства; в 1832 г. за произнесённую им речь о том, что дворянство должно составить оппозицию против чиновников, ему был объявлен выговор; затем он был выслан на жительство в Калугу под надзор губернатора И. М. Бибикова. Очевидно, в Калуге и произошла его встреча с Н. Н. Пушкиной и её сёстрами (см.: Свербеев Д. Н. Записки. М., 1899, т. 1, с. 301—304).

Урусов Николай Александрович, князь (1808—1843) — поручик лейб-гвардии Измайловского полка, адъютант в. к. Михаила Павловича.

Урусов Павел Александрович, князь (1807—1886) — в 1827 г. подпоручик, в 1833 г. штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка, женат на Александре Сергеевне, урожд. Уваровой.

Урусова Наталья Александровна, княжна

(1812—1882) — фрейлина, в 1834 г. вышла замуж за гр. И. П. Кутайсова (1808—1849). Пушкин бывал в доме родителей У. — Александра Михайловича и Екатерины Павловны Урусовых.

Уткина — акушерка Н. Н. Пушкиной.

Ф

Фикельмон Дарья Фёдоровна, графиня (1804—1863) — дочь Е. М. Хитрово от первого брака с гр. Ф. И. Тизенгаузеном, погибшим в сражении под Аустерлицем. С 1821 г. жена гр. К.-Л. Фикельмона (см.). Одна из наиболее заметных петербургских красавиц, женщина незаурядного ума, большой литературной культуры, независимая в суждениях. Её салон в Петербурге (в австрийском посольстве на Дворцовой набережной) был светским, литературным и политическим центром, где, по словам Вяземского, «и дипломаты, и Пушкин были дома» (*Вяземский*, т. 7, с. 226). Пушкин познакомился с супругами Ф. в ноябре (до 10 декабря) 1829 г. и стал частым посетителем их салона, где он мог узнавать заграничные политические новости, не пропускавшие в русскую печать. На рауте у Ф.

16 ноября 1836 г. произошло столкновение Пушкина с Дантесом, известное по воспоминаниям В. А. Соллогуба (*Соллогуб*, с. 363). По свидетельству П. И. Бартенева, Ф. «по примеру матери своей высоко ценила и горячо любила гениального поэта» (*РА*, 1911, кн. 3, № 9, обл.). Существует мнение, идущее от П. В. Нащокина, что между Пушкиным и Ф. существовали более близкие отношения, чем просто светское знакомство (см.: Цявловский М. Пушкин и графиня Д. Ф. Фикельмон. — *Голос минувшего*, 1922, № 2, с. 108—123). Некоторые исследователи оспаривают это мнение (Гроссман Л. Этюды о Пушкине. М.; Пгр., 1923, с. 77—113; Измайлов Н. В. Комментарий. — *Письма к Хитрово*, с. 56—57). Разбор этого вопроса см. в кн.: Раевский Н. А. Портреты заговорили. Алма-Ата, 1976, с. 293—306. До нас дошло только одно письмо Пушкина к Ф. от 25 апреля 1830 г. (*Акад.*, XVI, № 1374/466а; XVII, с. 76) и одна её записка к поэту от 11 января 1830 г. (*Акад.*, XIV, № 446, с неточной, предположительной датой), но её имя часто встречается в дневнике и письмах Пушкина. В письмах Ф. к П. А. Вяземскому (*РА*, 1884, кн. 2, № 4,

с. 418—419) и в её дневнике в свою очередь имеются замечательные по глубине и тонкости записи о Пушкине, о его жене, а также подробный рассказ об обстоятельствах дуэли и смерти поэта. Дневник был обнаружен Н. А. Раевским в Чехословакии у потомков графини. Отрывок о дуэли и смерти Пушкина был напечатан в 1956 г. (Хмелевская Е. М. Новый документ о дуэли и смерти Пушкина. — *П. Исслед. и мат.*, т. 1, 1956, с. 343—350); в 1959 г. в Чехословакии были опубликованы все записи, относящиеся к Пушкину (Флоровский А. В. Пушкин на страницах дневника графини Д. Ф. Фикельмон. *Slavia, Praha*, 1959, ročn. 28, seš. 4, с. 555—578. Извлечения из публикации Флоровского см.: *Врем. ПК.*, 1962, с. 32—37). В 1968 г. в Италии вышло полное издание дневника Ф. (Kauchtschischwili N. *Il diario di Dar'ja Fëdorowna Fiquelmont. Milano*, 1968). См. также: Раевский Н. А. Портреты заговорили, с. 44—182; *Письма к Хитрово*, по указ.

Фикельмон Карл-Людвиг, граф (1777—1857) — австрийский генерал и дипломат, с 1829 г. посол в Петербурге, сторонник и проводник политики Меттерниха, но без его

крайней реакционности. В 1821 г. он во Флоренции женился на дочери Е. М. Хитрово гр. Д. Ф. Тизенгаузен. Человек многостороннего образования, Ф. оставил ряд книг по вопросам современной политики на французском, итальянском, немецком и голландском языках (см.: *Дн. Модз.*, с. 36—38). Был расположен к Пушкину, который часто бывал в доме Ф. и пользовался книгами из его библиотеки. О расположении Ф. к Пушкину свидетельствует дружеская записка Ф. от 27 апреля 1835 г., вместе с которой он посылает Пушкину два «контрабандных» тома сочинений Г. Гейне, изд. 1835 г. (*Акад.*, XVI, № 1052). В сочувственном тоне написано и официальное донесение Ф. Меттерниху о дуэли и смерти Пушкина (*Щёголев*, с. 375—376). См. также: Раевский Н. *Портреты заговорили*. Алма-Ата, 1976; *Письма к Хитрово*, по указ.

Фомин Николай Ильич — третьестепенный писатель. А. О. Смирнова вспоминала о «неком Фомине, который писал каждый год стихотворение по случаю новогоднего торжества. <...> Я ему давала тридцать пять рублей; он обходил город, и это давало ему возмож-

ность существовать. Несчастный! Голь на выдумки хитра!» (Смирнова А. О. Автобиография. Л., 1931, с. 253). По-видимому, с таким же новогодним подношением в 1831 г. Ф. приходил к Н. Н. Пушкиной. В делах Опеки есть счета Ф. на проданные им Пушкину книги (см.: *Арх. опеки*, с. 10, 45, 152, 374).

Фоминский Фёдор — поэт и прозаик, автор романа «Неведомые Теодор и Розалия, или высочайшее наслаждение в браке. Нравоучительный роман, взятый из истинного происшествия» (М., 1832). В романе есть описание венчания молодых, происходившего в Москве, в церкви Вознесения. Возможно, Ф. был свидетелем бракосочетания Пушкина, которое происходило в той же церкви. В библиотеке Пушкина роман Ф. не сохранился. О Ф. см.: Щёголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. Л., 1931, с. 311—314.

Фролова-Багреева Елизавета Михайловна (1799—1857) — дочь М. М. Сперанского; писательница, почитательница таланта Пушкина. Её восторженный отзыв о поэме «Руслан и Людмила» содержится в письме к отцу в Сибирь, о чём можно судить по ответному пись-

му Сперанского 16 октября 1820 г. (см.: РА, 1868, стб. 1790). Биограф Ф.-Б. Д. Л. Мордовцев пишет, что «из числа русских литераторов она пользовалась особенною дружбою Пушкина, „полёт гения“ которого она едва ли не раньше других угадала своим чутким умом» (Русские женщины нового времени. СПб., 1874, с. 197). В её салоне в Петербурге собирались учёные, артисты, писатели — в том числе Пушкин, Адам Мицкевич, Вяземский, А. И. Тургенев. Запись о посещении Ф.-Б. 25 марта 1834 г. имеется в дневнике Пушкина (запись 2 апреля 1834 г.: *Акад.*, XII, с. 308—309). После смерти младшего сына и отца уехала за границу, затем жила в своём полтавском имении, с 1850 г. поселилась в Вене. О Ф.-Б. см.: *Письма*, т. 2, с. 453—454.

Фукс Александра Андреевна, урожд. Апехтина (ок. 1805—1853), племянница поэта Г. П. Каменева, автор стихотворений, повестей и очерков. М. Ф. де-Пуле пишет о ней: «Она была очень недурна собою, умна и от дяди унаследовала страсть к стихотворству, которым занималась с увлечением» и дальше, о доме Фуков: «Брак знаменитого учёного с умною и

поэтической А. А. Апехтиной составил эпоху в жизни Казани: в доме Фуксов образовался литературный салон, который держался четверть века: беспрецедентное явление в истории русских провинций... <здесь> собиралась вся тогдашняя казанская интеллигенция...» (*РВ*, 1875, т. 118, № 9, с. 619, 621). Подробные сведения о Ф.-писательнице см.: Бобров Е. А. А. А. Фукс и казанские литераторы 30—40-х годов. — *РС*, 1904, № 6, с. 481—509; № 7, с. 6—35, с портретом Ф. Ф. оставила воспоминания о Пушкине (Фукс А. А. Пушкин в Казани. — *П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 217—221, 449—450 — заметка Р. В. Иезуитовой). Достоверность её воспоминаний подтверждается другими мемуаристами и письмами к ней поэта, наконец, упоминанием К. Ф. Фукса в «Истории Пугачёвского бунта» (*Акад.*, IX, с. 116). По выходе «Истории» Пушкин дважды посылал её Ф. О Ф. и встрече её с Пушкиным см.: *Письма*, т. 3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 482—483 (заметка Н. Н. Петруниной). Библиографию о ней см.: *Славянский*, с. 136—137. Известно 4 письма Пушкина к Ф. и 4 письма Ф. к Пушкину.

Фукс Карл Фёдорович (1776—1846) — профессор терапии, патологии, клиники, естественной истории Казанского университета и ректор университета, человек широких интересов и знаток края. В библиотеке Пушкина был оттиск статьи Ф. «Путешествие по Башкирскому Уралу» (Казан. вести., 1832, ч. 35—36; см.: *ЛН*, т. 16—18, с. 1009). В Казани Ф. помогал Пушкину собирать материалы о Пугачёве. В 7-й главе «Истории Пугачёвского бунта» Пушкин ссылается на Ф. как на источник «многих любопытных известий» о Пугачёве. О Ф. см.: *Письма*, т. 3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 483 (заметка Н. Н. Петруниной). Библиографию о пребывании Пушкина в Казани, и в частности у Ф., см.: *Славянский*, с. 136—137.

Х

Хилкова Любовь Александровна (1811—1859) — фрейлина, 10 ноября 1833 г. вышла замуж за С. Д. Безобразова (см.).

Хитрово Елизавета Михайловна, урожд. Голенищева-Кутузова (1783—1839), в первом браке гр. Тизенгаузен, известная своей восторженной привязанностью к Пушкину. По

словам П. А. Вяземского, Х. питала к Пушкину самую нежную, страстную дружбу, а после его смерти «безусловно и исключительно» встала на сторону защитников Пушкина от светских нареканий и пересудов и «глубоко оплакивала» в нём «друза и славу России» (*Вяземский*, т. 8, с. 494). Письма к ней Пушкина свидетельствуют о его дружеских чувствах и о постоянном и деятельном их духовном общении. Х. была в числе лиц, получивших 4 ноября 1836 г. анонимный пасквиль для передачи Пушкину. О Х. и её взаимоотношениях с Пушкиным см.: Измайлов Н. В. Пушкин и Е. М. Хитрово. — *Письма к Хитрово*, с. 143—204; *Письма*, т. 2—3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 484—485 (заметка Р. В. Иезуитовой); Раевский Н. А. Портреты заговорили. Алма-Ата, 1976, с. 57—156. До нас дошло 26 писем Пушкина к Х. и 6 писем Х. к Пушкину.

Хлопуша (Соколов Афанасий) — один из вождей пугачёвского движения, получивший у Пугачёва «чин» «над заводскими крестьянами полковник», руководил литьём пушек для пугачёвских войск.

Хлюстин Семён Семёнович (1810—1844) —

в 1834 г. чиновник особых поручений при Министерстве иностранных дел, действительный член Общества испытателей природы и член-сотрудник Общества любителей словесности при Московском университете, сосед Гончаровых по их имению Полотняный завод. В начале 1836 г. у Пушкина было резкое столкновение с Х., едва не закончившееся дуэлью, в феврале того же года Х. выступил в качестве посредника в намечавшейся дуэли Пушкина с В. А. Соллогубом (см.: Модзалевский Б. Пушкин. Л., 1929, с. 375; *П. в воспоминаниях*, т. 2, по указ.). Известно 2 письма Пушкина к Х. и 2 — Х. к Пушкину. О Х. см.: *ОА*, т. 3, с. 262; Зильберштейн И. С. Парижские находки. — *Огонёк*, 1967, № 31, с. 25—27.

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — писатель, впоследствии один из идеологов славянофильства. Пушкин познакомился с Х. 12 октября 1826 г. на чтении «Бориса Годунова» у Веневитиновых, где после Пушкина Х. читал свою трагедию «Ермак» (см.: *Барсуков*, кн. 2, с. 45). Х. входил в кружок «любомудров», предпринявших в 1827 г. издание «Московского вестника»; 24 октября 1826

г. на обеде у Х. по случаю «рождения» журнала был Пушкин. В 1827—1828 гг. Х. жил в Петербурге, посещал салоны Е. А. Карамзиной и В. Ф. Одоевского, где, несомненно, часто встречался с Пушкиным (см.: *Р. Библ.*, 1916, № 6, с. 67). В Москве встречи бывали у Погодина (см.: *Барсуков. Указ. соч.*) и в других местах. Пушкин хорошо отзывался о стихах Х. и критически о его трагедиях (см.: *Акад.*, XI, с. 141, 180; XII, с. 323; XIV, № 702). Отзывов Х. о творчестве Пушкина не сохранилось: смерть поэта произвела на него сильное впечатление, причём главную долю вины он приписывал «гадости общества Петербургского» (см. его письма к Н. М. Языкову: *РА*, 1884, кн. 3, с. 202—203). См. также: *Дн. Модз.*, с. 118—120; *Дн. Сав.*, с. 335—339.

Ц

Цыхлер см. Сихлер.

Ч

Чаадаев (Чадаев, Чедаев) Пётр Яковлевич (1794—1856) — писатель-философ, участник войны 1812 г., член «Союза благоденствия». Оказывал большое влияние на юного Пушкина. Ему посвящены три посла-

ния Пушкина (1818, 1821, 1824), надпись «К портрету Чаадаева» (1820). Чаадаев упоминается также в стихотворении «К моей чернильнице» (1821), в черновых вариантах «Евгения Онегина» (гл. I, строфа XXV) и в наброске «Сабуров, ты оклеветал» (1824). В 1819 г. Пушкин представил Александру I через Ч. стихотворение «Деревня», а когда в 1820 г. Пушкину грозила ссылка в Сибирь или в Соловецкий монастырь, Ч. был одним из тех друзей поэта, которые добивались смягчения его участи. В 1836 г. за опубликование (в «Телескопе») 1-го «философического письма» Ч. был официально объявлен сумасшедшим и более года находился под надзором врача. Пушкин, не приемля общей философско-католической концепции статьи Ч., соглашался с ним в оценке современной жизни русского общества (см. его письмо к Ч. от 19 октября 1836 г.: *Акад.*, XVI, № 1267). О Пушкине и Ч. см.: *Письма*, т. 1—3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 486—487 (заметка В. Э. Вацура). Из переписки Пушкина с Ч. сохранилось 3 письма Пушкина к Ч. (и два отрывка, предположительно относимых к нему) и 5 писем Ч. к Пушкину.

Чернышёва Надежда Григорьевна, графиня (1813—1853) — сестра декабриста графа З. Г. Чернышёва. В 1838 г. Ч. вышла замуж за кн. Г. А. Долгорукова. О ней см.: *Письма*, т. 3, с. 607, 610.

Чертков Александр Дмитриевич (1789—1858) — председатель Московского общества истории и древностей российских, историк, археолог и нумизмат, основатель знаменитой Чертковской библиотеки. Пушкин был знаком с Ч. и встречался с ним в Москве в 1836 г. О Ч. и его библиотеке см. статью П. И. Бартенева (*РА*, 1863, № 1, с. 2—19). Характеристику Ч. и его жены см. в воспоминаниях С. М. Загоскина (*ИБ*, 1900, № 2, с. 521—522).

Черткова Елизавета Григорьевна, урожд. графиня Чернышёва (1805—1858) — сестра декабриста графа З. Г. Чернышёва и А. Г. Муравьёвой, жена А. Д. Черткова. Была дружна с Н. В. Гоголем (см. шутивное письмо к ней Гоголя 1839 г.: *Гоголь*. т. 11, с. 236—237 и 414). Пушкин состоял в родстве с Ч. (см.: Юзефович М. В. Памяти Пушкина. — *РА*, 1880, № 3, с. 444). Характеристику Ч. даёт С. М. Загоскин (*ИБ*, 1900, № 2, с. 521—522).

Чичерина Екатерина Петровна (ум. 1874) — фрейлина, дочь генерал-адъютанта Петра Александровича Чичерина; приходилась Пушкину четвероюродной сестрой, через его бабушку и крёстную мать Ольгу Васильевну Пушкину, урожд. Чичерину (1732—1802).

Ш

Шаликов Пётр Иванович, князь (1768—1852), поэт и переводчик, издатель «Дамского журнала» (1823—1833), редактор «Московских ведомостей» (1813—1838), его литературная позиция, доводившая до предела культ «чувствительности», была частым объектом пародий. Ироническое отношение Пушкина к Ш. выразилось в эпиграмме, написанной в соавторстве с Баратынским «Князь Шаликов, газетчик наш печальный». В «Дамском журнале» Ш. было помещено несколько благожелательных отзывов о Пушкине. Известно одно письмо Ш. к Пушкину. Сводку данных о Ш. и Пушкине см.: *ЛН*, т. 16—18, с. 603—604; *Письма*, т. 1—3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 488 (заметка В. Э. Вацуро).

Шевырёв Степан Петрович (1806—1864) — поэт, критик, один из активных участников кружка «любомудров», впоследствии идеолог правых славянофилов. Пушкин познакомился с ним в 1826 г., ценил его как критика (см.: отзывы в письмах, рец. на «Денницу» 1830 г., «Мысли на дороге»), хотя литературная программа Ш., опиравшегося на шеллингианскую философско-эстетическую основу, была ему чужда. Воспоминания Ш. о Пушкине были записаны в 1850—1851 гг. для П. В. Анненкова (см.: *П. в воспоминаниях*, т. 2, по указ.). Имеется одно письмо Пушкина к Ш. (коллективное).

Шереметев Дмитрий Николаевич, граф (1803—1871) — гофмейстер, известный благотворитель, крупный помещик (имел 150 000 крестьян и несколько тысяч десятин земли).

Шернваль фон Валлен Аврора Карловна (1813—1902) — дочь Выборгского губернатора К.-И. Шернваля. Отличалась исключительной красотой. Баратынский посвятил ей стихотворение «Девушке, имя которой было: Аврора» и «Запрос Муханову». В 1836 г. вышла замуж за богача П. Н. Демидова (1798—1840); вторич-

но — за А. Н. Карамзина (см.).

Шернваль Эмилия Карловна см. Мусина-Пушкина Э. К.

Шишков Александр Семёнович (1754—1841) — адмирал, президент Российской академии, почётный член имп. Академии наук, в 1824—1828 гг. министр народного просвещения и глава цензурного ведомства. Председатель и вдохновитель «Беседы любителей русского слова» (1811—1816), автор «Рассуждения о старом и новом слоге русского языка» (1802). Пушкин ещё в Лицее активно включился в борьбу карамзинистов против шишковистов (см. его стихотворения 1815—1816 гг. «Угрюмых тройка есть певцов», «К Жуковскому», два послания к В. Л. Пушкину, «Тень Фонвизина»). Однако, когда Ш. сменил на посту министра народного просвещения мракобеса А. Н. Голицына, Пушкин приветствовал его, надеясь на облегчение цензуры, «ожидал добра для литературы вообще» (*Акад.*, XIII, № 88, см. также № 87, 89, 129 и стихотворение 1824 г. «Второе послание цензору») и приписывал влиянию Ш. «оживление» в словесности (см.: *Акад.*, XIII, № 175). В 30-е гг.

отношение Пушкина к историческим и филологическим трудам Ш. оставалось отрицательным (см. его замечания на «Песнь о полку Игореве» 1836 г.: *Акад.*, XII, с. 149 и главу «Чёрная грязь» черновой редакции «Путешествия из Москвы в Петербург», 1833—1834: *Акад.*, XI, с. 226). 3 декабря 1832 г. Пушкин по предложению Ш. был избран членом Российской академии (вместе с П. А. Катениным, М. Н. Загоскиным, А. И. Маловым и Д. И. Языковым), но в деятельности её активно не участвовал (см.: Модзалевский Л. Б. Пушкин — член Российской академии. — *Вестн. АН СССР*, 1937, № 2—3, с. 245—250) и резко отрицательно относился к деятельности Ш., который, по его словам, «набил академию попами» (*Акад.*, XII, с. 337). Подробнее о Ш. и Пушкине см.: *Дн. Модз.*, с. 242; *Дн. Сав.*, с. 535—537; *Письма*, т. 1—3, по указ. Известно одно (черновое) письмо Пушкина к Ш., 1824 г.

Шишкова Екатерина Васильевна, урожд. Юрьева — жена Дмитрия Семёновича Шишкова, брата А. С. Шишкова.

Шишкова Прасковья (Полина) Дмитриевна — дочь Д. С. Шишкова и Е. В. Шишковой,

племянница А. С. Шишкова, фрейлина (с 7 января 1825 по 1839 г.), затем была замужем за А. А. Ушаковым (ум. 1852). Её портрет работы О. Кипренского см. в журнале «Художник» (1964, № 8).

Щ

Щепкин Михаил Семёнович (1788—1868) — актёр Московского Малого театра, бывший до 1821 г. крепостным. Пушкин познакомился с ним в Москве после возвращения из ссылки (см.: *ПуС*, вып. 19—20, с. 94; *Барсуков*, кн. 2, с. 304), но ещё до знакомства он неоднократно видел Щ. на сцене (см.: *Дурылин С., Щепкин Д. Пушкин и Щепкин. — 30 дней*, 1937, № 10, с. 81—88). 9 июля 1832 г. в бенефис Щ. в Петербургском Большом театре была поставлена инсценировка «Цыган». Пушкин, который в это время был в Петербурге, вероятно, видел этот спектакль. В 30-е гг. во время поездок поэта в Москву они часто встречались у Нащокина (см.: *Смирнов Д. А. Два утра у Щепкина. — В кн.: Ежегодник имп. театров, сезон 1907—1908 гг.* СПб., с. 206); кроме того, Пушкин заходил к Щ.; у него же в 1836 г. должно было состояться знакомство Пушки-

на с Белинским (см. воспоминания А. Щепкиной: *РА*, 1889, кн. 1, с. 549). Поэт убеждал Щ. писать мемуары и 17 мая 1836 г. подарил ему тетрадь для будущих записок, куда сам вписал начальные строки (см.: *Рукою П.*, с. 639; *Рук. ПД*, 1964, № 1708). О взаимоотношениях Пушкина и Щ. см. также: Дурылин С. Пушкин и Щепкин. — *Театр*, 1949, № 5, с. 69—80.

Щербатов Пётр Александрович (р. 1811) — корнет Митавского гусарского полка.

Э

Энгельгардт Василий Васильевич (1785—1837) — приятель Пушкина, отставной полковник, член «Зелёной лампы». По словам П. А. Вяземского, «расточительный богач, не пренебрегающий весельями жизни, крупный игрок, впрочем, кажется, на веку своём более проигравший, нежели выигравший, строитель в Петербурге дома, сбивающегося немножко на парижский Пале-Рояль со своими публичными увеселениями, кофейнями, ресторанами. Построение этого дома было событием в общественной жизни столицы. Пушкин очень любил Энгельгардта за то, что он охотно играл в карты, и за то, что

очень удачно играл словами. Острые выходки и забавные куплеты его ходили по городу» (*Вяземский*, т. 1, с. XVII—XVIII). В 1819 г. Пушкин посвятил Э. послание «N. N.» («Я ускользнул от Эскулапа»). В письме к брату из ссылки в декабре 1824 г. Пушкин посылал Э. поклоны и вспоминал о его обедах (см.: *Акад.*, XIII, № 120 и 124). 3 мая 1834 г., когда Л. С. Пушкин задолжал за комнату в гостинице в доме Э. на Невском проспекте, Пушкин выдал Э. вексель на 1300 руб., который был оплачен Опекой (см.: *Рукою П.*, с. 378; *Рук. ПД*, 1964, № 1657).

Ю

Юрьев Василий Гаврилович — прапорщик гвардейской инвалидной роты, ростовщик. См.: *Арх. опеки*, по указ.; *Письма*, т. 3, по указ.; *Письма последних лет*, по указ.

Я

Языков Александр Михайлович (1799—1874) — средний брат Н. М. и П. М. Языковых. Познакомился с Пушкиным в 1827 г., пересылал брату Н. М. Языкову стихи Пушкина. Встречались они и позднее — в Москве, в имении Языковых Языкове (в 65 верстах от Симбирска) и в Болдине, куда Я. заехал к Пуш-

кину 26 сентября 1834 г. С 1831 г. Я., как и его братья, собирал русские народные песни; эта работа живо интересовала Пушкина (см.: *ЛН*, т. 79, с. 342). Переписка Я. с В. Д. Комовским содержит сведения о Пушкине и отзывы о его произведениях. Высоко оценивая «Бориса Годунова», Я. скептически относился к историческим работам Пушкина и недооценивал его сказки. О Я. и Пушкине см.: Садовников Д. Н. Отзывы современников о Пушкине. — *ИВ*, 1883, № 12, с. 520—542; *Письма*, т. 3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 491 (заметка В. Э. Вацуро).

Языков Дмитрий Иванович (1773—1845) — по предположению Б. Л. Модзалевского, «... помещик Нижегородской губернии, на которого предводителем дворянства <В. В. Ульяновым>... было возложено несение каких-нибудь обязанностей по борьбе с холерой в Лукояновском уезде» (*Письма*, т. 2, с. 489). Пушкин получил от него письмо со «свидетельством на выезд» из Болдина (*Акад.*, XIV, № 538).

Языков Николай Михайлович (1803—1846) — поэт, младший из братьев Язы-

ковых. Пушкин познакомился с Я. летом 1826 г., когда тот гостил в Тригорском, затем они встречались в Москве (Я. поселился здесь в марте 1830 г.) и в имении Языково. Личные отношения (особенно со стороны Пушкина) были благожелательны, это отразилось в стихотворных посланиях, которыми поэты обменялись в 1824—1826 гг., и в позднейшем послании Пушкина «К Языкову» («К тебе сбирался я давно», 1828). Пушкин пытался привлечь Я. ко всем своим журнальным начинаниям, но в пору издания «Современника» тот был тяжело болен. К творчеству Пушкина Я. относился скептически, отвергая его поэзию с позиций романтического метода. Положительно оценивал он только «Арапа Петра Великого», «Бориса Годунова» и отчасти «Полтаву». В 1832—1833 гг. Пушкин принимал участие в работе П. В. Киреевского и братьев Языковых над сборником народных песен. О Пушкине и Я. см.: *Письма*, т. 2—3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 492—493 (заметка В. Э. Вацуро).

Языков Пётр Михайлович (1798—1851) — старший из братьев Языковых, геолог. Пуш-

кин познакомился с ним во время Оренбургской поездки (11 сентября 1833 г.). Я. принадлежат записи народных песен о Пугачёве, с которыми он, вероятно, познакомил Пушкина. В его записках содержится анекдот о пребывании Пушкина в Болдине в 1830 г. (РА, 1874, № 3, с. 799—800). О Пушкине и Я. см.: *Письма*, т. 3, по указ.; *Письма последних лет*, с. 493 (заметка В. Э. Вацууро).

Языкова Екатерина Михайловна (1817—1852) — сестра поэта Н. М. Языкова, жена (с 1836 г.) А. С. Хомякова. Впечатления Е. М. Хомяковой от встреч с Пушкиным в Москве зафиксированы ею в письмах к Н. М. Языкову; в письмах к сестре П. М. Бестужевой и Н. М. Языкову от февраля 1837 г. она с большим сочувствием пишет о смерти поэта (Письма Е. М. Языковой о Пушкине. — Искусство, 1928, № 1—2, с. 153—168).

Яковлев Михаил Лукьянович (1798—1868) — лицейский товарищ Пушкина, литератор, композитор-дилетант и певец. В первые годы лицейской жизни вместе с Пушкиным написал не дошедшую до нас комедию «Так водится в свете» (см.: Томашевский

Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956, кн. 1, с. 32—33). К Я. обращены VI и IX строфы «Пирующих студентов» (1814—1815), он же упомянут в «Послании к Галичу» (1815). После окончания Лицея Я. — «лицейский староста», горячо следивший за соблюдением лицейских годовщин, и хранитель лицейского архива. С февраля 1833 г. он — директор Типографии II отделения е. и. в. канцелярии, где при его помощи печаталась «История Пугачёва». Я. написал три романа на слова Пушкина («Слеза», «Зимний вечер» и «Признание»). Со слов Я. В. П. Гаевский записал не дошедшие до нас воспоминания Я. о Лицее и о Пушкине (см.: Современник, 1863, № 7, с. 155 и др.). Сохранились также его пометы-реплики на недоброжелательные воспоминания С. Д. Комовского о Пушкине (см.: П. в воспоминаниях, т. 1, с. 66—70). О Я. см.: Письма, т. 1—3, по указ.; Письма последних лет, с. 493—494 (заметка Н. Н. Петруниной); Петрунина Н. Н. Вокруг «Истории Пугачёва». — П. Исслед. и мат., т. 6, с. 229—251. Известно 10 писем Пушкина к Я. и 7 — Я. к Пушкину.

Яковлева Арина Родионовна, в замуже-

стве Матвеева (1758—1828) — няня Пушкина, крепостная его бабушки М. А. Ганнибал. В 1799 г. получила «вольную», но осталась в семье Пушкиных. Об А. Р. поэт говорит в ряде произведений, частью обращённых к ней: «Разговор книгопродавца с поэтом», «Зимний вечер», «Подруга дней моих суровых», «... Вновь я посетил» и др. Воспоминания об А. Р. отразились также в образах няни Татьяны Лариной и няни Владимира Дубровского (см.: Лернер Н. О. Арина Родионовна и няня Дубровского. — *ПиС*, вып. 7, с. 68—72). Подробнее о ней см. *Письма*, т. 1, с. 366; Ульяновский А. И. Няня Пушкина. М.; Л., 1940. Сохранилось 2 письма А. Р. к Пушкину.

Яр — известный владелец ресторана в Москве по Петербургской дороге.

Список сокращений

Акад. — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1937—1949. Т. I—XVI; 1959. Т. XVII.

Алфавит декабристов — Восстание декабристов: Материалы. Т. 8. Алфавит декабристов. Л., 1925.

Анненков — Сочинения Пушкина с приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков и проч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855—1857. Т. 1—7.

Арх. опеки — Летописи государственного Литературного музея. Кн. 5. Архив опеки Пушкина / Ред. и коммент. П. С. Попова. М.; Л., 1939.

Барсуков — Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888—1910. Кн. 1—22.

Белинский — Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1953—1959.

БЗ — Библиографические записки.

Библ. П. — Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. (Пушкин и его современники; Вып.

9—10).

ВЕ — Вестник Европы.

Венг. — Пушкин / Изд. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1907—1915. Т. 1—6. (Б-ка великих писателей / Под ред. С. А. Венгерова).

ВЛ — Вопросы литературы.

Врем. ПК — Временник Пушкинской комиссии. 1962—1970. Л., 1963—1972.

Вяземский — Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1878—1896. Т. 1—12.

Гастфрейнд. Документы — Гастфрейнд Н. Пушкин. Документы гос. и С.-Петербургского архива Министерства иностранных дел, относящихся к службе его 1831—1837 гг. СПб., 1900.

Гастфрейнд. Товарищи П. — Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицей. Материалы для словаря лицейстов 1-го курса 1811—1817 гг. СПб., 1912—1913. Т. 1—3.

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

Гоголь — Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1937—1952. Т. 1—14.

Гослит. в 10 т. — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. / Под ред. Д. Д. Благого, С. М.

Бонди, В. В. Виноградова. М., 1959—1962.

Дела III отд. — Дела III отделения собственной е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине / Предисл. и ред. С. Сухонина. СПб., 1906.

Дело о дуэли — Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном: Подлинное военно-судное дело 1837 г. СПб., 1900.

Дн. Модз. — Пушкин А. С. Дневник. 1833—1835 / Под ред. и с объяснит. примеч. Б. Л. Модзалевского; Ст. П. Е. Щёголева. М.; Пг., 1923.

Дн. Сав. — Пушкин А. С. Дневник. 1833—1835 гг. / Под ред. В. Ф. Саводника. М.; Пг., 1923. (Тр. гос. Румянцевского музея; Вып. 1).

Звенья — Звенья: Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX веков / Под ред. Влад. Бонч-Бруевича. М.; Л., 1932—1951.

Изв. ОРЯС имп. АН — Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

ИВ — Исторический вестник.

КА — Красный архив.

Карамзины — Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л., 1960.

Лемке — Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. По подлинным делам третьего Отделения собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1908.

Лет. ГЛМ — Летописи гос. Литературного музея. Кн. 1. Пушкин / Под ред. М. А. Цявловского. М.; Л., 1936.

Летопись — Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. Т. 1.

Лит. арх. — Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. С. Д. Балухатого, Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. М.; Л., 1938. Т. 1.

Лит. совр. — Литературный современник.

ЛН — Литературное наследство.

М. вед. — Московские ведомости.

Модзалевский — Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929.

М. набл. — Московский наблюдатель.

Никитенко — Никитенко А. В. Дневник: В 3-х т. Л., 1955—1956.

ОА — Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова. СПб., 1899—1913. Т. 1—5.

Ободовская И., Дементьев М. — Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и её сестёр Е. Н. и А. Н. Гончаровых. М., 1975.

П. в воспоминаниях — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1974.

П. в воспоминаниях, 1985. — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1985.

П. Врем. — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936—1941. Т. 1—6. *П. в Яропольце* — Ободовская И., Дементьев М. — Пушкин в Яропольце. М., 1982.

П. и мужики — Щёголев П. Е. Пушкин и мужики: По неизданным материалам. М., 1928.

ПуС — Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1903—1930. Вып. 1—39.

П. Исслед. и мат. — Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956—1979. Т. 1—9.

Письма, т. 1—3 — Пушкин. Письма. 1815—1833. Т. 1—2 / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1926—1928. Т. 3 / Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского. М.; Л., 1935.

Письма к Хитрово — Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Л., 1927. (Тр. Пушкинского Дома; Вып. 48).

Письма последних лет — Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837 / Под ред. Н. В. Измайлова. Л., 1969.

Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой — Гофман М. Л., Лифарь Сергей. Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой: Юбилейное издание. 1837—1937. Париж. 1935.

П. Итоги и проблемы — Пушкин. Итоги и проблемы изучения: Коллективная монография / Под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха. М.; Л., 1966.

Поляков — Поляков А. С. О смерти Пушкина: (По новым данным). Пг., 1922. (Тр. Пушкинского Дома при Российской академии наук).

Поэты 1820—1830-х годов — Поэты 1820—1830-х годов / Вступ. ст. и общая ред. Л.

Я. Гинзбург; Биогр. справки, подгот. текста и примеч. В. Э. Вацуро, В. С. Киселёва-Сергенина. Л., 1972. (Б-ка поэта. Большая сер.).

Путеводитель — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6-ти т. Т. 6. Путеводитель по Пушкину. М.; Л., 1931. (Приложение к журн. «Красная Нива» на 1931 г.).

РА — Русский архив.

Рассказы о П. — Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1850—1880 годах / Вступ. ст. и примеч. М. А. Цявловского. М., 1925.

Р. библ. — Русский библиофил.

РВ — Русский вестник.

РЛ — Русская литература.

РС — Русская старина.

Рукою П. — Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печ. и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935.

Рук. ПД. — Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание. М.; Л., 1937.

Славянский — Славянский Ю. Л. Поездка А.

С. Пушкина в Поволжье и на Урал: Научно-популярный этюд. Казань, 1980.

СА — Советские архивы.

Соллогуб — Соллогуб В. А. Воспоминания / Ред., предисл. и примеч. С. П. Шестерикова; Вступ. ст. П. К. Губера. М.; Л., 1931.

СПб. вед. — Санкт-Петербургские ведомости.

СПч — Северная пчела.

Стар. и нов. — Старина и новизна.

Сын от. — Сын отечества.

Щёголев — Щёголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. 3-е изд. М.; Л., 1928.

Рисунки Пушкина

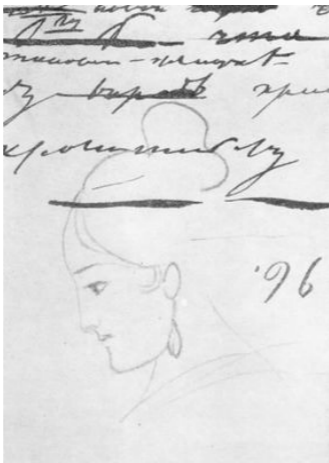

А. С. Пушкин. Автопортрет. 1827—1830 гг.
Н. Н. Пушкина. Акварель А. Брюллова.
1832 г.

Рисунок Пушкина. 1829 г.

Рисунок сделан в так называемой арзрумской тетради Пушкина (*ИРЛИ*, № 841, л. 114) в сентябре 1829 г., когда он остановился в Москве на пути из Арзрума в Петербург. Впервые как портрет Н. Н. Гончаровой он был напечатан (без аргументации) М. Д. Беляевым (*Огонёк*, 1940, 10 июня). С Беляевым полемизировал А. Эфрос, нашедший в рисунке сходство с А. П. Керн (см.: Эфрос А. Пушкин-портретист. М., 1946, с. 179—184). После книги Эф-

рота как портрет Керн перепечатывался много раз. Аргументация Эфроса частично основывалась на недоразумении. Он пишет, что рисунок был сделан Пушкиным «перед поездкой в Петербург, куда он ехал свататься к А. А. Олениной и где, как всегда, у родных должен был встретиться с Анной Петровной; отныне его сердцу она была уже не нужна и порой даже раздражала его, вызывая на резкость» (Там же, с. 182—183). Но сватался Пушкин к Олениной не в 1829, а в 1828 г. — в 1829 г., в

Москве все его мысли, желания, надежды обращены к Н. Н. Гончаровой. Отражение этих мыслей — рисунок. Достаточно положить его рядом с акварельным портретом Н. Н. Пушкиной работы А. П. Брюллова (1831), чтобы убедиться в этом. Мы видим тот же высокий лоб, линию носа, те же брови, причёску, завиток волос около уха, те же серьги — в таком виде появлялась невеста Пушкина, а затем его молодая жена на балах в 1829—1831 гг.

Эфрос видит в рисунке женщину «в расцвете лет», а потому «несколько располневшую». Мы бы сказали, что рисунок подчёркивает не полноту, а наклон головы и юношескую округлость лица Н. Н. Гончаровой. Профильный силуэт А. П. Керн из семейной коллекции Вульффов, относящийся к 1825 г. (опубликован А. М. Гординым в кн: Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974), не имеет ни малейшего сходства с рисунком Пушкина.

Примечания

Во второй половине мая 1830 г. Пушкин гостил в Полотняном заводе у дедушки Н. Н. Гончаровой Афанасия Николаевича Гончарова.

[^^^]

В Москве, на углу Большой Никитской улицы и Скарятинского переуллка, был дом Гончаровых (ныне улица Герцена, д. 48—50). [Возврат к примечаниям [69], [141] и [264]]

[^^^]

Аграфена — по определению Л. А. Черейского, прислуга Гончаровых в Москве. См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 9.

[^^^]

«Страхи» связаны с обстоятельствами сватовства Пушкина и его психологическим состоянием после того, как в начале апреля 1830 г. его предложение Н. Н. Гончаровой было принято. Размолвки с тётцей, неуверенность в чувствах невесты, материальная неустроенность вызывали у Пушкина сомнение в возможности счастья. Для его настроения перед свадьбой характерно письмо к Н. И. Гончаровой от 5 апреля 1830 г. Приводим это письмо в русском переводе:

«После того, милостивая государыня, как вы дали мне разрешение писать к вам, я, взявшись за перо, столь же взволнован, как если бы был в вашем присутствии. Мне так много надо высказать, и чем больше я об этом думаю, тем более грустные и безнадежные мысли приходят мне в голову. Я изложу их вам — вполне чистосердечно и подробно, умоляя вас проявить терпение и особенно снисходительность.

Когда я увидел её в первый раз, красоту

её едва начинали замечать в свете. Я полюбил её, голова у меня закружилась, я сделал предложение, Ваш ответ, при всей его неопределённости, на мгновение свёл меня с ума; в ту же ночь я уехал в армию; вы спросите меня — зачем? клянусь вам, не знаю, но какая-то произвольная тоска гнала меня из Москвы; я бы не мог там вынести ни вашего, ни её присутствия. Я вам писал; надеялся, ждал ответа — он не приходил. Зablуждения моей ранней молодости представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их ещё усилила; молва о них, к несчастью, широко распространилась. Вы могли ей поверить; я не смел жаловаться на это, но приходил в отчаяние.

Сколько мук ожидало меня по возвращении! Ваше молчание, ваша холодность, та рассеянность и то безразличие, с какими приняла меня м-ль Натали... У меня не хватило мужества объясниться, — я уехал в Петербург в полном отчаянии. Я чувствовал, что сыграл очень смешную роль, первый

раз в жизни я был робок, а робость в человеке моих лет никак не может понравиться молодой девушке в возрасте вашей дочери. Один из моих друзей едет в Москву, привозит мне оттуда одно благосклонное слово, которое возвращает меня к жизни, — а теперь, когда несколько милостивых слов, с которыми вы соблаговолили обратиться ко мне, должны были бы исполнить меня радостью, я чувствую себя более несчастным, чем когда-либо. Постараюсь объяснить.

Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери; я могу надеяться возбудить со временем её привязанность, но ничем не могу ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия её сердца. Но, будучи всегда окружена восхищением, поклонением, соблазнами, надолго ли сохранит она это спокойствие? Ей станут говорить, что лишь несчастная судьба помешала ей заключить другой, более равный, более блестящий, более до-

стойный её союз; — может быть, эти мнения и будут искренни, но уж ей они безусловно покажутся таковыми. Не возникнут ли у неё сожаления? Не будет ли она тогда смотреть на меня как на помеху, как на коварного похитителя? Не почувствует ли она ко мне отвращения? Бог мне свидетель, что я готов умереть за неё; но умереть для того, чтобы оставить её блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа, — эта мысль для меня — ад.

Перейдём к вопросу о денежных средствах; я придаю этому мало значения. До сих пор мне хватало моего состояния. Хватит ли его после моей женитьбы? Я не потерплю ни за что на свете, чтобы жена моя испытывала лишения, чтобы она не бывала там, где она призвана блистать, развлекаться. Она вправе этого требовать. Чтобы угодить ей, я согласен принести в жертву свои вкусы, всё, чем я увлекался в жизни, моё вольное, полное случайностей существование. И всё же не станет ли она роптать, если положение её в свете не будет

столь блестящим, как она заслуживает и как я того хотел бы?

Вот в чём отчасти заключаются мои опасения. Трепещу при мысли, что вы найдёте их слишком справедливыми. Есть у меня ещё одна тревога, которую я не могу решиться доверить бумаге...

Благоволите, милостивая государыня, принять уверение в моей совершенной преданности и высоком уважении».
(Акад., XIV, № 461; подлинник по-французски).

См. также письма Пушкина к В. Ф. Вяземской от конца августа 1830 г. (Акад., XIV, № 518) и к П. А. Плетнёву от 31 августа (Акад., XIV, № 519) — отрывки из них приведены в примеч. 2 к письму 5 (наст. изд., с. 114).

[^^^]

По донесению московской полиции Пушкин уехал из Москвы в Петербург 16 июля 1830 г. (РА, 1876, кн. 2, с. 236). Целью поездки было устройство своих дел, главным образом — свидания с отцом для «личного переговора <...> касательно основания будущего своего дома и состояния» (Анненков, т. 1, с. 279). В Петербург он приехал 19-го. Н. О. Пушкина писала дочери в Михайловское: «Наконец Александр приехал в тот самый день, когда я написала тебе первое письмо (19 июля. — Я. Л.). <...> свадьба не состоится ранее сентября». И дальше: «Он очарован своей Наташей, говорит о ней, как о божестве, он собирается в октябре приехать с ней в Петербург. <...> Вообрази, что он совершил этим летом сентиментальное путешествие в Захарово, совсем один, только для того, чтобы увидеть то место, где он провёл несколько лет своего детства. Он мне рассказывал о великолепном имении старого Гончарова, он даёт за Наташей 300 крестьян в Нижнем, мать даёт 200 в Яропольцах. Малиновские говорят много хо-

рошего о всей семье Гончаровых, а Наташу считают ангелом» (*ЛН*, т. 16—18, с. 776; подлинник по-французски). Действительно, А. Н. Гончаров собирался выделить любимой внучке часть нижегородского имения (см. его письмо к Пушкину от 9 апреля 1831 г. и ответ Пушкина 25 апреля 1831 г.: *Акад.*, XIV, № 589, 593). В архиве Гончаровых хранились документы о выделении Наталье Николаевне части из села Катунки Нижегородской губернии, а именно: два черновика дарственной записи на её имя, записка в Опекунский совет и доверенность в виде письма на имя Григория Козьмина, вероятно, приказчика А. Н. Гончарова. Это приданое составляло 112 400 руб. ассигнациями, но на имении лежал долг Опекунскому совету в размере 185 691 руб. Между тем непременным условием было, чтобы все долги, числящиеся на имении, перешли также и на часть Натальи Николаевны. Но и на таких условиях операция не осуществилась. По-видимому, помехой были препятствия формального характера, так как прямой наследник А. Н. Гончарова — отец Натальи Николаевны Н. А. Гончаров был жив, а

при его жизни дети не имели права получать часть гончаровских владений. Подробнее об этом см. коммент. Д. Благого и Т. Волковой в кн.: *Лет. ГЛМ*, с. 413—415; *П. в Яропольце*, с. 46—48.

[^^^]

Пушкин имеет в виду живые картины, которые устраивались у Д. В. Голицына и в которых участвовала Н. Н. Гончарова. Рассказывая о сватовстве Пушкина, П. В. Анненков пишет: «В 1830 году прибытие части высочайшего двора в Москву оживило столицу и сделало её средоточием веселий и празднеств. Наталья Николаевна принадлежала к тому созвездию красоты, которое в это время обращало внимание и, смеем сказать, удивление общества. Она участвовала во всех удовольствиях, которыми встретила древняя столица августейших своих посетителей, и между прочим — в великолепных живых картинах, данных Московским генерал-губернатором князем Дмитрием Владимировичем Голицыным. Молва об её красоте и успехах достигла Петербурга, где жил тогда Пушкин. По обыкновению своему он стремительно уехал в Москву, не объяснив никому своих намерений, и возобновил свои искания» (Анненков, т. 1, с. 278). О бале, данном Д. В. Голицыным на святках, П. А. Вяземский писал Пушкину: «А что за картина была

в картинах Гончарова! Ты <-----> бы от восхищения» (письмо 2 января 1830 г.: *Акад.*, XIV, № 426). На балу у Голицына произошло и событие, решившее участь Пушкина. Вяземский рассказывал П. И. Бартеневу, что он попросил И. Д. Лужина, который должен был танцевать с Н. Н. Гончаровой, заговорить с нею и с её матерью о Пушкине с тем, чтобы по их отзыву догадаться, что они о нём думают. Мать и дочь отозвались благосклонно и велели кланяться Пушкину. Приехав в Петербург, Лужин передал этот поклон поэту (*РА*, 1888, кн. 2, с. 307). После этого Пушкин решился на вторичное сватовство.

[^^^]

Малиновские Анна Петровна и Екатерина
Алексеевна.

[^^^]

Н. К. Загряжской позднее несомненно был послан билет с извещением о помолвке Пушкина и её племянницы. У П. В. Нащокина сохранился такой билет, им полученный, со следующим текстом: «Николай Афанасьевич и Наталья Ивановна Гончаровы имеют честь объявить о помолвке дочери своей Натальи Николаевны с Александром Сергеевичем Пушкиным, сего мая 6 дня 1830 года» (Девятнадцатый век. М., 1872, кн. 1, с. 383). Обстоятельства, вызвавшие отсрочку свадьбы, как следует из рассказа Пушкина, были ей неизвестны. Свадьба, действительно, сначала была отложена из-за материальных затруднений, потом ей помешали разразившаяся холера и смерть В. Л. Пушкина. Состоялась свадьба только 18 февраля 1831 г.

[^^^]

Николай I видел Н. Н. Гончарову в Москве, на балах, в марте 1830 г. Когда 16 апреля Пушкин просил у Николая I через Бенкендорфа разрешения на женитьбу (см.: *Акад.*, XIV, № 463), шеф жандармов отвечал: «Его императорское величество с благосклонным удовлетворением принял известие о предстоящей вашей женитьбе и при этом изволил выразить надежду, что вы хорошо испытали себя перед тем, как предпринять такой шаг, и в своём сердце и в характере нашли качества, необходимые для того, чтобы составить счастье женщины, особенно женщины столь достойной и привлекательной, как м-ль Гончарова» (*Акад.*, XIV, № 470; подлинник по-французски).

[^^^]

В Парголове у графини Полье жила Е. И. Загряжская. О странностях графини и о её образе жизни Пушкин пишет в следующем письме.

[^^^]

Речь идёт о статуе Екатерины II. Историю этой статуи Н. О. Лернер излагает следующим образом: «В восьмидесятых годах XVIII века Потёмкин заказал в Берлине скульптору Мейеру колоссальную бронзовую статую Екатерины II. В 1782 году она была отлита, а в 1786 окончательно отделана, о чём свидетельствуют надписи: „Мейер слепил, Наукиш отлил, Мельцер отделал спустя шесть лет в 1786 году“. Но Потёмкин скончался, не успев расплатиться с немецкими художниками, и статуя осталась в Германии, а через несколько лет прадед жены Пушкина, Николай Афанасьевич Гончаров, приобрёл её и хотел поставить её в своём имении Полотняном Заводе, и впоследствии его сыну, деду жены Пушкина, Афанасию Николаевичу, при котором дела Гончаровых сильно пошатнулись, пришла мысль попробовать, нельзя ли извлечь из лежавшей в подвале статуи погребённый в ней капитал. Едва состоялась помолвка его внучки с Пушкиным, дедушка, весьма преувеличивая значение придворных связей Пушки-

на, — взвалил на него хлопоты по ликвидации этого дела. <...> Просимое разрешение ему было, с высочайшего соизволения, дано, о чём ему сообщили и Пушкин, и Бенкендорф. Получив разрешение, Гончаров, который раньше говорил, что ему предлагают за металл 40.000 рублей, им не воспользовался, что и спасло статую от гибели» (Речь, 1911, 30 марта, № 87). В. И. Асонов, полемизируя с Лернером, пишет, что памятник был заказан в Берлине не Потёмкиным, а самим Н. А. Гончаровым (Изв. Калуж. Учён. Арх. Комис., 1911, вып. 21); так же излагает историю статуи и Пушкин в письме к Бенкендорфу от 29 мая 1830 г. Из этого письма можно вынести заключение, что деньги (или часть денег), вырученных за статую, были обещаны Наталье Николаевне в качестве приданого: «Неожиданно решённый брак его (А. Н. Гончарова. — Я. Л.) внушки застал его врасплох, без всяких средств и, кроме государя, разве только его покойная августейшая бабка могла бы вывести нас из затруднения» (Акад., XIV, № 487; подлинник по-французски). Об этом же свидетельствует и следующая попытка Пушкина

уже от своего имени продать статую в казну. 8 июня 1832 г. Пушкин, напоминая о своей просьбе, пишет Бенкендорфу: «...статуя оказалась прекрасным произведением искусства и я посовестился и пожалел уничтожить её ради нескольких тысяч рублей. Ваше превосходительство с обычной своей добротой подали мне надежду, что её могло бы купить у меня правительство; поэтому я велел привезти её сюда. <...> Я хотел бы получить за неё 25.000 р., что составляет четвертую часть того, что она стоила (этот памятник был отлит в Пруссии берлинским скульптором). В настоящее время статуя находится у меня (Фурштадская улица, дом Алымова)» (Акад., XV, № 763).

Однако «надежда», поданная Бенкендорфом, не оправдалась. 18 февраля 1833 г. Н. Н. Пушкина обращалась к министру двора кн. П. М. Волконскому, чтобы выяснить, «хотят ли ещё приобрести эту статую». Отказ Волконского был обоснован тем, что «... очень стеснённое положение, в котором находится в настоящее время императорский двор, не позволяет ему затратить сумму столь значительную» (Акад., XV, с. 332). Статуя была продана

уже после смерти Пушкина заводчику Францу Берду, который в 1845 г. продал её за 7000 руб. серебром Екатеринославскому дворянству. Памятник был поставлен в Екатеринославе (ныне Днепропетровск). Открытие его состоялось 26 октября 1846 г. (см.: *М. вед.*, 1846, № 130). О памятнике и его истории см.: Переписка братьев Коростовцевых с бароном Франком и гр. М. С. Воронцовым по поводу сооружения памятника императрице Екатерине II в г. Екатеринославе. — *РА*, 1876, кн. 2, с. 410—416; Средин А. А. Полотняный Завод. — *Старые годы*, 1910, июнь—сентябрь, с. 23—27; *П. в Яропольце*, с. 48—50; Эйдельман Н. Я. Медная и негодная... — В кн.: *Панорама искусств*. М., 1978, с. 38—41. [Возврат к примечаниям [14], [23] и [26]]

[^^^]

По предположению Л. Б. Модзалевского, египтянка — А. О. Россет (см.: *Письма*, т. 2, с. 452).

[^^^]

Прорвано.

[^^^]

См. примеч. 4[11] к письму 3.

[^^^]

Кроме просьбы о разрешении расплавить статую Екатерины II А. Н. Гончаров просил Пушкина выхлопотать ему ссуду для поправки дел имения. 14 августа 1830 г. поэт писал ему о результатах своих хлопот: «По приказанию Вашему являлся я к графу Канкрину и говорил о Вашем деле, т. е. о вспоможении денежном; я нашёл министра довольно неблагоприятным. Он говорил, что сие дело зависит единственно от государя; я просил от него по крайней мере обещания не прекословить государю, если его величеству угодно будет оказать Вам от себя оное вспоможение. Министр дал мне слово.» (Акад., XIV, № 512). «Дедушка», по-видимому, был настойчив и докучал Пушкину письмами. 24 августа Пушкин отвечал ему на не дошедшее до нас письмо: «Сердечно жалею, что старания мои были тщетны и что имею так мало влияния на наших министров: я бы за счастье почёл сделать что-нибудь Вам удобное». Из этого же письма видно, что поэт ещё не терял надежды на приданое, которое «дедушка» обещал выделить для На-

тали Николаевны. Он пишет: «Смерть дяди моего, Василья Львовича Пушкина, и хлопоты по сему печальному случаю растроили опять мои обстоятельства. Не успел я выдти из долга, как опять принуждён был задолжать. На днях отправляюсь я в нижегородскую деревню, дабы вступить во владение оной. Надежда моя на Вас одних. От Вас одних зависит решение судьбы моей» (Акад., XIV, № 516). Надежда эта не оправдалась, и так как Н. И. Гончарова не соглашалась выдать дочь замуж без приданого, Пушкину пришлось заложить «нижегородскую деревню», т. е. Кистенёво (см. примеч. 1 к письму 5), чтобы дать будущей теще в долг 11 000 руб. Деньги эти так и не были возвращены поэту.

[^^^]

Речь идёт об одной из старинных копий «Бриджуотерской мадонны» Рафаэля (названной так по имени своего владельца — герцога Бриджуотера (1758— 1829)). Копия была выставлена для продажи в витрине книжного магазина Слёнина на Невском проспекте в Петербурге. Картина приписывалась Рафаэлю. Сомнение в авторстве Рафаэля выразил В. Лангер, поместивший о ней статью в «Литературной газете» (1830, 1 апр., № 19). Об этой копии см.: Кока Г. М. Пушкин перед мадонной Рафаэля. — *Врем. ПК*, 1964. Л., 1967, с. 38—43.

[^^^]

«В Нижний», т. е. в нижегородское имение отца Болдино Пушкин уехал 1 или 2 сентября (см. письмо П. А. Вяземского к Е. М. Хитрово от 2 сентября 1830 г.: *РА*, 1899, кн. 2, с. 85). С. Л. Пушкин отдал поэту «в полное и безраздельное владение» 200 душ крестьян в селе Кистенёво, расположенном недалеко от Болдина. По «записи» — официальному акту, которым он передал сыну часть недвижимого своего имущества, Пушкин был ограничен в праве владения. В записи читается: «Он, сын мой, до смерти моей волен с того имения получать доходы и употреблять их в свою пользу, так же и заложить его в казённое место или партикулярным лицам; продать же его или иным образом перевести в постороннее владение, то сие при жизни моей ему запрещаю...» (*П. и мужики*, с. 74). Имение нужно было Пушкину не для ежегодного дохода, а для получения сразу крупной суммы денег. Поэтому 5 февраля 1831 г. он заложил эти 200 душ на 37 лет за 40 000 руб. За несколько дней до свадьбы поэт писал Плетнёву: «Через

несколько дней я женюсь: и представляю тебе хозяйственный отчёт: заложил я моих 200 душ, взял 38 000 — и вот им распределение: 11 000 тёще, которая непременно хотела, чтоб дочь её была с приданым — пиши пропало. 10 000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остаётся 17 000 на обзаведение и житие годичное. В июне буду у Вас и начну жить en bourgeois <помещански>, а здесь с тётками справиться невозможно — требования глупые и смешные — а делать нечего. Теперь понимаешь ли, что значит приданое и отчего я сердился? Взять жену без состояния — я в состоянии, но входить в долги для её тряпок — я не в состоянии. Но я упрям и должен был настоять по крайней мере на свадьбе» (Акад., XIV, № 577). Ср. воспоминания Е. А. Долгоруковой о женитьбе Пушкина, приведённые в примеч. 1[19] к письму 6. [Возврат к примечаниям [20] и [60]]

[^^^]

О ссоре с тётцей Пушкин писал В. Ф. Вяземской в последних числах августа 1830 г.: «Я уезжаю, рассорившись с г-жой Гончаровой. На следующий день после бала она устроила мне самую нелепую сцену, какую только можно себе представить. Она мне наговорила вещей, которых я по чести не мог стерпеть. Не знаю ещё, расстроилась ли моя женитьба, но повод для этого налицо, и я оставил дверь открытой настежь. <...> Ах, что за проклятая штука счастье!..» (*Акад.*, XIV, № 518; подлинник по-французски). Душевное состояние Пушкина после ссоры нашло отражение и в письме к Плетнёву, написанном перед самым отъездом, 31 августа: «Милый мой, расскажу тебе всё, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. <...> Дела будущей тётчи моей расстроены. Свадьба моя отлагается день ото дня далее. Между тем я хладею, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни. К тому же московские сплетни доходят до ушей невесты и её матери — отселе размолвки, колкие обиняки, ненадёжные примире-

ния — словом, если я и не несчастлив, по крайней мере не счастлив. Осень подходит. Это любимое моё время — здоровье моё обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настаёт — а я должен хлопотать о приданом да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда. Всё это не очень утешно. Еду в деревню, бог весть, буду ли там иметь время заниматься, и душевное спокойствие, без которого ничего не произведёшь, кроме эпиграмм на Каченовского, Так-то, душа моя. От добра добра не ищут. Чорт меня догадал бредить о счастии, как будто я для него создан» (*Акад.*, XIV, № 519). Неуверенность Пушкина в будущем счастье отразилась ещё в одном письме к Плетнёву — от 29 сентября 1830 г. (*Акад.*, XIV, № 523), а также в письме к Н. И. Кривцову от 10 февраля 1831 г. (*Акад.*, XIV, № 574) и в прозаическом отрывке 1830 г. «Участь моя решена» (И. Фейнберг едва ли прав, отрицая всякое автобиографическое значение этого отрывка. — См.: Фейнберг И. Незавершённые работы Пушкина. 6-е изд. М., 1976, с. 276—281). Вопреки сомнениям Пушкина болдинская осень 1830 г. оказалась очень плодотворной

(см. примеч. 3[30] к письму 8).

[^^^]

Письмо, за которое Пушкин благодарит невесту, было получено им в этот же день. В одной из черновых тетрадей им сделана запись: «9 сентября. Письмо от Natalie» (*Рукою П.*, с. 68). Это письмо, как и другие письма Натальи Николаевны к Пушкину, неизвестно (см.: вступ. ст., с. 106). О его содержании можно судить по письму Пушкина к Плетнёву от 9 сентября 1830 г.: «Я писал тебе премеланхолическое письмо (речь идёт о письме от 31 августа. — *Я. Л.*; см. примеч. 2 к письму 5), милый мой Пётр Александрович, да ведь меланхолией тебя не удивишь, ты сам на это собаку съел. Теперь мрачные мысли мои порассеялись; приехал я в деревню и отдыхаю. <...> Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты да и засесть стихи писать. Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат. При ней пиши сколько хошь. А невеста пуще цензора Щеглова, язык и руки связывает... Сегодня от своей получил я премиленькое письмо; обещает выдти за меня и без приданого. Приданое не уйдёт. Зовёт меня в Москву — я приеду не прежде ме-

сыца...» (Акад., XIV, № 522). Свои письма к Пушкину Наталья Николаевна писала часто под диктовку матери. Екатерина Алексеевна Долгорукова, близкая подруга Натальи Николаевны до её замужества, вспоминала: «Пушкин оставался женихом чуть ли не целый год до свадьбы. Когда он жил в деревне, Наталья Ивановна не позволяла дочери самой писать к нему письма, а приказывала ей писать всякую глупость и между прочим делать ему наставления, чтобы он соблюдал посты, молился богу и пр. Наталья Николаевна плакала от этого». В этих же воспоминаниях содержатся любопытные подробности, связанные с женитьбой Пушкина: «Пушкин настаивал, чтобы поскорее их обвенчали. Но Наталья Ивановна напрямик ему объявила, что у неё нет денег. Тогда Пушкин заложил именье, привёз денег и просил шить приданое. Много денег пошло на разные пустяки и на собственные наряды Натальи Ивановны. В самый день свадьбы она послала сказать ему, что надо ещё отложить, что у неё нет денег на карету или на что-то другое. Пушкин опять послал денег. Венчались в приходе невесты у Большого Воз-

несения. Во время венчания нечаянно упали с наля крест и Евангелие, когда молодые шли кругом. Пушкин весь побледнел от этого. Потом у него потухла свечка. Tous les mauvais augures <все плохие предзнаменования>, — сказал Пушкин» (*П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 138—139). [Возврат к примечанию[17]]

[^^^]

Имеется в виду деревня Кистенёво (см. примеч. 1[17] к письму 5).

[^^^]

Холера. *(Латин.)*

[^^^]

О том, что холера («Cholera morbus») подбирается к Нижнему Новгороду, Пушкин знал ещё перед отъездом из Москвы. В одном из набросков к будущим «Запискам» он рассказывает: «Перед моим отъездом Вяземский показал мне письмо, только что им полученное: ему писали о холере, уже перелетевшей из Астраханской губернии в Саратовскую. По всему видно было, что она не минует и Нижегородской (о Москве мы ещё не беспокоились). Я поехал с равнодушием, коему был обязан пребыванию моему между азиатцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на известные предосторожности, а в моём воображении холера относилась к чуме, как элгия к дифирамбу» (Акад., XII, № 309).

[^^^]

В тот же день, 9 сентября, Пушкин отвечает А. Н. Гончарову, который продолжал докучать ему своими просьбами (см. примеч. 4[11] к письму 3): «Из письма (письмо Гончарова до нас не дошло. — Я. Л.), которое удостоился я получить, — пишет поэт, — с крайним сожалением заметил я, что Вы предполагаете во мне недостаток усердия. Примите, сделайте милость, моё оправдание. Не осмелился я взять на себя быть ходатаем по Вашему делу единственно потому, что опасался получить отказ, не впору приступая с просьбою к государю или министрам. Сношения мои с правительством подобны вешней погоде: поминутно то дождь, то солнце. А теперь нашла тучка...». Далее Пушкин советует А. Н. Гончарову направить царю через Бенкендорфа просьбу о «временном вспоможении» (*Акад.*, XIV, № 521).

[^^^]

Е. Н. и А. Н. Гончаровы.

[^^^]

Правильное название города — Богородск, уездный город Московской губернии; в нём была одна из пограничных застав (см.: РА, 1893, кн. 3, с. 98). О своей первой попытке прорваться через карантин в Москву Пушкин рассказал по свежим впечатлениям, после возвращения в Болдино, в заметке о холере. В этой заметке он писал: «Я занялся (в Болдине. — Я. Л.) моими делами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказки и не ездя по соседям. Между тем начинаю думать о возвращении и беспокоиться о карантине. Вдруг 2 октября получаю известие, что холера в Москве. Страх меня пронял — в Москве... но об этом когда-нибудь после. Я тотчас собрался в дорогу и поскакал. Проехав 20 вёрст, ямщик мой останавливается: застава! Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку. Я стал расспрашивать их. Ни они, ни я хорошенько не понимали, зачем они стояли тут с дубинами и с повелением никого не пускать. Я доказывал им, что вероятно где-нибудь да учреждён карантин, что я

не сегодня, так завтра на него наеду, и в доказательство предложил им серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многие лета» (*Акад.*, XII, 310). Но далеко от Болдина уехать не удалось. Около 29 октября поэт писал Плетнёву: «Я сунулся было в Москву, да узнав, что туда никого не пускают, воротился в Болдино да жду погоды» (*Акад.*, XIV, № 528). [Возврат к примечанию[51]]

[^^^]

Это письмо А. Н. Гончарова неизвестно. «Бабушка» — статуя Екатерины II (см. примеч. 4 [11] к письму 3).

[^^^]

Эту легенду о Л. А. Пушкине поэт повторяет и в так называемом «Начале автобиографии»: «Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урождённая Воейкова, умерла на соломе, заключённая им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую её связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на чёрном дворе...» (*Акад.*, XII, с. 311). Факт с повешенным учителем опровергается формулярным списком о службе Л. А. Пушкина, где значится, что он «за непорядочные побои находящегося у него в службе венецианца Харлампия Меркади был под следствием, но по именному указу поведено его, Пушкина, из монаршей милости простить» (*Письма*, т. 2, с. 469). Отец поэта, прочитав опубликованные в апреле 1840 г. в «Сыне Отечества» отрывки из «Записок» А. С. Пушкина, счёл необходимым вступить за «священную память» своего отца и писал по этому поводу: «История о французе и первой жене его много увеличена. Отец мой никогда не вешал никого, не содер-

жался в крепости двух лет. — Он находился под домашним арестом это правда, но пользовался свободой. В поступке его с французом содействовал ему родной брат его жены, Александр Матвеевич Воейков: сколько я знаю, это ограничилось телесным наказанием, — и то я не выдаю за точную истину. Знаю, что отец мой и в счастливом супружестве с моей матерью, на которой он женился шестнадцати лет, с нежностью вспоминал о первой жене своей» (*Современник*, 1840, т. 19, с. 102—106). О полемическом выступлении С. Л. Пушкина см.: Эйдельман Н. Я. В родню свою неукротим. — *Знание — сила*, 1981, № 1, с. 34—36). Ошибка Пушкина объясняется тем, что о характере и поступках Л. А. Пушкина в семье старались не говорить. Закljučая рассказ о деде, поэт пишет: «Всё это я знаю довольно темно. Отец мой никогда не говорит о странностях деда, а старые слуги давно перемерли» (*Акад.*, XII, 311).

[^^^]

Холера появилась в Москве в 10-х числах сентября. В дневнике П. А. Вяземского 3 октября записано: «Сегодня минуло две недели, что я узнал о существовании холеры в Москве» (*Вяземский*, т. 9, с. 140). Въезд в Москву был закрыт 1 октября 1830 г. (см. в письме Ф. Кристина к С. А. Бобринской от 2 октября 1830 г.: «Со вчерашнего дня Москва заперта, в течение 12 дней её покинуло 60 тысяч человек. Теперь никто не выедет и не въедет без нового распоряжения... Все кричат о страшной опасности...» (*РА*, 1884, кн. 3, с. 141).

[^^^]

Имя этой женщины не установлено. О ней же Пушкин пишет Е. М. Хитрово уже около 20 июня 1831 г. из оцепленного карантинами Царского Села: «Итак, у вас появилась холера; впрочем, не бойтесь. Это та же история, что и с чумой; порядочные люди от неё не умирают, как говорила маленькая гречанка. Надо надеяться, что эпидемия окажется не слишком сильной, даже среди простого народа» (Акад., XIV, № 615; подлинник по-французски).

[^^^]

Знаменитая «Болдинская осень» для Пушкина была особенно плодотворной. Вернувшись в Москву, он писал Плетнёву: «Скажу тебе (за тайну) что и в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привёз сюда: 2 последние главы Онегина, 8-ую и 9-ую, совсем готовые в печать. Повесть, писанную октавами (стихов 400) („Домик в Коломне“. — Я. Л.), которую выдадим Анопуге. Несколько драматических сцен, или маленьких трагедий, именно: *Скупой рыцарь*, *Моцарт и Салиери*, *Пир во время чумы* и *Д.<он> Жуан*. Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Ещё не всё: (Весьма секретное). Написал я прозой 5 повестей („Повести Белкина“. — Я. Л.), от которых Баратынский ржёт и бьётся — и которые напечатает также Анопуге. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает» (*Акад.*, XIV, № 546). [Возврат к примечанию[18]]

[^^^]

Полиньяк Жюль-Август-Арман-Мари (1780—1847) — министр иностранных дел при французском короле Карле X, был арестован во время Июльской революции 1830 г. и приговорён к пожизненному заключению (освобождён в 1836 г.). Революционные круги требовали его казни, а монархисты утверждали, что оснований для суда нет. Пушкин считал, что необходимы суд и казнь, и заключил в августе 1830 г. пари с Вяземским (на бутылку шампанского), казнят ли министра. 29 сентября 1830 г. он спрашивал Плетнёва: «Месяц я здесь прожил, <...> не читая журналов, так что не знаю, что делает Филип [Август] и здоров ли Полиньяк» (*Акад.*, XIV, № 523). 5 ноября в письме к Вяземскому он вспоминает о пари: «Кстати: о Лизе голенькой <Е. М. Хитрово> не имею никакого известия. О Полиньяке тоже. Кто плотит за шампанское, ты или я? Жаль, если я» (*Акад.*, XIV, № 534).

Это письмо Н. Н. Гончаровой к Пушкину, как и другие её письма к нему, неизвестно (см.: вступ. ст., с. 105—106).

[^^^]

Речь идёт о Полотняном заводе — имении Гончаровых, расположенном недалеко от Калуги.

[^^^]

После ссоры Пушкина с тётцей слухи о том, что его свадьба расстроилась, распространялись в обществе. Так, например, они дошли до жившего в своей деревне А. С. Хомякова, который летом 1830 г. просил Н. А. Муханова сказать ему «словечко» «о графе Закревском и о свадьбе Пушкина», прибавляя при этом «Je deviens commère» (Я становлюсь сплетником) (Хомяков А. С. Соч. М., 1900, т. 8, с. 23). По-видимому, дошли эти слухи и до Е. М. Хитрово. Отвечая на её письмо (не дошедшее до нас), Пушкин пишет: «Что до известия о моём разрыве с невестой, то оно ложно и основано лишь на моём долгом отсутствии и на обычном моём молчании по отношению к друзьям» (Акад., XIV, № 548; подлинник по-французски). С. Л. Пушкин повторял свои опасения и в следующих письмах к сыну (см. письмо 11). Эти письма С. Л. Пушкина до нас не дошли.

В буквальном переводе: «вернёмся к нашим баранам» — слова судьи из средневекового фарса об адвокате Патлене, где при разборе дела о баранах участники суда постоянно отвлекаются от сути спора.

[^^^]

Из окон гончаровского дома на Никитской была видна лавка гробовщика Адриана, рассказы о котором могли послужить толчком к созданию повести «Гробовщик», законченной Пушкиным в Болдине (см.: Мартынов А. А. Московская старина. — РА, 1878, кн. 1, с. 171—172).

[^^^]

Прорвано.

[^^^]

Вторая попытка Пушкина уехать из Болдина относится к концу первой декады ноября. Около 5 ноября он писал П. А. Осиповой: «Проклятая холера! Ну, как не сказать, что это злая шутка судьбы? Несмотря на все усилия, я не могу попасть в Москву; я окружён целою цепью карантинных, и притом со всех сторон, так как Нижегородская губерния — самый центр заразы. Тем не менее, после завтра я выезжаю, и бог знает, сколько [дней] месяцев мне потребуется, чтобы проехать эти 500 вёрст, на которые обыкновенно я трачу двое суток» (*Акад.*, XIV, № 535; подлинник по-французски). Об этой попытке см. в воспоминаниях В. В. Ульянина (примеч. 4[45] к письму 12). [Возврат к примечанию[51]]

[^^^]

О 14 карантинах Пушкин писал Наталье Николаевне 4 ноября. По-видимому, она навела справки и в ответном письме разъясняла Пушкину действительную обстановку.

[^^^]

Князь Шаликов Пётр Иванович — издатель «Дамского журнала» и «Московских ведомостей». «Московские ведомости» Пушкин получал в Болдине (см. в его письме к М. П. Погодину от начала ноября 1830 г.: «Из Моск. Ведомостей, единственного журнала, доходящего до меня, вижу, любезный и почтенный Михайло Петрович, что вы не оставили Матушки нашей» (*Акад.*, XIV, № 533)).

[^^^]

Прорвано.

[^^^]

Имеется в виду Анна Сергеевна Голицына.

[^^^]

Николай I приехал в холерную Москву, чтобы своим личным присутствием успокоить её жителей. Узнав об этом, Пушкин писал П. А. Вяземскому 5 ноября 1830 г.: «Каков государь? молодец! того и гляди, что наших каторжников простит — дай бог ему здоровье!» (*Акад.*, XIV, № 534). Как известно, надежды на «прощение каторжников» (т. е. декабристов) не оправдались. Однако теми же настроениями, что и восторженные слова в письме к Вяземскому, было вызвано стихотворение «Герой», под которым при публикации проставлена дата: «29 сентября 1830» — день приезда царя в Москву. Посылая стихотворение М. П. Погодину, Пушкин опасался, что его могут обвинить в лести царю (как это было после публикации в 1826 г. «Стансов»); поэтому он просил Погодина: «Напечатайте, где хотите, хоть в Ведомостях — но прошу вас и требую именем нашей дружбы не объявлять *никому* моего имени» (*Акад.*, XIV, № 533). Стихотворение было напечатано анонимно в № 1 «Телескопа» за 1831 г.

[^^^]

По распоряжению Николая I Москва с 1 октября была оцеплена «и никто из оной не выпускаем, а равно и впускаем в оную не был, кроме следующих с жизненными и другими необходимыми припасами». 14 октября для выезжающих был установлен 14-дневный карантин. Так продолжалось до 6 декабря 1830 г. (РА, 1893, кн. 3, с. 100). М. П. Погодин писал по этому поводу С. П. Шевырёву: «6-го декабря, в день Николая чудотворца и государевых именин, снято наружное оцепление, которое очень стесняло жителей. Ты не можешь себе представить, что это была за радость: нарочно иные ездили прогуляться за заставу, чтоб только воспользоваться этим правом. Как бы скорее сжить её (холеру. — Я. Л.) с рук? Устали!» (РА, 1882, кн. 3, с. 179). Пушкин, выехавший из Болдина в самом конце ноября, 1 декабря был задержан в Платовском карантине (см. письмо 13), но разрешение свободного въезда в Москву сократило срок его пребывания в карантине вместо положенных двух недель до трёх-четырёх дней.

[^^^]

В. В. Ульянин, Лукояновский предводитель дворянства, рассказывал впоследствии П. М. Языкову об этом эпизоде: «Во время холеры <...> мне поручен был надзор за всеми заставами со стороны Пензенской и Симбирской губерний. А. С. Пушкин в это самое время, будучи женихом, находился в поместье отца своего, селе Болдине. Я отношусь к нему учтиво, предлагая принять самую лёгкую должность. Он отвечает мне, что не будучи помещиком здешней губернии, он не обязан принимать должность. Я опять пишу к нему и прилагаю министерское распоряжение, по которому никто не мог отказываться от выполнения должностей. И за тем он не согласился и просил меня выдать ему свидетельство на проезд в Москву. Я отвечал, что за невыполнением первых моих отношений свидетельства выдать не могу. Он отправился так, на удачу; но во Владимирской губернии был остановлен и возвратился в Болдино. Между тем в Лукоянов приехал министр и был чрезвычайно доволен всеми моими распоряжени-

ями. „Нет ли у вас из дворян таких, кои уклонялись бы от исполнения должностей?“ — „Все действовали усердно за исключением нашего стихотворца А. С. Пушкина“. — „Как он смел это сделать? Покажите мне всю вашу переписку с ним“. Вследствие этого Пушкин получил строгое предписание министра и принял должность». Дальше Ульянов рассказывает, как он встретился с Пушкиным уже в Петербурге, в Английском клубе, и как тот сказал ему: «Кажется, это вы меня так притесняли во время холеры?» (РА, 1874, кн. 1, с. 799—800). [Возврат к примечанию[38]]

[^^^]

Документы эти, приложенные к его письму, не сохранились. По предположению Б. Л. Модзалевского, это была переписка Пушкина с Ульяниным (*Письма*, т. 2, с. 482).

[^^^]

^a*В автографе описки: Его.*

[^^^]

Текст письма расположен ниже и на обороте следующего письма Д. Языкова к Пушкину от 22 ноября 1830 г.: «Милостивый государь! Спешу отослать вам свидетельство на выезд, которое я получил для вас. Я сочувствую вашему положению, так как сам имею родственников в Москве, и мне понятно ваше желание туда вернуться. Очень рад, что мог быть вам полезен при этом обстоятельстве и, желая вам счастливого пути, остаюсь, милостивый государь, с совершенным уважением, Ваш нижайший слуга Дмитрий Языков» (Акад., XIV, № 538; подлинник по-французски).

[^^^]

Платава или Плотавя — деревня в Богородецком уезде Московской губернии, в 72 верстах от Москвы, на Нижегородском тракте.

[^^^]

Пушкин имеет в виду своё письмо от 26 ноября 1830 г. (см.: наст. изд., с. 20—21 [См. письмо 12. — Прим. *lenok555*]).

[^^^]

Пушкин два раза пытался выезжать из Болдина. П. А. Плетнёву он писал 9 декабря 1830 г.: «Милый! Я в Москве с 5 декабря. Нашёл тещу озлобленную на меня, и насилу с нею сладил — но слава богу — сладил. Насилу прорвался я и сквозь карантинны — два раза выезжал из Болдина и возвращался. Но слава богу, сладил и тут» (*Акад.*, XIV, № 546). О попытках Пушкина уехать из Болдина см.: примеч. 1[25] к письму 7 и примеч. 1[38] к письму 11.

[^^^]

О беспорядках, которые производили карантинны в стране, Пушкин писал в дневниковой записи 26 июля 1831 г.: «В прошлом году карантинны остановили всю промышленность, заградили путь обозам, привели в нищету подрядчиков и извозчиков, прекратили доходы крестьян и помещиков и чуть не взбунтовали 16 губерний. Злоупотребления неразлучны с карантинными постановлениями, которых не понимают ни употребляемые на это люди, ни народ. Уничтожьте карантинны, народ не будет отрицать существование заразы, станет принимать предохранительные меры и прибегнет к лекарям и правительству; но покамест карантинны тут, меньшее зло будет предпочтено большему и народ будет более беспокоиться о своём продовольствии, о угрожающей нищете и голоде, нежели о болезни неведомой и коей признаки так близки к отраве» (*Акад.*, XII, 199—200).

Пушкин выехал из Петербурга в Москву 3 декабря (см. письмо 17). 24 ноября он писал Бенкендорфу: «Неотложные дела требуют моего присутствия в Москве, и я, не будучи ещё окончательно зачислен на службу, принуждён отлучиться на две-три недели, не имея иного разрешения, как от одного лишь квартального. Считаю своим долгом поставить о том в известность Ваше превосходительство» (*Акад.*, XIV, № 704; подлинник по-французски). 4 декабря, т. е. на следующий день после отъезда Пушкина, вышло постановление об определении его на службу в Коллегию Министерства иностранных дел (подробности о зачислении его на службу см.: *Дела III отд.*, с. 122; *Гастфрейнд. Документы*, с. 2, 17, 29—31). По предложению Л. Б. Модзалевского, письмо к Бенкендорфу и отъезд Пушкина в Москву дали толчок к оформлению его служебного положения (*Письма*, т. 3, с. 442). «Неотложные дела», о которых Пушкин пишет Бенкендорфу, — устройство денежных дел, в первую очередь расчётов с Л. И. Жемчужниковым, В.

С. Огонь-Догановским и П. В. Нащокиным. По свидетельству П. В. Анненкова, занятые у Жемчужникова деньги, возможно, были проиграны Пушкиным в карты (см.: Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929, с. 357). Следует отметить, что долги, за которые поэт расплачивался с Жемчужниковым и Огонь-Догановским, были сделаны им ещё до женитьбы, даже до поездки в Болдино в 1830 г. Сам Пушкин, обращаясь в январе 1832 г. к М. О. Судинке с просьбой ссудить ему на два года 25 000 руб., писал: «Надобно тебе сказать, что я женат около года, и что вследствие сего образ жизни моей совершенно переменялся, к неопisanному огорчению Софьи Остафьевны и кавалергардских шаромыжников. От карт и костей отстал я более двух лет; на беду мою я забастовал будучи в проигрыше, и расходы свадебного обзаведения, соединённые с уплатою карточных долгов, расстроили дела мои» (Акад., XV, № 722). [Возврат к примечанию[60]]

[^^^]

^a маршрут, дневник путешествия.

[^^^]

«Иван Выжигин» (совершенно очаровательно!). *(Нем. и франц.)*

[^^^]

«Иван Выжигин» — роман Ф. В. Булгарина, пользовавшийся большой популярностью в мещанской среде. Ёмкую характеристику романа и его читателей дал И. В. Киреевский: «Пустота, безвкусие, бездушность, нравственные сентенции, выбранные из детских прописей, неверность описаний, приторность шуток — вот качества сего сочинения, качества — которые составляют его достоинство, ибо они делают его по плечу простому народу и той части нашей публики, которая от азбуки и катехизиса приступает к повестям и путешествиям. Что есть люди, которые читают *Выжигина* с удовольствием и, следовательно, с пользою, это доказывается тем, что *Выжигин* расходуется. Но где же эти люди? — спросят меня. — Мы не видим их, точно так же, как и тех, которые наслаждаются *Сонником* и книгою *О клопах*; но они есть, ибо и *Сонник*, и *Выжигин*, и *О клопах* раскупаются во всех лавках» (Денница ... на 1830 год. М., 1830, с. LXXIII—LXXIV).

[^^^]

«Старая квартира» Нащокина находилась в Большом Николо-Песковском пер., в доме Годовиковой.

[^^^]

Очевидно, эти слова Натальи Николаевны были ответом на следующие строки из письма Нащокина к Пушкину от 2 сентября 1831 г.: «Почтение моё Натальи Николаевне — как человек мнительный и несколько с воображением, я предполагаю — что работа, предназначенная по милостивому вниманию Натальи Николаевны мне, — докончена и перешла в руки ближайшие; — чтобы не сделать ошипки, напишу русскими буквами французскую пословицу: ле абсан он тужур тор <отсутствующие всегда неправы>, — не так ли, ибо я давно жду посылок от тебя...» (Акад., XIV, № 670). Речь шла о вышивке, которую Наталья Николаевна делала для Нащокина. См. в письме к нему Пушкина от 26 июня 1831 г.: «Шитьё её для тебя остановилось за неимением чёрного шёлка. Всё холера виновата.» (Акад., XIV, № 619).

[^^^]

Так называемый Нащокинский домик — двухэтажный домик из красного дерева, уместающийся на ломберном столе, воспроизводящий в уменьшенном виде обстановку квартир П. В. Нащокина (в 1830—1836 гг. он переменил 5 квартир), в которых постоянно останавливался Пушкин во время своих приездов в Москву. Историю домика и его современное состояние см.: Назарова Г. И. 1) Нащокинский домик. — В кн.: Пушкин и его время. Л., 1962, с. 499—510; 2) Нащокинский домик. Л., 1971. [Возврат к примечаниям [110] и [489]]

[^^^]

О «неотложных делах» Пушкина в Москве см. в примеч. 1[53] к письму 15. До поездки в Москву уладить свои денежные дела с Догановским (выручить его «из сетей Догановского»: *Акад.*, XIV, № 643) Пушкин поручил Нащокину. 26 июня 1831 г. он писал ему: «Напиши ко мне, к какому времени явиться мне в Москву за деньгами, да у Вас ли Догановский? Если у вас, так постарайся с ним поговорить, т. е. поторговаться, да и кончи дело, не дожидаясь меня...» (*Акад.*, XIV, № 619). Поручая Нащокину выкупить у Догановского свой вексель, Пушкин рассчитывал, что Нащокин сделает это, вернув ему свой долг (см. примеч. 1 [17] к письму 5). 21 июля он вновь напоминает Нащокину: «С Догановским не худо, брат, нам пуститься в разговоры или переговоры — ибо срок моему первому векселю истекает» (*Акад.*, XIV, № 636). Однако из переговоров Нащокина с Догановским ничего не вышло (см. письма Нащокина к Пушкину от 15 июля, 18 августа, 30 сентября: *Акад.*, XIV, № 630, 658 а 684 и письма Пушкина к Нащокину от 7 и 22

октября: Акад., XIV, № 687 и 694), и Пушкину пришлось самому ехать в Москву. С Догановским он, видимо, расплатился, но Жемчужникову уплатил только часть долга. На векселе на 12 500 руб., выданном Жемчужникову летом 1830 г., с рассрочкой на два года, есть расписка последнего в получении от Пушкина 24 декабря 1831 г. 7500 руб. (см.: *Арх. опеки*, с. 60). Остаток долга был уплачен Жемчужникову уже после смерти поэта Опекой над его детьми и имуществом (см.: Там же, с. 11). [Возврат к примечанию[79]]

[^^^]

В 1831 г. Пушкин заложил у купца Н. А. Вейера бриллианты своей жены (см.: РА, 1904, кн. 3, с. 442; 1902, кн. 1, с. 56). Собираясь в Москву, он надеялся их выкупить. 22 октября 1831 г. он писал Нащокину: «Не приехать ли мне самому в Москву? а мне что-то очень хочется с тобою поболтать, да я бы сам кой-какие дела обработал; напр. бриллианты жены моей, которые стараюсь спасти от банкротства тёщи моей и от лап Семёна Фёдоровича. Дедушка свинья; он выдаёт свою третью наложницу замуж с 10,000 приданого, а не может заплатить мне моих 12,000 — и ничего своей внучке не даёт» (Акад., XIV, № 694). Выкупить бриллианты Натальи Николаевны в этот приезд Пушкин не смог. Они были выкуплены в феврале 1832 г. (см. письма Пушкина к Нащокину от 8, 10 и около 29 января, от первой половины февраля 1832 г., а также письмо А. Ф. Романова, доверенного лица Пушкина и Нащокина, к Пушкину от 9 февраля 1832 г.: Акад., XV, № 721, 729, 735, 736). [Возврат к примечаниям [74] и [80]]

[^^^]

«Ростовщиком» Пушкина называла тёща, распространяя по Москве слухи о его скупости. Приведём отрывок из письма Пушкина к Н. И. Гончаровой от 26 июня 1831 г., написанного вскоре после отъезда поэта с женой из Москвы. Это письмо характеризует отношения Пушкина с тётцей и атмосферу, в которой он очутился сразу после свадьбы: «Я был вынужден уехать из Москвы во избежание неприятностей, которые под конец могли лишить меня не только покоя; меня расписывали моей жене как человека гнусного, алчного, как презренного ростовщика, ей говорили: ты глупа, позволяя мужу и т. д. Согласитесь, что это значило проповедовать развод. Жена не может, сохраняя приличие, говорить себе, что муж её бесчестный человек, а обязанность моей жены — подчиняться тому, что я себе позволю. Не восемнадцатилетней женщине управлять мужчиной, которому 32 года. Я проявил большое терпение и мягкость, но, по-видимому, и то и другое было напрасно. Я ценю свой покой и сумею его себе обеспе-

чить.

Когда я уезжал из Москвы, вы не сочли нужным поговорить со мной о делах; вы предпочли пошутить по поводу возможности развода, или что-то в этом роде. Между тем мне необходимо окончательно выяснить ваше решение относительно меня. Я не говорю о том, что предполагалось сделать для Натали; это меня не касается, и я никогда не думал об этом, несмотря на мою алчность. Я имею в виду 11 тысяч рублей, данные мною займы. Я не требую их возврата и никоим образом не тороплю вас. Я только хочу в точности знать, как вы намерены поступить, чтобы я мог соответственно этому действовать» (*Акад.*, XIV, № 620; подлинник по-французски). По предположению Б. Л. Модзалевского, это письмо Пушкина не было получено Гончаровой, так как Н. Н. Пушкина успела его удержать (см.: Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929, с. 364). На копии с этого письма, сделанной П. В. Анненковым, рукой Анненкова записано: «Дело в том, что он на приданое жены дал её семейству своих 11 000 и вместо благодарности получил название ростовщика за то, что раздосадован-

ный их оскорблениями, предъявил на них свои права. В Москве он продал брильянты жены, чтобы расплатиться с Жемчужниковым и устроить денежное дело между Нащокиным и Догановским» (*Письма*, т. 3, с. 310).

[^^^]

Николай I, Александра Фёдоровна и принц Гольштейн-Ольденбургский пробыли в Москве с 11 октября по 25 ноября 1831 г. (см. об этом в письмах А. Я. Булгакова: *РА*, 1902, кн. 1, с. 95—153).

[^^^]

Комендантская лестница — в Зимнем дворце.

[^^^]

По-видимому, имеются в виду визитные билеты Пушкина (ср. в письме 19). Снимок с визитной карточки Пушкина см.: *Временник Пушкинского Дома на 1913 год*. СПб., 1913, с. V.

[^^^]

Пушкин состоял членом московского Английского клуба с 1829 по 1833 г. Помещался он на Б. Дмитровке, 11, затем — на Тверской, 59. Сравнение московского и петербургского Английских клубов см. в письме 46. [Возврат к примечанию[164]]

[^^^]

Об аукционе, который посетил Пушкин, имеется следующее «Объявление» в № 93 «Московских ведомостей» за 21 ноября 1831 г.: «Содержатель конторы частных справок и комиссий честь имеет известить, что по случаю продажи с аукционного торга вещей, принадлежащих г-ну Власову, в оной конторе аукционная продажа по средам и субботам отменяется, а производиться будет по воскресеньям с 11 ч. утра впредь до уведомления. Продаваться будут оригинальные картины разных мастеров, бриллиант шести каратов, разные фарфоровые вещи, бронзовая машина, наз. оракул и разные другие вещи. Контора на Лубянской площади в д. кн. Долгорукова. Московский купец В. Бутлер».

[^^^]

Поэт Фёдор Фоминский.

[^^^]

См. примеч. 2[2] к письму 1.

[^^^]

Василий Михайлович Калашников.

[^^^]

Его возлюбленная — Меланья Семёнова, которую дала в приданое дочери Н. И. Гончарова. Вскоре В. М. Калашников женился на М. Семёновой, и Калашниковы продолжали жить у Пушкиных (см.: *П. и мужики*, с. 168).

[^^^]

^a вообще сменить всю прислугу (буквально: очистить дом).

[^^^]

Речь идёт об уплате долгов Л. И. Жемчужникову и В. С. Огонь-Догановскому (см. примеч. 1 к письму 15).

[^^^]

По предположению Л. Б. Модзалевского (см.: *Письма*, т. 2, с. 454), о действиях «дедушки», которым Пушкин хотел помешать, поэт писал Нащокину 22 октября 1831 г. (см. примеч. 6[61] к письму 16). Очевидно, А. Н. Гончаров предпринимал какие-то шаги, чтобы получить деньги для своей наложницы.

[^^^]

По-видимому, имеются в виду графини Ивелич, Екатерина Марковна и Александра Марковна.

[^^^]

Речь идёт о письме Бенкендорфа от 10 декабря 1831 г. (Акад., XIV, № 712), которое было ответом на письмо Пушкина, написанное накануне отъезда в Москву, 24 ноября 1831 г. (Там же, № 704). Пушкин посылал Бенкендорфу текст стихотворения «Моя родословная» и объяснял причину, вызвавшую его написание. Причиной был известный выпад Булгарина против Пушкина. Во «Втором письме из Карлова» (Северная пчела, 1830, 7 августа) Булгарин писал о некоем литераторе, претендующем на благородное происхождение, дед которого, бедный негритёнок, якобы был куплен пьяным матросом за бутылку рома. Бенкендорф передавал Пушкину мнение Николая I, написавшего на пушкинском письме: «Столь низкие и подлые оскорбления, как те, которыми его угостили, бесчестят того, кто их произносит, а не того, к кому они обращены. Единственное оружие против них — *презрение*. <...> Что касается его стихов, то я нахожу, что в них много остроумия, но более всего желчи. Для чести его пера и особенно *его ума*

будет лучше, если он не станет распространять их» (*Акад.*, XIV, № 712; подлинник по-французски). Стихотворение распространилось в списках. П. П. Вяземский позднее писал: «Распространение этих стихов, несмотря на увещания моего отца, несомненно вооружило против Пушкина много озлобленных врагов, и более вооружило против него при кончине целую массу влиятельных семейств в Петербурге...» (*П. в воспоминаниях*, 1985, т. 2, с. 188—189).

[^^^]

Наталья Николаевна, возможно, посылала Пушкину свои стихи. О том, что она писала стихи, свидетельствует В. П. Безобразов. Описывая Полотняный завод в письме к Я. К. Гроту, он сообщает: «... я читал в альбоме стихи Пушкина к своей невесте и её ответ, также в стихах. По содержанию, весь этот разговор в альбоме имеет характер взаимного объяснения в любви» (Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899, с. 132). Альбом этот неизвестен.

[^^^]

а головокружение

[^^^]

К «празднику», т. е. к рождеству, Пушкин приехать не успел, так как свои «дела» он закончил только 24 декабря — в этот день он вернул Жемчужникову часть долга (см. примеч. 5[60] письму 16) и рассчитался с Нащокиным (см.: Искусство, 1923, № 1, с. 314). В этот же день он выехал из Москвы в Петербург и прибыл, очевидно, 27 декабря.

[^^^]

См. примеч. 6[61] к письму 16.

[^^^]

Ср. описание Пушкина с письмом самого Нащокина к Пушкину от 10 января 1833 г.: «Народу у меня очень много собираются, со всяким надо заниматься — а для чего — так богу угодно: ни читать — ни писать время нет — только и разговору *здравствуйте, подай трупку, чаю. Прощайте* очень редко — ибо у меня опять ночуют и по утру не простясь уходят. Вот каково на этом свете — на том хуже быть не может» (Акад., XV, № 783). Обстановка в доме Нащокина изменилась после его женитьбы в 1834 г. на Вере Александровне Нагаевой (Нарской).

[^^^]

Мазь из лавровых ягод, которая использовалась при лечении от ревматизма.

[^^^]

Пушкин приехал в Москву 21 сентября и пробыл там до 10 октября. О дне отъезда его писал П. В. Киреевский Н. М. Языкову: «Пушкин был недели две в Москве и третьего дня уехал» (*ИВ*, 1883, № 12, с. 535). Полицейские донесения сообщают неверные даты — 10 и 16 октября (см.: *КА*, 1929, кн. 37, с. 243; ср.: *РА*, 1876, кн. 2, с. 236—237).

[^^^]

Библейский герой, которого пыталась соблазнить Пантифрея, жена одного из приближённых фараона.

[^^^]

Сара — сожительница Нащокина, цыганка Ольга Андреевна. Пушкин сравнивает её с библейской героиней, намекая на её попытки помешать браку Нащокина и В. А. Нарской.

[^^^]

Ср. в воспоминаниях В. А. Нащокиной: «Поэт очень любил московские бани, и всякий свой приезд в Москву они вдвоём с Павлом Войновичем брали большой номер с двумя полками и подолгу парились в нём. Они, как объясняли потом, лёжа там, предавались самой задушевной беседе, в полной уверенности, что уж там их никто не подслушает» (*П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 204).

[^^^]

В этот день в Малом театре давали абонементный спектакль. Шли три водевиля: «Le philtre champenois» («Шампанский любовный напиток»), «Une heure de prison» («Час тюремного заключения») и «Verter» («Вертер») (см.: Пушкин в Москве. М., 1930, с. 81). Спектакль начинался в 6 часов 30 минут вечера.

[^^^]

Речь идёт о гостинице «Англия», которая помещалась в доме Л. Н. Обера в Глинищевском переулке (см.: Чулков Н. П. Пушкин-москвич. — В кн.: Пушкин в Москве. М., 1930, с. 65).

[^^^]

Пушкин, по-видимому, собирался говорить с Бенкендорфом по поводу затеваемого издания газеты. Собираясь в Москву, он намеревался обсудить её программу с московскими литераторами (см. его письмо к М. П. Погодину от первой половины сентября 1832 г.: *Акад.*, XV, № 768). Об издании газеты Пушкин начал хлопотать в мае-июне 1831 г. (см. черновой вариант его записки к Бенкендорфу от 19 июля — 10 августа 1830 г.: *Акад.*, XIV, Деловые бумаги, № 7; и белой текст — от 27 мая 1832 г.: *Акад.*, XV, № 10). Предварительное разрешение было получено в устной беседе с Бенкендорфом в конце мая — начале июня 1832 г. В письме к И. В. Киреевскому от 11 июня 1832 г. Пушкин сообщал, что ему «разрешили на днях политическую и литературную газету» (*Акад.*, XV, № 764) и просил Киреевского, Н. М. Языкова и др. в ней сотрудничать; о том же он писал и Погодину (см.: *Акад.*, XV, № 765). 16 сентября 1832 г. Пушкин выдал Н. И. Тарасенко-Отрешкову официальную доверенность на ведение всех дел по газете (*Рукою П.*,

с. 761—762), а в начале сентября был составлен пробный номер газеты (см.: Там же), который был представлен Бенкендорфу на утверждение. 21 октября Мордвинов сообщал Пушкину, что Бенкендорф собирается представить этот номер на рассмотрение Николаю I, и советовал: «До воспоследования же высочайшего по сему предмету разрешения, не полагаю я благонадёжным для вас приступить к каким-либо распоряжениям» (*Акад.*, XV, № 775). Но к этому времени Пушкин уже решил отказаться от издания. 11 декабря Вяземский писал Жуковскому: «Пушкин собирался было издавать газету, всё шло горячо, и было позволение на то; но журнал нам, как клад, не даётся. Он поостыл, позволение как-то призапуталось или поограничилось, и мы опять без журнала» (*РА*, 1900, кн. 1, с. 365). Сведения о несостоявшейся газете Пушкина «Дневник» см.: *Письма*, т. 3, с. 389—500; Мордовченко Н. И. Журналистика двадцатых — тридцатых годов. — В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1953, с. 579, 610; Орлов В. Н. Журнальные начинания Пушкина. — *Большевицкая печать*, 1937, № 2—3, с. 76—79. [Возврат к приме-

чаниям [112] и [474]]

[^^^]

Основной целью поездки Пушкина в Москву был перезалог в Опекунском совете принадлежавших ему двухсот душ крестьян — он собирался взять добавочные суммы по 50 руб. на душу. Однако сам Пушкин не успел закончить эту операцию и, уезжая из Москвы, поручил её Нащокину (см. письмо 24). 2 декабря он писал Нащокину: «Надеюсь, что теперь получил ты, любезный Павел Воинович, нужные бумаги для перезалога; и что получишь ломбардные деньги беспрепятственно» (Акад., XV, № 777). «Бумаги» — свидетельство Нижегородской гражданской палаты о том, что добавочные ссуды ещё не получались. Их должен был выправить на месте М. И. Калашников. 10 января 1833 г. Нащокин спрашивал Пушкина: «... скажи ради бога, что твой управляющий или бурмистр, чорт его знает — не присылает мне бумаг. Из твоего письма видно, что ты полагаешь, что я их давно получил и по оным уже и деньги — но не того не другого, и без бумаг, несмотря, что я имею доверенность — ничего сделать нельзя»

(Акад., XV, № 783). Во второй половине февраля Пушкин опять справлялся у Нащокина, получены ли бумаги (Акад., XV, № 796). Когда же, наконец, Калашников выслал нужные документы, стало известно, что надежды не оправдались. Опекунский совет отказал в добавочной ссуде по причине бедности и крайнего безземелья кистенёвских крестьян. В феврале 1833 г. Нащокин уведомлял об этом Пушкина: «Наконец получил твоё свидетельство, которое тебе и отсылаю, ибо оно никуда не годится: нет по пяти десятин на душу. <...> Для добавочных — тебе остаётся два средства: либо выпросить у отца, чтобы он дал до тысячи десятин или свидетельство вместо чем на двести душ — на сто девять душ, на которое число только земли у тебя и достаточно» (Акад., XV, № 799). Пушкин продолжал хлопоты, решив, очевидно, что в «бумагах» содержалась ошибка. В конце ноября 1833 г. Нащокин снова писал Пушкину: «Управитель твой приехал, бумагу выправил — а денег опять не дадут — ибо я тебе и писал и сказывал сколько раз, что надо по пяти десятин на душу, а у него опять только по 3 — было

прежде по 2» (Акад., XV, № 863). [Возврат к
примечаниям [97], [109] и [115]]

[^^^]

По замечанию П. Е. Щёголева, дворней в доме Пушкиных управляла не молодая хозяйка, а сам хозяин — Пушкин (*П. и мужики*, с. 168). Этому противоречат свидетельства самого поэта (см. письма 24, 36, 67). Правда, на первых порах Пушкину приходилось вмешиваться в хозяйственные распоряжения жены. Так, вернувшись в Петербург, он 2 декабря писал Нащокину: «Приехав сюда, нашёл я большие беспорядки в доме, принуждён был выгонять людей, переменять поваров, наконец нанять новую квартиру» (*Акад.*, XV, № 777).

[^^^]

Пушкин состоял членом Английского клуба в Петербурге (или С.-Петербургского Английского собрания) с 1832 г. и оставался им до смерти (см.: Столетие С.-Петербургского Английского собрания. 1770—1870: Исторический очерк. Воспоминания. Список старшинам. Список почётным членам и членам. СПб., 1870, с. 9, 28, 111). Помещался Английский клуб на углу наб. Мойки и Демидова пер. Кухня клуба пользовалась хорошей репутацией, поэтому, когда Н. Н. Пушкина уезжала из Петербурга, Пушкин часто здесь обедал и проводил вечера. После смерти Пушкина его долг клубу (535 руб.) был оплачен Опекой (см.: *ПиС*, вып. 13, с. 97).

[^^^]

Известные петербургские каретные мастера
(см. о них: Свербеев Д. Н. Записки. М., 1899, т.
2, с. 100).

[^^^]

В «анекдоте» содержится рассказ о собственной свадьбе Пушкина. Петушков и Буянов упоминаются среди гостей Лариных («Евгений Онегин», гл. V, строфа XXVI); Буянов — герой поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед», поэтому о нём Пушкин пишет: «Мой брат двоюродный Буянов».

[^^^]

Речь идёт об одной из дочерей Алексея Матвеевича Окулова — Анне, Софье, Варваре или Дарье. Они были в свойстве с Нащокиным, так как их брат Матвей Алексеевич был женат на сестре Нащокина Анастасии Воиновой.

[^^^]

По предположению Л. Б. Модзалевского, это Фёдор Матвеевич Мусин-Пушкин, двоюродный дядя Н. Н. Пушкиной (его отец Матвей Платонович был родным братом бабки Н. Н. Пушкиной — Надежды Платоновны, бывшей замужем за Афанасием Николаевичем Гончаровым (*Письма*, т. 3, с. 530).

[^^^]

См. примеч. 8[90] к письму 20.

[^^^]

^a Мемуары Дидро.

[^^^]

Мемуары Дидро в четырёх томах были в библиотеке Пушкина (*Mémoires, correspondance et ouvrages inédits de Diderot, publiés d'après les manuscrits confiés, en mourant, par l'auteur à Grimm. Paris, 1830—1831: Библ. П., № 883*). Очевидно, один из четырёх томов мемуаров Пушкин взял в дорогу. Два первых тома разрезаны полностью, два других разрезаны в отдельных местах.

[^^^]

⁶ красавца Безобразова.

[^^^]

Случай с Александровым и Бобринской (вероятно, имеется в виду графиня Анна Владимировна) неизвестен.

[^^^]

Московский университет переживал тогда пору упадка. Ещё в июне 1831 г. Пушкин писал М. П. Погодину, в то время профессору Московского университета: «Жалею, что Вы не разделались ещё с Московским университетом, который должен рано или поздно извергнуть вас из среды своей, ибо ничего чуждого не может оставаться ни в каком теле. А учёность, деятельность и ум чужды Московскому университету» (Акад., XIV, № 623). Это письмо может быть сопоставлено с отзывом современника: «Московский университет доживал тогда свой дореформенный период. Разладица в нём была страшная. Преподавались какие-то абсурды. У профессора Дядковского эвольвировалось то центральное, то периферическое электричество. Иовский кристаллизовал уже уголь в алмазы. Павлов проповедывал, что вещество есть свет, потемнённый тяжестью. У Зернова дифференциалы были частицы ваксы, приставшие к волоскам щётки, а интегралом был слой ваксы на очищенном сапоге. Оболенский не декламиро-

вал, а распевал каким-то петушиным мотивом анакреонтовы оды и т. д. и т. д. И всё это кипело, шипело, злилось, ругалось и заедалось между собою. Каченовский грызся с Погодиным, Давыдов с Шевырёвым, Перевощиков с Павловым, Мухин с Дядковским — всех не перечесть. В этой безалаберной борьбе доставалось и бедной молодёжи. Белинский был исключён за неспособностью к науке по настоянию Каченовского. <...> Тяжко и душно было всем, и профессорам и студентам» (Маркс М. Каетан Андреевич Коссович. — РС, 1886, № 12, с. 613—614). Белинский был исключён из университета в сентябре 1832 г.

[^^^]

См. письмо 4 и примеч. 3 к этому письму. Н. Н. Пушкиной посвящено стихотворение Пушкина «Мадонна». Далее поэт приводит 3-й и 4-й стихи народной песни «Как за церковью, за немецкою». Эта песня сохранилась в его записи (см.: *Рукою П.*, с. 456, 460).

[^^^]

В Московском университете Пушкин был 27 сентября (см. письмо 22) и слушал там лекцию И. И. Давыдова. И. А. Гончаров так вспоминает об этом посещении: «Когда он вошёл с Уваровым, для меня точно солнце озарило всю аудиторию: я в то время был в чадю обаяния от его поэзии; я питался ею, как молоком матери; стих его приводил меня в дрожь восторга. На меня, как благотворный дождь, падали строфы его созданий („Евгения Онегина“, „Полтавы“ и др.). Его гению я и все тогдашние юноши, увлекавшиеся поэзией, обязаны непосредственным влиянием на наше эстетическое образование. — Перед тем однажды я видел его в церкви, у обедни — и не спускал с него глаз. Черты его лица врезались у меня в памяти. И вдруг этот гений, эта слава и гордость России — передо мной в пяти шагах! Я не верил глазам. Читал лекцию Давыдов, профессор истории русской литературы. — „Вот вам теория искусства, — сказал Уваров, обращаясь к нам, студентам, и указывая на Давыдова: — а вот и самое искус-

ство“, — прибавил он, указывая на Пушкина. Он эффектно отчеканил эту фразу, очевидно заранее приготовленную. Мы все жадно впились глазами в Пушкина. Давыдов оканчивал лекцию. Речь шла о „Слове о полку Игоревом“. Тут же ожидал своей очереди читать лекцию, после Давыдова, и Каченовский. Нечаянно между ними завязался, по поводу „Слова о полку Игоревом“, разговор, который мало-помалу перешёл в горячий спор. — „Подойдите ближе, господа — это для вас интересно“, — пригласил нас Уваров, и мы тесной толпой, как стеной, окружили Пушкина, Уварова и обоих профессоров. Не умею выразить, как велико было наше наслаждение — видеть и слышать нашего кумира. — Я не припомню подробностей их состязания, — помню только, что Пушкин горячо отстаивал подлинность древнерусского эпоса, а Каченовский вонзал в него свой беспощадный аналитический нож. Его щёки ярко горели алым румянцем, и глаза бросали молнии сквозь очки. Может быть, к этому раздражению много огня прибавлял и известный литературный антагонизм между ним и Пушкиным. Пушкин го-

ворил с увлечением, но, к сожалению, тихо, сдержанным тоном, так что за толпой трудно было расслушать. Впрочем, меня занимал не Игорь, а сам Пушкин. — С первого взгляда наружность его казалась невзрачною. Среднего роста, худощавый, с мелкими чертами смуглого лица. Только когда взглядишься пристально в глаза, увидишь задумчивую глубину и какое-то благородство в этих глазах, которых потом не забудешь. В позе, в жестах, сопровождавших его речь, была сдержанность светского, благовоспитанного человека. Лучше всего, по-моему, напоминает его гравюра Уткина с портрета Кипренского. Во всех других копиях у него глаза сделаны слишком открытыми, почти выпуклыми, нос выдающимся — это неверно. У него было небольшое лицо и прекрасная, пропорциональная лицу, голова, с негустыми, кудрявыми волосами» (*П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 215—217). Подробности, связанные со спором Пушкина и Каченовского, передаёт П. И. Бартенев, со слов проф. О. М. Бодянского. Он рассказывает, что после лекции И. И. Давыдова «взошёл в аудиторию Каченовский, и, вероятно, по поводу самой лек-

ции заговорили о „Слове о полку Игореве“. Тогда Давыдов заставил студентов разбирать древние памятники. Обращаясь к Каченовскому, Давыдов сказал, что ему подано замечательное исследование, и указал на Бодянского, который, увлечённый Каченовским, доказывал тогда подложность Слова. Услыхавши об этом, Пушкин с живостью обратился к Бодянскому и спросил: „А скажите, пожалуйста, что значит слово харалужный?“ — „Не могу объяснить“. Тот же ответ на вопрос о слове „стрикусы“. Когда Пушкин спросил о слове „кмет“, Бодянский сказал, что, вероятно, слово это малороссийское, от „кметыти“, и может значить „примета“. „То-то же, — говорил Пушкин, — никто не может многих слов объяснить, а не скоро ещё объяснят“. Через день Пушкин обходил весь университет вместе с Уваровым и потом скоро уехал» (*Рассказы о П.*, с. 49—50, 124).

[^^^]

Пушкин любил играть в шахматы — упоминания о шахматах встречаются в его записках, письмах и в воспоминаниях о нём (сводку данных о Пушкине-шахматисте см.: Коган М. С. Шахматы в жизни русских писателей: Пушкин, Тургенев, Лев Толстой, Чернышевский / Под ред. В. И. Вронченко. Л.; М., 1933, с. 16—22). В библиотеке Пушкина сохранилось несколько пособий по игре в шахматы, например книга А. Д. Петрова «Шахматная игра, приведённая в систематический порядок, с присовокуплением игор Филидора и примечаний на оные» (СПб., 1824) с дарственной надписью автора (*Analyse du jeu des échecs, par A. D. Philidor. Paris, 1820*) и несколько номеров журнала «*Le Palamède. Revue mensuelle des échecs, par M. M. De la Bourdonnais et Méry*» (Paris, 1836, vol. 1, № 1—3) (*Библ. Я.*, № 1259, 1513). Журнал «*Le Palamède*» Пушкин купил у книгопродавца ф. Беллизара 14 августа 1836 г. (см.: *ПуС*, вып. 13, с. 123).

Софья Ивановна Соллогуб.

[^^^]

^a само собой понятно.

[^^^]

Пушкин упоминает о Яре в стихотворении
«Дорожные жалобы» (1829):

*Долго-ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать...*

[^^^]

См. примеч. 8[90] к письму 20.

[^^^]

См. примеч. 4[59] к письму 16.

[^^^]

Роман «Дубровский», который писался с 21 октября 1832 г. до 6 февраля 1833 г. (даты на рукописи «Дубровского» см.: *Акад.*, VIII, с. 832—833). О замысле романа П. И. Бартенев записал со слов П. В. Нащокина: «Роман „Дубровский“ внушён был Нащокиным. Он рассказывал Пушкину про одного белорусского небогатого дворянина по фамилии Островский (так и назывался сперва роман), который имел процесс с соседом за землю, был вытеснен из имения, оставшись с одними крестьянами, стал грабить сначала подьячих, потом и других, Нащокин видел этого Островского в остроге» (*П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 185). Достоверность этого сообщения подтверждается архивными разысканиями (см.: Степунин И. Прототип Дубровского. — *Неман*, 1968, № 8, с. 180—184).

[^^^]

См. примеч. 7[89] к письму 20.

[^^^]

По предположению Л. Б. Модзалевского, в этом пакете содержалось извещение об утверждении А. Х. Бенкендорфом Н. И. Тарасенко-Отрешкова редактором предполагавшейся газеты (см. примеч. 7 к письму 20 [См. ссылку в предыдущем примечании. — Прим. *lenok555*]). Извещение это «Н. Н. Пушкина, вероятно, вернула обратно за отъездом Пушкина» (*Письма*, т. 3, с. 545). 1 октября Бенкендорф написал жене поэта записку, сообщая ей, что он готов лично принять Тарасенко-Отрешкова (опубликована Н. К. Пиксановым в статье «Несостоявшаяся газета „Дневник“ (1831—1832)»: *ПиС*, т. 5, с. 62).

[^^^]

Очевидно, в своём письме Н. Н. Пушкина писала об отсутствии денег.

[^^^]

Пушкин имеет в виду доверенность на имя Нащокина для перезалога двухсот душ (см. примеч. 8[90] к письму 20) и доверенность М. И. Калашникову, которая была выдана ему 30 сентября 1832 г. для получения в Нижегородской гражданской палате удостоверения в том, что на имении Пушкина Кистенёвке нет исков (текст доверенности см.: *Письма*, т. 3, с. 545—546). Перезалог крестьян не состоялся (см. там же).

[^^^]

Гражданский губернатор Москвы — Николай
Андреёвич Небольсин (1785—1846).

[^^^]

Пушкин выехал в Петербург 10 октября. См. в письме Н. М. Языкова к П. В. Киреевскому от 12 октября 1832 г.: «Пушкин был недели две в Москве и третьего дня уехал» (*ИВ*, 1883, № 12, с. 535—536).

[^^^]

Комеражи (от *франц.* commérage) — сплетни.

[^^^]

^a на манер Нинон.

[^^^]

Нинон де Ланкло (1620—1705) — парижская куртизанка. «Волосы она носила разделёнными прямым пробором на две стороны и завитыми длинными локонами, спускавшимися до плеч» (*Письма*, т. 3, с. 547). Такую же причёску носила Н. Н. Пушкина (см. письмо 39 [Возврат к примечанию[234]] и портрет работы В. Гау).

[^^^]

Павел Александрович (см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 432).

[^^^]

Николай Александрович. О его жене, Анастасии Николаевне, урожд. Бороздиной, А. О. Смирнова писала: «Настенька пела, как соловей» (Смирнова А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма / Вступ. ст. и примеч. Л. В. Крестовой; Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929, с. 203).

[^^^]

Пушкин уехал из Петербурга по пугачёвским местам, а затем в Болдино, испросив у царя отпуск на четыре месяца. Выехал он из Петербурга 17 августа вместе с С. А. Соболевским, который записал в своём дневнике: «Jeudi 17 Août départ pour Moscou avec Pouschkin. Vendredi 18 en route» (Четверг 17 августа выезд в Москву с Пушкиным. Пятница 18 в дороге) (Виноградов А. К. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928, с. 47).

[^^^]

О буре 17 августа в Петербурге Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Ну, началась потеха 17-го числа! Бешеная Нева, пена у рта, корячилась, вскакивала на дыбы, лягала, кусала берега, ржала, ревела, коробила мосты, сбивала барки с ног; но, по счастью, сидел на ней не самый лютый ездок заморский, а какой-то побочный ездок, который гнал её не прямо, а как-то с бока, и мы уцелели; а то при продолжительном напоре, да если бы на хребте Невы сидел ветер 7-го ноября (имеется в виду 7 ноября 1824 г. — *Я. Л.*), то ещё было бы больше бед, нежели в то время» (ОА, т. 3, с. 251).

[^^^]

Во время наводнения 7 ноября 1824 г., описание которого дано в «Медном всаднике», Пушкин был в Михайловском.

[^^^]

Сегодня, т. е. 20 августа. Ср. в дневнике Соболевского: «Dimanche 20 je pars à 1 heure pour Teploe. Couché à la compagnie de la princesse Scherbatoff» (Воскресенье 20, я еду в час дня в Тёплое. Ночевал в деревне княгини Щербатовой) (Виноградов А. К. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928, с. 47). Позднее Соболевский вспоминал: «В конце июля или в начале августа Алек. Серг. и я поехали вместе и доехали до Торжка; в Торжке разъехались: я поехал к себе в деревню, а он к каким-то приятелям, чуть ли не к Вульффу» (*ПиС*, вып. 31—32, с. 41).

[^^^]

Пушкин имеет в виду трагическую смерть Р. Р. Апрепа, о которой рассказывает в своих записках Н. И. Муравьёв: «По окончании Турецкой войны он <Анреп> был произведён в генерал-майоры и уехал в отпуск. На обратном пути, едучи из Москвы, около Серпухова, с ним сделался припадок сумасшествия; он ушёл от станции пешком в сторону, оставя экипаж свой и людей, пришёл в деревню, взял подводу, подъехал к болоту, оставил оную и ушёл один в топь, где его и нашли через два дня по пояс в воде, опершегося на кочку и едва подающего признаки жизни. Его повезли, обратно в Москву, но, не доезжая города, он умер...» (РА, 1893, кн. 3, с. 340—341). Смерть Апрепа упомянута Пушкиным в черновом варианте «Дорожных жалоб»:

*Иль как Анреп в вешней луже
Захлебнулся я в грязи.*

Пушкин имеет в виду Николая I. 26 августа, в годовщину битвы при Бородине, во дворце обычно устраивался бал. Однако 16 августа царь уехал на пароходе в Богемию. Из-за бури 17 августа ему пришлось возвратиться и вновь выехать из Царского Села только 19 августа, вечером, сухим путём (см. дневник сенатора П. Г. Дивова: *РС*, 1900, № 4, с. 133). Поэтому 26 августа бал состоялся не во дворце, а у князя В. П. Кочубея (*Рассказы о П.*, с. 118). Пушкин, уехавший из Петербурга 17 августа, конечно, знал только о первой попытке Николая I уехать за границу.

[^^^]

Речь идёт об Алексее Петровиче Ермолове и, по-видимому, его манере целовать руки у женщин.

[^^^]

В 1832 г. вышла последняя книжка альманаха «Северные цветы» на 1832 год, изданная Пушкиным в память покойного Дельвига. После этого Пушкин и Вяземский задумали издание ещё одной книжки альманаха. 6 февраля 1833 г. Вяземский писал по этому поводу А. И. Тургеневу: «Мы также с Пушкиным затеивали альманах к весне, чтобы содрать с публики посильный магарыч. Поэзия очень хороша, но хороши и деньги» (ОА, т. 3, с. 220). Очевидно, не успев издать альманах весной, они надеялись выпустить его к концу года (см. в письме Вяземского к Жуковскому от 14 апреля: «Цветов нет на нынешний год, но мы с Пушкиным жилимся и надуваемся» (РА, 1900, кн. 1, с. 372)). В Москве Пушкин, очевидно, собирался вести переговоры с московскими литераторами об их возможном участии в альманахе. Однако в октябре Соболевский уже знал, что альманаха не будет. 2 октября он писал Пушкину: «Так как об ваших Северных цветах ни слуху ни духу, то издам я таковой» (Акад., XV, № 850). Этот альманах также не

был подготовлен (см.: Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978, с. 231—252).

[^^^]

На Чёрной речке дачи снимал петербургский «свет». По словам П. А. Каратыгина, Чёрная речка в начале 1830-х гг. «щеголяла своими обитателями: гвардейская молодёжь, светские львицы тогда взметали пыль своими кавалькадами; Строгановский сад был сборищем петербургской аристократии. <...> На Чёрной речке... поселялись в ту пору люди, занимающие значительное положение обществе» (РА, 1877, № 8, с. 604—605). О даче, которую снимал Пушкин в 1833 г., Н. О. Пушкина писала дочери, О. С. Павлицевой, 24 мая в Варшаву: «Александр и Наташа на Чёрной речке, они наняли дачу Миллера, в которой в прошлом году жили Маркеловы, она очень красивая, при ней большой сад и дом очень большой: 15 комнат вместе с верхом. Наташа здорова, она очень довольна своим новым помещением, тем более, что это в двух шагах от её Тётки, которая живёт на ферме вместе с Натальей Кирилловной» (ЛН, т. 16—18, с. 783; подлинник по-французски). Дачу Миллера Пушкины снимали и в 1835 г. [Возврат к при-

мечанию[175]]

[^^^]

Имение Павла Ивановича Вульфа, расположенное в двух верстах от Бернова (имения Ивана Ивановича Вульфа) и в пяти верстах от Малинников (имения П. А. Осиповой).

[^^^]

«Просёлочная дорога», о которой пишет Пушкин, шла от Торжка на Старицу, через Кречетово и Жердино. От Торжка до Жердина 43 версты. Из Жердина Пушкин «своротил» в Павловское (т. е. проехал ещё 21 версту). По подсчётам М. А. Цявловского, 20 августа Пушкин проехал 64 версты за девять часов, делая в среднем приблизительно по семь вёрст в час (см.: Цявловский М. А. Ярополец. М., 1930, с. 10, 15).

[^^^]

Пушкин имеет в виду Анну Николаевну и Анну Ивановну Вульф, Анну Петровну Керн, Евпраксию Николаевну Вульф, Александру Ивановну и Марию Ивановну Осиповых.

[^^^]

Карточная игра для трёх или четырёх партнёров; две выигранные партии из трёх называются роббер.

[^^^]

Отзыв о Д. Е. Пожарской и её гостинице содержится в «Памятной книжке Тверской губернии на 1865 год»: «В то цветущее для Торжка время в нём существовали две очень хорошие гостиницы, из которых одна, принадлежавшая ямщицке Пожарской, пользовалась повсеместно известностью благодаря своим котлетам особого приготовления. Сама Дарья Ефимовна Пожарская была замечательна не менее своих котлет: простая, но хитрая ямщицка, она под видом простоты умела втираться в милость к проезжающим вельможам и пользоваться их благосклонностью. Это придавало ей значительный вес в Торжке, тем более, что она охотно бралась устраивать разные дела и делишки в Петербурге, где бывала довольно часто и, благодаря обширному знакомству, нередко успевала в своих ходатайствах» (Изд. Тверского губ. стат. комитета. Тверь, 1865, с. 103).

По мнению Л. А. Черейского, Пушкин упоминает акушерку Н. Н. Пушкиной (см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 147). Об акушерке M^{de} Жорж упоминается и в письме 65. Предположение Л. Б. Модзалевского (см.: *Письма*, т. 3, с. 603—604), что Пушкин сравнивает владелицу знаменитой гостиницы со знаменитой трагической актрисой M^{de} Gorge Margerite-Joséphine Wemmer (1787—1867), не может быть принято хотя бы потому, что владелица гостиницы родилась в 1799 г., т. е. была значительно моложе актрисы.

[^^^]

^a*Прорвано.*

[^^^]

⁶Прорвано.

[^^^]

По мнению Л. Б. Модзалевского, эти слова Пушкина «указывают на то, что „Сказка о мёртвой царевне“, написанная в Болдине 4 ноября 1833 г. (почти через два месяца после этого письма), уже задумывалась Пушкиным» (*Письма*, т. 3, с. 604). [Возврат к примечанию [202]]

[^^^]

См. примеч. 2[2] к письму 1.

[^^^]

Ярополиц (Ярополец или Яропольцы) — имение Н. И. Гончаровой в 115 верстах от Москвы (Волоколамский уезд Московской губернии). Дом, который Пушкин называет «дворцом», был построен дедом Н. И. Гончаровой Александром Артемьевичем Загряжским по проекту неизвестного архитектора, близкого к Баженову или Казакову (см.: Торопов С. А. Архитектура Яропольца. — В кн.: Ярополец. М., 1930, с. 44—53. Здесь же снимки усадьбы и видов Яропольца).

[^^^]

Пушкин приехал в Ярополец в «среду», т. е. 23 августа (о пребывании его в Яропольце см.: Цявловский М. А. Пушкин и Наталья Ивановна Гончарова: К пребыванию Пушкина в Яропольце 23—24 августа 1833 г. — В кн.: Ярополец, с. 5—16; *П. в Яропольце*, с. 97—120).

[^^^]

Пётр Дорофеевич Дорошенко (1627—1698), гетман войска Запорожского. В описании Яропольца, сделанном А. Н. Муравьёвым 26 августа 1835 г., о памятнике гетмана сказано: «На уединённом кладбище, у берега Ламы, подле престола бывшей церкви стоит каменный памятник ... с воинственным гербом, изображающим меч и крест под луною». Здесь же приведена надпись на памятнике: «Лета 7206, ноября в 9 день преставился раб божий, гетман Войска Запорожского Пётр Дорофеев, сын Дорошенко; а поживе от рождества своего 71 год, а положен бысть на сём месте» (Ярополец, с. 11).

[^^^]

Семён Фёдорович Душин — управляющий
имением Н. И. Гончаровой. См. о нём: *П. в Яро-*
польце, с. 67—71.

[^^^]

Из книг, отобранных Пушкиным, в его библиотеке сохранились «Санктпетербургские ведомости за 1766 г.» (см.: *Библ. П.*, № 105). По предположению Л. Б. Модзалевского (*Письма*, т. 3, с. 606), из Яропольца могли быть вывезены также следующие книги с пометами «Н. Гончарова», «Н. Гончаров», «N. G.»: «Путешествие в Сибирь аббата Шап д'Отроша <...>» (*Chapre d'Auteroche Jean. Voyage en Sibérie <...> Amsterdam, 1769*), «Antidote» в двух томах (*Amsterdam, 1771*), «Историческое похвальное слово Екатерине II...» (*Éloge historique de Catherine II... Londres, 1776*). См.: *Библ. П.*, № 726, 547, 902. По поводу «набега» Пушкина на Ярополец Н. И. Гончарова писала ему 4 ноября 1833 г.: «Ваши книги, так же как и другие вещи, будут к вам высланы по первому санному пути, при первой же оказии» (*Акад.*, XV, № 856). Подробнее см.: *П. в Яропольце*, с. 25—120.

[^^^]

^a прелестной и божественной графини.

[^^^]

^б и что её прелестный образ и т. д.

[^^^]

в прелестную и божественную графиню.

[^^^]

г божественную и прелестную.

[^^^]

д божественную и прелестную графиню.

[^^^]

Речь идёт об Андрее Николаевиче Муравьёве. Имение Муравьёвых Осташево Можайского уезда находилось рядом с Яропольцем и недалеко от имения Чернышевых.

[^^^]

Приведённая Пушкиным цитата из «Недоросля» (д. 2, явл. 4) носит характер каламбура. В 1827 г. Пушкин написал на Муравьёва эпиграмму «Лук звенит, стрела трепещет», где тот назван «Бельведерским Митрофаном». Об обстоятельствах, вызвавших появление этой эпиграммы, рассказал сам Муравьёв: «... однажды по моей неловкости, случилось мне сломать руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, которая украшала театральную залу. Это навлекло мне злую эпиграмму Пушкина, который, не разобрав стихов, сейчас же написанных мною в своё оправдание на пьедестале статуи, думал прочесть в них, что я называю себя соперником Аполлона. Но эпиграмма дошла до меня уже поздно, когда я был в деревне» (Муравьёв А. Н. Знакомство с русскими поэтами. — *П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 44). Об этом же эпизоде см. в «Записках» М. Д. Бутурлина (РА, 1897, № 6, с. 178). Эпиграмма Пушкина была напечатана в «Московском вестнике» М. П. Погодина (1827, № 6, с. 124). Погодин впоследствии писал по этому пово-

ду: «Встретясь со мною дня через два по выходе книжки, он <Пушкин> сказал мне: „А как бы нам не поплатиться за эпиграмму“. — Почему? — „Я имею предсказание, что должен умереть от белого человека или от белой лошади. Он может вызвать меня на дуэль, а он не только белый человек, но и лошадь“» (РА, 1870, № 10, с. 1947). Однако сам Муравьев рассказывает, что при встрече с поэтом тот первый «устремился» к нему, «обнял крепко» и сказал: «Простили ль вы меня? а я не могу доселе простить себе глупой моей эпиграммы» (Знакомство с русскими поэтами, с. 47). Впоследствии Пушкин сохранял с Муравьевым добрые отношения.

[^^^]

е её сердца и руки.

[^^^]

ж что он не в своей тарелке.

[^^^]

В это время уже отчётливо проявлялись признаки психического заболевания Н. А. Гончарова.

[^^^]

³ ИНКОГНИТО.

[^^^]

и джентльмен.

[^^^]

Из Москвы Пушкин уехал 29 августа в Нижний Новгород.

[^^^]

В Казани Пушкин был 5 сентября.

[^^^]

Киреевский Иван Васильевич жил вместе с братом Петром у Красных ворот в Хоромном тупике, д. 4. П. В. Киреевский занимался в это время собиранием русских народных песен. По предположению М. А. Цявловского, в октябре—декабре 1833 г. Пушкин передал ему через Соболевского свою рукопись с записями народных песен (см.: *Рукою П.*, с. 435). В августе 1833 г. П. В. Киреевского в Москве не было. 13 сентября 1833 г. он писал Н. М. Языкову: «У нас все, слава богу, здоровы. Мы возвратились в Москву дней пять тому назад» (Киреевский П. В. Письма к Н. М. Языкову. М.; Л., 1935, с. 39). Однако на встрече у Ивана Киреевского, о которой пишет Пушкин, по-видимому, говорилось об общем интересе к фольклору.

[^^^]

Булгаков Александр Яковлевич — московский почт-директор, его дочери — Екатерина и Ольга Александровны, жена — Наталья Васильевна.

[^^^]

М. П. Погодин 9 июля 1833 г. женился на Елизавете Васильевне Вагнер (1809—1844) — «очень образованной и очень хорошенькой девушке», как писал Н. М. Языков (*РС*, 1903, № 3, с. 531).

[^^^]

О Московском Английском клубе см. примеч.
2[66] к письму 17.

[^^^]

Улица в Москве, где находились модные магазины (ср. у А. С. Грибоедова: «А всё Кузнецкий мост да вечные французы» («Горе от ума», д. 1)). Французские вывески были сняты в 1812 г. по приказу главнокомандующего Ф. В. Ростопчина.

[^^^]

Ср. в письме сестры поэта О. С. Павлицевой к мужу Н. И. Павлицеву от 22 ноября 1835 г.: «Александр сечёт своего сына, которому всего два года; он шлёпает также и свою Машу; впрочем он нежный отец» (*ПиС*, вып. 17—18, с. 193; подлинник по-французски).

[^^^]

О прощальном вечере у Нащокина см. в письме 30.

[^^^]

См. ПИСЬМО 21.

[^^^]

От Москвы до Нижнего Новгорода нужно было проехать 443 версты. Маршрут из Москвы в Нижний Новгород (с обозначением всех почтовых станций) см.: *Славянский*, с. 98. Пушкин выехал из Москвы после обеда у Нащокина, т. е. во второй половине дня 29 августа, и приехал в Нижний Новгород в первой половине дня, так как в этот день он успел не только сходить в баню, но побывать на ярмарке и у губернатора (см. письмо 30). Таким образом, ехал он полные четверо суток.

[^^^]

^a улицы широкие и хорошо мощёные, дома построены основательно.

[^^^]

Ежегодная Нижегородская ярмарка открывалась 15 июля и закрывалась 8 сентября.

[^^^]

Расчёты с прислугой и поставщиками производились первого числа каждого месяца (см.: *П. и мужики*, с. 164).

[^^^]

О вмешательстве Н. Н. Пушкиной в денежные расчёты мужа с книготорговцем Смирдиным рассказывает А. Панаева: «Кстати упомяну, что я слышала ещё в 40-м году от книгопродавца Смирдина о Пушкине.

Панаеву понадобилась какая-то старая книга, и мы зашли в магазин Смирдина. Хозяин пил чай в комнате за магазином, пригласил нас туда и, пока приказчики отыскивали книгу, угощал чаем; разговор зашёл о жене Пушкина, которую мы только что встретили при входе в магазин.

— Характерная-с, должно быть, дама-с, — сказал Смирдин. — Мне раз случилось говорить с ней... Я пришёл к Александру Сергеевичу за рукописью и принёс деньги-с; он поставил мне условием, чтобы я всегда платил золотом, потому что их супруга, кроме золота, не желала брать денег в руки. Вот-с Александр Сергеевич мне и говорит, когда я вошёл-с в кабинет: „Рукопись у меня взяла жена, идите к ней, она хочет сама вас видеть“, и повёл меня; постучались в дверь; она ответи-

ла „входите“. Александр Сергеевич отворил двери, а сам ушёл; я же не смею переступить порога, потому что вижу-с даму, стоящую у трюмо, опершись одной коленой на табуретку, а горничная шнурует ей атласный корсет.

„Входите, я тороплюсь одеваться, — сказала она. — Я вас для того призвала к себе, чтобы вам объявить, что вы не получите от меня рукописи, пока не принесёте мне сто золотых вместо пятидесяти... Мой муж дёшево продал вам свои стихи... В шесть часов принесёте деньги, тогда и получите рукопись... Прощайте...“

— Всё это она проговорила скоро, не поворачивая головы ко мне, а смотрелась в зеркало и поправляла свои локоны, такие длинные, на обеих щеках. Я поклонился, пошёл в кабинет к Александру Сергеевичу и застал его сидящим у письменного стола с карандашом в одной руке, которым он проводил черты по листу бумаги, а другой рукой подпирал голову-с, и они сказали-с мне:

„Что? с женщиной труднее поладить, чем с самим автором? Нечего делать, надо вам ублажить мою жену; понадобилось ей зака-

зять новое бальное платье, где хочешь, подай денег... Я с вами потом сочтусь“.

— Что же, принесли деньги в шесть часов? — спросил Панаев.

— Как же было не принести такой даме! — ответил Смирдин.

За достоверность рассказа, конечно, не могу ручаться, а передаю только то, что слышала» (Панаева А. Я. Воспоминания / Вступ. ст., ред. текста и коммент. К. Чуковского. М., 1956, с. 216—217).

Житейскую практичность Н. Н. Пушкиной подтверждают слова поэта: «... ты думаешь, что я подуруша и что меня опять оплетут» (см. письмо 66).

[^^^]

Речь идёт о собирании материалов для «Истории Пугачёва», ради чего и предпринял Пушкин поездку в Поволжье и Оренбургский край. Рассказы стариков, помнивших Пугачёва, отмеченные печатью «истины, неукрашенной и простодушной» (Акад., IX, с. 112), отличались от трактовки «бунта» в официальных документах и исторических источниках и освещали «события восстания и фигуру Пугачёва с позиции народа» (Овчинников Р. В. Над «пугачёвскими» страницами Пушкина. М., 1981, с. 4).

[^^^]

См. примеч. 9[131] к письму 25.

[^^^]

Натальин день — 26 августа.

[^^^]

Пушкин извинялся, что не был на званом вечере у Булгаковых (см. письмо 28), и просил снабдить его «листом для зрителей», т. е. подорожной.

[^^^]

^a рогоносца.

[^^^]

Имеется в виду Никита Всеволодович Всеволожский. Ср. упоминание о его семейной жизни в письме О. С. Павлицевой к мужу от 23 октября 1833 г.: «... не знаю, впрочем, приехал ли он из Варшавы или Вильны, но факт тот, что приехал опять соединиться с женой, откровенной мерзавкой, в скобках» (*ПиС*, вып. 15, с. 100; подлинник по-французски).

[^^^]

⁶ Собачий сын, (.....), почему ты не зашёл ко мне? — Скотина, — (.....), что ты сделал с моей малороссийской рукописью?

[^^^]

Manuscrit petit-Russien (малороссийская рукопись) — список с интереснейшего памятника украинской письменности «Истории Русов», которая в пушкинское время приписывалась Георгию Конисскому. Список был подарен Пушкину М. А. Максимовичем. В своих позднейших воспоминаниях М. А. Максимович рассказал, как он познакомил Пушкина с этой рукописью. «Приятно мне вспомнить, — писал он в 1845 г. М. П. Погодину, — что о „Полтаве“ Пушкина я первый (1829) в „Атенеи“ писал как о поэме народной и исторической. Незабвенно мне, как Мерзляков журил меня за мою статью и как благодарил потом Пушкин, возвратясь из своего закавказского странствия, где набирался впечатлений войны под руководством своего друга Н. Раевского. — Тогда же, узнав от Пушкина, что он написал „Полтаву“, не читавши ещё Конисского, я познакомил его с нашим малороссийским историком и подарил ему случившийся у меня список „Истории Русов“, об котором он написал потом прекрасные страницы» (ЛН, т.

58, с. 212). Под «прекрасными страницами» Максимович подразумевал рецензию Пушкина на «Собрание сочинений Георгия Конисского архиепископа Белорусского» (СПб., 1835), напечатанную в «Современнике» (1836, кн. 1). На «Летопись Конисского» Пушкин ссылался в своём ответе критикам «Полтавы», напечатанном в альманахе Максимовича «Денница» на 1831 год (М., 1831, с. 127). Интерес Пушкина к «Истории Русов» связывают с его намерением написать «Историю Украины» (см.: Оксман Ю. Г. Неосуществлённый замысел Истории Украины. — *ЛН*, т. 58, с. 211—221).

[^^^]

В автографе описки: обедов.

[^^^]

С посещениями Бутурлина связан эпизод, послуживший, в частности, сюжетом для «Ревизора» Гоголя. П. И. Бартенев приводит следующий рассказ из неизданных записок о Пушкине: «В поездку в Уральск для собирания сведений о Пугачёве, в 1833 г. Пушкин был в Нижнем, где тогда губернатором был М. П. Б.<утурлин>. Он прекрасно принял Пушкина, ухаживал за ним и вежливо проводил его. Из Нижнего Пушкин поехал прямо в Оренбург, где командовал его давнишний приятель гр. Василий Алексеевич Перовский. Пушкин у него и остановился. Раз они долго сидели вечером. Поздно утром Пушкина разбудил страшный хохот. Он видит: стоит Перовский, держит письмо в руках и заливается хохотом. Дело в том, что он получил письмо от Б.<утурлина> из Нижнего, содержания такого: У нас недавно проезжал Пушкин. Я, зная, кто он, обласкал его, но должно признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами об Пугачёвском бунте; должно быть ему дано тайное поручение собирать сведения о неис-

правностях. Вы знаете моё к вам расположение; я почёл долгом вам посоветовать, чтобы вы были осторожнее, и пр. Тогда Пушкину пришла идея написать комедию Ревизор. Он сообщил об этом Гоголю, рассказывал несколько раз другим и собирался сам что-то написать в этом роде (слышано от самого Пушкина)» (РА, 1865, с. 1212—1213). Этим эпизодом вызван относящийся к 1833—1834 гг. план ненаписанной повести «Криспин приезжает в губернию» (Акад., VIII, 431). О замысле комедии и о сюжете «Ревизора», переданном Гоголю, см.: Гоголь, т. 8, с. 440; Соллогуб В. А. Из доклада в Обществе любителей российской словесности. — П. в воспоминаниях, т. 2, с. 306—307; Гишпиус В. В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным. Пермь, 1930, с. 89—102; Петрунина Н. Н., Фридлиндер Г. М. Пушкин и Гоголь в 1831—1836 гг. — П. Исслед. и мат. Л., 1969, т. 6, с. 208—209.

Позднее, уже в день выезда Пушкина из Оренбурга, М. П. Бутурлин получил от петербургского обер-полицеймейстера С. А. Кокошкина следующее секретное отношение (за № 264): «По высочайше утверждённому положе-

нию Государственного Совета... был учреждён в здешней столице секретный полицейский надзор за образом жизни и за поведением известного поэта, титулярного советника Пушкина. 14-го сего месяца... он, Пушкин, выбыл в имение его, состоящее в Нижегородской губернии. Уведомляя о сём Ваше превосходительство, я покорнейше прошу сделать распоряжение об учреждении за Пушкиным секретного надзора по месту пребывания его в подведомственной Вам губернии». Отношение Кокошкина было получено в Нижнем Новгороде только 1 октября, когда поэт, проехав по пугачёвским местам, добрался до Болдина, но бумаги, предписывающие губернаторам осуществлять за ним полицейский надзор, хоть и с опозданием, но были разосланы во все города, где останавливался Пушкин (см.: Попов П. Пушкин под надзором в Нижегородской губернии. — В кн.: Пушкин в Болдине. Горький, 1937, с. 101—114).

[^^^]

† Прощай, красавица моя, кумир мой, прекрасное моё сокровище, когда же я тебя опять увижу?.. *(Итал.)*

[^^^]

Из Нижнего Новгорода Пушкин выехал 3 сентября, по-видимому, сразу после обеда у М. П. Бутурлина (Пушкина, очевидно, пришлось «уговаривать» прийти на обед, потому что он ссылался на необходимость отъезда — см. письмо 30). Расстояние от Нижнего Новгорода до Казани — 380 вёрст — Пушкин проделал за двое с небольшим суток. О его маршруте см.: *Славянский*, с. 99—100.

[^^^]

Из воспоминаний Александры Андреевны Фукс известно, что Пушкин 8-го числа «выехал на рассвете в Оренбург» (Фукс А. А. Пушкин в Казани.— *П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 221).

[^^^]

Вот, что пишет об этом А. А. Фукс: «Пушкин ехал в Оренбург собирать сведения для истории Пугачёва и по той же причине *останавливался на одни сутки в Казани*. Он знал, что в Казани мой муж, как старожил, постоянно занимавшийся исследованием здешнего края, всего более мог удовлетворить его желанию, и потому, может быть, и желал с нами познакомиться. В этот же день (7 сентября. — Я. Л.), поутру, Пушкин ездил тройкою на дрожках, один к Троицкой мельнице, по сибирскому тракту, за десять вёрст от города; здесь был лагерь Пугачёва, когда он подступал к Казани. Затем, объехав Арское поле, был в крепости, обежал её кругом и потом *возвратился домой, где оставался целое утро*, до двух часов, и писал, обедал у Е. П. Перцова, с которым был знаком ещё в Петербурге; там обедал и муж мой. В шесть часов вечера мне сказали о приезде к нам Пушкина. Я встретила его в зале. Он взял дружески мою руку с следующими ласковыми словами: „Нам не нужно с вами рекомендоваться, музы

нас познакомили заочно, а Баратынский ещё более...“ . <...> я не могу похвалиться ни ловкостью, ни любезностью, особенно при первом знакомстве, и потому долго не могла прийти в свою тарелку; да к тому же и разговор был о Пугачёве: мне казалось неловко в него вмешиваться. Напившись чаю, Пушкин и К.<арл>Ф.<ёдорович> поехали к казанскому первой гильдии купцу Крупеникову, бывшему в плену у Пугачёва, и пробыли там часа полтора» (Фукс А. А. Пушкин в Казани. — *П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 217—218). Следует сказать, что по «пугачёвским» местам Пушкин ездил ещё до знакомства с Фуксами, т. е. 6 сентября. В этот день он побывал и в пригороде Казани, так называемой Суконной слободе, где помещался упоминаемый в «Истории Пугачёвского бунта» «Горлов кабак». Здесь он беседовал с Василием Петровичем Бабиным и записал полученные от него сведения. По предположению В. Л. Комаровича, о Бабине Пушкин узнал от Е. А. Баратынского (см.: Комарович В. Л. Записи устных рассказов о пугачёвщине. 1. Казанская запись. — *П. Врем.*, т. 4—5, с. 18—20). Подробно о пребывании Пушкина в

Казани см.: *Славянский*, с. 28—42, 136—137, где приведена библиография основных работ на эту тему.

[^^^]

О том, что Баратынский был в Казани и «стоял», т. е. жил в одном доме с Пушкиным, а также был вместе с ним у Фуксов, пишет литератор И. А. Второв сыну, Н. И. Второву (см.: Пуле М. Ф. de. Отец и сын. — *PВ*, 1875, т. 118, № 8, с. 610). Весть о совместном пребывании поэтов в Казани быстро распространилась. Д. В. Давыдов, живший в своём имении Маза Сызранского уезда, писал 3 октября 1833 г. Н. М. Языкову: «Кстати о Пушкине; знаете ли, что я слышал от людей, получивших письма из Казани? В Казани были Пушкин и Баратынский, отыскивающие сведения о Пугачёве. Из этого я заключаю, что они в союзе для сочинения какого-нибудь романа, в котором будет действовать Пугачёв. И так вот решение загадки появления Пушкина в нашей и Оренбургской губерниях. Если это правда, то дай бог! авось ли мы увидим что-нибудь близкое к Вальтер-Скотту» (*РС*, 1884, № 7, с. 143—144). Давыдов ошибался. В 20 верстах от Казани было имение тестя Баратынского Л. Н. Энгельгардта Каймары — свидание с ним и было пово-

дом, который привёл Баратынского в Казань.

[^^^]

Село Языково (Корсунского уезда Симбирской губернии) находилось в версте расстояния от большого Московского тракта из Симбирска в Корсунь, на берегу реки Урал (см. о нём: Селиванов К. А. 1) Языково. — В кн.: Замечательные места Ульяновской области. Ульяновск, 1946, с. 41—47; 2) Литературные места Ульяновской области. Саратов, 1969, с. 25—39, 110—111). Пушкин застал здесь только старшего из братьев, Петра Михайловича. Возможно, он сообщал Пушкину предания о Пугачёве; известно, что П. М. Языков записывал песни о Пугачёве (см.: *ЛН*, т. 79, с. 343, 346).

[^^^]

Возможные маршруты Пушкина из Казани в Симбирск указаны в кн.: *Славянский*, с. 107. Расстояние между этими городами по почтовому тракту (через Лаишев) — 239 вёрст. О том, что Пушкин ехал именно по этому тракту, по мнению некоторых исследователей, свидетельствует запись в его дорожной книжке: «Лаишв, город в шлафроке» (см.: *Рукою П.*, с. 339 и коммент. М. А. Цявловского к этой записи). Иначе, по-видимому, трактовал эту запись Л. Б. Модзалевский, который, возражая П. П. Суворову (см.: Суворов П. П. Пушкин в Лаишеве. — *М. вед.*, 1901, № 323), писал: «Рассказывается местное предание о пребывании поэта в этом городе; вероятно, это легенда, так как Лаишев лежал совсем не на пути Пушкина» (*Письма*, т. 3, с. 628). Позднее к скептическому мнению о проезде Пушкина через Лаишев присоединился и Цявловский (см.: Цявловский М. А. Скитания поэта. — *Смена*, 1936, № 9). Обзор полемики по этому вопросу и литературу о пребывании Пушкина в Симбирске см.: *Славянский*, с. 106—107,

138—139.

[^^^]

О визите Пушкина к симбирскому губернатору А. М. Загряжскому сохранились воспоминания Констанции Ивановны Коротковой (урожд. Габленц) (1820—1900), которая брала в это время урок танцев с дочерью Загряжского: «Однажды осенью (1833 года, между 8—14 сентября) во время урока танцев по зале пронёсся слух, что приехал сочинитель А. С. Пушкин; мы все заволновались от ожидания увидеть его, и вдруг входит в залу господин небольшого роста, в чёрном фраке, курчавый, шатен, с бледным или скорее мулатским рябоватым лицом: мне тогда он показался очень некрасивым. Мы все уже сидели по стульям и при его общем нам поклоне сделали ему реверанс; через несколько минут мы все с ним познакомились и стали просить его танцевать с нами; он немедленно же согласился, подошёл к окну, вынул из бокового кармана пистолет и, положив его на подоконник, протанцевал с каждой из нас по несколько туров вальса под звуки двух скрипок, сидевших в углу. — Пушкин, как говори-

ли тогда, приезжал в Симбирск за разысканием материалов для своей истории Пугачёвского бунта и, конечно, к своему удовольствию, мог их найти немало, потому что и я помню в Симбирске ещё живых свидетелей этого бунта: в самом Симбирске жил 80—83-летний маленький, невзрачный старичок Шувалов (имевший тогда восемь дочерей и одного сына), в доме которого я часто бывала. Я помню хорошо, что он дома всегда был одет в красный халат, препоясанный шнурком или просто верёвочкой. Мы, бывало, усядемся на скамеечке у его ног и слушаем его рассказы про старое время, про Пугачёва, у которого он был фореитором. Шувалов удостоился такой чести, вместо того, чтобы быть убитым с прочими помещиками, за то только, что „показался Пугачёву чрез меру плюгавым“. Шувалову тогда было всего шестнадцать лет от роду. К этому-то пугачёвскому фореитору, как я тогда слышала, сделал свой визит Пушкин, очевидно, желая послушать его рассказы о Пугачёве» (Лебедев Д. Пушкин и симбирские старожилы. — *М. вед.*, 1901, № 242).

У Загряжского Пушкин был и 14 сентября.

Загряжский подарил ему в этот день карту Екатеринославской губернии (изд. 1821 г.), на которой рукой поэта записано: «Карта, принадлежавшая императору Александру Павловичу. — Получена в Симбирске от А. М. Загряжского 14 сент. 1833» (см.: *Рукою П.*, с. 601—602).

[^^^]

В сентябре 1833 г. Наталья Николаевна переехала с дачи Миллера на Чёрной речке на новую квартиру в доме Александра Карловича Оливье «у Пантелеймона близ Цепного моста» (ныне ул. Пестеля, д. 5 — см.: Яцевич А. Г. Пушкинский Петербург. Л., 1935, с. 57—59). Квартира стоила дорого — 4800 руб. в год — этим и объясняются слова Пушкина: «нечего делать, бери его». До этого Пушкины квартировали в доме купца Жадимеровского, на углу Морской и Гороховой улиц (ныне — ул. Герцена и Дзержинского). Наём этой квартиры причинил поэту много неприятностей. Пушкины съехали в середине июля с согласия домовладельца, но срок контракта кончался только в декабре, и Жадимеровский предъявил Пушкину через надворный суд иск об уплате 1063 руб. 33 $\frac{1}{2}$ коп. Тяжба эта закончилась уже после смерти поэта (см.: *Рукою П.*, с. 765—768; *Лит. арх.*, кн. 3, с. 24—27; *Арх. опеки*, с. 100—103). 27 сентября 1833 г. Н. О. Пушкина писала дочери О. С. Павлицевой из Михайловского: «Все твои письма и на *Синкс* и на

Новоржев равно доходят до меня, мой добрый друг, не приходи в уныние, — пропало лишь то, что ты адресовала Александру. Раз они всё время меняют квартиры, то найти их трудно; когда они были на *Чёрной речке*, все их люди находились при них, дом был доверен *дворнику Жадимеровских*, который, без сомнения, потерял твоё письмо. Натали наконец нам написала, она сообщает, что у неё были нарывы, она здорова, равно как и дети. Александр месяц, как в Нижнем, и воротится лишь в начале ноября. Она снова перебралась, она живёт теперь *на Пантелеймоновской улице в доме Оливье*» (Левкович Я. По неизвестным письмам. — Звезда, 1974, № 6, с. 182). В доме Оливье Пушкины проживали до середины августа 1834 г.

[^^^]

^a синему чулку. (Англ.)

[^^^]

Речь идёт об А. А. Фукс, которую Пушкин называет «синим чулком». А. А. Фукс вспоминала: «Он просил показать ему стихи, писанные ко мне Баратынским, Языковым и Ознобишиным, читал их все сам вслух и очень хвалил стихи Языкова. Потом просил меня непременно прочесть стихи моего сочинения. Я прочла сказку: „Жених“, и он, слушая меня, как бы в самом деле хорошего поэта, вероятно, из любезности, несколько раз останавливал моё чтение похвалами, а иные стихи заставлял повторять и прочитывал сам. После чтения он начал меня расспрашивать о нашем семействе, о том, где я училась, кто были мои учителя; рассказывал мне о Петербурге, о тамошней рассеянной жизни и несколько раз звал меня туда приехать: „Приезжайте, пожалуйста, приезжайте; я познакомлю с вами жену мою; поверьте, мы будем уметь отвечать вам на казанскую приветливость не петербургской благодарностью“. Потом разговоры наши были гораздо откровеннее, он много говорил о духе нынешнего времени, о его влия-

нии на литературу, о наших литераторах, о поэтах, о каждом из них сказал своё мнение и наконец прибавил: „Смотрите, сегодняшний вечер была моя исповедь; чтобы наши разговоры остались между нами“» (П. в воспоминаниях, т. 2, с. 218—219). Резкий и пренебрежительный отзыв об А. А. Фукс в письме к жене объясняется постоянной ревностью Н. Н. Пушкиной.

[^^^]

Баратынский посвятил А. А. Фукс стихотворение «А. А. Фуксовой» («Вы-ль, дочь Евы, как другая»). Сам он писал об этих стихах И. В. Киреевскому 16 мая 1832 г.: «Прошу его (Н. М. Языкова. — Я. Л.) пожалеть обо мне: одна из здешних дам, женщина степенных лет, не потерявшая ещё притязаний на красоту, написала мне послание в стихах без меры, на которое я должен отвечать» (Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб., 1899, с. 46). [Возврат к примечанию[217]]

[^^^]

⁶ *Пропущено при переходе на оборот листа.*

[^^^]

В Болдино Пушкин приехал 1 октября (см. письмо 35).

[^^^]

Об этом зайце Пушкин вспомнил ещё раз, уже в Болдине (см. письмо 35). О суеверии Пушкина имеются свидетельства С. А. Соболевского и П. В. Нащокина (см.: *П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 7, 190—191). [Возврат к примечанию[211]]

[^^^]

Обычный путь из Симбирска в Оренбург (он указывается в «почтовых дорожниках») шёл по правому берегу Волги на Сенгилей (через Крекшинки и Тушну), потом на Самару. Вероятно, по этой дороге первоначально и выехал Пушкин в ночь с 12 на 13 сентября. Доехав до 3-й станции, т. е. до Сенгилея (55 вёрст от Симбирска), он вернулся и вновь выехал из Симбирска уже 15 сентября, по другой дороге, проходившей по левобережью Волги. По наблюдению С. А. Попова, косвенным подтверждением этого является рисунок в «дорожной записной книжке» (1833) Пушкина, изображающий обрывистый берег Волги у Симбирска с домами и церковью. Под рисунком подпись: «Смоленская гора. Церковь Смол.<енская> и дом Карамзина. 15 сентября Волга» (Рукою П., с. 400). «Рисунок, — пишет С. А. Попов, — несомненно, сделан с левого берега реки или же с парома во время переправы через Волгу. 15 сентября — вероятная дата выезда Пушкина из Симбирска в Оренбург. Подтверждением того, что путь Пушкина был именно таким,

является белой автограф „Капитанской дочки“, в котором герой романа едет на службу в Оренбург по степям заволжским и видит одни бедные мордовские и чувашские деревушки (Акад., VIII, 860). Именно левобережная дорога шла через мордовские и чувашские сёла. Пушкин вёл своего героя тем же трактом, по которому ехал сам» (Попов С. А. Ехал поэт в Оренбург. — В кн.: Рифей: Уральский лит.-краев. со. Челябинск, 1981, с. 48). В «дорожной записной книжке» поэта имеется запись: «Смышляевка». Смышляевка — почтовая станция, которая стояла на «большой почтовой дороге из города Самары в Оренбург», с другой стороны на неё выходила дорога, шедшая по левому берегу Волги (см.: Там же, с. 48). Детальный маршрут Пушкина из Симбирска в Оренбург см.: Калинин Н. Ф. Пушкин в Казани. Казань, 1942, с. 73; Попов С. А. Указ. соч., с. 48—49; *Славянский*, с. 52.

[^^^]

Приехав в Оренбург 18 сентября, Пушкин остановился у оренбургского военного губернатора В. А. Перовского, который жил на своей даче за городом в версте от Сакмарских ворот на Казаковской улице (ныне Проезд Коммунаров); здесь он встретился с В. И. Далем, в то время — чиновником особых поручений при Перовском. В тот же день Даль повёз Пушкина в баню при Неклюевском военном училище, директором которого был инженер-капитан К. Д. Артюхов, «добрейший, умный, весёлый и чрезвычайно забавный собеседник», — как характеризует его Даль. После бани Артюхов смешил Пушкина охотничьи-ми рассказами (об этом эпизоде см.: Даль В. И. Записки о Пушкине. — *П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 228). Впоследствии Пушкин послал В. А. Перовскому экземпляр «Истории Пугачёвского бунта» с просьбой передать её «тому охотнику, что вальдшнепов сравнивает с Валленштейном или Кесарем» (*Акад.*, XVI, № 1053). Перовский, узнав, что цель приезда Пушкина в Оренбург — собирание материалов о Пуга-

чѣве и посещение казачьего села Берды (где в своё время была резиденция Пугачѣва), сразу же послал в Берды за казацким атаманом Гребенщиковым и дал распоряжение собрать 19 сентября, к приезду Пушкина, старожилов.

23 октября Перовский получил из Управления Нижегородского военного губернатора отношение учредить секретный надзор «за образом жизни и поведением» Пушкина. Бумага была подписана 9 октября (когда поэт был уже в Болдине). Перовский, не без иронии, написал на этой бумаге: «Честь имею ответить вам <...>, что сие отношение ваше получено через месяц по отбытии отсюда г. Пушкина, а потому хотя во время кратковременного его пребывания в Оренбурге и не было за ним полицейского надзора, но как он останавливался в моём доме, то я тем лучше могу удостоверить, что поездка его в Оренбургский край не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических изысканий» (РС, 1883, № 1 с. 78; Попов П. Пушкин под надзором в Нижегородской губернии. — В кн.: Пушкин в Болдине. Горький, 1937, с. 111).

[^^^]

Пушкин имеет в виду город Уральск, находившийся в 250 верстах от Оренбурга. По дороге поэт заезжал в крепость Нижнеозёрную и Татищеву. Его маршрут до Уральска см.: Попов С. А. Ехал поэт в Оренбург. — В кн.: Рифей. Челябинск, 1981, с. 50. В «Капитанской дочке» Пушкин дал крепости, где происходит действие, вымышленное название Белогорская, но, по словам С. А. Попова, «поместил её на месте бывшей Татищевой» (Там же, с. 54). С Поповым полемизирует В. Савельзон. Расшифровывая один из рисунков Пушкина в его «дорожной записной книжке» как зарисовку Нижне-Озёрной крепости и сравнивая рисунок с описанием Белогорской крепости в «Капитанской дочке», он считает более убедительной эту параллель (см.: Савельзон М. Рукою Пушкина.— В кн.: Рифей, с. 84—87).

[^^^]

В «коляске», например, было написано стихотворение «Когда б не смутное влеченье», которое в автографе имело помету: «1833, дорога, сентябрь». Возможно, что «в коляске» была задумана «Сказка о мёртвой царевне» (см. примеч. 7[140] к письму 26). По словам П. В. Нащокина, «„Сказку о царе Салтане“ Пушкин написал в дилижансе, проездом из Петербурга в Москву» (*П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 185). Очевидно, в этом последнем случае речь идёт о замысле или черновых набросках «Сказки», так как написана она была в 1831 г. в Царском Селе.

[^^^]

Речь идёт о слуге Пушкина Гавриле (см.: Соколов Д. Н. Пушкин в Оренбурге. — *ПуС*, вып. 23—24, с. 729). Вернувшись в Петербург, Пушкин писал Нащокину 24 ноября: «При выезде моём из Москвы, Гаврила мой так был пьян и так меня взбесил, что я велел ему слезть с козел и оставил его на большой дороге в слезах и в истерике, но это всё на меня не подействовало» (*Акад.*, XV, № 862).

[^^^]

См. о нём в письме 21.

[^^^]

Встреча с калмычкой в 1829 г. описана в «Путешествии в Арзрум» (Акад., VIII, с. 446) и в стихотворении «Калмычке» (1829).

[^^^]

^a*B автографе: прост.*

[^^^]

В «дорожной записной книжке» Пушкина сделан подсчёт расстояния от Пензы до Арзамаса и от Арзамаса до Починок. На основании этой записи (и указания в письме 34: «отправляюсь в деревню через Саратов и Пензу») М. А. Цявловский полагает, что поэт ехал в Болдино кружным путём, и недоумеваает, почему он выбрал именно этот путь (1072 версты), в то время как, минуя Пензу, весь путь составил бы лишь 690 вёрст (см.: *Рукою П.*, с. 342). Ю. Л. Славянский, исходя из расчёта времени, затраченного Пушкиным на дорогу, считает, что поэт ехал по более короткому пути — через Сызрань, Симбирск, Ардашев и Абрамово (см.: *Славянский*, с. 120—121).

[^^^]

Приехав в Уральск, Пушкин остановился в доме атамана, Василия Осиповича Покатилова. Покатилов и другие представители войскового командования дали в честь Пушкина два парадных обеда, знакомили его с достопримечательностями города и устраивали встречи с ветеранами-пугачёвцами и очевидцами восстания. В 1835 г. Пушкин переслал Покатилову через В. А. Перовского экземпляр «Истории Пугачёвского бунта» (см.: *Письма*, т. 4, с. 83). Среди собеседников Пушкина в Уральске был полковник Ф. Г. Бизянов, имя которого упомянуто в «дорожной записной книжке» Пушкина (см.: *Рукою П.*, с. 339). Сведения о Бизянове и других очевидцах пребывания Пушкина в Уральске разысканы Р. В. Овчинниковым (см.: Овчинников Р. В. Над «пугачёвскими» страницами Пушкина. М., 1981, с. 93—133). Так, в частности, Р. В. Овчинникову удалось разыскать сведения о ветеране-пугачёвце Пьянове, которому Пугачёв сказал: «Улица моя тесна» (*Акад.*, IX, с. 27), и других очевидцах, которых упоминает Пушкин в «Истории Пугачёвского

бунта». О пребывании Пушкина в Уральске и его собеседниках см. также: Попов С. А. Дороги сентября. — В кн.: Рифей. Челябинск, 1981, с. 50—57.

[^^^]

^a *Пропущено при переходе на другой лист.*

[^^^]

О пребывании Пушкина в Языкове известно из писем братьев Языковых. 1 октября 1833 г. А. М. Языков писал к В. Д. Комовскому: «Вчера был у нас Пушкин, возвращавшийся из Оренбурга и с Яика в свою Нижегородскую деревню, где пробудет месяца два, занимаясь священнодействием перед алтарём Камен. Он ездил-де собирать изустные и письменные известия о Пугачёве, историей времени которого будто бы теперь занимается. Из интересных новостей он прочитал нам свою новую сказку Гусар (её купил, дескать у него Смирдин за 1000 рублей сто стихов...)» (*ИВ*, 1883, № 12, с. 537). Из письма видно, что А. М. Языков несколько скептически относился к историческим занятиям Пушкина. Такой же скепсис виден и в письме Н. М. Языкова к М. П. Погодину, написанном также после отъезда Пушкина: «У нас был Пушкин с Яика — собирал сказания о Пугачёве. Много-де собрал, по его словам разумеется. Заметно, что он вторгается в область Истории (для стихов ещё бы туда и сюда) — собирается собирать плоды с поля,

на коем он ни зерна не посеял — писать Историю Петра, Екатерины I и далее вплоть до Павла первого (между нами)» (Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1891, т. 4, с. 161; *ЛИ*, № 16—18, с. 715). Очевидно, в таком же духе писали братья Языковы и Д. В. Давыдову. Но реакция Давыдова не соответствовала скептической интонации их писем. Поэт-партизан отвечал: «Рад душевно, что Пушкин принялся за дело. Этот лощёный Петербург его губит, а более нас, отвлекая его от вдохновений; впрочем, вы знаете, что он за поем пишет только осенью, и, как кажется, это время года он не дарит праздности; если будете писать к нему, скажите ему мой дружеский поклон» (*РС*, 1884, № 7, с. 138).

[^^^]

См. примеч. 1[198] к письму 33.

[^^^]

Пушкин ездил в Берды с Далем. Об этой поездке Даль рассказывает: «Ездил <я> с ним в историческую Бердинскую станицу, толковал, сколько знал и слышал, местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачёвым; указывал на Георгиевскую колокольню в предместьи, куда Пугач поднял было пушку, чтобы обстреливать город, — на остатки земляных работ между Орских и Сакмарских ворот, приписываемых преданием Пугачёву, на зауральскую рощу, откуда вор пытался вырваться по льду в крепость, открытую с этой стороны; говорил о незадолго умершем здесь священнике, которого отец высек за то, что мальчик бегал на улицу собирать пятаки, которыми Пугач сделал несколько выстрелов в город вместо картечи, — о так называемом секретаре Пугачёва Сычугове, в то время ещё живом, и о берлинских старухах, которые помнят ещё „золотые“ палаты Пугача, то есть обитую медною латунию избу.

Пушкин слушал всё это — извините, если не умею иначе выразиться, — с большим жа-

ром. <...>

Мы поехали в Берды, бывшую столицу Пугачёва. <...> Я взял с собою ружьё, и с нами было ещё человека два охотников. Пора была рабочая, казаков ни души не было дома; но мы отыскали старуху, которая знала, видела и помнила Пугача. Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла изба, обращённая в золотой дворец, где разбойник казнил несколько верных долгу своему сынов отечества; указали на гребни, где, по преданию, лежит огромный клад Пугача, зашитый в рубаху, засыпанный землёй и покрытый трупом человеческим, чтобы отвести всякое подозрение и обмануть кладоискателей, которые, дорывшись до трупа, должны подумать, что это — простая могила. Старуха (И. А. Бунтова) спела также несколько песен, относившихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощание червонец.

Мы уехали в город, но червонец наделал большую суматоху. Бабы и старики не могли понять, на что было чужому, приезжему человеку расспрашивать с таким жаром о разбойнике и самозванце, с именем которого бы-

ло связано в том краю столько страшных воспоминаний, но ещё менее постигали они, за что было отдать червонец. Дело показалось им подозрительным: чтобы-де после не отвечать за такие разговоры, чтобы опять не дожить до какого греха да напасти. И казаки на другой же день снарядили подводу в Оренбург, привезли и старуху, и роковой червонец и донесли: „Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, приметами: собой невелик, волос чёрный, кудрявый, лицом смуглый, и подбивал под „пугачёвщину“ и дарил золотом; должен быть антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти“ (Пушкин носил ногти необыкновенной длины: это была причуда его). Пушкин много тому смеялся» (*П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 222—223). Эпизод с червонцем вспомнила и Е. З. Воронина, посетившая Бердскую станицу 25 ноября 1833 г. (см. её письмо к Е. Л. Энгельке от 26 ноября 1833 г.: *РА*, 1902, № 8, с. 659—660). Воспоминания Даля кратко обозначают темы его рассказов Пушкину. Попытку реконструкции сведений, которые мог сообщить Пушкину Даль, см.: Овчинников Р. Встреча в Оренбурге. — В кн.: Ри-

фей, Челябинск, 1981, с. 7—45. [Возврат к при-
мечанию[214]]

[^^^]

б удачу.

[^^^]

Речь идёт об Ирине Афанасьевне Бунтовой. Сведения о Пугачёве, полученные от Бунтовой, Пушкин сопроводил в «Истории Пугачёва» пометами «Старуха в Берде», «В Берде от старухи» (*Акад.*, IX, № 496, 497). Бунтова была родом из Нижне-Озёрной и как очевидица рассказывала Пушкину о взятии этой крепости, о присяге Пугачёву, о расстреле Харловой и её брата, женитьбе Пугачёва на Устинье Кузнецовой и др., она же спела ему три песни о Пугачёве. Подробно о Бунтовой и беседах с ней Пушкина см.: Овчинников Р. В. Над «пугачёвскими» страницами Пушкина. М., 1981, с. 49—70. Свидетельства о встрече с ней приводятся в воспоминаниях В. И. Даля (см. примеч. 5[212] к данному письму), в письмах Е. З. Ворониной, бывшей в Бердах вскоре после Пушкина (письма от 25 сентября и 26 ноября 1833 г.: *РА*, 1902, № 8, с. 647, 658—660), в дневнике К. А. Буха (см.: Овчинников Р. В. Указ. соч., с. 49, 51), в воспоминаниях А. И. Макшеева (*РС*, 1870, № 10, с. 418). Песни о Пугачёве, которые Бунтова пела Пушкину, записала потом Воро-

нина. Никто из названных мемуаристов не назвал фамилии Бунтовой. Она была впервые установлена оренбургским краеведом С. Н. Севастьяновым, который посетил Бердскую слободу в 1899 г. и встретился там с казачкой Блиновой, видевшей Пушкина в Бердах в памятный день 19 сентября 1833 г. (см.: Севастьянов С. Н. Несколько указаний о пребывании А. С. Пушкина в Бердах. — Тр. Оренбургской учёной архивной комиссии, 1990, вып. 6, с. 233—234). Даты рождения и смерти И. А. Бунтовой (1760—1848) разыскал С. А. Попов (см.: Попов С. А. 1) Старуха в Берде. — Южный Урал, 1966, 14 января; 2) Оренбургские собеседники Пушкина. — СА, 1969, № 5, с. 115—116). Уже подъезжая к Болдину, в селе Шатки, между Арзамасом и Лукояновым, Пушкин встретился со своим старым знакомцем Константином Михайловичем Савостьяновым (1805—1871), который оставил воспоминания об этой встрече и, в частности, об оренбургских впечатлениях поэта. «Пушкин заехал ко мне в дом, — пишет Савостьянов, — и с большим интересом рассказал свежие впечатления о путешествии своём по Орен-

бургской губернии, только что возвратившись оттуда, где он собирал исторические памятники, устные рассказы многих свидетелей того времени, стариков и старух, о Пугачёве. Доверие, произведённое к себе этим историческим злодеем во многих невеждах, говорил Пушкин, до такой степени было сильно, что некоторые самовидцы говорили ему лично с полным убеждением, что Пугачёв был не бродяга, а законный царь Пётр III, и что он только напрасно потерпел наказание от злобы и зависти людей. Пушкин в эти часы был чрезвычайно любезен, говорлив и весел» (*ПуС*, вып. 27—30, с. 149—151).

[^^^]

^в *Прорвано.*

[^^^]

Абрамово — почтовая станция между Арзамасом и Ардатовым, в 12 верстах от Болдина. В Нижегородской губ. было два села Болдина: Большое Болдино и Малое Болдино (см.: *П. и мужики*, с. 62—67).

[^^^]

См. примеч. 6[195] к письму 32.

[^^^]

В Болдине была создана первая редакция «Истории Пугачёва» (см.: Петрунина Н. Н. «История Пугачёва». От замысла к воплощению. *РЛ*, 1974, № 3, с. 191—192). 6 декабря 1833 г. Пушкин просил у Бенкендорфа разрешения представить «Историю Пугачёва» «на высочайшее рассмотрение» (*Акад.*, XV, № 864) и вскоре (по предположению Н. Н. Петруниной, 12 декабря) получил разрешение на её публикацию. Одобрение труда Пушкина царём было вызвано определённым политическим расчётом. «Ему представлялось, — отмечает исследовательница, — что в исторической ситуации 1830-х годов, перед лицом опасности новой пугачёвщины, для её предупреждения может оказаться полезной книга, напоминающая о событиях и уроках крестьянской войны XVIII в.» (Петрунина Н. Н. Как увидела свет «История Пугачёва». — В кн.: Петрунина Н. Н., Фридлиндер Г. М. Над страницами Пушкина. Л., 1974, с. 124). Пушкин рассчитывал получить от продажи «Истории Пугачёва» 40 тыс. руб. и даже составил список предстоящих

уплат (см.: *Рукою П.*, с. 377—380), однако надежды его не оправдались. Книга вышла в последних числах декабря 1834 г., а в феврале 1835 г. поэт записал в дневнике: «В публике очень бранят моего Пугачёва, а что хуже — не покупают» (*Акад.*, XII, с. 337). По подсчёту П. Е. Щёголева, Пушкин выручил от продажи «Истории Пугачёва» не больше 20 тыс. руб. После смерти Пушкина в его квартире оказалось 1775 экземпляров «Истории», оставшихся из 3000 напечатанных (см.: Щёголев П. Е. 1) Бюджет А. С. Пушкина в последний год его жизни. — *Прожектор*, 1929, № 11, с. 23; 2) Материальный быт Пушкина. — *Искусство*, 1929, № 3—4, с. 42; см. также: Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, с. 359—370). [Возврат к примечаниям [367], [437] и [458]]

[^^^]

Жуковский уехал 18 июня 1832 г. лечиться в Германию, Швейцарию и Италию и 10 сентября вернулся на родину (см.: Жуковский В. А. Дневники / Под ред. И. А. Бычкова. СПб., 1901, с. 218—314). «Звезду» — орден св. Станислава 1-й степени — Жуковский получил 30 августа 1833 г.

[^^^]

О предполагавшейся поездке Пушкина в Дерпт известно из письма А. Н. Мордвинова к Пушкину от 7 августа 1833 г., которое было ответом на просьбу Пушкина предоставить ему отпуск для поездки в Оренбург и Казань (22 июля 1833 г. — *Акад.*, XV, № 830). Мордвинов писал: «Его величество, соизволяя на поезду вашу в Дерпт для посещения г-жи Карамзиной, изъявил высочайшую свою волю знать, что побуждает вас к поездке в Оренбург и Казань, и по какой причине хотите Вы оставить занятия, здесь на Вас возложенные?» (*Акад.*, XV, № 835). В Дерптском университете учились старшие сыновья Н. М. Карамзина, Александр и Андрей Николаевичи, осенью 1832 г. с другими детьми (Елизаветой, Владимиром и Николаем) в Дерпт приехала вдова историографа, Екатерина Андреевна. Желание Пушкина навестить её было связано с семейным горем Карамзиных — 21 апреля 1833 г. умер младший сын, пятнадцатилетний Николай. [Возврат к примечанию[238]]

[^^^]

Наследство Василия Львовича Пушкина — принадлежавшая ему часть Болдина. По словам П. Е. Щёголева, «осенью 1833 года помещичьи интересы привлекали внимание Пушкина. Враг раздробления крупных имений, Пушкин мечтал о воссоединении частей Болдина, поделенного между С. Л. и В. Л. Пушкиными, о приобретении находившейся в опеке после смерти дяди Василия Львовича его половины» (*П. и мужики*, с. 111). Уже из Петербурга поэт писал Нащокину: «Наследники дяди делают мне дурацкие предложения — я отказался от наследства. — Не знаю, войдут ли они в новые переговоры» (*Акад.*, XV, № 865). Переговоры продолжались и в следующем году, однако Пушкин был вынужден отказаться от покупки «пол-Болдина» (см. примеч. 6[436] к письму 66). [Возврат к примечанию[246]]

[^^^]

Имеется в виду «Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб. Печатано в типографии II Отделения Собственной Его имп. величества канцелярии. 1830». Издание это было приобретено за 560 руб. за счёт кабинета Николая I и прислано царём в подарок Пушкину (см. письмо Бенкендорфа к Пушкину от 17 февраля 1832 г.: *Акад.*, XV, № 738 и ответ Пушкина с благодарностью за присланный подарок 24 февраля 1832 г.: *Акад.*, XV, № 741). Подарку предшествовала переписка между Бенкендорфом и министром двора кн. П. М. Волконским (см.: Лернер Н. О. Из неизданных материалов для биографии Пушкина. Царский подарок. — *ИВ*, 1887, № 2, с. 470). Николай I подарил поэту «Свод законов», узнав, что он хочет заняться историей петровского времени. Пушкин действительно начал собирать материалы для «Истории Петра», но всерьёз обратился к ней уже после издания «Истории Пугачёвского бунта».

Об отношении Николая I к Н. Н. Пушкиной П. И. Бартенев записал со слов П. В. Нащокина: «Сам Пушкин говорил Нащокину, что <царь>, как офицеришка, ухаживает за его женою; нарочно по утрам по нескольку раз проезжает мимо её окон, а ввечеру на балах спрашивает, отчего у неё всегда шторы опущены. — Сам Пушкин сообщал Нащокину свою совершенную уверенность в чистом поведении Натальи Николаевны» (*П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 194). Впервые Николай I увидел Н. Н. Гончарову на балу в Москве, в марте 1830 г., и красота её сразу обратила на себя его внимание. О комплиментах, которые он говорил насчёт Гончаровой Н. К. Загряжской, см. в письме 3. Появление молодой жены поэта в Царском Селе летом 1831 г. привлекло внимание всего царского семейства. О. С. Павлицева писала мужу: «Моя невестка — прелесть, она является предметом удивления в Царском; императрица желает, чтобы она была при дворе, а она жалеет об этом, так как она не глупа; нет, это не то, что я хотела сказать: хотя она вовсе

не глупа, но она ещё немного застенчива, но это пройдёт, и она, красивая, молодая и любезная женщина, поладит и со двором и с императрицей» (*ПуС*, вып. 15, с. 84; подлинник по-французски). Наталья Николаевна действительно вскоре «поладила» со двором, а увлечённость ею царя подала повод к сплетням и послужила основанием для грязных намёков в анонимном пасквиле (см. об этом: *Щёголев*, с. 50—60, 435—515). Н. И. Иваницкий, в присутствии которого В. А. Соллогуб рассказывал в 1843 г. о дуэльной истории Никитенке, вспоминает: «Разумеется, обвинения в связи с дуэлью пали на жену Пушкина, что будто бы была она в связях с Дантесом. Но Соллогуб уверяет, что это сущий вздор... Подозревают другую причину. Жена Пушкина была фрейлиной (!) при дворе, так думают, что не было ли у ней связей с царём. Из этого понятно будет, почему Пушкин искал смерти и бросался на всякого встречного и поперечного. Для души поэта не оставалось ничего, кроме смерти» (*ПуС*, вып. 13, с. 36—37). Эта запись, несмотря на некоторые неточности (Н. Н. Пушкина никогда не была фрейлиной), свиде-

тельствует, что Соллогубу был ясен скрытый смысл пасквиля, в котором содержался намёк не на Дантеса, а на царя. (О намёке «по царской линии» см.: наст. изд., с. 220. [См. «Словарь имён», статья «Николай I Павлович». — *Прим. lepok555*])

[^^^]

Речь идёт о женихе Любови Александровны Хилковой — Сергее Дмитриевиче Безобразове.

[^^^]

Пушкин занимался в это время не только Пугачёвым. Даты 6 и 30 октября стоят на одной из рукописей «Медного всадника» (см.: Измайлов Н. В. «Медный всадник» А. С. Пушкина: История замысла и создания, публикации и изучения. Л., 1978, с. 182—183), 14 октября завершена «Сказка о рыбаке и рыбке», 24, 26, 27 октября перебелена поэма «Анджело», 28 октября датированы «Воевода» и «Будрыс и его сыновья», 4 ноября закончена «Сказка о мёртвой царевне», в то же время Пушкин работал над «Капитанской дочкой» и «Пиковой дамой» и написал ещё несколько стихотворений.

[^^^]

Имеется в виду графиня Надежда Львовна Соллогуб.

[^^^]

Пушкин намекает на известный порок Ф. Ф. Вигеля. Ср. запись в дневнике поэта о Вигеле: «Я люблю его разговор — он занимателен и делен, но всегда кончается толками о мужеложестве» (*Акад.*, XII, с. 318).

[^^^]

28 сентября 1833 г. В. Ф. Одоевский писал Пушкину: «Я видел Жуковского — он помолодел и поздоровел; нет и тени прежнего больного лица» (*Акад.*, XV, № 850).

[^^^]

^a паштетов из гусиной печёнки.

[^^^]

2 октября С. А. Соболевский писал Пушкину: «Так как об ваших Северных цветах ни слуху, ни духу, то издам я таковой, да издам на славу, с рисунками à l'eau forte, genre de Rembrandt <офортом, в духе Рембрандта> Гагарина. Он малый с истинным талантом, а не так, как я думал, только с навыком и набитою рукой. У него прелестные рисунки к Contes Nocturnes de Hoffman <„Ночным рассказам“ Гофмана>, и мне очень жаль, что мало был он в Москве и следственно не мог взглядеться в наше старинное рисование, то есть в нашу архитектуру, в нашу древнюю утварь, в наше готическое, которое удивительно способно к разнообразию и прикрасе; однакож и тут попытки у него славные. Христа ради, Александр Сергеевич, стихков и прозы, прозы и стихков, на обеды, на вино, на лошадей, на <-----> и бог знает на что ещё. Дело в том, что я положил себе к 1-му маю выработать и выпросить 20 000. Вымолю и <-----> выработаю. Прошу помогать» (Акад., XV, № 850). Задуманный Соболевским альманах не состоялся.

[^^^]

Эти слова сказаны казанским татаринoм о кн. Платоне Степановиче Мещерском (1713—1799), занимавшем при Екатерине II пост казанского наместника (см.: *Вяземский*, т. 8, с. 89).

[^^^]

Сказка А. Е. Измайлова «Заветное пиво», напечатанная в «Невском альманахе» на 1829 год (СПб., 1828, с. 317), кончается следующим «нравоучением»:

*Красавицы кокетки!
 Ведь это вам наветки!
 Зачем собою нас прельщать?
 Зачем любовь в нас возбуждать?
 Притворной нежностью и остры-
 ми словами,
 Когда мы нелюбимы вами,
 И если не хотите вы руки своей
 нам дать?
 Вам весело, как мы любовь к
 вам жаждем,
 Смеётесь, как мы страждем,
 Не корчите Фому —
 Не то попасть вам на Кузьму.*

Российская академия отличалась плохими завтраками. Пушкин был избран в Академию 7 января 1832 г. 29 января Вяземский писал Жуковскому: «Пушкин был на днях в Академии и рассказывал уморительные вещи о бесчинстве заседания. Катенин избран в члены и загорланил там. Они помышляют о новом издании Словаря. Пушкин более всего недоволен завтраком, состоящим из дурного винегрета для закуски и разных водок. Он хочет первым предложением своим подать голос, чтобы наняли хорошего повара и покупали хорошее вино французское» (РА, 1900, кн. 1, с. 369).

[^^^]

Пушкин имеет в виду известную парижскую куртизанку Нинон де Ланкло. См. примеч. 8 [правильно «примеч. 7»[120]. — *Прим. lenok555*] к письму 24.

[^^^]

^a (что) отзывается невоспитанностью.

[^^^]

^б вульгарно. (Англ.)

[^^^]

Эти же слова Пушкин применил к замужней Татьяне:

*Она казалась верный снимок
Du comme il faut ...*

*· · · · ·
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
Зовётся vulgar <...>*

(Глава VIII, строфы XIV и XV).

[^^^]

См. примеч. 5[220] к письму 36.

[^^^]

^a На сердце каждого мужчины написано: *самой податливой*.

[^^^]

По-видимому, это цитата из приписываемого Нинон де Ланкло сочинения «La coquette vengée» («Отмщённая кокетка») (1649).

[^^^]

День отъезда Пушкина из Болдина определяется секретным рапортом сергачевского земского исправника губернатору М. П. Бутурлину (в ответ на предписание Бутурлина от 16 октября «иметь секретный надзор за образом жизни и поведением» Пушкина) : «... означенный Пушкин пребывание имел Лукояновского уезда в селе Болдине. <...> во всё время проживания его занимался единственно только одним сочинением, ни к кому к соседям не ездил и к себе никого не принимал; в жизни его предосудительного ничего не замечено; а сего 9 числа он, Пушкин, отправился в столичный город Москву через Санкт-Петербург» (Попов П. Пушкин под надзором в Нижегородской губернии. — В кн.: Пушкин в Болдине. Горький, 1937, с. 113). Проезжая через Москву, поэт останавливался у Нащокина и с литературной Москвой не общался. «Дела», о которых он пишет, — его денежные расчёты с Нащокиным. 28 ноября 1833 г. М. А. Максимович писал Вяземскому: «В проезд Пушкина, кажется, Нащокин был его монополистом; ибо

никто из пишущей братии не поживился им и его уральским золотом. Сделайте милость, нельзя ли достать хоть обломка от его самородков или песчинок несколько, хоть под предлогом таможенной пошлины» (*Стар. и нов.* СПб., 1903, кн. 4, с. 198). Слова Максимовича подтверждает И. В. Киреевский в письме к Н. М. Языкову от 17 января 1834 г.: «Когда он проезжал через Москву, его никто почти не видал. Он пробыл здесь только три дня и никуда не показывался, потому что ехал с бородой, в которой ему хотелось показаться жене. Уральских песен, обещанных перед отъездом туда, он, кажется, ни одной не привёз, по крайней мере мне не присылал» (*ИВ*, 1883, № 12, с. 538—539). [Возврат к примечанию[248]]

[^^^]

^б положение рогоносца.

[^^^]

Брантом (Pierre de Bourdeilles, seigneur de Brantôme) (1527—1614) — французский писатель, автор жизнеописаний знаменитых полководцев, известных красавиц и пр. Пушкин имеет в виду его книгу «Vie des dames galantes» («Жизнь благородных дам»). Один из трактатов, помещённых в этой книге, называется «Sur les dames, qui font l'amour et leur maris cocus» («О дамах, которые занимаются любовью и украшением мужей своих рогами»). В первой фразе этого трактата употреблено слово «cocuage». В библиотеке Пушкина было издание сочинений Брантома (Œuvre du seigneur de Brantôme, nouvelle édition plus correcte que le-précédentes. Paris, 1787. Т. 1—8) (Библ. П., с. 175—176; том 3 этого издания не сохранился).

[^^^]

Лев Сергеевич Пушкин вышел в отставку 17 декабря в чине капитана и за исключением небольшого перерыва (в январе 1833 г. — см.: *Стар. и нов.*, 1906, кн. 9, с. 52) жил в Варшаве, находясь «не у дел». Обстоятельства выхода его в отставку известны, в частности, по дневнику А. Н. Вульфа. В записи от 5 октября 1833 г. читаем: «Сегодня уехал или уезжает мой добрый приятель Лев Пушкин. Судьба сжалилась над ним в особе Аничкова, который увозит его из Варшавы в Петербург. <...> Он жил здесь два года для того, чтобы быть исключённым из службы за неявку в полк (ходатайством фельдмаршала переменили выключку в отставку) и чтобы нажить несколько тысяч долгу, которого никогда не уплатит. Счастье его, что он ещё нашёл приятеля, который его вывез из этого неприятного положения, в котором он бедствовал» (Вульф А. Н. Дневники / Под ред. П. Е. Щёголева. М., 1929, с. 367). Лев Пушкин, проживая зиму 1833/34 г. в Петербурге, вёл беспорядочный образ жизни и делал долги. В 1833 г. он подал прошение о

приёме на службу в Министерство иностранных дел, но канцелярская атмосфера оказалась «не по нутру» бывшему военному. 6 апреля 1835 г. С. Л. Пушкин сообщал дочери: «Мама написала тебе про Леона; его очень тянет в Грузию, впрочем, это, видимо, достаточно выгодно и в отношении его службы. Долги его будут уплачены, Александр берёт их на себя, ибо мне это становится весьма затруднительно» (Левкович Я. По неизвестным письмам. — Звезда, 1974, № 6. с. 186).

[^^^]

Речь идёт о французском короле Луи-Филиппе Оранском, занявшем после Июльской революции 1830 г. место Карла X. Пушкин был противником «нового порядка» во Франции. Подробно об Июльской революции и об отношении к ней Пушкина см.: Томашевский Б. В. Французские дела 1830—1831 гг. в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово. — В кн.: Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Л., 1927, с. 301—361.

[^^^]

О наследстве В. Л. Пушкина см. примеч. 6[221]
к письму 36.

[^^^]

^вПрорвано.

[^^^]

О нежелании Пушкина давать стихи «альманашикам» свидетельствует приведённое выше письмо М. А. Максимовича (издателя альманаха «Денница») к Вяземскому (см. примеч. 2[241] к письму 40). От имени Максимовича к Пушкину обращался и Н. В. Гоголь. В декабре 1833 г. он писал Максимовичу: «Я говорил Пушкину о стихах. Он написал, путешествуя, две большие пьесы, но отрывков из них не хочет давать, а обещается написать несколько маленьких. Я с своей стороны употреблю старание его подгонять» (Гоголь, т. 10, с. 288). Однако ни в «Деннице», ни в каком-либо другом альманахе на 1834 г. ни одно из произведений Пушкина напечатано не было.

[^^^]

Именины Е. И. Загряжской приходились на 24 ноября — Екатеринбургин день. Из записи в дневнике Пушкина известно, что в этот день он был у Екатерины Андреевны Карамзиной (*Акад.*, XII, с. 314).

[^^^]

Н. Н. Пушкина выехала 15 апреля с двумя детьми в Полотняный завод. Дата её отъезда определяется записью в дневнике поэта 16 апреля: «Вчера проводил Н.<аталью> Н.<иколаевну> до Ижоры» (Акад., XII, с. 326). За месяц до этого он писал Нащокину: «Вообрази, что жена моя на днях чуть не умерла. Нынешняя зима была ужасно изобильна балами. На масленице танцовали уж два раза в день. Наконец настало последнее воскресенье перед великим постом. Думаю: слава богу! балы с плеч долой. Жена во дворце. Вдруг, смотрю — с нею делается дурно — я увожу её, и она, приехав домой, — выкидывает. Теперь она (чтоб не сглазить), слава богу, здорова и едет на днях в Калужскую деревню к сёстрам, которые ужасно страдают от капризов моей тёщи» (письмо между 23 и 30 марта 1834 г.: Акад., XV, № 897). Отъезд всё же задержался из-за болезни Н. Н. Пушкиной. [Возврат к примечанию[263]]

Описание дворянского бала 29 апреля см. в письмах 46, 47.

[^^^]

О вызове к графу Литте и сообщении Жуковского Пушкин 16 апреля сделал запись в дневнике, которая почти дословно повторяет текст письма к Наталье Николаевне (*Акад.*, XII, с. 326).

[^^^]

^a Однако ж для придворных кавалеров существуют определённые правила, определённые правила. (....) Вы ошибаетесь: это для фрейлин.

[^^^]

Игра слов: «les règles» значит и «правила» и «регулы». Каламбур К. А. Нарышкина впоследствии был приписан самому Пушкину (см. запись неизвестного лица со слов одного из братьев Н. Н. Пушкиной о том же случае: РС, 1892, № 7, с. 31).

[^^^]

В дневнике Пушкин пишет подробнее: «Однако я не поехал на головомытье, а написал изъяснение» (*Акад.*, XII, с. 326).

[^^^]

Пушкин был пожалован в камер-юнкеры 31 декабря 1833 г. (указ о пожаловании см.: *СПб. вед.*, 1834, 3 января № 2, с. 5). По этому поводу он записал в дневнике 1 января 1834 г.: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры — (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Н.<аталья> Н.<иколаевна> танцевала в Аничкове. Так я же сделаюсь русским Dangeau» (*Акад.*, XII, с. 318). И дальше, в той же записи: «Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством? Доволен, потому что государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным — а по мне, хоть в камер-пажи, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике». Н. М. Смирнов в своих «Памятных записках» рассказывает: «Пушкина сделали камер-юнкером; это его взбесило, ибо сие звание точно было неприлично для человека тридцати четырёх лет, и оно тем более его оскорбило, что иные говорили, будто оно было дано, чтоб иметь повод приглашать ко двору его жену. Притом на сей случай вышел

мерзкий пасквиль, в котором говорили о перемене чувств Пушкина, будто он сделался искателем, малодушен, и он, дороживший своею славою, боялся, чтоб сие мнение не было принято публикою и не лишило его народности. Словом, он был огорчен и взбешен и решился не воспользоваться своим мундиром, чтоб ездить ко двору, не шить даже мундира. В этих чувствах он пришёл к нам однажды. Жена моя (А. О. Смирнова-Россет. — Я. Л.), которую он очень любил и очень уважал, и я стали опровергать его решение, представляя ему, что пожалование в сие звание не может лишить его народности; ибо все знают, что он не искал его, что его нельзя было сделать камергером по причине чина его; что натурально двор желал иметь право приглашать его и жену его к себе, и что государь, пожалованием его в сие звание, имел в виду только иметь право приглашать его на свои вечера, не изменяя старому церемониалу, установленному при дворе. Долго спорили, убеждали мы Пушкина; наконец полубубедили. <...> Вот объяснения его производства в камер-юнкеры, по поводу которого недоброжелатели Булгарин,

Сенковский, литературные его враги, искали помрачить характер Пушкина» (*П. в воспоминаниях*, т. 2, с. 244). Подборку материалов о недовольстве Пушкина своим камер-юнкерством см.: *Дн. Модз.*, с. 79—81; см. также: Крестова Л. В. Почему Пушкин называл себя «русским Данжо»? — *П. Исслед. и мат.*, т. 4, с. 267—277. [Возврат к примечаниям [269] и [400]]

[^^^]

⁶ Пусть уж лучше меня высекут перед всеми,
(как говорит) г-н Журден.

[^^^]

Пушкин неточно (по памяти) цитирует реплику г-на Журдена, героя комедии Мольера «Le bourgeois gentilhomme» («Мещанин во дворянстве», д. 3, сц. 3), который на иронический вопрос своей жены: «N' irez-vous pas l'un de ces jours au collège vous faire donner le fouet à votre âge?» (Не пойдёте ли вы на этих днях в школу, чтобы там, в вашем возрасте, давать себя сечь?) — отвечает: «Pourquoi non? Plût à Dieu d'avoir tout à l'heure le fouet devant tout le monde, et savoir ce qu'on apprend au collège!» (Почему бы нет? Дай бог мне сейчас же быть высеченным на глазах у всех и знать то, чему учат в школе!).

[^^^]

В библиотеке Пушкина было отдельное издание «Литературной корреспонденции» Гримма в 15-ти томах: *Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot depuis 1753 jusqu'en 1790...* Paris, 1829—1831 (см.: *Библ. П.*, № 831).

[^^^]

Речь идёт о ресторане Дюме на Малой Морской улице, в доме Классена (ныне ул. Гоголя, д. 15).

[^^^]

в бифштекс. (Англ.)

[^^^]

Письмо матери Н. Н. Пушкиной Н. И. Гончаровой не сохранилось.

[^^^]

Пушкин напоминает о медицинских указаниях доктора И. Т. Спасского. Беспокойство поэта о здоровье жены объясняется её недавним выкидышем (см. примеч. 1[250] к письму 41; ср. ниже: «третьего выкинула»).

[^^^]

Сёстры Натальи Николаевны А. Н. и Е. Н. Гончаровы жили в это время в Москве (см. примеч. 2[2] к письму 1).

[^^^]

^a бифштекс. (Англ.)

[^^^]

Речь идёт о праздниках по случаю совершеннолетия в. к. Александра Николаевича, будущего Александра II (1818—1881). Пушкин сказался больным, чтобы не присутствовать на церемонии присяги наследника, к чему обязывало его придворное звание (ср. запись в дневнике Пушкина с пометой «среда на святой неделе» — *Акад.*, XII, с. 327).

[^^^]

Павел I. Упомянутый Пушкиным эпизод рассказан П. В. Анненковым как пояснение к записи «Юсупов сад» в программе автобиографических записок поэта (Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, с. 28). Встреча с Павлом I произошла в Юсуповом саду в Петербурге (см.: *Летопись*, с. 5).

[^^^]

Александр I, по распоряжению которого Пушкин был сослан сперва на юг, потом в Михайловское.

[^^^]

Николай I, пожаловавший Пушкина в камер-юнкеры, что ставило 35-летнего поэта в смешное положение (см. примеч. 6[256] к письму 42 [правильно к письму 41. — *Прим. lenok555*]); отсюда ироническое: «в камер-пажи».

[^^^]

Пушкин имеет в виду в. к. Александра Николаевича, наследника, впоследствии Александра II.

[^^^]

Подразумевается Александр I.

[^^^]

Предупреждение Пушкина связано с психическим состоянием Н. А. Гончарова, отца Натальи Николаевны, который с 1834 г. впал в буйное помешательство. [Возврат к примечанию[280]]

[^^^]

В библиотеке в Полотняном заводе, судя по предостережению Пушкина, были собраны эротические издания XVIII в. Пушкин, несколько раз бывавший в имении Гончаровых, занимался в гончаровской библиотеке и хорошо знал её состав. Сохранились воспоминания дворовых о занятиях Пушкина в Полотняном заводе, записанные в конце прошлого века. Раз его видели несущим целый ворох старинных книг. См.: Средин А. Полотняный завод. — Старые годы, 1910, июль — сентябрь, с. 28—29.

[^^^]

О церемониале присяги наследника см.: *СПч.*, 1834, 21 апреля, № 91, с. 361—362; описание самого торжества см.: там же, № 92, с. 365—367; № 93, с. 369—370. В дневнике Пушкина имеется запись о присяге (по-видимому, со слов Е. И. Загряжской), сделанная 25 апреля (у Пушкина: «Среда на святой неделе»). Она характерна рядом иронических замечаний: «Праздник совершеннолетия совершился. Я не был свидетелем. Это было вместе торжество государственное и семейственное. В.<еликий> кн.<язь> был чрезвычайно тронут. Присягу произнёс он твёрдым и весёлым голосом, но начав молитву, принуждён был остановиться — и залился слезами. Государь и государыня плакали также — наследник прочитав молитву кинулся обнимать отца, который расцеловал его в лоб и в очи и в щёки и потом подвёл сына к императрице. Все трое обнялись в слезах. Присяга в Георгиевской зале под знамёнами была повторением первой — и охолодила действие. Все были в восхищении от необыкновенного зрелища. Многие плака-

ли, а кто не плакал, тот отирал сухие глаза, силясь выжать несколько слёз. Дворец был полон народу. <...> Придворные ропщут: их не пустили в церковь, куда, говорят, всех пускали. Всегда много смешного подвернётся в случаи самые торжественные. Филарет сочинял службу на случай присяги. Он выбрал для паремии главу из Книги Царств, где между прочим сказано, что *царь собрал и тысящников, и сотников, и евнухов своих*. К. А. Нар.<ышкин> сказал, что это искусное применение к камергерам. А в городе стали говорить, что во время службы будут молиться за евнухов. Принуждены были слово евнух заменить другим» (Акад., XII, с. 327). Реакция зрителей («кто не плакал, тот отирал сухие глаза») напоминает сцену «Девичье поле. Новодевичий монастырь» в «Борисе Годунове».

[^^^]

О смерти К. К. Мердера см. запись в дневнике Пушкина 25 апреля (*Акад* XII, с. 327) и 3 мая 1834 г. (там же, с. 328).

[^^^]

А. А. Аракчеев умер 21 апреля 1834 г. О его смерти см. запись в дневнике Пушкина 25 апреля, также отмечающую равнодушие, с которым встретило петербургское общество это известие (*Акад.*, XII, с. 327).

[^^^]

Великий четверг в 1834 г. приходился на 19 апреля.

[^^^]

Н. И. Гончарова была в это время в своём имении Яропольце.

[^^^]

Цитата из Псалтыря (псалом 131, стих 1).

[^^^]

См. примеч. 7[272] к письму 43.

[^^^]

Качели и балаганы располагались на Адмиралтейской площади, где на святой неделе устраивались народные гуляния. См. статью «Народные увеселения на святой неделе» (*СПч.*, 1834, 27 апреля, № 93).

[^^^]

Бал, который давало дворянство Петербургской губернии 29 апреля 1834 г. по случаю совершеннолетия наследника в. к. Александра Николаевича в доме Д. Л. Нарышкина (набережная Фонтанки, ныне д. 21), в зале, специально приготовленном для этого случая А. П. Брюлловым. Пушкин на нём не был. 3 мая он записал в дневнике, что бал «очень удался, как говорят — не было суматохи при разъезде, ни несчастья на тесной улице от множества собравшегося народа» (*Акад.*, XII, с. 327—328). См. также: письма 46, 47; *Дн. Модз.*, с. 167—169. [Возврат к примечаниям [290], [295] и [310]]

[^^^]

Л. С. Пушкин, несмотря на отсутствие денег, жил в лучшей в Петербурге гостинице, в доме В. В. Энгельгардта (на углу Невского проспекта и Екатерининского канала, ныне д. 30 на углу Невского проспекта и канала Грибоедова). О. С. Павлицева писала о Л. С. Пушкине мужу: «Вообрази, что он здесь взял первый номер в доме Энгельгардта, за который он платил двести рублей в неделю» (*ПиС*, вып. 17—18, с. 200). Пушкину пришлось выкупать брата из дома Энгельгардта (см.: *П. и мужики*, с. 129, 369; см. также письмо Пушкина к брату от 23—24 апреля 1835 г.: *Акад.*, XVI, № 1094). [Возврат к примечанию[406]]

[^^^]

^a Скажи мне, что ты пьёшь, и я скажу тебе,
кто ты.

[^^^]

Перефразировка шуточного афоризма Брийя-Саварена (A. Brillat-Savarin) из его книги «Physiologie du goût» («Физиология вкуса») (см.: *Библ. П.*, № 1261): «Dis-moi ce que tu manges...» (Скажи мне, что ты ешь) и т. д. Этот афоризм в свою очередь представляет перефразировку старинной поговорки: «Dis-moi qui tu hantes...» (Скажи мне, кого ты посещаешь (или: с кем ты водишься), и я скажу тебе, кто ты).

[^^^]

^б отвар из апельсиновых листьев.

[^^^]

^в *Прорвано.*

[^^^]

р крепкую шутку.

[^^^]

д Прощай. (*Итал.*)

[^^^]

См. примеч. 6[282] к письму 45.

[^^^]

О противопоставлении Петербургского и Московского английских клубов см.: письмо Пушкина к М. П. Погодину от начала апреля 1834 г. (*Акад.*, XV, № 910); см. также *Письма последних лет*, т. 4, с. 217 (коммент. В. Вацуро).

[^^^]

В чём выразилось невнимание и неуважение княгини Т. В. Голицыной к Н. Н. Пушкиной, не установлено.

[^^^]

Речь идёт о характерной черте великосветского быта: артисты-гастролёры, приглашавшиеся для выступлений на светских балах, не рассматривались как полноправные гости. Ср. рассказ А. В. Мещерского о том, какой скандал произвело приглашение им на танец Полины Виардо — знаменитой артистки, выступавшей перед гостями на балу в качестве певицы (см.: РА, 1901, кн. 1, с. 496).

[^^^]

Цитата из молитвы «Отче наш».

[^^^]

См. примеч. 6[282] к письму 45.

[^^^]

Е. П. Бакунина 30 апреля 1834 г. вышла замуж за А. П. Полторацкого.

[^^^]

Это письмо Пушкина неизвестно.

[^^^]

В автографе: приезды.

[^^^]

В Ярополец Н. Н. Пушкина должна была захватить проездом из Москвы в Полотняный завод (калужское имение Гончаровых).

[^^^]

Наталья Николаевна ревновала Пушкина к графине Н. Л. Соллогуб (см. также письмо 52 [Возврат к примечанию[315]]).

[^^^]

^б уже слишком.

[^^^]

Имеются в виду расходы на содержание родителей и выплата долгов Льва Сергеевича. Весной 1834 г. обстоятельства сложились так, что Пушкину пришлось взять на себя нижегородское имение и управлять им. Между 23 и 30 марта он писал Нащокину: «Обстоятельства мои затруднились ещё вот по какому случаю. На днях отец мой посылает за мною. Прихожу — нахожу его в слезах, мать в постеле — весь дом в ужасном беспокойстве. *Что такое? Имение описывают. — Надо скорее заплатить долг. — Уж долг заплачен. Вот и письмо управителя. — О чём же горе? — Жить нечем до октября. — Поезжайте в деревню. — Не с чем. —* Что делать? Надобно взять имение в руки, а отцу назначить содержание. Новые долги, новые хлопоты. А надобно: я желал бы и успокоить старость отца, и устроить дела брата Льва <...>» (Акад., XV, № 897). Несомненно, на решение Пушкина повлияло и желание сохранить Болдино во владении рода Пушкиных (см. письмо 49), да и сам он надеялся, что сможет порвать с Петербургом, «да

подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином» (письмо от 18 мая 1834 г.). Об управлении имением см. примеч. 1[353] к письму 56. [Возврат к примечанию[331]]

[^^^]

О параде 11 мая 1834 г. Пушкин записал в дневнике 12 мая почти в тех же словах: «Вчера был парад, который как-то не удался. Г.<осударь> посадил наследника под арест на дворцовую обвахту за то, что он проскакал га-лопом вместо рыси» (*Акад.*, XII, с. 329).

[^^^]

Наследный принц прусский Фридрих-Вильгельм приехал в Россию 13 июня и пробыл до 1 августа 1834 г. (см. запись в дневнике Пушкина: *Акад.*, XII, с. 331).

[^^^]

Е. Н. и П. И. Мещерские с сыном Николаем, в сопровождении С. Н. Карамзиной, уехали за границу 26 мая 1834 г. Пушкин провожал их до пироскафа (парохода), шедшего из Кронштадта в немецкий порт Любек, от которого начиналось путешествие по Германии (см.: *Дн. Модз.*, с. 186). Путешествие их (по Германии, Швейцарии, Италии) продолжалось больше года (см.: *Карамзины*, с. 29—30). Настроение С. Н. Карамзиной перед отъездом выражено в её письме к И. И. Дмитриеву от 25 мая 1834 г.: «Я еду завтра с Мещерскими на пароходе в чужие края на целый год. Хочу, чтобы последние строки мои были к Вам. Мне грустно неизъяснимо, и всё желание моё путешествовать, и вся радостная физиономия Швейцарии, Италии — всё исчезло в моём воображении и заменилось одной тоскою. Пожалуйста нам счастливого возвращения в милую Россию» (Письма Карамзина к Дмитриеву. СПб., 1866, с. 439—440). [Возврат к примечанию[328]]

[^^^]

Из Яропольца, где Н. Н. Пушкина гостила у матери, она должна была ехать в Полотняный завод.

[^^^]

Пирмонтские воды — минеральные источники в городе Пирмонте (Pyrmont) в западной Германии. Очевидно, воду этих источников можно было получать и в Петербурге.

[^^^]

О перлюстрации письма Пушкина к жене см.
комментарий к письму 43.

[^^^]

М. А. Пушкина родилась 19 мая 1832 г.

[^^^]

О зале в доме Д. Л. Нарышкина см. выше, примеч. 6[282] к письму 45. Концерт с благотворительной целью состоялся 17 мая (см.: *СПч.*, 1834, 17 мая, № 110, с. 437).

[^^^]

Имеется в виду «Песнь на присягу наследника», сочинённая к торжеству присяги Жуковским и положенная на музыку гр. Мих. Ю. Вильгорским (сообщение об этом см.: *СПч.*, 1834, 15 мая, № 108, с. 430; 17 мая, № 110, с. 437; 30 мая, № 121, с. 482).

[^^^]

^a*В автографе: бариным.*

[^^^]

Решение Пушкина выйти в отставку и переехать на жительство в деревню диктовалось свойственным ему всегда стремлением к независимости — материальной, личной и общественной. Пушкин надеялся, что отъезд в деревню поправит его денежные дела, предотвратит разорение семьи, обеспечит будущее детей, а главное — даст возможность спокойно заниматься творческой работой (ср. письма 69, 70). Пожалование в камер-юнкеры и необходимость нести придворную службу утвердили его в намерении уйти в отставку. Начиная с мая, почти во всех письмах к Н. Н. Пушкиной он пишет об отставке, подготавливая жену к этой мысли (см. письма 52, 54, 55, 58).

[^^^]

Из всех писем 1831—1836 гг. Натальи Николаевны к Пушкину до нас дошло только одно, от 14 мая 1834 г., написанное ею вместе с Н. И. Гончаровой во время пребывания у матери в Яропольце.

Приводим письмо Н. И. Гончаровой с припиской Н. Н. Пушкиной в переводе с французского.

Н. И. Гончарова: «Прежде чем ответить на ваше письмо, мой дорогой Александр *Сергеевич*; я начну с того, что поблагодарю вас от всего сердца за ту радость, которую вы мне доставили, отпустив ко мне вашу жену с детьми; из-за тех чувств, которые она ко мне питает, встреча со мной, после 3 лет разлуки, не могла не взволновать её. Однако, она не испытала никакого недомогания; по-видимому, она вполне здорова, и я твёрдо надеюсь, что во время её пребывания у меня я не дам ей никакого повода к огорчениям; единственно, о чём я жалею в настоящую минуту, — это о том, что она предполагает так недолго погостить у меня. Впрочем, раз вы так уговари-

лись между собой, я конечно не могу этому противиться. Я тронута доверием, которое вы мне высказываете в вашем письме, и, принимая во внимание любовь, которую я питаю к Натали и которую вы к ней питаете, — вы оказываете мне это доверие не напрасно, я надеюсь оправдать его до конца моих дней. Дети ваши прелестны и начинают привыкать ко мне, хотя вначале *Маша прикрикивала на бабушку*.* — Вы пишете, что рассчитываете осенью ко мне приехать; мне будет чрезвычайно приятно соединить всех вас в домашнем кругу. Хотя Натали, по-видимому, чувствует себя хорошо у меня, однако легко заметить ту пустоту, которую ваше отсутствие в ней вызывает. До свидания, от глубины души желаю вам ненарушимого счастья. Верьте, я всегда ваш друг».

Приписка Н. Н. Пушкиной: «С трудом я решилась написать тебе, так как мне нечего сказать тебе и все свои новости я сообщила тебе с оказией, бывшей на этих днях. Даже мама едва не отложила своё письмо до следующей почты, но побоялась, что ты будешь несколько беспокоиться, оставаясь некоторое

время без известий от нас; это заставило её побороть сон и усталость, которые одолевают и её и меня, так как мы целый день были на воздухе. Из письма мамы ты увидишь, что мы все чувствуем себя хорошо, оттого я ничего не пишу тебе на этот счёт; кончаю письмо, нежно тебя целуя, я намереваюсь написать тебе побольше при первой возможности. Итак, прощай, будь здоров и не забывай нас» (Акад., XV, № 939).

* Курсивом отмечены слова, написанные по-русски.

[^^^]

См. примеч. 2[300] к письму 48.

[^^^]

О перлюстрации писем Пушкина к жене см.
комментарий к письму 43.

[^^^]

Пушкин выписывал из Парижа книги через магазины Ф. Беллизара (Ferdinand Bellizard) и Пратана (J. Prathan), а также через фирму Бере и Руа (Bere et Roy) (см.: Модзалевский Л. Б. Из архива Пушкина. — *Лит. арх.*, с. 36—37; Сборник статей к сорокалетию учёной деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934, с. 444; *Арх. опеки*, с. 46—51). В 1834—1835 гг., в связи со своими историческими занятиями, Пушкин особенно интенсивно закупал книги. См. письмо к нему Беллизара от 7 августа 1835 г., в котором указывается: «за вычетом всех уплат, от вас поступивших, счёт наших поставок за 1834 г. всё ещё достигает суммы в 1566 руб. 39 коп.» (*Акад.*, XVI, № 1085); в письме от 25 марта 1836 г. Беллизар, представляя новый счёт за 1835 г., снова напоминает Пушкину, что за поставки 1834 г. последний остался должен магазину 1100 руб. (*Акад.*, XVI, № 1162). Эти долги Пушкина были погашены Опекой.

^a Чревовещатель.

[^^^]

Речь идёт о чревовещателе Александре Ватт-маре, который в июне 1834 г. дал в Петербурге, в Александринском театре, четыре представления. Рецензию на них см.: *СПч.*, 1834, № 129.

[^^^]

Возможно, что в этих словах содержится намёк на известные жителям Петербурга обстоятельства установки памятников Петру I (1744 г., скульптор К. Растрелли) и Суворову (1801 г., скульптор М. И. Козловский) и обелиска «Румянцева победам» (1799 г., проект архитектора Бренны): прежде чем найти для них окончательное место, их действительно переносили «с одного конца города в другой, с площади на площадь...» (см.: Медерский Л. Архитектурный облик пушкинского Петербурга. — В кн.: Пушкинский Петербург. Л., 1949, с. 311, 317—318).

[^^^]

321

См. комментарий к письму 43.

[^^^]

^a буквально.

[^^^]

Почти ту же мысль о преимуществе для человека и поэта личной свободы над политической Пушкин выразил в стихотворении «Из Пиндемонте» (1836).

[^^^]

Пушкин имеет в виду чиновников, занимающихся перлюстрацией писем, а также царя, читающего перлюстрированные письма.

[^^^]

Сергей Николаевич Гончаров, брат Н. Н. Пушкиной, некоторое время жил у И. Н. Гончарова, офицера лейб-гвардии Гусарского полка, стоявшего в Царском Селе.

[^^^]

Е. И. и Н. К. Загряжские поселились на даче в Царском Селе.

[^^^]

Речь идёт о Павле Петровиче Вяземском.

[^^^]

См. примеч. 3[305] к письму 49.

[^^^]

27 мая 1834 г. Пушкин представлялся в. к. Елене Павловне. Дневниковая запись повторяет его рассказ, содержащийся в письме; после записи слов Красовского в дневнике следует: «В.<еликая> кн.<ягиня> скорей от него отошла. — Говорила со мной о Пугачёве» (Акад., XII, с. 330).

[^^^]

⁶ Вас, вероятно, очень утомляет обязанность читать всё, что появляется. — Да, ваше императорское высочество, (.....) тем более, что в том, что теперь пишут, нет здравого смысла.

[^^^]

8 июня С. Л. Пушкин писал дочери: «Наш отъезд зависит от Александра. Всё готово, кроме денег, которые он собирался дать нам на дорогу» (Левкович Я. По неизданным письмам. — Звезда, 1974, № 6, с. 187). С. Л. и Н. О. Пушкины уехали на лето в Михайловское 11 июня. Деньги появились не из имения (см. примеч. 4 к письму 480 [Так в книге; видимо, должно быть «примеч. 3[302] к письму 48». — Прим. *lenok555*]) — Пушкин тратил 20 000 руб., полученных в долг от казны на издание «Истории Пугачёва» (см. примеч. 3[334] к письму 54).

[^^^]

Это письмо не сохранилось.

[^^^]

По-видимому, в ответ на письмо Пушкина от 26 мая 1834 г. Наталья Николаевна, не соглашаясь с его доводами о необходимости переезда всей семьёй в деревню, советовала ему одному уехать на осенние месяцы в Болдино для творческой работы.

[^^^]

Речь идёт о ссуде из казны на печатание «Истории Пугачёва». 26 февраля 1834 г. Пушкин обратился с официальной просьбой к Бенкендорфу о ссуде в 20 000 руб. (см.: *Акад.*, XV, № 884). Письмо Пушкина входило в дело III отделения «О выдаче заимообразно 20 т<ыс.>. р. камер-юнкеру двора его величества Александру Сергеевичу Пушкину на издание „Истории Пугачёвского бунта“» (*ИРЛИ*, ф. 244, он. 16, № 101; *Дела III отд.*, с. 243—256). Ссуда была Пушкину выдана. Бенкендорф сообщал ему 4 марта 1834 г.: «На письмо Ваше, от 26 февраля, о выдаче Вашему высокоблагородию заимообразно из казны *двадцать тысяч* рублей ассигнациями за указаны проценты, с тем, что вы, милостивый государь, приемлете на себя обязанность уплатить сию сумму в течении двух лет, по срокам, которые угодно будет назначить начальству, я имел счастье докладывать государю императору. Его величество, изъявив на то соизволение, высочайше повелеть соизволил, выдать вам 20 т<ысяч> рублей на вышеизложенных условиях»

(*Акад.*, XV, № 888). Проект указа о выдаче Пушкину ссуды был подписан Николаем I 16 марта (*Акад.*, XV, № 903), но уже за неделю до этого, 8 марта, М. М. Сперанский записал распоряжение Николая печатать «Историю Пугачёва» на казённый счёт (см.: *ПуС*, вып. 16, с. 78. Подробно об истории публикации труда Пушкина и об отношении к «Истории Пугачёва» Николая I см.: Петрунина Н. Н. Вокруг «Истории Пугачёва». — *П. Исслед. и мат.* Л., 1969, т. 6, с. 229—252). Пушкину пришлось оплатить только часть бумаги. Деньги, полученные по этом, пошли на текущие расходы, погашение неотложных долгов, отправку родителей на лето в деревню и т. д. Во исполнение «условий», на которых были выданы деньги, Пушкин дал Государственному казначейству обязательство о возврате ссуды. По этому обязательству Пушкин, а в случае его смерти — наследники должны были выплатить долг «в течение двух лет по равным частям по истечении каждого года» (*Арх. опеки*, с. 121). Запутанные денежные обстоятельства не позволили Пушкину через год выплатить первый взнос; более того, 26 июля поэт вновь обра-

тился к Бенкендорфу с просьбой о выдаче ему ссуды в 30 000 руб. (см.: *Акад.*, XVI, № 1083). Подробности, связанные с получением этой ссуды, см.: Левкович Я. Л. Из наблюдений над черновиками писем Пушкина. — *П. Исслед. и мат.*, т. 9, с. 137—139. Просьба Пушкина была удовлетворена, но министр финансов Е. Ф. Канкрин распорядился удержать из этой ссуды 10 000 руб. с процентами (см.: *Арх. опеки*, с. 122). Потребовалось распоряжение Николая I, чтобы получить новую ссуду. Тогда же были изменены условия выплаты ссуды, выданной в 1834 г.: она была рассрочена «на четыре года, начиная с 1836 года, без процентов» (*Арх. опеки*, с. 123). Однако к выплате этой ссуды Пушкин так и не приступил, и после его смерти она была (как и другие его долги) сложена со счетов Государственного казначейства (см.: *Арх. опеки*, с. 118—119). [Возврат к примечаниям [331] и [448]]

[^^^]

Пушкин имеет в виду письмо Ломоносова к И. И. Шувалову от 19 января 1761 г., впервые опубликованное в альманахе «Урания... на 1826 год» (М., 1825, с. 54—58), где есть следующие строки: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже́ у самого господа бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет». Ср. цитацию этих слов в главе «Ломоносов» в «Путешествии из Москвы в Петербург» (Акад., XI, с. 254). Ту же очень импонировавшую ему формулу Пушкин вспомнил в дневнике в связи со своим камер-юнкерством (см. запись от 10 мая 1834 г.: Акад., XII, с. 329).

[^^^]

Князь В. П. Кочубей скоропостижно умер в Москве в ночь со 2 на 3-е июня. По поводу известия о смерти Кочубея Пушкин записал в дневнике: «Оно произвело сильное действие; государь был неутешен. Новые министры повесили голову. Казалось, смерть такого ничтожного человека не должна была сделать никакого переворота в течении дел. Но такая бедность России в государственных людях, что и Кочубея некем заменить! <...> Дело в том, что он был человек хорошо воспитанный, — и это у нас редко, и за то спасибо. О Кочубее сказано:

*Под камнем сим лежит граф
 Виктор Кочубей,
 Что в жизни доброго он сделал
 для людей,
 Не знаю, чёрт меня убей.*

Согласен; но эпиграмму припишут мне, и правительство снова на меня надуется» (Акад., XII, с. 331).

С. Л. и Н. О. Пушкины уезжали в Михайловское (см. письмо 53). В приходо-расходных записях Пушкина по управлению Болдиным отмечены денежные выплаты родителям (см.: *П. и мужики*, с. 132, 216, 219; *Рукою П.*, с. 362—374 и след.).

[^^^]

О болезни гр. Фикельмона см. запись в дневнике Пушкина 2 июня 1834 г. (*Акад.*, XII, с. 331).

[^^^]

С 1 сентября 1833 г. до середины августа 1834 г. Пушкины жили на Пантелеймоновской улице в доме Оливье (ныне ул. Пестеля, д. 5), близ Летнего сада, расположенного на другом берегу Фонтанки; один из входов в сад был со стороны Пантелеймоновской улицы.

[^^^]

Вероятно, так Пушкин иронически называет
Е. Н. Гончарову.

[^^^]

^a Я не думала, (.....) что смерть Кочубея так огорчит меня.

[^^^]

Мария Васильевна Кочубей.

[^^^]

Калужским губернатором в это время (с 1 октября 1831 по 17 марта 1837 г.) был Илларион Михайлович Бибииков; жена его — Екатерина Ивановна, урожд. Муравьёва-Апостол (сестра декабристов С. И. и М. И. Муравьёвых-Апостолов).

[^^^]

Невестой Д. Н. Гончарова Пушкин в шутку называет графиню Надежду Григорьевну Чернышёву, которой тот был увлечён. Это увлечение и неудачное сватовство Д. Н. Гончарова Пушкин юмористически описал жене в августе 1833 г. после поездки в Ярополец (см. письмо 27).

[^^^]

Узнав из письма Н. Н. Пушкиной, что она собирается хлопотать о назначении сестёр фрейлинами, Пушкин отнёсся к этому резко отрицательно, опасаясь разговоров, связывающих имя Натальи Николаевны с царём, от которого зависело назначение.

[^^^]

⁶ Вчера на балу госпожа такая-то была решительно красивее всех и была одета лучше всех. (Прощай), госпожа такая-то.

[^^^]

Виельгорский уезжал в Италию к больной жене (см. письмо 54). Л. К. Виельгорская умерла значительно позднее, в 1853 г.

[^^^]

О работе Пушкина в 1843 г. над «Историей Петра I» сохранилось очень мало сведений. В начале апреля 1834 г. Пушкин писал М. П. Погдину: «К Петру приступаю со страхом и трепетом, как вы к исторической кафедре» (*Акад.*, XV, № 910; см. также письмо 52). В это время, по-видимому, он предполагал издавать «Историю Петра» в нескольких частях или томах, по мере их обработки. Но затем эта мысль была оставлена, тем более что печатание «Истории Пугачёва», занявшее вторую половину года, отвлекло всё его внимание (см.: Попов П. С. Пушкин в работе над «Историей Петра». — *ЛН*, т. 16—18, с. 474—479; Фейнберг И. Л. Незавершённые работы Пушкина. 3-е изд. М., 1976, с. 41—59).

[^^^]

«На того» — т. е. на Николая I по поводу перлюстрации писем.

[^^^]

в сущности говоря.

[^^^]

джентельмен. (Англ.)

[^^^]

Пушкин в это время всё более укреплялся в намерении выйти в отставку (см. его письмо к Бенкендорфу от 25 июня 1834 г.: *Акад.*, XV, № 958 и примеч. 2[366] к письму 58).

[^^^]

Взявшись управлять Болдиным, Пушкин рассчитывал поправить дела семьи и спасти родовое имение от разорения. При этом он должен был обеспечивать содержание родным: 6 апреля родители поэта написали в Варшаву своей дочери О. С. Павлицевой, что он взял на себя уплату долгов Льва Сергеевича и выплату ей ежегодного содержания (см.: *ПуС*, вып. 17—18, с. 200, ср.: Левкович Я. Л. По неизвестным письмам. — *Звезда*, 1974, № 6, с. 186). Это сообщение вызвало поток наглых писем Н. И. Павлицева, мужа Ольги Сергеевны, который требовал денежных компенсаций (см.: *Акад.*, XV, № 922, 1008; XVI, № 1035, 1050). Пушкин отказался удовлетворить эти требования до приведения имения в порядок. 4 мая 1834 г. он писал Павлицеву: «Согласясь взять на себя управление батюшкинова имения, я потребовал ясного расчёта долгам казённым и частным, и доходам. Батюшка отвечал, что долгу на всём имении *тысяч сто*, что процентов в год должно уплачивать *тысяч семь*, что недоимок *тысячи три*, а доходов *тысяч 22*. Я

просил всё это определить с большею точно-
стью, и батюшка не успел того сделать сам, я
обратился в ломбард и узнал наверное, что

Долгу казённого 190 750

Что процентов ежегод.<ных> 11 826

Что недоимок 11 045

(Частных долгов полагаю около 10 000)

Сколько дохода, наверное знать не могу,
но полагаясь на слова батюшкины и ставя по
22 000, выдет, что, за уплатою казён.<ных>
процентов, остаётся до 10 000.

Из оных если батюшка положит по 1500
Ольге Серг.<еевне>, да по стольку же Л.<ьву>
Серг.<ееви>чу, то останется для него 7000. Се-
го было бы довольно для него, но есть недо-
имки казённые, долги частные, долги Льва
Серг.<еевича>, а часть доходов сего года уже
батюшкой получена и истрачена.

Покамест не приведу в порядок и в извест-
ность сии запутанные дела, ничего не могу
обещать О.<льге> С.<ергеевне> и не обещаю.
Состояние моё позволяет мне не брать ничего
из доходов батюшкина имения, но *своих* де-
нег я не могу и не в состоянии приплачивать»
(Акад., XV, № 931). Однако выплачивать содер-

жание родителям и рассчитываться с долгами брата ему пришлось. П. Е. Щёголев опубликовал приходо-расходную тетрадь, которую Пушкин вёл в период управления имением, с апреля 1834 г. по июнь 1835 г., когда он отказался от управления (см.: *П. и мужики*, с. 215—228, 126—146; см. также: *Рукою П.*, с. 364—374). Анализ этих записей показывает, что расходы значительно превысили доход от имения. Ещё не получив ничего из доходов, Пушкин в апреле из своих денег заплатил 866 руб. за отца и 1330 руб. за брата. В мае и июне расход ещё увеличился (см.: *П. и мужики*, с. 131—137). 9 июня Пушкин подвёл итог: расходы равнялись 4584 руб., а единственная приходная запись от 8 июня — 400 руб. К этим 400 руб. за всё время управления имением прибавилось только 260 руб. оброку, так как большая часть доходов Болдина отсылалась управляющим в Опекунский совет на уплату процентов за заложенные души. Чтобы раздобыть денег, Пушкин прибегнул к испытанному средству — заложил оставшиеся свободными от залога крепостные души 74 кистенёвских крестьян, за которые он 20 июля полу-

чил 13 242 руб. Однако и эта мера не спасла положение, и в июне 1835 г. Пушкин отказался от управления имением. Тем не менее ему удалось погасить скопившиеся недоимки и спасти имение от угрозы описи и аукционной продажи (см.: Там же, с. 146). [Возврат к примечаниям [302] и [372]]

[^^^]

Неточная цитата из комедии Фонвизина «Недоросль»; у Фонвизина: «Ваше благородие завсегда без дела лаяться изволите» (слова Цыфиркина — д. 3, явл. 7).

[^^^]

Великая княгиня — Елена Павловна (см. письмо 53).

[^^^]

Дежурная фрейлина великой княгини.

[^^^]

Вероятно, здесь содержится намёк на императрицу Александру Фёдоровну — ср. запись в дневнике 8 апреля 1834 г.: «Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уже 35 лет и даже 36» (*Акад.*, XII, с. 324).

[^^^]

^a *Термин карточной игры в бостон.*

[^^^]

Друзья А. О. Смирновой опасались за благополучный исход родов, так как в 1832 г. она при тяжёлых родах потеряла ребёнка (см.: *ОА*, т. 3, с. 211—212). 18 июня 1834 г. Смирнова родила двойню, один ребёнок через несколько месяцев умер, другим была дочь Ольга. [Возврат к примечанию[404]]

[^^^]

Речь идёт о закладе 74 крепостных душ крестьян д. Кистенёво. Пушкин заложил их по совету С. А. Соболевского, который в конце апреля — начале мая 1834 г. прислал ему полученный в Опекунском совете «Счёт по займам Сергея Львовича Пушкина». На обороте этого документа были приведены расчёты самого Соболевского, которые заключались словами: «Так, у тебя останется с первого года 17 000 рублей на платеж 10 или 12 тысяч за Льва и отца и на прокорм отца *за год вперёд*, не считая оставшихся доходов. Есть же тебе из чего печалиться, а Натальи Николаевне дуться?!» (Акад., XV, № 930). Расчёты Соболевского на возможность получить 28 000 не оправдались. На его письме Пушкин сделал помету: «19 июля 1834 заложено на 37 лет 74 души (за удержанием долга) выдано 13,242 р. Платить процент. 900 руб. (за 15,200)». Ср. *Рукою П.*, с. 374—375. [Возврат к примечаниям [371], [389] и [394]]

Пушкин имеет в виду своего лицейского друга М. Л. Яковлева, который в то время был директором типографии II Отделения собственной е. и. в. канцелярии, где печаталась «История Пугачёва». При печатании «Истории» Пушкин нередко советовался с Яковлевым и принимал к сведению его замечания (см. письма Пушкина к Яковлеву за 1834 г. и комментарии к ним Н. Н. Петруниной: *Письма последних лет*, № 46, 50, 58, 59, 64, 65; см. также: Петрунина Н. Н. Вокруг «Истории Пугачёва». — *П. Исслед. и мат.*, т. 6, с. 241—245).
[Возврат к примечанию[390]]

[^^^]

Изменённая цитата из стихотворения Жуковского «Горная дорога» («Туда бы от жизни ушёл, улетел...»).

[^^^]

Анекдот о Д. Н. Гончарове неизвестен.

[^^^]

^б Прощай, жизнь моя, люблю тебя. (*Итал.*)

[^^^]

Петергофский праздник устраивался ежегодно 1 июля, в день рождения императрицы Александры Фёдоровны. В следующем письме к Наталье Николаевне (59) Пушкин ещё раз подтверждает, что не собирается быть на празднике, однако имеется свидетельство В. В. Ленца, относящееся именно к 1834 г., что он всё же там был: «Весь двор длинной вереницей линейек совершал процессию. <...> На одном из этих диванов на колёсах я увидел Пушкина, смотревшего угрюмо (1834). Он только что получил звание камер-юнкера. Кроме членов двора, никто не имел права на место в линейках. Может быть, ему не нравилось это» (Ленц В. В. Приключения лифляндца в Петербурге. — *РА*, 1878, кн. 1, с. 451—452). На петергофском празднике в придворной линейке видел Пушкина и В. А. Соллогуб. Он не указывает дату встречи, но ему запомнилось, что «из-под треугольной шляпы» лицо Пушкина «казалось скорбным, суровым и бледным» (Соллогуб, с. 594). По-видимому, подав прошение об отставке (см. ниже, примеч. 2

[См. след. примечание. — Прим. *lenok555*]), Пушкин не решился пренебречь служебными придворными обязанностями и на праздник явился.

[^^^]

Пушкин уже 25 июня написал Бенкендорфу письмо, в котором, ссылаясь на семейные дела, требующие «присутствия то в Москве, то в провинции», просил «исходатайствовать» ему разрешение «оставить службу» (*Акад.*, XV, № 958). Однако выйти в отставку ему не удалось. Конфликт с правительством, возникший вследствие этого письма, был улажен с помощью Жуковского (о записях в дневника Жуковского, связанных с «делом об отставке», см.: Иезуитова Р. В. Пушкин и «Дневник» В. А. Жуковского 1834 г. — *П. Исслед. и мат.*, т. X, с. 226—241). Ход событий представляется в следующем виде. На просьбу Пушкина Бенкендорф ответил сухим письмом, в котором сообщал, что царь никого не хочет удерживать на службе против воли, но что после отставки Пушкину будет закрыт вход в архивы (см.: *Акад.*, XV, № 965). Это делало невозможным продолжение исторических занятий Пушкина, в частности работы над «Историей Петра». Но ещё до получения ответа Бенкендорфа Пушкин отказался от своего намерения

(см. его письма к Бенкендорфу от 3 июля и к Жуковскому от 4 июля: *Акад.*, XV, № 968, 969; *Письма последних лет*, № 47, 48), так как был предупреждён Жуковским об опасности ссоры с правительством. Жуковский узнал о просьбе поэта от царя, который, видимо, выразил ему своё недовольство отставкой Пушкина. 2 июля Жуковский писал поэту: «Государь опять говорил со мною о тебе». Николай сказал Жуковскому, что он Пушкина «не удерживает», но в случае отставки «всё между нами кончено», добавив при этом, что Пушкин, «может, однако, ещё возвратить письмо своё» (*Акад.*, XV, № 966). Получив письмо Жуковского 2 или 3 июля, Пушкин 3 июля написал Бенкендорфу письмо с просьбой остановить отставку и уже после этого получил ответ Бенкендорфа на своё прошение об отставке, посланный 30 июня (см.: *Акад.*, XV, № 965), а также новое письмо от встревоженного Жуковского, от 3 июля (см.: *Акад.*, XV, № 969). Жуковский предупреждал Пушкина, что он может «повредить себе на целую жизнь», и убеждал поэта написать Николаю I. Пушкин написал 4 июля второе письмо, но, вопреки

совету Жуковского, не самому царю, а снова Бенкендорфу (см.: *Акад.*, XV, № 971), и это письмо Бенкендорф переправил вместе с первым Жуковскому, который снова выразил своё недовольство Пушкину (письмо от 6 июля: *Акад.*, XV, № 973). Он нашёл, что в письме «есть кое-что живое, но его нельзя употребить в дело», ибо в нём Пушкин не пишет ничего о том, хочет ли «оставаться в службе или нет». Первое же письмо поэта, от 3 июля (Жуковский называет его «последним»), в котором он просил, «чтобы всё осталось по-старому», по мнению Жуковского, «так сухо, что оно может показаться государю новой неприличностью». Жуковский искренне верил в доброе отношение царя к Пушкину, просьбу об отставке он рассматривал как проявление горячности поэта, а его стремление к независимости считал неблагодарностью. Вместе с тем Жуковский хорошо понимал, в какое тяжёлое положение поставил бы себя Пушкин своей отставкой, которая не только не дала бы ему независимости, но ещё более усилила подозрительность и надзор III отделения (именно на него Жуковский, идеализируя ца-

ря, возлагал всю ответственность за притеснения, тяготившие поэта).

Результатом увещеваний Жуковского явилось последнее письмо Пушкина к Бенкендорфу, от 6 июля (см.: *Акад.*, XV, № 975). Однако вопрос о «прощении» был решён Бенкендорфом и Николаем I уже раньше, после первой просьбы Пушкина остановить отставку — в письме от 3 июля. Это письмо цитирует Бенкендорф в недатированной докладной записке царю, которую, основываясь на упоминаниях писем Пушкина к Бенкендорфу от 3 июля и к Жуковскому от 4 июля, можно датировать 5 июля. В ней шеф жандармов писал: «Письмо Пушкина ко мне и другое, от него Жуковскому. Так как он сознаётся в том, что просто сделал глупость, и предпочитает казаться лучше непоследовательным, нежели неблагодарным, так как я ещё не сообщал о его отставке ни князю Волконскому, ни графу Нессельроде, то я предполагаю, что Вашему Величеству благоугодно будет смотреть на его первое письмо (от 25 июня) как будто его вовсе не было. Перед нами мерило человека; лучше чтобы он был на службе, нежели

предоставлен себе!!». Резолюция Николая гласит: «Я ему прощаю, но позовите его, чтобы ещё раз объяснить ему всю бессмысленность его поведения и чем всё это может кончиться; то, что может быть простительно двадцатилетнему безумцу, не может применяться к человеку тридцати пяти лет, мужу и отцу семейства» (*Стар. и нов.* СПб., 1903, кн. 6, с. 10—11; подлинник по-французски). Через три недели поэт записал в дневнике: «Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором, — но всё перемолось. Однако это мне не пройдёт» (*Акад.*, XII, с. 331). [Возврат к примечаниям [352], [392], [396] и [446]]

[^^^]

Вскоре после женитьбы Пушкин писал П. В. Нащокину: «Женясь, я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро» (письмо от 7 октября 1831 г.: *Акад.*, XIV, № 687). Однако в 1831 г. он ещё не предвидел в полной мере всех своих расходов. По подсчёту самого Пушкина, сделанному в июне — июле 1835 г., годовые расходы на квартиру, лошадей, кухню, платья и театр составляли 30 тыс. руб. (см.: *Рукою П.*, с. 380—381). Этот подсчёт не исчерпывал всех возможных затрат, так как в мае 1836 г. Пушкин писал Наталье Николаевне о необходимости иметь 80 тыс. руб. доходу (см. письмо 74). Помещичьи доходы Пушкина шли главным образом на содержание родных и на уплату процентов в Опекунский совет (см. письмо 56). «Царское жалованье» (Пушкин получал его с 14 ноября 1831 г.) составляло 5000 руб. ассигнациями в год. Основным источником дохода были литературные заработки. Исчерпывающих данных о размере гонораров Пушкина в 30-е гг. мы не имеем. Известно, что в 1830 г. Пушкин продал

Смирдину право переиздания всех ранее вышедших сочинений на четыре или три с половиной года из расчёта по 600 руб. в месяц, что в 1831 г. он получил от Смирдина 10 тыс. руб. за «Бориса Годунова» и в том же году ещё столько же за «Повести Белкина» (см.: Гессен С. Книгоиздатель Александр Пушкин. Л., 1930, с. 103—120). Были также поступления от продажи «Стихотворений Александра Пушкина» (ч. 1—4) (1829—1835), «Повестей» (1834); большие гонорары платила «Библиотека для чтения» (известно, что за стихотворение «Гусар», напечатанное в № 1 за 1834 г.. Пушкин получил 1000 руб. серебром). Однако гонорары не могли даже в малой степени покрыть расходы семьи. Большой урон наносила Пушкину цензура. В 1833 г. был запрещён «Медный всадник». «Это мне убыток», — писал Пушкин Нащокину (*Акад.*, XV, № 865). Не оправдались надежды на доход от «Истории Пугачёва» (см. примеч. 3[218] к письму 36).

[^^^]

Пушкин имеет в виду мундир камер-юнкера, на котором спереди были нашиты золотые галуны. [Возврат к примечанию[399]]

[^^^]

Аналогичное сопоставление городского и сельского кладбищ содержится в стихотворении «Когда за городом, задумчив, я брожу...» (1836).

[^^^]

Речь идёт о печатании «Истории Пугачёва».

[^^^]

См. примеч. 6[360] к письму 57.

[^^^]

Намёк на сложные денежные отношения с
родными. См. примеч. 1[353] к письму 56.

[^^^]

^aВ автографе: ХОЗЯИНЫМ.

[^^^]

Письмо Пушкина к домовладельцу Оливье неизвестно. О переезде Пушкиных в новую квартиру см. письмо 59.

[^^^]

Николай I.

[^^^]

С. Н. Гончаров был произведён в прапорщики
22 июня 1834 г. [Возврат к примечанию[384]]

[^^^]

Жетоны выдавались членам Российской академии за посещение заседаний, а затем оплачивались. Пушкин состоял членом Академии с 7 января 1833 г. По имеющимся документальным данным, он присутствовал на семи заседаниях в 1833 г. и на одном заседании (8 декабря) в 1834 г. (см.: Модзалевский Л. Б. Пушкин — член Российской академии: По материалам Архива Академии наук СССР. — Вестн. АН СССР, 1937, № 2—3, с. 244—250). Судя по настоящему письму, эти данные, по-видимому, неполны.

[^^^]

^a не иначе.

[^^^]

«История о княжнах» неизвестна.

[^^^]

«История Пугачёва» печаталась в подведомственной М. М. Сперанскому типографии II отделения собственной е. и. в. канцелярии. Книга поступила в набор 5 июля 1834 г.

[^^^]

О петергофском празднике см. в письме 58.

[^^^]

О ссоре Пушкина с Оливье см. в письме 58.

[^^^]

Наталья Николаевна хотела взять сестёр в Петербург, чтобы извлечь их из деревенского заточения, избавить от деспотизма матери и ввести в свет. Пушкин отнёсся к проекту жены неодобрительно (см. письмо 62), но в конце концов не возражал, хорошо представляя тяжёлую обстановку в семье Гончаровых. Ввиду приезда своячениц он снял квартиру на Гагаринской набережной в доме Баташёва (ныне набережная Кутузова, д. 32; см. письмо 63). Е. Н. и А. Н. Гончаровы делили с семьёй поэта расходы по дому. Мать поэта Н. О. Пушкина писала дочери, что сёстры Гончаровы «снимают прекрасный дом пополам с ними. Он <Пушкин> говорит, что это устраивает его в отношении расходов, но несколько стесняет, так как он не любит отступать от своих привычек хозяина дома» (письмо от 7 ноября 1834 г.: *ЛН*, т. 16—18, с. 790). [Возврат к примечанию[402]]

См. примеч. 11[376] к письму 58.

[^^^]

Речь идёт о немце-агрономе Карле Рейхмане, который приехал в Болдино 30 мая 1834 г., а 9 июня уже уехал обратно в Тверь (см. письмо И. М. Пеньковского к Пушкину от 12 июня 1834 г.: *Акад.*, XV, № 952). Причины своего отказа от управления сам Рейхман объяснил в письме Пушкину от 22 июня 1834 г. (см.: *Акад.*, XV, № 956): это запутанность дел, разорение крестьян, злоупотребления Михаила Калашникова. Внезапный приезд Рейхмана на место, занятое недавно назначенным Пеньковским, которого Пушкин ещё почти не знал, очень повредил хозяйству и «обескуражил» Пеньковского (по его словам в указанном письме к Пушкину). Однако хороший отзыв о нём Рейхмана заставил Пушкина сохранить за Пеньковским управление имением. После отъезда Рейхмана Пушкин писал П. А. Осиповой: «Вы не можете себе представить, до чего управление этим имением мне в тягость. Нет сомнения, Болдино заслуживает того, чтобы его спасти, хотя бы ради Ольги и Льва, которым в будущем грозит нищенство».

или по меньшей мере бедность. Но я не богат, у меня самого есть семья, которая зависит от меня и без меня впадёт в нищету. Я принял имение, которое не принесёт мне ничего, кроме забот и, неприятностей. Родители мои не знают, что они на волоске от полного разорения» (*Акад.*, XV, № 978).

[^^^]

Намёк на чтение царём перлюстрированных писем (см. коммент. к письму 43).

[^^^]

Было: а) начато презаба, б) презалаберная.

[^^^]

Намёк на перлюстрацію писем.

[^^^]

См. примеч. 6[360] к письму 57.

[^^^]

См. примеч. 7[361] там же.

[^^^]

Ср. запись в дневнике от 5 декабря 1834 г. о бале у Салтыкова: «N. N. сказала: Voilà M-me Jermolof la sale (Lassale) <Вот г-жа Ермолова грязная>. Ермолова и Курваль (дочь ген. Моро) всех хуже одеваются» (*Акад.*, XII, с. 333). Под «днями отчаянными», очевидно, подразумевается период после декабрьского восстания, когда муж Ермоловой М. А. Ермолов был в отставке (с конца 1825 г. до 29 октября 1832 г.; см.: *Дн. Модз.*, с. 220).

[^^^]

Пушкин имеет в виду Николая I и свою попытку получить отставку (см. примеч. 2[366] к письму 58).

[^^^]

П. А. Плетнёв был преподавателем в. к. Елены Павловны.

[^^^]

С залогом имения было покончено 20 июля.
См. примеч. 6[360] к письму 57.

[^^^]

Подразумевается Николай I.

[^^^]

См. примеч. 2[366] к письму 58.

[^^^]

О письмах Жуковского от 2, 3 и 6 июля (Акад., XV, № 966, 969, 973) см. примеч. 2 к письму 58 [См. пред. примечание. — Прим. *lenok555*].

[^^^]

«Абшид» — отставка (военный термин XVIII в.). См. письмо Бенкендорфа от 30 июня 1834 г. (*Акад.*, XV, № 965).

[^^^]

Т. е. в камер-юнкерском мундире (см. примеч. 4[368] к письму 58).

[^^^]

Речь идёт о придворных балах в «собственном» (Аничковом) дворце для тесного круга приглашённых, близких ко двору и лично к царской семье (в отличие от балов в Зимнем дворце, куда допускался широкий круг дворянства и даже купечество). Своё камер-юнкерство Пушкин связывал с желанием Николая I видеть Наталью Николаевну на этих балах. См. запись Пушкина в дневнике 1 января 1834 г. (приведена в примеч. 6[256] к письму 41). [Возврат к примечанию[543]]

[^^^]

401

Неустановленное лицо.

[^^^]

См. примеч. 6[383] к письму 59.

[^^^]

М. Л. Яковлев мог «отпустить» Пушкина после подписания к печати всей корректуры «Истории Пугачёвского бунта» (письма Пушкина к Яковлеву см.: *Письма последних лет*, № 58, 60, 65 и коммент. к ним Н. Н. Петруниной). «История Пугачёва» была подписана к печати 12 августа 1834 г. [Возврат к примечаниям [416] и [421]]

[^^^]

См. примеч. 5[359] к письму 57.

[^^^]

Вероятно, речь идёт о ежегодном фейерверке в гвардейском лагере в Красном Селе. Ср. письмо С. Н. Карамзиной к Анд. Н. Карамзину от 15—17 июля 1836 г.: «В полночь он (Александр Николаевич Карамзин. — Я. Л.) снова уехал в Красное, куда мы, кажется, собираемся к нему в пятницу. Завтра, в четверг, у них будет большой фейерверк, но мы не поедем им любоваться, тем более, что Александру не удалось достать нам билетов» (*Карамзины*, с. 76).

[^^^]

В приходо-расходной книжке Пушкина 20 июля сделана запись: «За Льва Серг. заплачено Дюме 220 р.». За проигранное братом вино Пушкин заплатил в самый день получения денег из ломбарда под залог кистенёвских крестьян (см. также примеч. 7[283] к письму 45). Кроме того, из графы расходов той же книги видно, что Пушкин 20 июня «выдал» брату 280 р., 23-го заплатил его долг «в Варшаву» — 830 р., 31-го дал ему на проезд до Тифлиса 950 р. Расходы на Льва Сергеевича встречаются и в апреле и в сентябре 1834 г., а также в 1835 г. Приходо-расходная книга Пушкина опубликована П. Е. Щёголевым (см.: *П. и мужики*, с. 215—224); ср.: *Рукою П.*, с. 366, 374.

[^^^]

Квартира в бельэтаже дома Баташёва на Гагаринской набережной (ныне набережная Кутузова, д. 32), в которой Вяземские жили с осени 1832 г. (см.: Пушкинский Петербург. Л., 1949, с. 384), освобождалась ввиду их отъезда (см. ниже, примеч. 2 [См. след. примечание. — *Прим. lenok555*]). В дом Баташёва Пушкины переехали в середине августа 1834 г. и жили там до мая 1836 г. (сперва в бельэтаже, потом этажом выше). Сохранилось два контракта на наём квартиры в доме Баташёва, от 1 мая 1835 г. и 1 мая 1836 г.; второй контракт был расторгнут Пушкиным досрочно, после ссоры с управляющим (см.: *Рукою П.*, с. 788—791). См. также: Яцевич А. Пушкинский Петербург. Л., 1935, с. 63—67. [Возврат к примечаниям [418] и [422]]

[^^^]

В. Ф. Вяземская с детьми уезжала в Италию (объявление об их отъезде см.: *СПб. вед.*, 1834, 5 августа; 14 августа там же сообщалось об отъезде П. А. Вяземского). Заболевшая чахоткой дочь Вяземских Прасковья умерла в Риме 11 марта 1835 г. [Возврат к примечанию [422]]

[^^^]

^a есть животное, по природе своей слабое и болезненное.

[^^^]

Пушкин цитирует «Диалог о женщинах» аббата Фердинанда Галиани, из его книги «Correspondance inédite de l'Abbé Ferdinand Galliani, conseiller du Roi de Naples...» Paris. 1818, vol. 2, p. XXXV). Книга была в библиотеке Пушкина (*Библ. П.*, № 931).

[^^^]

Два тома «Истории Пугачёвского бунта». [Возврат к примечанию[417]]

[^^^]

⁵ Л. С. Пушкин в конце 1832 г. вышел в отставку в чине капитана и с середины октября 1833 г. жил в Петербурге, где, как писал Пушкин жене 6 ноября 1833 г., «бил баклуши» (см. письмо 40) и делал долги. Пушкин был против поступления его в гражданскую службу, считая, что «на седле он всё-таки далее уедет, чем на стуле в канцелярии» (там же). Тем не менее 14 апреля 1834 г. Лев Сергеевич определился чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел, но уже 30 июля подал прошение об отставке, предполагая перейти с гражданской службы в военную. С этим намерением, очевидно, и связана его поездка в Тифлис. 1 августа Н. О. Пушкина писала дочери: «Александр <...> сообщает, что Леон вновь хочет вступить в армию, но сам Лев ничего нам об этом не говорит» (ЛН, т. 16—18, с. 789; письмо Пушкина к родным неизвестно). Однако на военную службу Л. С. Пушкин вернулся только 13 июля 1836 г. и был прикомандирован к Гребенскому казачьему полку (см.: Майков Л. Н. Пушкин. СПб.,

1899, с. 39). [Данная сноска в оригинале книги отсутствует. — Прим. *lenok555*]

[^^^]

Речь идёт о Полотняном заводе, имени Гончаровых, где была в это время Н. Н. Пушкина. Пушкин строит каламбур, имея в виду следующее место из главы III «Истории Пугачёвского бунта»: «Пугачёв наименовал его (Хлопушу.— *Я. Л.*) полковником и поручил ему грабёж и возмущение заводов. Хлопуша оправдал его доверенность» (СПб., 1834, т. 1, с. 37; ср.: *Акад.*, IX, с. 23—24).

[^^^]

См. письмо 59.

[^^^]

Ср. запись в дневнике Пушкина от 22 июля 1834 г.: «Маршал Мезон упал на манёврах с лошади и чуть не был раздавлен Образцовым полком — Арнт объявил, что он вне опасности — под Остерлицем он искрошил кавалергардов — Долг платежом красен» (Акад., XII, с. 331). Жозеф Мезон — участник наполеоновских войн, после отречения Наполеона стал на сторону Людовика XVIII.

[^^^]

См. примеч. 3[403] к письму 62.

[^^^]

417

См. примеч. 4[411] к письму 63.

[^^^]

См. примеч. 1[407] там же.

[^^^]

Вероятно, акварельный портрет, написанный в 1831 г. А. П. Брюлловым.

[^^^]

4 августа Пушкин подал прошение об отпуске на три месяца в Нижегородскую и Калужскую губернии; 15 августа он получил отпуск и выехал из Петербурга 16 или 17 августа. О дне его отъезда позволяет судить письмо Н. О. Пушкиной к О. С. Павлицевой от 7 сентября 1834 г.: «<Лев> написал нам из Москвы очаровательное и очень весёлое письмо, говорит, что он накануне отъезда, это было 21 августа. Он провёл 20 дней в вихре света... был очень удивлён, встретя на одном из этих вечеров Александра, который был только проездом и пробыл в Москве всего 4 часа, он поехал к Наташе...» (ЛИ, т. 16—18, с. 789). Братья могли встретиться в Москве не позднее вечера 20 августа, а чтобы оказаться там в это время, Пушкин должен был выехать из Петербурга вечером 16 или утром 17-го августа (летний путь из Петербурга в Москву занимал примерно четверо суток). См.: *Письма последних лет*, с. 243 (коммент. Н. Петруниной). По возвращении в Петербург Пушкин записал в дневнике 28 ноября: «Я ничего не записывал в течение

трёх месяцев. Я был в отсутствии — выехал из П. Б. за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтобы не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами — моими товарищами — был в Москве несколько часов...» (Акад., XII, с. 332). Открытие Александровской колонны состоялось 30 августа, в день именин Александра I. Таким образом, дата, указанная в дневнике, приблизительная, и в действительности Пушкин уехал не за 5 дней, а почти за две недели до торжества. Приехав в Полотняный завод, Пушкин написал письмо Н. И. Гончаровой, извиняясь перед нею, что он миновал Ярополец. Письмо свидетельствует о том, что отношения поэта с тещей к этому времени смягчились. Приводим его полностью в переводе с французского:

*Милостивая государыня матушка
Наталья Ивановна,
Как я жалею, что на пути моём из Петербурга не заехал я в Ярополец; я имел бы и счастье с Вами свидеться, и сократил бы несколькою верстами дорогу, и миновал бы Москву, которую*

не очень люблю и в которой провёл несколько лишних часов. Теперь я в Заводах, где нашёл всех моих, кроме Саши, здоровых, — я оставляю их ещё на несколько недель и еду по делам отца в его нижегородскую деревню, а жену отправляю к Вам, куда и сам явлюсь как можно скорее. Жена хандрит, что не с Вами проведёт день Ваших именин; как быть! и мне жаль, да делать нечего. Покамест, поздравляю Вас со днём 26 августа; и сердечно благодарю вас за 27-ое (день рождения Н. Н. Пушкиной. — Я. Л.). Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед богом. В Петербурге видался я часто с братом Ив.<аном> Ник.<олаевичем>, а Серг.<ей> Ник.<олаевич> и жил у меня почти до моего отъезда. Он теперь в хлопотах обзаведения. Оба, слава богу, здоровы.

Цалую ручки Ваши и поручаю себя и всю семью мою Вашему благорасположению.

А. Пушкин.

[^^^]

См. примеч. 3[403] к письму 62.

[^^^]

См. примеч. 1[407] и 2[408] к письму 63.

[^^^]

Аналогичная характеристика Москвы дана в «Путешествии из Москвы в Петербург» (Акад., XI, с. 240—241, 246—247), где Пушкин указывает на упадок дворянской Москвы и сравнивает её с Петербургом.

[^^^]

Н. Н. Пушкина была в Москве несколько дней в конце апреля — начале мая 1834 г. проездом из Москвы в Полотняный завод (см. письма 41—47).

[^^^]

425

^a чтобы сделать тебе ребёнка.

[^^^]

⁶ (Ах), мосье, вы доставите мне большое удовольствие.

[^^^]

Е. И. Загряжская проводила лето в Царском Селе вместе с Н. К. Загряжской.

[^^^]

в Господи, да мы все потеряли наших мужей и
однако же утешились.

[^^^]

Корректуру «Истории Пугачёвского бунта».

[^^^]

Пушкин выехал из Москвы 9 сентября вечером. Сообщение об этом имеется в письме А. И. Тургенева к В. А. Жуковскому от 9 сентября: «Везу письмо к поэту Пуш<кину>; он собирается сегодня в Питер или в деревню», и позднее, в тот же день: «Полдень. Пушк<ин> едет в деревню, а жена недели через две в Петербург» (*Письма последних лет*, с. 244).

[^^^]

Николай I с 6 сентября по 25 октября совершал поездку по некоторым губерниям России (см.: *СПч.*, 1834, № 205, 12 сентября; № 244, 27 октября). 16 сентября он выехал из Москвы через Калугу в Орёл (см.: *СПч.*, 1834, № 218, 27 сентября) .

[^^^]

432

^a это очень любезно с его стороны.

[^^^]

Третья болдинская осень прошла для Пушкина без творческого подъёма. Была написана только «Сказка о золотом петушке», как показывает помета в белой рукописи: «Болдино. 20 сент. 1834 10 ч. 53 м» (Акад., III, с. 1121).

[^^^]

Подразумевается С. Д. Безобразов. Ср. в письмах 36, 37.

[^^^]

Пушкин имеет в виду М. В. Васильеву, по мужу Безобразову (муж её — П. Р. Безобразов).

[^^^]

Речь идёт о части Болдина, принадлежавшей В. Л. Пушкину и после его смерти (20 августа 1830 г.) находившейся в Опеке. Так как М. В. Безобразова была незаконной дочерью В. Л. Пушкина и не имела прав на наследование имения, муж её должен был вести переговоры с Пушкиным, сыном законного наследника — С. Л. Пушкина, имевшим доверенность от отца на управление землями Пушкиных. Дело осложнялось тем, что В. Л. Пушкин, стремясь обеспечить будущее М. В. Безобразовой и её матери А. Н. Ворожейкиной, выдал им заёмные письма на 110 тыс. руб. Пушкин, мечтавший о воссоединении обеих частей Болдина, хотел выкупить часть В. Л. Пушкина (см. в письме 40), но это было для него непосильно, и он предпочёл отказаться от наследства. Приезд в Болдино Безобразова означал новый этап этих переговоров, однако они, видимо, оказались бесплодными, и часть В. Л. Пушкина была продана с аукциона; приобрёл её полковник С. В. Зыбин за 220 тыс. руб. (см.: *П. и мужики*, с. 111). [Возврат к примечанию

[221]]

[^^^]

О неоправдавшихся надеждах Пушкина на доход от «Истории Пугачёва» см. примеч. 3 [218] к письму 36.

[^^^]

В своей «челобитной», датированной 15 сентября 1834 г. (см.: *Акад.*, XV, № 999), болдинские крестьяне жаловались Пушкину на М. И. Калашникова, управлявшего Болдиным до И. М. Пеньковского. Возвратясь в Петербург, Пушкин записал в дневнике: «В Зав.<оде> прожил я 2 недели, потом привёз Н.<аталью> Н.<иколаевну> в Москву, а сам съездил в Нижегородскую губернию, где управители меня морочили — а я перед ними шарлатанил, и кажется неудачно...» (*Акад.*, XII, с. 332). Об «управителях» см.: *П. и мужики*, с. 100—116.

[^^^]

^б «Завоевание Англии норманнами».

[^^^]

Сочинение Огюстена Тьерри «Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands <...>, par Augustin Thierry» (Troisième édition. Paris, 1830. Vol. 1—4) сохранилось в библиотеке поэта, см.: *Библ. П.*, № 1433. Пушкин взял его с собою в поездку. Чтение Тьерри, историка новой французской школы, было связано с давним интересом Пушкина к истории западноевропейских (английской и французской) революций и к их истокам, начиная с раннего средневековья.

[^^^]

Вероятно, «Капитанская дочка», над которой Пушкин начал работать с конца января 1833 г. и которую писал в несколько приёмов (см. комментарий Ю. Г. Оксмана в кн.: Пушкин А. С. Капитанская дочка. М., 1964, с. 155—172). Если это так, то речь идёт о ранней редакции романа, не дошедшей до нас. Но не лишена вероятности и другая гипотеза — о том, что в комментируемом письме речь идёт не о «Капитанской дочке», а о «Дубровском» (см.: Петрунина Н. Н. У истоков «Капитанской дочки». — В кн.: Петрунина Н. Н., Фридлиндер Г. М. Над страницами Пушкина. Л., 1974, с. 94).

[^^^]

В библиотеке поэта сохранились издания романов Вальтера Скотта на английском языке — «The Prose Works of Sir Walter Scott» (Paris, 1827, vol. 1, 5, 6), «Tales of ту Landlord» (Paris, 1824), а также несколько томов его поэм и стихотворений (см.: *Библ. П.*, № 584, 1363, 1364, 1369). Кроме того, сохранилось два романа на французском языке — «Reveril du Pic» (Paris, 1824) и «Woodstock» (Paris, 1826) — из полного собрания его сочинений (см.: *Библ. П.*, № 1366, 1368). Что именно из В. Скотта читал Пушкин в Болдине, неизвестно. Ср. в письме 69. [Возврат к примечанию[460]]

[^^^]

См. писъма 59, 63.

[^^^]

На следующий день, 26 сентября, Пушкин уже более определённо писал Н. М. Языкову: «На днях отправляюсь в П.<етер> Б.<ург>» (*Акад.*, XV, № 1006). Выехав из Болдина, по-видимому, около 1 октября, 4 октября в 10 час. утра он приехал в Москву (см.: *ЛН*, т. 58, с. 113) и, пробыв там несколько дней, вернулся около 15 октября в Петербург, на что указывает запись в дневнике 28 ноября: «...воротился к 15-му окт.<ября> в П.<етер>б.<ург>» (*Акад.*, XII, с. 332). Это подтверждается и записью в дневнике А. И. Тургенева от 15 октября: «вечер у Пушкина...» (*РЛ*, 1964, № 1, с. 130). Заезжал ли Пушкин в Ярополец, неизвестно.

[^^^]

Речь идёт об А. М. Языкове, который 26 сентября пробыл у Пушкина «несколько часов» (см. цитированное выше письмо к Н. М. Языкову от 26 сентября 1834 г.).

[^^^]

Получив отпуск на 4 месяца, Пушкин 7 сентября уехал в Михайловское, чтобы поработать в деревне в осенние месяцы, наиболее для него плодотворные. Отъезду его в отпуск предшествовали следующие обстоятельства: пытаясь устроить всё более расшатывающиеся дела семьи, Пушкин решился на издание газеты, а в случае неудачи или отказа собирался просить отпуск на три-четыре года. Газета не была разрешена царём (см. письмо Пушкина к Бенкендорфу от 1 июня 1835 г. и коммент. к нему: *Письма последних лет*, № 106, с. 93—94, 266). Не получив разрешения на газету, он 1 июня писал Бенкендорфу: «Ныне я поставлен в необходимость покончить с расходами, которые лишь вовлекают меня в долги и готовят мне в будущем только тревоги и хлопоты, а может быть — нищету и отчаяние. Три или четыре года уединённой жизни в деревне снова дадут мне возможность по возвращении в Петербург возобновить занятия, которыми я ещё обязан милостям его величества» (*Акад.*, XVI, № 1068; подлинник по-

французски). В том, что после отказа на издание газеты отпуск ему будет разрешён, Пушкин был уверен. В семье вопрос об отъезде считался почти решённым (см. переписку С. Л. и Н. О. Пушкиных с О. С. Павлицевой: *ЛН*, т. 16—18, с. 793—794, и письмо О. С. Павлицевой к мужу: *ПуС*, вып. 17—18, с. 162). На цитированном выше письме к Бенкендорфу от 1 июня имеется резолюция Николая I: «Нет препятствия ему ехать, куда хочет, но не знаю, как разумеет он согласить сие со службой; спросить, хочет ли отставки, ибо иначе нет возможностей его уволить на столь продолжительный срок» (эта резолюция, как и приводимые ниже, даются в переводе на русский язык). Повторилась ситуация 1834 г. (см. примеч. 2[366] к письму 58): уход в отпуск означал немилость и закрытие допуска в архивы. Узнав о резолюции царя, Пушкин 4 июля написал Бенкендорфу: «Предаю совершенно судьбу мою в царскую волю, и желаю только, чтоб решение его величества не было для меня знаком немилости и чтоб вход в архивы, когда обстоятельства позволят мне оставаться в Петербурге, не был мне запрещён» (*Акад.*,

XVI, № 1076). На этом письме Пушкина Бенкендорф, со слов царя, записал: «Есть ли ему нужны деньги, государь готов ему помочь, пусть мне скажет; есть ли нужно дома побывать, то может взять отпуск на 4 месяца». Такое предложение не устраивало Пушкина и только затрудняло его положение. 22 июля он снова пишет Бенкендорфу о расстроенных делах семьи и объясняет, что в течение последних пяти лет проживания в Петербург он задолжал около 60 000 руб. (см.: *Акад.*, XVI, № 1081). На этом письме рукой Бенкендорфа записаны новые условия, которые предлагал поэту царь: «Император предлагает ему 10 тыс. рублей и отпуск на 6 месяцев, после которого он посмотрит, должен ли он брать отставку или нет». Пушкин отказался от предложенной безвозвратной ссуды, попросив дать ему 30 000 руб., чтобы уплатить «долги чести»; при этом поэт просил царя «смотреть на эту сумму как на заём» и «приостановить выплату <ему> жалования впредь до погашения этого долга» (см. письмо к Бенкендорфу от 26 июля 1835 г.: *Акад.*, XVI, № 1083) (о переписке Пушкина с Бенкендорфом по поводу

этого займа см.: Левкович Я. Л. Из наблюдений над черновиками писем Пушкина. — *П. Исслед. и мат.*, т. 9, с. 137—140). Просьба его была удовлетворена. С 17 августа 1835 г. Пушкин получил отпуск на 4 месяца (по 23 декабря) (см.: *Дела III отд.*, с. 161), но уже 23 октября вернулся в Петербург (см. письмо О. С. Павлицевой к Н. И. Павлицеву от 24 октября 1835 г.: *ПуС*, вып. 17—18, с. 184). Вернуться раньше времени его вынудило ухудшение здоровья матери. [Возврат к примечаниям [448], [457] и [473]]

[^^^]

Ср. стихотворение Пушкина «Приметы» (1829).

[^^^]

«Экспедиция» Н. Н. Пушкиной к графине Е. З. Канкриной связана с выплатой Пушкину ссуды (см. выше, примеч. 1[446]). Вместо 30 000 руб. поэт получил только 18 231 руб., так как были удержаны 10 тыс. руб. с процентами в погашение первой ссуды в 20 000 руб., выданной ему в 1834 г. на печатание «Истории Пугачёва» (см. примеч. 3[334] к письму 54). Перед отъездом Пушкин просил министра финансов Е. Ф. Канкрин не удерживать старый долг (см. его письмо к Е. Ф. Канкрину от 6 сентября 1835 г.: *Акад.*, XVI, № 1090). Просьбу Пушкина Е. Ф. Канкрин довёл до сведения Николая I, и на его докладной царь наложил резолюцию: «Исполнить» (см.: *Арх. опеки*, с. 123). Канкрин 10 октября 1835 г. сообщил об этом Бенкендорфу (см.: *Дела III отд.*, с. 168—169) и Пушкину (см. письмо Пушкина к нему от 23 октября 1835 г.: *Акад.*, XVI, № 1103). [Возврат к примечанию[473]]

В. Г. Юрьев — ростовщик, к имени которого Пушкин иронически прибавляет графский титул по аналогии с графом Канкриным.

[^^^]

^a*В автографе описки: однофолицей.*

[^^^]

Пушкин имеет в виду графиню Э. К. Мусину-Пушкину.

[^^^]

Мария Александровна — дочь Пушкиных Маша.

[^^^]

Сёстры Н. Н. Пушкиной А. Н. и Е. Н. Гончаровы. [Возврат к примечаниям [470] и [478]]

[^^^]

Речь идёт об альманахе, который Пушкин задумал издавать совместно с Плетнёвым после того, как в мае 1835 г. ему было отказано в издании газеты (см. письма к Бенкендорфу от апреля — мая 1835 г.: *Акад.*, XVI, № 1065, 1066; ср.: *Письма последних лет*, № 93, 105). По-видимому, для этого альманаха Н. Н. Пушкина 18 августа 1835 г. просила Д. Н. Гончарова прислать 85 стоп бумаги гончаровской фабрики (см.: Яшин М. Пушкин и Гончаровы: По неизвестным эпистолярным материалам. — *Звезда*, 1964, № 8, с. 175—177; ср.: *Ободовская И., Дементьев М.*, с. 169). Письмо Плетнёва к Пушкину не сохранилось; ответное письмо Пушкина написано около 11 октября 1835 г.: *Акад.*, XVI, № 1102). Получив возможность издавать «Современник», Пушкин оставил мысль об альманахе. [Возврат к примечанию [484]]

[^^^]

В Павловске жили родители Пушкина С. Л. и Н. О. Пушкины, от которых Н. Н. Пушкина и могла узнать почтовый адрес Михайловского (ср. письмо 68, где даётся адрес Тригорского). 17 сентября был день именин Н. О. Пушкиной.

[^^^]

Огромное состояние Гончаровых было почти разорено дедом Н. Н. Пушкиной А. Н. Гончаровым, который владел 3450 душами, но оставил после себя около 1,5 млн. долгу. Все имения и недвижимость, включая дом в Москве, были заложены. От залога уцелел только майорат — Полотняный завод, управление которым после смерти А. Н. Гончарова перешло к Д. Н. Гончарову. Сёстрам выделялись ежегодные суммы из доходов, при этом на долю Н. Н. Пушкиной — наименьшая часть. Так, за 1836 г. Наталья Николаевна получила 1210 руб. (см.: Яшин М. Пушкин и Гончаровы, с. 172; там же даются подробные сведения о положении дел в имениях Гончаровых; см. также: Ободовская И., Дементьев М., с. 144). [Возврат к примечанию[475]]

[^^^]

Пушкин имеет в виду отказ царя в отставке и в издании журнала или газеты (см. примеч. 1 [446] к письму 68).

[^^^]

См. примеч. 3[218] к письму 36.

[^^^]

По-видимому, Пушкин взял у Вревских сочинения Вальтера Скотта во французском переводе Дефоконпре (Defausonpret); некоторые тома этого издания, сохранившиеся в библиотеке Пушкина, — быть может, из библиотеки Вревских (см.: *Библ. П.*, № 1366 и 1368). Кроме того, Пушкин пользовался библиотекой в Тригорском, где были сочинения В. Скотта в немецких и французских переводах (см.: Модзалевский Б. Л. Каталог библиотеки села Тригорского. — *ПиС*, вып. 1, № 40, 135, 136, 294, 295).

[^^^]

См. примеч. 2[442] к письму 67.

[^^^]

^a «Опыты» М. Монтеня.

[^^^]

Essais de Michel de Montaigne: Nouvelle édition. Paris, 1828. Vol. 1—4. Книги сохранились в библиотеке Пушкина в разрезанном виде, но заметок в них нет (см.: *Библ. П.*, № 1185).

[^^^]

Петербургское прозвище финнов.

[^^^]

У Пушкиных в это время было уже трое детей.
Сын Григорий родился 14 мая 1835 г.

[^^^]

Бель-сёры (от *франц.* belles-sœurs) — свояченицы, сестры Н. Н. Пушкиной А. Н. и Е. Н. Гончаровы; Пушкин строит каламбур на русской транскрипции французского названия.

[^^^]

Арина Родионовна умерла 31 июля 1828 г. в Петербурге, в доме О. С. Павлицевой. Воспоминанию о ней посвящено в большей своей части стихотворение «...Вновь я посетил» (см. ниже).

[^^^]

Следующим днём (после письма), т. е. 26 сентября, помечена беловая рукопись стихотворения «... Вновь я посетил», в котором есть близкое этому письму описание «знакомых старых сосен»:

*... Они всё те же,
 Всё тот же их, знакомый уху шорох —
 Но около корней их устарелых
 (Где некогда всё было пусто, голо)
 Теперь младая роща разрослась,
 Зелёная семья; кусты теснятся
 Под сенью их как дети...*

Однако грустная нота письма, досада на быстротекущее время в стихотворении замечаются размышлением о мудром законе жизни. [Возврат к примечанию[479]]

[^^^]

Ср. обмен теми же репликами в «Истории села Горюхина», в описании приезда И. П. Белкина в родную усадьбу: «Женщинам говорил я без церемонии: „Как ты постарела“ — и мне отвечали с чувством: „Как вы-то, батюшка, подурнели“» (Акад., VIII, с. 129).

[^^^]

С. Н. Карамзина и Е. Н. Мещерская с мужем и сыном вернулись из путешествия по Германии, Швейцарии, Италии (см. письма 49, 53).

[^^^]

См. примеч. 7[453] к письму 68.

[^^^]

^a бюллетень.

[^^^]

Слухи о предстоящем замужестве графини Полье распространились ещё в 1834 г. (см. запись в дневнике Пушкина 17 марта 1834 г.: *Акад.*, XII, с. 322). Это сообщение оправдалось только в 1836 г.

[^^^]

Намёк на вычет, сделанный Министерством финансов при выдаче Пушкину 30-тысячной ссуды, что противоречило указанию Николая I, а Пушкина ставило в безвыходное положение (см. примеч. 1[446] и 3[448] к письму 68).

[^^^]

Летом 1832 г. Пушкин получил разрешение на издание газеты «Дневник», но не смог им воспользоваться (см. примеч. 7[89] к письму 20). В апреле 1835 г. он снова просил разрешения издавать газету, «во всем подобную „Северной пчеле“», и получил отказ. Не удалось ему и уехать в деревню «на 3—4 года» (см. примеч. 1 к письму 68 [См. ссылку в предыдущем примечании. — *Прим. lenok555*]).

[^^^]

475

См. примеч. 2[456] к письму 69.

[^^^]

У Пушкиных был большой штат прислуги, в том числе четыре горничных, две няни, кормилица (см.: *П. и мужики*, с. 171).

[^^^]

Записка А. П. Керн к Пушкину неизвестна, так же как и письмо к ней А. Н. Вульф, написанное по поручению Пушкина. А. П. Керн, нуждаясь в деньгах, перевела роман Жорж Санд «André». О. С. Павлицева сообщала мужу 9 ноября 1835 г.: «Угадай, что делает Аннета Керн? Она переводит, но что бы ты думал? — Жорж Санд!! Но не ради удовольствия, а для денег. Она просила Александра замолвить за неё слово у Смирдина, но Александр не церемонится, когда надо отказать. Он сказал ей, что совсем не знаком со Смирдиным» (*ЛН*, т. 16—18, с. 795). Однако в письме к мужу от 31 января 1836 г. О. С. Павлицева писала, что А. П. Керн «возится с цензурами, с книгопродавцами» (*ПиС*, вып. 23—24, с. 212). Перевод, по-видимому, не был напечатан, так как в библиографических росписях Смирдина сведений о нём нет. А. П. Керн в своих записках о нём не упоминает. Слова Пушкина о том, что Керн — «верный список с М^d Sand» содержит язвительный намёк на невысокую нравственную репутацию обеих, с одной стороны, отра-

жающий распространённое в обществе мнение об одной из главных представительниц современной французской романистики, с другой — имеющий в виду ревнивое отношение Н. Н. Пушкиной к А. П. Керн. См. в кн.: Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960, с. 421—422.

[^^^]

478

См. примеч. 7[453] к письму 68.

[^^^]

Установить, что именно было написано Пушкиным в Михайловском осенью 1835 г., с точностью невозможно; точно датировано этим временем лишь стихотворение «...Вновь я посетил» (см. примеч. 2[467] к письму 70). Но можно предполагать, что Пушкин в «михайловскую осень» 1835 г. был занят рядом замыслов в стихах и в прозе, ни один из которых не был доведён до конца; к ним относятся обращения к Плетнёву и другим друзьям о возможности продолжения «Евгения Онегина» (последний набросок — «В мои осенние досуги» — помечен в перебелённом автографе: «[15] 16 <сент>ября»), «Я думал, сердце позабыло», перевод из Барри Корнуолла «О бедность! затвердил я наконец...», «Если ехать вам случится» и некоторые другие. Возможно, что к этому времени относятся и наброски драматических произведений на темы из истории западноевропейского феодализма: «От этих знатных господ», «И ты тут был?». По-видимому, в Михайловском написаны первые главы повести «Египетские ночи» и, возмож-

но, повесть «Мария Шонинг». Но большая часть этих датировок предположительна.

[^^^]

Нераскрытый намёк. [Возврат к примечанию
[483]]

[^^^]

От Е. М. Хитрово, связанной с дипломатическими кругами, Пушкин получал новейшие политические известия. Другим источником политических новостей был Английский клуб.

[^^^]

^б Благодарю ваших сестёр.

[^^^]

«Расписаться» Пушкину так и не удалось. Около (не позднее) 11 октября он писал Плетнёву: «В ноябре я бы рад явиться к Вам; тем более, что такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось. Пишу, через пень колоду валю. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен» (*Акад.*, XVI, № 1102). 23 октября Пушкин вернулся в Петербург (см. письмо О. С. Павлицевой к мужу от 24 октября 1835 г.: *ПиС*, вып. 17—18, с. 184). Ср. примеч. 9[480] к письму 71.

[^^^]

Речь идёт об издании альманаха (см. примеч. 8[454] к письму 68).

[^^^]

Пушкин выехал в Москву для занятий в Архиве Коллегии иностранных дел и по делам «Современника», по-видимому, 29 апреля (предыдущим днём датировано его письмо к А. Н. Мордвинову: *Акад.*, XVI, № 1181).

[^^^]

^a Квартира у него щегольская.

[^^^]

К. П. Брюллов в 10-х числах января 1836 г. по распоряжению Николая I вернулся в Москву из Италии, где он пробыл 13 лет. Первое время Брюллов жил у писателя А. А. Перовского, от которого переехал к художнику-любителю Е. И. Маковскому. Вот как изображает причины переезда современник: «А. А. Перовский движимый рвением отстранять всё то, что могло бы помешать занятиям художника, приказал отказывать всем этим близким (т. е. друзьям, приходившим навещать Брюллова. — Я. Л.). Когда Брюллов узнал об этом, в ту же минуту, не думавши захватить чемоданов, ни даже белья, приехал к Маковскому, жившему в Кремле, и прожил у него две недели» (Рамазанов Н. Материалы для истории художеств в России. М., 1863, кн. 1, с. 186; ср.: Воспоминания Е. И. Маковского о К. П. Брюллове, бывшем в Москве в 1836 году. — В кн.: К. П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников / Сост. Н. Г. Машковцев. 2-е изд. М., 1961, с. 129). После Маковского Брюллов жил у скульптора И. П. Витали (в до-

ме Демидова на Кузнецком мосту), где и познакомился с ним Пушкин. Какие рисунки Брюллова видел поэт, неизвестно. Портрет Н. Н. Пушкиной, который он собирался заказать Брюллову, написан не был. Е. И. Маковский записал рассказ И. Т. Дурнова об одной встрече Пушкина с Брюлловым. «Дурнов рассказывал, — пишет Маковский, — что, навещавши К. П. не так здорового в квартире г. Перовского, встретил там А. С. Пушкина. У них шёл оживлённый разговор, что писать из русской истории. Поэт говорил о многих сюжетах из истории Петра Великого. К. П. слушал с почтительным вниманием. Когда Пушкин кончил, К. П. сказал: „я думаю, вот какой сюжет просится под кисть“ — и начал объяснять кратко, ярко, с увлечением поэта, так что Пушкин завертелся и сказал, что он ничего подобного лучше не слышал и что он видит картину писанную перед собою. Дурнов не сказал, какой сюжет» (Воспоминания Е. И. Маковского о К. П. Брюллове..., с. 129). [Возврат к примечаниям [518]] и [544]

По-видимому, речь идёт об А. И. Клиндере.

[^^^]

См. примеч. 4[59] к письму 16.

[^^^]

⁶ *Прорвано.*

[^^^]

Пушкин имеет в виду Ф. И. Толстого, через которого весной 1829 г. сделал предложение Н. Н. Гончаровой.

[^^^]

Так называли редакцию и сотрудников журнала «Московский наблюдатель». Многие из них были друзьями Пушкина, он считал их своими союзниками и обращался к ним за сотрудничеством (например, к М. П. Погодину и Н. М. Языкову; см. письма к ним от 14 апреля 1836 г.: *Акад.*, XVI, № 1174, 1175). В дальнейшем направление «Московского наблюдателя» наметило разногласия между его участниками и Пушкиным. Для Пушкина была неприемлема салонно-аристократическая ориентация журнала, демонстративно противопоставившего себя не только «Библиотеке для чтения», но и «Телескопу» и «Молве», руководящая роль в которых принадлежала Белинскому. Несмотря на расхождения с «наблюдателями», поэт рассчитывал, находясь в Москве, завербовать среди них сотрудников для «Современника», однако это ему не удалось (см. письмо 77). Никто из членов редакции не принял участия в его журнале. Из произведений сотрудников «Московского наблюдателя» в «Современнике» было напечатано

только одно стихотворение Баратынского (в 3-м томе) и «Жар-птица» Н. М. Языкова (во 2-м томе), но и Баратынского и Языкова в это время направление «Московского наблюдателя» не удовлетворяло полностью. Сотрудничество в «Современнике» М. П. Погодина было незначительным. [Возврат к примечанию[524]]

[^^^]

в тринадцать.

[^^^]

Намёк на роман Бальзака «Histoire des treize» («История тринадцати»), бывший тогда новинкой.

[^^^]

Речь идёт о продаже «Современника» в Москве. По-видимому, наладить продажу журнала московскими книгопродавцами Пушкину не удалось. 8 октября 1836 г. А. А. Краевский писал М. П. Погодину: «Говорил я Пушкину о присылке в Москву Современника на комиссию. Он отвечал ни то, ни сё. Беззаботность его может взбесить и агнца!» (ЛН, т. 16—18, с. 717). [Возврат к примечанию[498]]

[^^^]

Дочь П. А. и В. Ф. Вяземских Мария 22 мая 1836
г. вышла замуж за П. А. Валуева.

[^^^]

Архив Коллегии иностранных дел, где Пушкин собирался искать материалы для «Истории Петра». [Возврат к примечанию[523]]

[^^^]

См. примеч. 8[495] к письму 73.

[^^^]

А. С. Хомяков 5 июня 1836 г. женился на младшей сестре Н. М. Языкова Екатерине.

[^^^]

Случай с пощёчиной, данной будто бы П. Л. Савельевым командиру Кавалергардского полка Р. Е. Гринвальду, неизвестен. По-видимому, устная молва в искажённом виде передавала рассказ о ссоре Савельева со штабс-капитаном Горголи в ноябре 1835 г. за игрой в карты, когда Савельев обвинил Горголи в шулерстве.

[^^^]

Намёк на Николая I.

[^^^]

502

^a к красавице-брюнетке.

[^^^]

Случай с А. Н. Карамзиным, о котором пишет Пушкин, неизвестен и, вероятно, выдуман самим Пушкиным. «Прекрасная брюнетка» — очевидно, Н. Н. Пушкина.

[^^^]

Весной 1836 г. Щепкин готовил в Москве постановку «Ревизора». В феврале 1836 г. Гоголь обещал быть в апреле — мае в Москве и прочесть комедию актёрам (см. его письмо к М. П. Погодину от 21 февраля 1836 г.: *Гоголь*, т. 11, с. 35). После неудачной, как ему казалось, постановки комедии в Петербурге (19 апреля) на сцене Александринского театра Гоголь отказался руководить постановкой в Москве (см. его письмо к Щепкину 29 апреля 1836 г.: Там же, с. 38). Щепкин не только сам горячо убеждал Гоголя приехать в Москву (см.: Щепкин М. С. 1788—1863. Записки, письма, рассказы. СПб., 1914, с. 169—170), но и обратился за помощью к Пушкину. Строки из письма Пушкина, написанные для передачи Гоголю, совпадают с письмом Щепкина.

[^^^]

Содержание «пакета» для «Современника» неизвестно; возможно, в нём находилась заметка «Уведомление», касающаяся И. И. Дмитриева (*Совр.*, 1836, т. 2, с. 310).

[^^^]

Пушкины в начале 1836 г. сняли дачу на Каменном острове в доме Доливо-Добровольского (ныне участок дома 20/18 по набережной Большой Невки). См.: Яшин М. Дача на Каменном острове. — Нева, 1965, № 2, с. 187—203.

[^^^]

Пушкины с середины августа 1834 г. жили в доме Баташёва на Гагаринской набережной. 1 мая датирован новый контракт на 1836/37 г., подписанный Пушкиным перед отъездом из Петербурга (см.: *Рукою П.*, с. 788—789). [Возврат к примечанию[533]]

[^^^]

Речь идёт об организации продажи «Современника» в Москве, у К. А. Полевого, Ширяева, Глазунова и др. Практичная Наталья Николаевна беспокоилась, что Пушкин организует продажу «Современника» на невыгодных условиях.

[^^^]

Неточная цитата из «Ревизора» — слова из письма Хлестакова к Тряпичкину: «Судья Ляпкин-Тяпкин ужасный мове-тон», а также из реплики судьи о значении этого «французского слова»: «Ещё хорошо, если только мошенник, а может быть и того ещё хуже» («Ревизор», д. 5, явл. 8, ред. 1836 г.; см.: *Гоголь*, т. 3, с. 456).

[^^^]

Пушкин благодарит В. Ф. Одоевского за хлопоты, связанные с печатанием второй книги «Современника». Сохранилось письмо Одоевского к Н. Н. Пушкиной от 10 мая 1836 г. с рядом вопросов к Пушкину по поводу печатания журнала (см.: *Акад.*, XVI, с. 232; см. также примеч. 2[536] к письму 78). Из этого письма видно, что Одоевский уже обращался к жене поэта по хозяйственным делам «Современника» — вероятно, в устной беседе; содержание этой беседы Наталья Николаевна и сообщила в письме, на которое отвечает Пушкин.

[^^^]

Отрывки из записок Н. А. Дуровой были напечатаны во втором томе «Современника».

[^^^]

Возможно, что Наталья Николаевна по просьбе Одоевского запрашивала Пушкина, помещать ли во втором томе «Современника» стихи А. В. Кольцова. В этом томе напечатано его стихотворение «Урожай». Ничего из произведений Гоголя здесь помещено не было (повесть «Нос» вошла в третий том журнала). Может быть, однако, речь касается статьи о «Ревизоре», которую должен был написать сам Одоевский. Но в письме от 10 мая последний сообщил Н. Н. Пушкиной, что «завален срочною работою, так что не успел даже написать статьи о Ревизоре, что необходимо» (*Акад.*, XVI, с. 232). Статья была написана Вяземским.

[^^^]

Т. е. в Архив Коллегии иностранных дел, директором которого был А. Ф. Малиновский.

[^^^]

Пушкин намекает на свои разногласия с М. Ф. Орловым в кишинёвский период своей жизни.

[^^^]

Книга А. Д. Черткова «Воспоминание о Сицилии» (М., 1835—1836. Ч. 1, 2). Отзыва на эту книгу в «Современнике» не появилось.

[^^^]

^a по-родственному.

[^^^]

Имеются в виду письма из Парижа А. И. Тургенева, напечатанные под названием «Париж. (Хроника русского)» в первом томе «Современника», где сообщались новости парижской политической, общественно-литературной и театральной жизни. Сопоставление имеет, конечно, иронический смысл по отношению к Москве, не любимой Пушкиным.

[^^^]

Об отношениях А. А. Перовского с Брюлловым
см. примеч. 2[487] к письму 73.

[^^^]

В автографе: показываю.

[^^^]

Н. Рамазанов передаёт разговор Пушкина с Брюлловым по поводу эскиза к этой картине: «Когда А. С. Пушкин, посетивши К. П., заметил ему, что картина, произведённая по этому эскизу, может стать выше Последнего дня Помпеи, он отвечал: Сделаю выше Помпеи!» (Рамазанов Н. Материалы для истории художеств в России. М., 1863, кн. 1, с. 185—186).

[^^^]

Н. Н. Пушкина родила дочь Наталью 23 мая, за несколько часов до возвращения Пушкина. 27 мая Пушкин писал Нащокину: «Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь, и на пороге узнал, что Нат.<алья> Ник.<олаевна> благополучно родила дочь Наталью за несколько часов до моего приезда. Она спала. На другой день я её поздравил и отдал вместо червонца твоё ожерелье, от которого она в восхищении. Дай бог не сглазить, всё идёт хорошо» (Акад., XVI, № 1201).

[^^^]

Г. А. Пушкин родился 14 мая 1835 г.

[^^^]

См. примеч. 1[497] к письму 74.

[^^^]

См. примеч. 7 [правильно «примеч. 6»].[492] —
Прим. lenok555] к письму 73.

[^^^]

Род карточной игры.

[^^^]

В № 126 «Прибавлений к С.-Петербургским ведомостям» от 7 июня имя Брюллова упоминается среди приехавших в Петербург с 23 по 28 мая. Возможно, что он ехал вместе с Пушкиным (см.: Яшин М. Дача на Каменном острове, с. 192—193).

[^^^]

По-видимому, лепить бюст Пушкина собирался скульптор И. П. Витали, в доме которого в это время жил К. П. Брюллов и куда заходил Пушкин. Однако только после смерти поэта Витали вылепил его бюст по заказу П. В. Нащокина. См. в письме к нему П. А. Вяземского от 24 мая 1837 г.: «Вы, говорят, имеете прекрасный бюст незабвенного нашего друга. Если поступили уже в продажу слепки с него, то пришлите сюда их несколько, а в особенности один на моё имя» (*ЛН*, т. 58, с. 146).

[^^^]

Е. М. Языкова.

[^^^]

^a не красавица, (но) хорошенькая фигурка.
(Искажённый франц. яз.)

[^^^]

Намёк на плохое знание французского языка Гнедичем, любившим употреблять французские выражения. Следует: «une belle femme» и «figurette».

[^^^]

Вероятно, А. С. Норов.

[^^^]

Возможно, А. А. Башилов (1807—1854) или К. А. Бахтурин (1809—1841). См.: Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929, с. 370.

[^^^]

См. примеч. 10[507] к письму 74.

[^^^]

В автографе: какого-то.

[^^^]

26 мая — день рождения Пушкина.

[^^^]

В бумагах Нащокина было найдено письмо В. Ф. Одоевского к Н. Н. Пушкиной, которое содержало сведения о хозяйственных делах «Современника» и просьбу передать мужу, что «его присутствие здесь (т. е. в Петербурге. — Я. Л.) было бы необходимо» (Акад., XVI, Приложение № 1). Местонахождение письма свидетельствует, что Наталья Николаевна переслала его в Москву и что настоящее письмо Пушкина является одновременно и ответом на письмо Одоевского (см. коммент. Р. В. Иезуитовой: *Письма последних лет*, № 174). [Возврат к примечанию[510]]

[^^^]

Речь идёт о части доходов семейства Гончаровых, которую должна была получать Наталья Николаевна. Дела семьи с 1832 г. были в ведении старшего брата Дмитрия Николаевича Гончарова (о фактической выплате денег Н. Н. Пушкиной см.: Яшин М. Пушкин и Гончаровы. — Звезда, 1964, № 8, с. 172; см. также: Ободовская И., Дементьев М., с. 144). По-видимому, Наталья Николаевна хотела просить Н. И. Гончарову назначить ей содержание; в целесообразности этого намерения Пушкин, как видно из данного письма, сомневался.

[^^^]

^a в интересах мсье Дюрье и мадам Сихлер.

[^^^]

Дюрье и Сихлер — владельцы модных магазинов в Петербурге. Намёк на то, что суммы, получаемые Н. Н. Пушкиной от Гончаровых, идут исключительно на её наряды.

[^^^]

Пушкин пишет о дуэли между А. Ф. Апрелевым и Н. М. Павловым, состоявшейся 26 апреля 1836 г. в день свадьбы Апрелева с Надеждою Кобылиной. Павлов — брат обольщённой Апрелевым девушки — смертельно ранил своего противника.

[^^^]

Красный Кабачок — трактир под Петербургом.

[^^^]

Этот намёк Пушкина неясен.

[^^^]

На балы в Аничковом дворце в Петербурге приглашался только узкий круг близких ко двору лиц (см. примеч. 7[400] к письму 61).

[^^^]

О Брюллове см. примеч. 2[487] к письму 73.

[^^^]

«Порядочным человеком» — т. е. ещё не журналистом.

[^^^]

⁶ Вы не оправдали (обманули).

[^^^]

Из этих слов Пушкина следует, что он считал Н. А. Полевого агентом III отделения. В действительности Полевой (в отличие от Булгарина) не был связан с III отделением.

[^^^]

Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и её сестёр Е. Н. и А. Н. Гончаровых / Вступ. ст. Д. Д. Благого; Под ред. Д. Д. Благого. М.; 1975; То же. 2-е изд., доп., 1978. Статья напечатана также в переработанном и расширенном виде в кн.: *Благой Д. Д. Душа в заветной лире: Очерки жизни и творчества Пушкина*. 2-е изд. М., 1979, с. 392—476.

[^^^]

Благой Д. Д. Душа в заветной лире, с. 394—395.

[^^^]

Щёголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. СПб., 1916; 3-е изд., доп., 1928.

[^^^]

Кроме уже указанной работы «Погибельное счастье» см. также его статью «Лампада чистая любви» (Лит. Россия, 1982, 8 янв., № 2, с. 16—17).

[^^^]

Благой Д. Новые неустанные поиски, новые ценные находки. — В кн.: *Ободовская И., Дементьев М.* После смерти Пушкина: Неизвестные письма. М., 1980, с. 10—11.

[^^^]

Тынянов Ю. Н. Проблемы стихотворного языка. Л., 1924, с. 123.

[^^^]

См.: *Левкович Я. Л.* Из наблюдений над черновиками писем Пушкина. — В кн.: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979, т. 9, с. 123—140.

[^^^]

Тынянов Ю. Н. Проза Пушкина. — Лит. современник, 1937, № 4, с. 191.

[^^^]

Плетнёв П. А. Сочинения. СПб., 1885, т. 3, с. 524.

[^^^]

См.: *Левкович Я. Л.* Незавершённый замысел Пушкина. — *РЛ*, 1981, № 1, с. 134—136.

[^^^]

Ляцкий Е. А. А. С. Пушкин и его письма: Сборник журнала «Русское богатство» / Под ред. Н. К. Михайловского и В. Г. Короленко. СПб., 1899, с. 141.

[^^^]

Сиповский В. В. А. С. Пушкин по его письмам. — В кн.: Памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1902, с. 457—458.

[^^^]

См.: Семёнко И. М. Письма Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Собр. соч. М., 1962, т. 9, с. 389—407.

[^^^]

Щёголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследования и материалы. 3-е изд. М.; Л., 1928, с. 50.

[^^^]

Ободовская И., Дементьев М. Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной / Пер. с франц. И. Ободовской. — Лит. Россия, 1971, 23 апр.; см. также: Пушкинский праздник: Спец. вып. Лит. газ. и Лит. России, 1971, 2—9 июня, с. 10; *Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина. Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и её сестёр Е. Н. и А. Н. Гончаровых. М., 1975, с. 155—180.

[^^^]

Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л., 1960, с. 81.

[^^^]

Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина, с. 177.

[^^^]

Крестова Л. В. Почему Пушкин называл себя «русским Данжо»? (К вопросу об истолковании «Дневника»). — В кн.: Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1962, т. 4, с. 267—277.

[^^^]

Пушкин А. С. Отрывки из писем, мысли и замечания. — Северные цветы на 1828 год. СПб., 1827, с. 208—226.

[^^^]

Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. 1799—1826. СПб., 1874, с. 515.

[^^^]

Там же.

[^^^]

Сиповский В. В. Пушкин по его письмам. — В кн.: Памяти Л. Н. Майкова, с. 455—468.

[^^^]

Айхенвальд Ю. И. Пушкин. 2-е изд. М., 1916, с. 26.

[^^^]

Эйхенбаум Б. М. Проблемы поэтики Пушкина. — В кн.: Пушкин. Достоевский. Пб., 1921, с. 89.

[^^^]

Лежнев А. Л. Проза Пушкина: Опыт стилового исследования. М., 1937, с. 181.

[^^^]

Там же, с. 44—45.

[^^^]

См.: Там же, с. 45.

[^^^]

См.: Малаховский В. А. Лексика писем Пушкина. — Учён. зап. / Куйбыш. пед. и учит. ин-т, 1938, с. 4—36.

[^^^]

Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетнёвым. СПб.,
1896, т. 1, с. 400.

[^^^]

Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин.
Биография писателя: Пособие для учащихся.
Л., 1981, с. 202.

[^^^]

О культуре двуязычия в пушкинскую пору см.: Маймина Е. Е. Стилистические функции французского языка в переписке Пушкина и в его поэзии. — В кн.: Проблемы современного пушкиноведения: Межвуз. сб. науч. тр. Л., 1981, с. 58—63.

[^^^]

Щёголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина, с. 230.

[^^^]

Там же, с. 245.

[^^^]

«Следы прошлого всегда обожай». (*Латин.*) —
Перевод цитаты из «Фиваиды» Публия Папи-
ния Стация (песнь XII, ст. 817).

[^^^]

Подробно о первой публикации писем Пушкина и откликах на неё см.: *Измайлов Н. В.* Тургенев — издатель писем Пушкина к Н. Н. Пушкиной. — В кн.: Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1969, с. 399—416.

[^^^]

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Письма. Л., 1966, т. 12, кн. 1, с. 279. (Приводятся мнения И. П. Арапетова и Г. Е. Благосветова.)

[^^^]

Там же, с. 300.

[^^^]

Там же, с. 302.

[^^^]

М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912, т. 3, с. 352—353.

[^^^]

См.: *Левкович Я. Л. Письма.* — В кн.: Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966, с. 352.

[^^^]

См.: *Маймин Е. А.* Дружеская переписка Пушкина с точки зрения стилистики. — В кн.: Пушкинский сборник. Псков, 1962, с. 77—87.

[^^^]

Гофман М. Л., Лифарь Сергей. Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой: Юбилейное издание. 1837—1937. Париж, 1935.

[^^^]

Энгель С. Г. Где письма Натальи Николаевны Пушкиной? — Новый мир, 1966, № 11, с. 272—279.

[^^^]

Житомирская С. В. К истории писем Н. Н. Пушкиной. — Прометей. М., 1971, кн. 8, с. 148—165.

[^^^]

Отрывок из этого письма впервые публикуется в статье С. В. Житомирской.

[^^^]

Незадолго до выхода альманаха «Прометей» со статьей С. В. Житомирской М. Дементьев опубликовал письмо Российской книжной палаты от 30 окт. 1920 г. в Госиздат, где в перечне изданий, намеченных «к техническому исполнению <...> в первую очередь», упоминаются (так же как и в ряде документов, приводимых в статье Житомирской) «Письма Н. Н. Пушкиной — 3 печ. листа». М. А. Дементьев считает это письмо «чрезвычайно важным документом», даже «на сегодня единственным документом, который подтверждает, что письма Н. Н. Пушкиной действительно хранились в Румянцевском музее и действительно готовились к печати» (М. А. Дементьев. Ещё о письмах Пушкину его жены. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1970, т. 29, вып. 5, с. 47—48). Раскрывая инициалы в аналогичных документах, Житомирская читает: «Письма Наталье Николаевне Пушкиной» (т. е. письма поэта к жене, которые действительно хранились в Румянцевском музее). Правильность такого прочтения подтверждает совокуп-

НОСТЬ ПРИВОДИМЫХ ЕЮ ДОВОДОВ.

[^^^]